АНДРЕАС ГРУБЕР

КОВЧЕГ ИУДЫ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Ковчег Иуды
Андреас Грубер

Аннотация
Андреас Грубер. Ковчег Иуды
Часть 1. Возвращение. Понедельник, 8-е сентября
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
Ретроспекти́ва I. Грайн-ам-Гебирге, 1937
Часть 2. Окружение. Вторник, 9-е сентября
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
Ретроспекти́ва II. Грайн-ам-Гебирге, 1937

Часть 3. Открытие. Среда, 10-е сентября
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
Ретроспекти́ва III. Грайн-ам-Гебирге, 1937 год
Часть 4. Отступление. Четверг, 11-е сентября
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
Ретроспекти́ва IV. Грайн-ам-Гебирге, 1937 год
Часть 5. Расплата. Пятница, 12-е сентября
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
ГЛАВА 33
ГЛАВА 34
Эпилог. Камера
ОБ АВТОРЕ
БИБЛИОГРАФИЯ

Аннотация

В отрезанном от мира горном селении Грайн обнаруживают жестоко изуродованное тело четырнадцатилетней девочки. Расследование поручают венскому комиссару Александру Кёрнеру и его группе. Для Кёрнера это не просто очередное дело: он вырос в Грайне и много лет избегал возвращения туда, стараясь забыть мрачные события собственной юности. Первые улики не складываются в привычную картину преступления, а эксгумации прежних жертв указывают на пугающую закономерность. Пока следователи пытаются понять, кто и зачем охотится на подростков, непрерывные ливни вызывают наводнение, разрушают дороги и мосты и полностью изолируют деревню. Замкнутое пространство усиливает недоверие между полицией и местными жителями, многие из которых явно что-то скрывают. Кёрнеру приходится одновременно противостоять серийному убийце, враждебности родного места и тайнам, уходящим в далёкое прошлое. Постепенно криминальное рас-

следование сталкивается с необъяснимыми явлениями, а граница между человеческим преступлением и древним ужасом становится всё менее отчётливой.

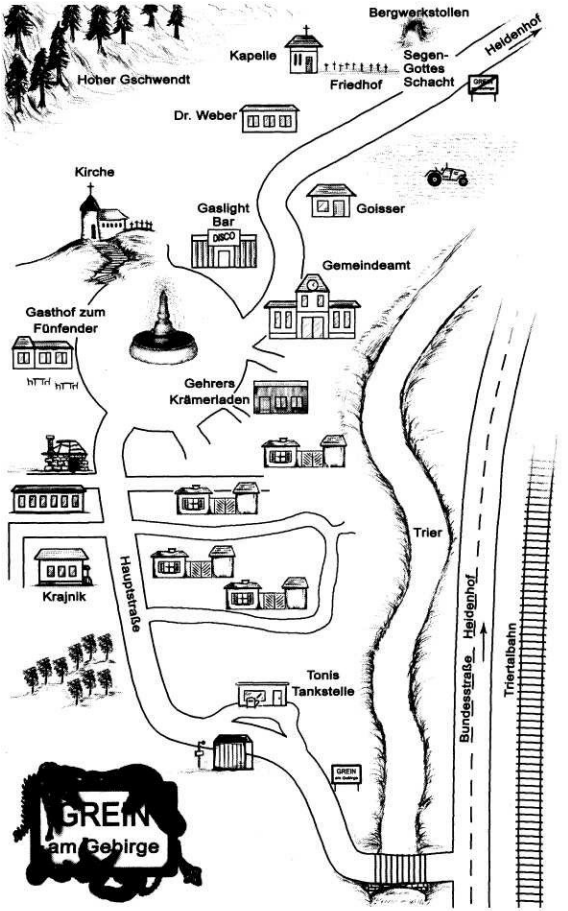
Андреас Грубер
Ковчег Иуды

для Хайдемари

Andreas Gruber
Der Judas-Schrein
1. Auflage April 2005
Eine Festa Originalausgabe
© dieser Ausgabe 2005 by Festa Verlag, Leipzig

Druck und Bindung: Finidr. s.r.o.
Alle Rechte vorbehalten
ISBN 3-935822-83-9

Перевод: Глеб Григорьев


Hoher Gschwendt
Kapelle
Friedhof
Bergwerkstollen
Segen-
Gottes
Schacht
Heidenhof
Dr. Weber
Kirche
Gaslight
Bar
DISCO
Goisser
Gemeindeamt
Gasthof zum
Fünfender
Gehrers
Krämerladen
Trier
Krajnik
Hauptstraße
Tonis
Tankstelle
Bundesstraße
Heidenhof
Triertalbahn
GREIN
am Gebirge

Часть 1. Возвращение
Понедельник, 8-е сентября

ГЛАВА 1

Управление земельной жандармерии в третьем районе Вены походило на списанную казарму.

Мрачная громада из красно-бурого кирпича с зарешечёнными окнами тяжело вырастала из городского бетона. В этом ветхом здании уже много лет размещался криминальный отдел Нижней Австрии. На массивной деревянной двери едва заметно поблёскивала эмблема отдела убийств.

Люди, прячась под зонтами, спешили мимо — через лужи к стоянке такси, к автобусам и трамваям, чьи токоприёмники высекали в низком сером небе искристые дуги.

Над городом уже несколько дней висели чёрные дождевые тучи, и дождь лил без передышки. На мягкое бабье лето никто больше не надеялся: слишком холодно и сыро закончились выходные, слишком безрадостно началась новая неделя… А для Александра Кёрнера она обещала стать самой мрачной из всех.

Кёрнер перекинул мокрое пальто через руку и стремительно, почти по-волчьи, зашагал по третьему этажу управления.

Здесь пахло известью, сырым деревом и про-

мозглым холодом. Скрип его ботинок гулко отдавался в лестничной клетке. Как же он ненавидел этот путь. Он вёл к палачу — и никак иначе.

Последние дни вымотали его до предела. Он почти не ел, работал без передышки и заметно осунулся. Брюки обвисли на коленях и держались лишь на туго затянутом ремне. Даже чёрный свитер, заправленный в пояс, не спасал положения.

Чтобы хоть немного сгладить впечатление от собственного жалкого вида, он с утра принял душ и тщательно выбрился. Всё-таки ему предстояло явиться пред начальственные очи. Накануне вечером он едва не пустил под откос и жизнь, и карьеру — из-за провала, которого не простили бы даже новичку. А ему — тем более.

Он торопливо взглянул на большие настенные часы над входом в отдел: 8:25. Опоздал. Сотрудники убойного отдела наверняка уже закончили оперативку. Теперь всё их внимание достанется ему.

Сейчас начнётся. Набросятся, как гиены.

Кёрнер машинально одёрнул пиджак, сунул руку в карман брюк и толкнул дверь. В кабинете пахло кофе и сигаретным дымом.

— А вот и он, — прошептал кто-то.

И в ту же секунду стало тихо. Только потрески-

вала рация. Швайгер и Кречмер, склонившиеся над выдвинутыми ящиками, подняли головы. Брайтнер затягивал наплечную кобуру. Зедлак собирал в стопку папки — и все разом замерли, уставившись на него.

— Ну что, Кёрнер, «глок» при тебе?

По комнате прокатился приглушённый смешок.

— Или твою пушку уже можно купить на чёрном рынке?

Началось.

Он пропустил замечания мимо ушей и, не здороваясь, пошёл между столами — мимо копира, мимо стендов с бумагами. Некоторые сотрудники отводили глаза. Но были и другие — те, для кого он стал лёгкой добычей и кто не упускал случая вцепиться в него. Кречмер был из таких.

— Ты теперь всех подозреваемых укладываешь ударом ребром ладони, Кёрнер?

— Если хочешь избавиться от напарника, сунь его в группу к Кёрнеру. Там у него хорошие шансы схлопотать пулю в ногу.

Брайтнер потуже подтянул ремень кобуры. Слова его звучали насмешливо, но во взгляде не было и тени веселья. Он пытался вывести Кёрнера из себя? Или просто срывал на нём злость?

Кёрнер не собирался это выяснять. Оставив гиен за спиной, он направился к кабинету Ютты Корен.

Лишь когда пальцы легли на дверную ручку, он почувствовал, что ладонь покрыта холодным потом. Быть на ножах с людьми из собственного отдела было хуже, чем оказаться в блоке для особо опасных преступников — пусть даже и с жетоном на груди.

Он чувствовал, как сдаёт самообладание, хотя настоящая пытка только начиналась.

Глубоко вдохнув, он вошёл в кабинет начальницы.

Даже здесь, в этой крохотной комнате с высокими стенами, пахло деревом и влажной известью. Но сквозь тяжёлый дух пробивалась тонкая нота женских духов — почти роскошь среди казённых коридоров старой казармы. На полках теснились папки с делами. На столе стояли три телефона, к каждому была прилеплена жёлтая записка. На стене висели фотографии предшественников Корен в рамках. Она сама завершала эту длинную галерею седовласых господ в тёмных костюмах в тонкую полоску.

— Закройте дверь, Кёрнер. Садитесь.

Ютта Корен стояла к нему спиной и смотрела

в окно. Дождь стекал по стёклам, а в сером однообразии уличного движения вспыхивали фары машин и неоновые вывески универмагов.

Кёрнер остался стоять. В стекле он видел собственное отражение: угловатое лицо, редеющие волосы, остриженные машинкой почти под ноль. Ему было без малого сорок один. Залысины, как он полагал, даже придавали ему некоторую выразительность.

Но ни жёсткая внешность, ни пронзительные карие глаза, ни редкая улыбка, на которую он ещё порой был способен, сейчас не могли ему помочь. Ютта Корен его уничтожит — в этом он не сомневался. Вопрос был только в одном: чем это кончится? Сомнения подтачивали его изнутри и не дали спать полночи.

Гранд-дама криминальной полиции не спешила. Склонив голову, она всё так же молча смотрела в окно. Корен была на десять лет старше него, чертовски привлекательна и по-спортивному подтянута, со смугловатой кожей и неизменно безупречным макияжем. Как всегда, она выглядела безукоризненно.

На ней был серый брючный костюм. Руки она сцепила за спиной и постукивала тонким каблуком по паркету, будто решала, с чего начать — со

сдержанности или с ярости.

— Уже пять лет я возглавляю отдел убийств, мошенничества и похищений, — тихо произнесла она, не оборачиваясь, будто говорила сама с собой, провожая взглядом трамвай за окном. — Я работаю по шестнадцать часов в сутки, семь дней в неделю. В мире, где по-прежнему правят мужчины, я не имею права на ошибку. С тех пор как заняла эту должность, я стараюсь отличаться от коллег-мужчин: много работаю, стараюсь быть справедливой и не участвую в интригах. Именно поэтому в этом здании против меня играют со всех сторон. До сих пор я держалась по двум причинам: сильная команда и выдающиеся результаты. Таковы правила игры.

Значит, решила начать издалека, — подумал Кёрнер.

Жёсткий разговор был бы даже проще: в этой показной мягкости таилась особая опасность. Но к чему это вступление? К чему она его подводит?

— Скажу вам откровенно. — Она обернулась и посмотрела на него холодными глазами. Лоб прорезали складки, от обычной улыбки не осталось и следа. — Ваше дело может сломать мне шею. В земельном управлении только и ждут повода выставить меня из этого кабинета. И всё же я вас

прикрываю — пока могу.

— Я…

— Не надо. — Голос её стал жёстче. На лоб упала седая прядь. — И наконец сядьте.

Кёрнер бросил пальто на спинку стула, но сам остался стоять. Он опустил голову и уставился на рубец на тыльной стороне ладони. Остальная часть старой раны скрывалась под свитером и пиджаком.

Корен оставила его упрямство без внимания и продолжила уже ровнее:

— Новак был старым лисом, серым кардиналом убойного отдела. Многие метили на его место. После него вы стали одним из самых молодых старших инспекторов. И что же вы делаете в своём первом деле в этом качестве? Выезжаете на операцию с оружием, снятым с предохранителя.

Проклятый пистолет. Да, этого он и ждал.

Накануне вечером он вёл переговоры с предполагаемым убийцей, которого они зажали на восьмом этаже многоэтажного дома. «Глок» висел в кобуре, снятый с предохранителя. Пиджак был распахнут, и он наклонился к подозреваемому.

— Я…

— Вы подставили под удар всю группу. Буквально сунули оружие подозреваемому под нос.

Только идиот не попытался бы его выхватить. Итог: один тяжело раненный сообщник, один раненый сапёр, и доктор Соня Бергер из вашей группы тоже получила ранение. Но хуже всего другое: вы кулаком раздробили этому человеку кадык. Он в коме, чёрт бы вас побрал. А его адвокат сегодня утром уже связался с прессой.

— Что я, по-вашему, должен был делать? Этот тип открыл огонь, а в другой руке держал взрыватель. У него было пятеро заложников, весь дом был заминирован, и…

— Это следующий пункт. Где детонаторы?

— Изъяты. Лежат в багажнике моей машины. Я указал это в рапорте.

— Знаю. В этом вашем проклятом рапорте. — Она раздражённо повела рукой, словно отталкивая саму мысль. — Ваше объяснение лежит в управлении со вчерашнего вечера. На будущее: прежде чем что-то объяснять, сначала советуйтесь со мной. Если, конечно, у вас вообще будет это будущее, — устало добавила она. — На вас висит не только дисциплинарная жалоба. Командующий земельной жандармерией Бейк собирается возбудить официальное разбирательство и пустить в ход всё, что можно. Вы понимаете почему?

Она не стала ждать ответа.

— Он был совсем не рад тому, что место Новака досталось именно вам. Предпочёл бы видеть на посту старшего инспектора своего протеже. А теперь у него есть на вас материал — и для него это подарок. Всё идёт к тому, что вас вызовут на судебное слушание. Я посмотрю, что можно сделать. Командующий требует, чтобы до этого момента я отстранила вас от службы. Но решать пока ещё мне. Я сказала ему, что вы нужны мне по одному крайне важному делу.

Корен сцепила руки за спиной и пристально посмотрела на Кёрнера.

Он сглотнул.

— Но у меня нет никакого дела.

Она глубоко вдохнула.

— Теперь есть.

Выдвинув ящик стола, она с сухим стуком бросила перед ним тонкую папку с факсовой распечаткой.

— Только что пришло. Труп. Девочка, тринадцать-четырнадцать лет. Жестоко изуродована.

Она выждала, но Кёрнер не шевельнулся. Он молча смотрел на бледно-зелёную обложку папки и скрученные листы, торчавшие из неё.

— Убийство в провинциальной дискотеке.

Здесь фотографии. Откройте. Посмотрите.

Почему она просто не отстранила меня? Брайтнер, Швайгер, Кречмер — да кто угодно справился бы с этим делом. В крайнем случае Зедлак.

Но едва он начал перелистывать снимки, как у него свело спину.

В тот же миг он понял, почему на место преступления она отправляет именно его.

На отвратительных чёрно-белых копиях, полученных по факсу, виднелся фасад дискотеки: навес из дранки, деревянные столбы, заколоченные окна. Штукатурка осыпалась со стены, под подоконником скапливалась дождевая вода. По цифровой метке на краю снимка он понял, что фотографию сделали всего полчаса назад.

На следующих кадрах были внутренние помещения бара: столы, стулья, стойка, засаленные половицы и тёмные балки с гирляндой лампочек. Тело различалось смутно. Оно лежало ничком, лицом вниз. Блузка на девочке была разорвана, спина обнажена.

Рядом с телом он различил контуры металлической конструкции. Она напоминала сварной стальной каркас — словно инсталляцию безумного художника: скамья, верёвки, блоки.

Нахмурившись, он вернулся к первому снимку и снова всмотрелся в фасад.

— Где? — спросил он, хотя уже и сам знал ответ.

Во рту пересохло.

Корен села и опёрлась локтями о стол.

— В посёлке на границе Нижней Австрии и Бургенланда, в горах Розалия.

Она внимательно наблюдала за ним; он уловил её взгляд краем глаза.

— Я знаю эту дискотеку, — пробормотал он, будто не вполне отдавая себе отчёт в сказанном.

— Я в курсе, — ответила она. — Это бар «Газлайт» в Грайн-ам-Гебирге.

Кёрнер попытался сглотнуть, но горло словно сжималось всё сильнее. Он закрыл папку и отложил её в сторону.

— Отстраните меня. Туда я не поеду.

Он хотел, чтобы это прозвучало равнодушно, но слова прозвучали ломко. Невольно он перевёл взгляд на бледно-красный рубец на тыльной стороне ладони. И, словно по команде, старая ожоговая рана запульсировала, будто так и не зажила до конца.

— Кёрнер, ради бога. Будьте благоразумны. Вы мой лучший сотрудник. Мне, по-вашему, послать

туда Брайтнера и Кречмера? Вы знаете местных, знаете эту местность. Вы там выросли.

— Я не был там двадцать семь лет.

— Значит, освежите старые знакомства. Добудьте мне первые серьёзные результаты. Покажите управлению, на что вы способны.

Тяжело вздохнув, он снова взял факсовые листы и ещё раз пролистал их.

— Снимки какие-то странные. — Он повернул рулон и посмотрел на цифровую отметку. — Кто их сделал?

— Фотограф из *Rundschau*. Он приехал на место вместе с журналисткой.

Кёрнер нахмурился.

— И как они там так быстро оказались?

— Я забыла сказать: тело обнаружила именно журналистка.

— Вот как… Значит, нашли труп и сразу всё отсняли. Может, заодно уже и убийцу успели допросить?

— Кёрнер, оставьте сарказм.

Он тут же посерьёзнел.

— Что журналистке делать в этой богом забытой дыре?

— Понятия не имею. Вот и выясните. Рольф Филипп из криминалистической лаборатории уже

едет туда. С ним я отправила Кралица со всем его фотооборудованием. Советую вам выдвигаться немедленно. Если выедете сейчас, к десяти будете на месте. — Она взглянула на часы. — К вечеру я жду первые результаты.

К вечеру? Чёрт.

Он и без того подозревал, что день будет скверным. Но чтобы настолько… Хуже, казалось, уже некуда.

— Мне как можно скорее нужно заключение судмедэксперта. Кто сегодня дежурит?

Кёрнер быстро пробежал взглядом по зелёным строкам настольного календаря.

Корен усмехнулась. В этой усмешке сквозило чистое, ничем не прикрытое злорадство.

— Яна Сабриски.

— О боже. Только не это.

— Что вы имеете против женщин?

— Ничего. — Кёрнер вскинул руку, словно защищаясь. — Просто сегодня не мой день, — пробормотал он. — Я лишь хотел сказать, что, возможно, нам стоило бы…

— Послушайте. — Голос Корен сделался приторно-сладким. — Мы, конечно, можем настоять на Курте Зайзере или Гюнтере Марксе. Но скажу вам одно: Яна Сабриски — лучшая. Нам ещё повезло,

что именно сегодня утром у неё началось суточное дежурство. И то, что вы когда-то с ней спали, вовсе не означает, что вы не способны вместе работать над делом.

У Кёрнера перехватило дыхание. Он почувствовал, как кровь бросилась в лицо. *Откуда, чёрт возьми, она об этом знает?*

— Я…

— Совет вам дам не как начальница, а как человек: отделяйте работу от личной жизни. Тогда не будете вляпываться в такие истории.

Кёрнер сжал кулак в кармане брюк.

— Вы отправляете меня обратно туда, где я вырос, а вдобавок навязываете мне в судмедэксперты бывшую сожительницу.

Корен улыбнулась. Как же он ненавидел это самодовольное выражение.

— Предыдущее дело вы провалили с треском. Не забывайте: именно это расследование спасает вас от отстранения. Большего я для вас сделать не могу. Либо вы едете туда и привозите мне первые зацепки, либо сдаёте жетон и оружие, освобождаете стол — и в понедельник мы встречаемся в суде.

Кёрнер промолчал. Он собрал фотографии, взял пальто и направился к двери.

— Кёрнер. И не забудьте сдать изъятые детонаторы в отдел криминалистики. Дворшак ждёт их — ему нужно писать отчёт.

— Да. Сегодня вечером.

Он вышел из кабинета, не попрощавшись, и с силой захлопнул за собой дверь.

Снаружи уже поджидали гиены. Они впились в него жадными взглядами.

— Эй, Кёрнер! Отстранили? — крикнул Кречмер.

Кёрнер покачал головой.

— Хуже.

И вышел из здания.

Моросящий дождь лёг на булыжники Гарнизонного переулка жирной скользкой плёнкой. В лужах дрожали неоновые отсветы окон пятнадцатиэтажного здания из стекла, стали и бетона.

Кёрнер направил чёрный Audi в свободный карман у тротуара и опустил стекло. Омерзительное утро понедельника. В салон тотчас хлынул холод, на пассажирское сиденье закапала вода. Из радио лилась какая-то попса — нелепая, совершенно неуместная в такую погоду.

Кёрнер не глушил двигатель и смотрел на подъездную рампу Венской городской клинической больницы. У приёмного покоя с включёнными

маячками стояли три машины Красного Креста. Раздвижные двери были распахнуты, санитары ввозили внутрь людей на каталках.

Накануне вечером, после того как захват заложников завершился полным крахом, здесь, должно быть, происходило то же самое. Кёрнер отогнал это воспоминание.

Он заметил молодую женщину в синей парке. Держась за перила, она спускалась по изогнутой лестнице с рампы к улице, словно искала опоры. Он мигнул фарами. Женщина подняла воротник, втянула голову в плечи и, лавируя между лужами, побежала к машине.

Кёрнер распахнул дверь. Фыркая от холода и дождя, она опустилась на сиденье.

— Доброе утро. — Она расстегнула молнию на парке, тряхнула светлыми волосами и стёрла воду с лица. — Чудесная осенняя погода. Дождь на вкус как свинец.

Доктор Соня Бергер несколько лет назад получила диплом криминального психолога. С тех пор как три недели назад Кёрнера назначили старшим инспектором, она работала в его группе. И именно из-за его промаха накануне её ранили — впервые за всю карьеру.

Кёрнер знал, что помимо службы в уголовной

полиции она читает лекции в Венском университете и время от времени пишет статьи для профессиональных изданий. Её задачей было составление психологических профилей преступников, и справлялась она с этим более чем достойно, хотя, на его вкус, порой слишком глубоко уходила в работу.

По мнению Кречмера, в свои тридцать она была ещё слишком молода и видела недостаточно изуродованных трупов, чтобы сделаться такой же циничной, как остальные в отделе. Кёрнер надеялся, что до этого не дойдёт и она сохранит свой свежий пыл.

И всё же он опасался, что её энтузиазм скоро упрётся в глухую стену, когда она поймёт: уголовное расследование — не увлекательная игра, а печальная необходимость. Как и большинство её старших коллег, она, вероятно, сделает выводы: сократит преподавание в университете и перенесёт центр своей жизни в криминальную полицию.

Тогда она станет одной из них — сбившейся с пути, ожесточённой, настороженной. Кёрнеру хотелось верить, что именно это дело её не сломает.

— Что с вами?

— Ничего. — Он покачал головой.

Её обычно безупречный макияж размазался в уголках глаз, а волосы до плеч были уложены уже не так тщательно, как всегда. Она выглядела так, словно провела в больнице всю ночь. Ясный блеск её поразительно голубых глаз, который ему так нравился, сменился усталой тусклостью.

Она слабо улыбнулась. Он ответил тем же и мельком посмотрел на разорванное плечо её парки. Ткань была располосована, подкладка подпалена. Похоже, ночью она и впрямь не побывала дома.

— Как вы себя чувствуете?

Она поморщилась.

— Не так уж страшно. Просто касательное ранение. Края раны обработали и зашили. Через два дня сниму повязку и заклею всё пластырем для душа.

Она показала узкий кожаный футляр и тут же убрала его в карман куртки.

— Но пульсирует адски. — Она выдавила из блистера обезболивающую таблетку и проглотила её. — Швы снимут через восемь дней.

Кёрнер включил поворотник, выехал с парковки и влился в утренний поток.

— Мне очень жаль.

— Не стоит. Я же жива. — Она попыталась улыбнуться. — Получить пулю — тоже своего рода опыт. Может, я даже статью об этом напишу.

Но тут лицо её посерьёзнело.

— На следующий понедельник меня вызвали в суд. Я не стану давать показания против вас. Просто хотела, чтобы вы это знали. По-моему, вы поступили правильно.

— Спасибо.

Пустая любезность, от которой никакого проку. Найдутся и другие, кто выступит против него. Но хотя бы одна из коллег считала, что он поступил правильно. Только сочтёт ли так же суд, когда узнает, что он раздробил захватчику гортань?

Он уже видел перед собой заголовок бульварной газеты: *Старший инспектор Кёрнер задержал предполагаемого убийцу и вёл переговоры с взведённым табельным оружием. Когда преступник открыл огонь, сотрудник уголовной полиции обезвредил его голыми руками. Для некоторых членов группы эта мера оказалась запоздалой…*

Кёрнер потянулся к заднему сиденью и положил Бергер на колени коричневый пакет.

— Капучино. И ореховый рогалик.

Она раскрыла пакет и расставила бумажные

стаканчики по подстаканникам. Салон сразу наполнился запахом кофе и свежей выпечки.

— Больничная еда — ниже всякой критики.

— Я подумал, вы проголодаетесь.

Она нерешительно взяла рогалик и откусила.

Кёрнер обогнал фургон и перестроился на шоссе, ведущее из Вены. Бергер взглянула в окно: на указателях значились Грац, Прага и Клагенфурт.

— Куда мы едем? Участок ведь…

— В посёлок в пятидесяти километрах к югу от Вены. У нас новое дело.

Она уже поднесла стаканчик к губам, но замерла.

— То есть вас не отстранили?

— Пока нет. В баре нашли убитой молодую девушку. Фотографии — в папке, в боковом кармане двери.

Она поспешно убрала рогалик, слизнула сахар с пальцев и стала перебирать факсовые листы. Внимательно просмотрела снимки. По-видимому, она сразу заметила цифровую отметку времени на краю фотографии, потому что перевела взгляд на часы на приборной панели.

— Им всего час, — пробормотала она.

В ту же секунду из радио раздалась заставка девятичасовых новостей.

— Грайн-ам-Гебирге! В ранние утренние часы в населённом пункте на границе Нижней Австрии и Бургенланда было обнаружено тело школьницы, — начал диктор.

— Это что, наше дело? — вырвалось у Бергер.

Кёрнер кивнул и выключил радио.

— Что? Мы даже не дослушаем?

— На месте разберёмся.

Она разочарованно опустила плечи.

— Почему пресса уже всё знает?

— Тело обнаружила журналистка. И, кстати, это не полицейские снимки. — Он кивнул на фотографии. — Их сделал фотограф, который работает с этой репортёршей.

Она нахмурилась.

— Надеюсь, нам там ещё не истоптали все следы. Пока местная полиция всё оцепит и закрепит…

Он улыбнулся. В её возрасте он и сам был таким же рьяным.

— Не волнуйтесь, следами занимается Рольф Филипп. Да, ему требуется вдвое больше времени, чем другим, зато он найдёт на полу каждую крошку. Нам даже спешить некуда. Пока он не упакует и не пронумерует каждую пылинку, нас всё равно к месту не подпустят.

Тем временем они уже мчались по Южной автомагистрали. В этот час дорога почти опустела. Взгляд Кёрнера затерялся за холмами на горизонте.

— Вы давно знаете Филиппа? — спросила она.

Давно знаете. Как это звучит. Будто он уже древний старик. Кёрнер усмехнулся, когда в памяти всплыли старые картины.

— Я, Филипп и Базедов в середине восьмидесятых учились в жандармской школе в Мёдлинге, а потом служили на жандармском посту там же. Мы были молоды и безрассудны. Я играл на саксофоне в одном джазовом подвале, Филипп и Базедов проходили туда бесплатно, а если Филипп не спускал все деньги за бильярдным столом, то пропивал их у стойки вместе с новыми рекрутами из казармы.

— Мы напивались каждый вечер так, что на следующее утро нам скорее полагалось место в вытрезвителе, чем в патруле. Нашим начальником был Новак. Старый лис гонял нас так, что вы себе не представляете. Чудо, что он тогда нас не вышвырнул.

— Мне не довелось иметь удовольствие с ним познакомиться.

— Ваше счастье.

Помолчав, она сказала:

— Криминалист-фотограф ведь зовётся Кралиц… — Она запнулась. — Почему же все называют его Базедовом?

Кёрнер усмехнулся.

— Во-первых, у нас та же проблема, что и у вас: его фамилию мало кто может выговорить. А во-вторых… вы его хоть раз видели?

Она покачала головой.

— Так я и думал. Подождите до места. Познакомитесь — и сразу всё поймёте.

— Понятно.

Больше она ничего не сказала, лишь наклонила к свету рулон факсовых снимков.

— Что это вообще за бар — «Газлайт»? Похоже на забегаловку в глухой провинции.

— Весьма обшарпанное место, — пробормотал Кёрнер.

Хорошее настроение вмиг улетучилось. Он почувствовал, как напряглись плечи, как он вцепился в руль так крепко, что костяшки пальцев побелели. *Так, чёрт возьми, дальше нельзя.* Он глубоко вдохнул и попытался расслабиться. *Что же будет через час, если меня уже сейчас так ведёт?*

— «Глухая провинция» — ещё мягко сказано.

Грайн-ам-Гебирге — посёлок на пятьсот душ. Кроме пиццерии и этого бара, там попросту некуда пойти.

Она заёрзала на сиденье.

— Вы знаете это место?

— Я там вырос.

Её глаза мгновенно округлились.

— Расскажите.

Он промолчал и уставился на мокрую от дождя дорогу. С тех пор как увидел фотографии в кабинете Ютты Корен, его подсознание не знало покоя. Погребённые воспоминания одно за другим выворачивались наружу, словно пыльные коробки, грохочущие с чердачной лестницы и разлетающиеся по полу гостиной.

Он не хотел заглядывать внутрь. Но чем ближе они подъезжали к Грайну, тем больше коробок срывалось вниз. И спрятать их обратно он уже не успевал.

— Грайн — бывший шахтёрский посёлок, — начал он. — Почему шахту закрыли больше шестидесяти лет назад, никто не знает. Тогда большая часть жителей уехала. Остались фермы, хлева, сеновалы, трактиры при винодельнях и пара продуктовых лавок.

— Мать была домохозяйкой, отец работал про-

рабом в соседней общине. Я родился в шестьдесят втором и провёл детство в этой дыре. Старые выработки были нашей игровой площадкой, там и случалась большая часть приключений.

— Ещё была тракторная мастерская, где мы, мальчишки, околачивались, теплица, заброшенная мельница, старое кладбище, лес у подножия Высокого Гшвендта и пойма вдоль Трир. Больше почти ничего. В общем, унылое место для нескольких подростков.

Они съехали с автомагистрали и свернули на федеральную дорогу в сторону Розалийских гор. Дорога незаметно пошла в гору. Вокруг не было видно ни одной машины. Поднялся туман. Моросящий дождь постукивал в стекло, а дворники размазывали по нему мутную плёнку.

— Это было в сентябре, за три дня до моего четырнадцатого дня рождения, в такой же холодный и туманный день, как сегодня. В том сентябре семьдесят шестого наш дом сгорел дотла. Я просидел до вечера перед обугленными остатками фундамента. Но отец и мать из огня уже не вышли.

Бергер кашлянула. Сразу стало заметно, что её любопытства поубавилось. *А чего она ожидала? Весёлой истории о беззаботном детстве?* Она

даже не произнесла обычного в таких случаях «мне жаль», и Кёрнер был ей за это благодарен.

Молчание лучше поверхностной болтовни. Во всяком случае, последние двадцать семь лет он жил именно так. Он и сам не понимал, почему рассказывает всё это своей коллеге. Именно ей — женщине, которую знал всего три недели и с которой до сих пор держался на вежливом «вы».

И только теперь до него дошло, что Бергер — первый человек, с которым он заговорил о случившемся тогда. Почему? *Это приносит облегчение? Мне становится легче? Или сама дорога в Грайн срывает покровы со всего, что было погребено?*

Его правая рука лежала на руле. Он заметил, что она смотрит на тыльную сторону ладони. Рукава свитера и пиджака съехали вверх, и до самого запястья открылась розовая рубцовая ткань — без волос, сплошной жгут узлов и складок.

— Напоминание о пожаре, — коротко сказал он.

— Простите.

Она отвела взгляд.

— Ничего. Вся рука выглядит страшно, так что лучше вам её никогда не видеть. — Он на миг прикрыл глаза. — Я пытался вытащить мать из огня.

Бессмысленная попытка, но попробуйте объяснить это четырнадцатилетнему мальчишке.

Стоило ему закрыть глаза, и он до сих пор видел пожар. Но пламя было не красным и не жёлтым, как обычно, — белым. До сих пор он чувствовал на лице его жар, на щеках и губах — дыхание раскалённого воздуха, чуял вонь палёных волос и обгоревшей кожи, слышал треск деревянной мебели и вязкий звук плавящегося пластикового пола.

И вдруг всё лобовое стекло залил красный свет двух стоп-сигналов.

— Осторожно!

Кёрнер рванул руль. Визгнули шины.

Бергер сидела, вытянувшись как струна. Правой рукой она вцепилась в поручень над дверью.

Сердце у него колотилось. Он убрал ногу с педали газа и проскочил мимо грузовика, в который едва не врезался.

Бергер шумно выдохнула задержанный воздух.

— Это было близко.

Остаток пути они молчали. Дворники сражались с усиливающимся дождём. В салоне стало зябко, и холод поднимался Кёрнеру от пола по штанинам. Заметив, как Бергер растирает ладони, он прибавил отопление.

Федеральная дорога становилась всё круче, повороты — всё теснее. Вскоре видимость сократилась до нескольких метров, а до Розалийских гор было ещё далеко.

ГЛАВА 2

Трир был грязно-серой рекой, на многие километры тянувшейся вдоль федеральной трассы по долине, названной её именем. Непрекращающийся дождь раздул обычно узкий, семиметровый поток в бурную, неукротимую реку.

Для этого времени года такие ливни были неслыханны: за выходные выпало столько осадков, сколько обычно выпадало за четыре месяца. С вечера пятницы один за другим прокатывались тяжёлые грозовые фронты — и, казалось, конца им не будет.

Начались локальные наводнения и сходы селей, добровольная пожарная охрана работала без передышки. Выше Трирахского водохранилища воды Трира и Гёлля слились в единый мощный поток, так что шлюзы пришлось открыть на несколько часов.

Русло размыло, щебень и валуны понесло вниз по течению, и теперь река несла в двадцать семь раз больше воды, чем в обычные дни. Между Триром и Хоэн-Гшвендтом, первым отрогом Розалийских гор, словно в чаше лежали две деревни — Грайн-ам-Гебирге и Хайденхоф.

Если не считать нескольких хуторов, местность здесь была почти безлюдной.

Дорожный знак «Грайн-ам-Гебирге» едва проступал сквозь дождевую пелену. Кёрнер свернул с федеральной трассы на ухабистую лесную дорогу, которая через несколько метров упиралась в мост.

Машину затрясло на кочках, потом она загрохотала по деревянному настилу. Ещё немного — и они будут на месте.

И тут Кёрнер внезапно весь подобрался. Спина напряглась, дыхание стало тяжёлым, так что боковое стекло мигом затянуло испариной. Он опустил окно.

В салон ворвался холодный воздух. Пахло снегом, а ледяная свежесть кусала ноздри.

Соня Бергер, до той минуты расслабленно откинувшаяся на сиденье, вздрогнула и выпрямилась.

— Мы почти приехали, — сказал Кёрнер.

Он взглянул в окно. Под мостом проносились чудовищные массы воды. В сером, взбесившемся потоке крутились ветки, кусты, пластиковая плёнка, доски и стволы деревьев толщиной в человеческий обхват.

У опоры моста, стоявшей посреди реки, за-

кручивались воронки: они на миг захватывали щебень, утягивали его вниз, и тот исчезал из виду. Чуть дальше всё это снова выныривало и с новой силой уносилось течением.

Бергер тоже приоткрыла окно. Заворожённо она смотрела вверх по руслу, туда, где после нескольких изгибов река терялась в тумане.

На искусственной дамбе стояли несколько человек в дождевиках и резиновых сапогах. Они неотрывно глядели на мутную воду и яростно размахивали руками. Кёрнер не слышал, о чём они говорили, но и без того было ясно: людей тревожил подъём воды.

Когда мужчины заметили машину, они умолкли и уставились на неё.

— Здесь, похоже, тракторы и мопеды ездят чаще, чем машины, да? — спросила Бергер.

— Во всяком случае, не машины с венскими номерами.

Они съехали с моста и покатили дальше по лесной дороге. Через несколько минут унылая сельская глушь сменилась жилой застройкой.

Они миновали въездной знак, и сразу за ним у обочины стояла жёлтая будка автобусной остановки. Напротив притулилась крохотная заправка с единственной колонкой. На картонке,

подвешенной под навесом, было наспех нацарапано:

Закрыто из-за дождя!

Картон уже размокал, и чернила букв начинали расплываться.

Лесная дорога перешла в асфальтированную улицу, но тротуара не было. У обочины торчали железные стойки, на которых висели жалкие, почти иссохшие виноградные лозы. Большинство домов тянулось вдоль главной деревенской улицы.

— А вот и ваша пиццерия, — с улыбкой сказала Бергер, увидев перекошенное зелёное здание с летней верандой и буйно разросшимися живыми изгородями.

Похоже, её позабавило, насколько точно Кёрнер описал это место.

Они проехали мимо футбольного поля, где газон стоял под водой, мимо начальной школы, нескольких хуторов, скотных дворов и одноэтажных домов, крыши которых давно нуждались в ремонте.

В памяти Кёрнера шевельнулись смутные детские образы. Внезапно он словно увидел перед собой русскую меховую шапку с ушами, спадавшими до самого затылка. Он вспомнил

зимний путь в школу — пешком, вдоль дороги, от родительского дома до простого здания с единственным классом, где вместе учили всех детей от шести до десяти лет.

— Я не был здесь с юности. А кажется, ничего не изменилось.

И наконец они доехали. Машина медленно прокатилась мимо обугленного строения, когда-то, вероятно, бывшего жилым домом. Чёрный остов крыши давно обрушился. Уцелели лишь фундамент и одна стена. Окна зияли выгоревшими провалами, кирпич почернел.

Кёрнер крепче сжал руль. Ожог на руке заныл, будто восстал против зрелища, открывшегося перед ним.

Когда они проехали примерно половину деревни, то выехали на главную площадь. Кёрнер припарковался у бордюра, и они вышли из машины.

Местная полиция уже отгородила площадь жёлтой пластиковой лентой. Ветер трепал её и заставлял звонко хлестать. Перед оцеплением теснились мужчины и женщины под зонтами, жавшиеся друг к другу.

Не местные, — подумал Кёрнер.

И в ту же секунду сверкнули вспышки фото-

камер.

— Без комментариев, — отрезал он, отмахнувшись рукой.

Больше он ничего не сказал. Подняв ленту, он вместе с Бергер проскользнул под неё.

Они пошли через площадь, плавно уходившую вверх. Дождевая вода бежала им навстречу по желобкам между булыжниками.

У Кёрнера свело желудок. Здесь тоже ничего не изменилось.

На возвышении над площадью высилась церковь — прихотливое здание с эркерами и пристроенной ризницей, стоявшее на заросшем холме, который окружала кованая ограда и который, по-видимому, по-прежнему считался садом. Колокольня была приземистой громадой из грубого, неоштукатуренного кирпича.

В детстве Кёрнеру церковь казалась куда больше, внушительнее и страшнее, а воскресная месса — странствием в полутьму, пропитанную ладаном и озарённую капающими восковыми свечами.

Но теперь от былого очарования не осталось ничего. Перед ним было всего лишь старое, запущенное здание — и не более того.

Стрелка часов на колокольне с громким щелч-

ком перескочила на десять. И тотчас ударили колокола.

Посреди площади возвышался огромный фонтан, по высоте скорее напоминавший чумной столб. Из чаш в руках мраморных ангелов струилась вода, падая в овальные бассейны.

Молодой сеттер со свалявшейся рыжевато-каштановой шерстью подбежал к балюстраде и принялся её обнюхивать.

Справа от скульптуры стояла продуктовая лавка — замызганный деревенский магазинчик, существовавший здесь и тридцать лет назад. Мать трижды в неделю посылала его сюда на велосипеде за покупками. Он ехал через деревню с молоком, фруктами, колбасой, сыром и буханкой хлеба в корзине — и в солнечный день, и в такую же мерзость, как сегодня.

Он вспомнил сладости, завёрнутые в яркую бумагу, с шипучим порошком внутри, — и вдруг почти ощутил на языке покалывающий вкус колы.

До чего же живучи воспоминания.

Слева, напротив лавки, стоял «Бурый Пятирог», он же «Церковная корчма», — трактир, где крестьяне сходились выпить шнапса, пожарные резались в карты, а участники церковного хора

после репетиций пили пиво.

Подростком он почти никогда не бывал внутри: ни мать, ни отец не принадлежали к числу завсегдатаев. На верхнем этаже были комнаты для приезжих, которые сдавались как пансион с завтраком. Но даже тогда в Грайн редко кто забредал, и потому в окне до сих пор висела выцветшая табличка:

Комнаты свободны

Под навесом, на деревянной скамье, сидели трое стариков в широкополых шляпах и толстых стёганых пальто. Кёрнер их узнал — это были крестьяне из Хайденхофа. Один из них держал скотные дворы рядом с домом, где жила бывшая жена Кёрнера.

С крыши перед стариками монотонно стекала дождевая вода. И тут колокола умолкли, и Кёрнер расслышал их бормотание:

— Бывший муж Марли Шабингер.

Ну разумеется. Мог бы и сам догадаться.

Стоило ему услышать имя Марли, как шея сразу каменела от напряжения. Его бывшую жену звали Мария, но в обеих деревнях все звали её Марли — маленькая Марли. И, наверное, так будет всегда, даже теперь, когда ей уже сорок.

— Откуда они знают вашу бывшую жену? —

спросила Бергер.

Кёрнер вздрогнул. Значит, от её внимания замечание стариков тоже не ускользнуло.

— Она живёт в соседней деревне, — ответил он и кивнул в сторону дороги, по которой они приехали, той самой, что выводила на площадь, а потом терялась между домами. — В нескольких километрах выше по течению, в Хайденхофе.

— Похоже, вас здесь не слишком жалуют, — заметила Бергер.

— А кого тут вообще жалуют? Посмотрите только на этих типов.

Он указал на стариков, сидевших на скамье так неподвижно, словно их прибили к спинке.

— Они как потерпевшие кораблекрушение, которые так и не выбрались из своей деревни. На всех остальных смотрят как на чужаков.

Бергер улыбнулась.

— Вы преувеличиваете.

— Возможно. Но не сильно.

Этим он и ограничился. Она ещё успеет понять.

Много лет назад судья по бракоразводным делам постановил, что он может видеться с дочерью раз в месяц. Из-за службы в криминальной полиции не каждый месяц это удавалось, но

всякий раз, приезжая в Хайденхоф, он никогда не ехал через Грайн. Он оставался на федеральной трассе, мчался вдоль Трира, оставлял деревню в стороне и сворачивал по следующему мосту в Хайденхоф.

Никакая сила не затащила бы его сюда. До сих пор он успешно вытеснял память о деревне своего детства — словно книгу с чудовищными картинками, которую захлопывают, засовывают под кровать и больше не достают.

Но теперь эта книга сама выползла наружу и раскрылась. И вдруг он увидел нелепую, почти зловещую параллель: всякий раз, когда он приезжал к Марии за дочерью, бывшая жена сидела на кухне прямо и чопорно — совсем как те трое стариков, словно и её прибили к спинке скамьи.

Должно быть, виной тому сама местность. Может, известь в колодезной воде, а может, чёрт знает что ещё.

Во всяком случае, он никогда у неё не задерживался. Забирал Верену и как можно скорее увозил — в пиццерию, в зоопарк, в кино или просто в торговые центры ближайшего большого города, Нойнкирхена.

Девочка никогда не жаловалась. Хотя, если уж на то пошло, маленькой она давно не была. Вере-

на была ему уже почти по плечо. Раньше он звал её Врени, но последние три года ей это казалось ужасно не крутым. Каждый раз, когда он называл её так, её щёки заливала неловкая краска — особенно в присутствии школьных друзей.

Теперь ей было почти четырнадцать. Она тайком курила, носила пирсинг под губой и даже собиралась набить на плече кельтскую татуировку. Насколько он знал, она слушала The Offspring и Puddle of Mudd — возможно, ещё и поэтому слыла в деревне чужой. А может, дело было в том, что училась она в Нойнкирхене и потому держалась в стороне от местных привычек.

Наверное, сейчас она сидит на уроках и даже не подозревает, что её отец в соседней деревне расследует убийство.

— Дискотека выглядит ещё хуже, чем на фотографии, — сказала Бергер, стирая с лица дождевую воду.

Она пошла за Кёрнером через площадь к невзрачному чёрному деревянному строению — последнему зданию, замыкавшему площадь: бару «Газлайт».

У входа стояла машина прессы, но журналистов, как это обычно бывало, вокруг не суетилось. Над площадью повисла непривычная тишина.

Рядом стояли тёмно-бордовый фургон с венскими номерами — машина Рольфа Филиппа, эксперта-криминалиста, — и автомобиль скорой помощи. Обе задние двери были распахнуты, внутри горел свет.

Кёрнер успел заглянуть в салон. На носилках, закатав рукав, сгорбилась женщина с копной чёрных кудрей. Напротив сидел мужчина и готовил укол. Свободной рукой женщина что-то выводила в блокноте.

Кёрнер услышал её всхлип.

Это та самая журналистка, которая обнаружила труп?

Если да, он займётся ею позже. Сначала он хотел осмотреть место преступления.

Они остановились под навесом дискотеки: путь им преградил мужчина в зелёной форме и фуражке. Ему было около пятидесяти. Густые брови, собачий, чуть жалобный взгляд, картофелеобразный нос.

Выглядел он именно так, как и должен выглядеть деревенский жандарм в этих краях, — словно с тем же успехом мог бы сейчас пахать кукурузное поле на тракторе.

Одной рукой он опирался на деревянную стойку и совершенно не скрываясь таращился Бергер

на грудь. Только теперь Кёрнер заметил, что его коллега носит парку нараспашку, держит руки в карманах и нарочно выпрямляет спину, чтобы казаться выше.

Соня Бергер была невысокой, крепко сбитой женщиной — не выше дочери Кёрнера, — но с прекрасной фигурой, заметной даже под паркой. Для большинства мужчин она явно не выглядела как криминальный психолог.

— Вы из Санкт-Пёльтена? — спросил жандарм.

— Из земельного жандармского управления Вены, — спокойно поправила его Бергер и представила сначала Кёрнера, потом себя.

Жандарм цокнул языком.

— Фридль. Начальник поста в Грайне. Хотя… — он усмехнулся. — «Пост» — это, пожалуй, слишком громко сказано. Я один отвечаю за обе деревни. Подмогу прислали из Нойнкирхена. Это всего в пятнадцати километрах отсюда, так что ребята прибыли быстро. Местная полиция всё оцепила. Сотрудники прочёсывают территорию в радиусе пятисот метров.

Он помолчал и с любопытством посмотрел на Кёрнера.

— Это правда, что дом был заминирован, а вы голыми руками скрутили захватчика?

На миг Кёрнер лишился дара речи. Чего-чего, а этого он не ожидал. Похоже, теперь об этом знали уже все; история добралась даже до такой дыры, как Грайн.

— Расширьте радиус до тысячи метров, — холодно сказал он.

Жандарм переступил с ноги на ногу.

— Думаю, пятисот хватит. А если ничего не найдём, всегда можно…

Кёрнер шагнул к нему ближе и впился в него взглядом.

— Расследование ведёте вы?

Он не стал ждать ответа.

— И как вы потом расширите слишком узкую зону, не потеряв следов? Делайте, что вам сказано. Пока дождём всё не смыло.

Он обошёл жандарма, нырнул под жёлтую ленту и вошёл в бар. Бергер последовала за ним.

Первым делом он заметил, что в тяжёлой деревянной двери отсутствует замок. Его профессионально вынули из гнезда. Кёрнер ничего не тронул, лишь отметил это про себя.

Как он уже видел на фотографиях, внутри было тёмно. Пол состоял из засаленных досок, по которым, должно быть, пролились уже целые реки пива. Стены тоже были обшиты деревом.

Под потолком тянулись тяжёлые балки, вокруг которых вилась гирлянда с лампочками, — вся эта кустарная обстановка, по-видимому, должна была создавать атмосферу дискотеки.

В помещении пахло не только пивом и застоявшимся сигаретным дымом, как на многих подобных местах преступления. В воздухе стоял ещё и металлический привкус крови.

Но и это было не всё. Над всем этим нависал резкий смрад тухлых яиц — как в сернистой лечебнице. От трупа такой запах исходить не мог. Трупы пахнут иначе.

— Уф, — простонала Бергер.

— Смотрите под ноги.

Кёрнер указал на проход, который криминалисты обозначили для следователей. В пол были воткнуты маленькие штифты, между ними натянуты шнуры. Бергер пошла следом, точно придерживаясь размеченного пути.

Они добрались до барных табуретов. Стойка вовсе не блестела чистотой: повсюду валялись подставки под пиво, а к дереву прилипли капли воска от свечей. Большое зеркало за баром зрительно удваивало пространство. С верхней конструкции свисали бокалы и дозаторы бутылок с бурбоном и Bacardi.

Подростком Кёрнер никогда не шатался по этому бару, хотя заведение существовало уже тогда. Сигареты, выпивка и женщины были для него под запретом. И теперь он понял, что ничего не потерял.

Миновав несколько деревянных колонн и балюстрад с афишами концертов и шоу, они вышли к танцполу. Тесную круглую площадку окружали столы и стулья, а за ней находился подиум для музыкантов.

На нём стояли электроорган, микрофонные стойки и колонки; по полу тянулись спутанные провода.

Баседов расставил вокруг танцпола прожекторы на штативах, чтобы залить светом каждый угол места преступления. Самого его видно не было. Из-за ширмы из алюминиевой фольги то и дело били вспышки. Очевидно, он уже добрался до трупа.

Перед ширмой на четвереньках ползал Рольф Филипп; на руках и обуви у него были пластиковые защитные чехлы. С его комплекцией он напоминал медведя, чьи лапы зачем-то засунули в деконтаминационный костюм.

С самого начала все знали, что из него получится прирождённый эксперт-криминалист. После

отбора на жандармском посту в Мёдлинге их направили на стажировку в Эрдберг, в третий район Вены, и там всё решилось окончательно: Филипп пошёл в криминалистику, Базедов стал криминальным фотографом, а сам Кёрнер перевёлся в отдел по расследованию убийств.

Иногда они работали над делом вместе. Сегодня был именно такой день.

Филипп вертел между пальцами тёмный блестящий предмет.

— Фрагмент третьего или четвёртого поясничного позвонка, — пробормотал он в диктофон, поднеся его почти к губам. — Четыре сантиметра, одиннадцать граммов. Расстояние до тела…

Он посмотрел на цифры на рулетке, уходившей под ширму.

— Три метра сорок. Номер семнадцать.

Он положил находку в пакет, подписал его маркером и отметил место маленьким флажком. Потом добавил пакет к куче других, уже скопившихся позади него. Напоследок сфотографировал участок.

— Интенсивный металлический запах объясняется большим количеством крови и переломами позвоночника, — продолжал он в диктофон. — Однако необычен сильный запах серы. Возможно,

рана жертвы содержит примесь флуимуцила.

Кёрнер и его коллега молча наблюдали за работой. Их появления Филипп не заметил. Тогда Кёрнер нарочно шаркнул ногой. Филипп вскинул голову, выключил запись и с иронией произнёс:

— А вот и кавалерия.

Он выпрямился во весь рост. Почти такой же высокий, как Кёрнер, только заметно шире в плечах и с грудной клеткой чуть ли не вдвое больше, при этом вовсе не толстый. Густые брови, плотная борода с усами и залысина, отчего высокий умный лоб бросался в глаза ещё сильнее.

И всё же волосы он носил длинные, до плеч, зачёсывая назад, так что походил на художника, который нарочно шокирует публику своим вызывающим видом.

Узнав Кёрнера, он оживился.

— Эй, это ты? Корен отдал дело тебе? Невероятно. Я бы поставил что угодно на то, что старая драконихa тебя отстранит.

Кёрнер пропустил это мимо ушей. Ему уже надоело говорить о вчерашнем вечере — возможностей для этого ещё будет предостаточно.

Он кивнул в сторону танцпола.

— Чего-нибудь не хватает?

— Я что, фокусник? — Филипп развёл руками. —

Я здесь всего час. Сначала мне нужно всё собрать и отправить в лабораторию. Надевай перчатки и помогай.

— Спасибо. Если убийца унёс часть тела на память, я хочу узнать об этом сразу.

— Узнаешь первым.

— Ты уже заметил, что дверной замок отсутствует? — спросил Кёрнер.

Филипп покачал головой так, будто перед ним стоял законченный дилетант.

— Умник. Это я снял цилиндровый замок и отправлю его в «кримтехнику». Думаю, с ним кто-то возился.

— Ещё что-нибудь нашёл?

— Да. Бумажник убийцы, — огрызнулся Филипп. — Эй, ты вообще понимаешь, что я тут делаю? Нет ничего хуже, чем снимать следы в дискотеке: сотни свежих отпечатков на перилах и стаканах, волокна ткани на стульях, сотни следов обуви. Попробуй потом отделить то, что относится к убийству, от того, что не имеет к нему никакого отношения.

— Ладно, понял. Не будем тебе мешать, — примирительно сказал Кёрнер, подняв руки. — Кстати, это доктор Соня Бергер. Она…

— Доброе утро, — коротко кивнула Бергер.

— Леди! Так это вы — та самая молодая специалистка по криминальной психологии рядом с нашим героем? — Филипп расплылся в обаятельной улыбке. — Позвольте совет: держитесь с ним поосторожнее. Я слышал, он любит время от времени вручать оружие весьма сомнительным личностям. И было бы чертовски жаль, если бы с такой привлекательной и умной женщиной, как вы, что-нибудь случилось.

Бергер поморщилась.

— Я прекрасно знаю, что в участке меня называют «психотёткой». И вы тоже. Так что избавьте меня от комплиментов.

Кёрнер сглотнул и опустил глаза. В комнате сразу похолодало.

— Поймали, психотётка. Один — ноль в вашу пользу.

Филипп снова взялся за работу; похоже, выпад Бергер его ничуть не задел. Кёрнер даже был готов в это поверить. Филипп был достаточно тёртым человеком, а с женщинами у него и вовсе никогда не возникало сложностей: либо он беззастенчиво с ними флиртовал, либо оскорблял — и на этом вопрос для него исчерпывался.

Кёрнер отвернулся и пошёл по размеченному проходу.

— Только не затопчи мне ещё что-нибудь. Сюда недавно влетела собака. Этот кобель смазал важные следы, — крикнул ему вслед Филипп.

— Да-да. Мне нужно понять, как убийца выстроил место преступления. Если хочешь понять художника…

— …посмотри на его работу. Знаю, старая истина. — Филипп указал на размеченный маршрут. — Но идти только по разметке, ценитель искусства.

Бергер за Кёрнером не пошла; она осталась позади и заговорила с Филиппом. Слов он не разбирал, но по тону понял: Бергер расспрашивает его с искренним интересом.

Каким бы невыносимым ни был Филипп, в своём деле он разбирался. У него можно было многому научиться. Возможно, отношения между ними ещё наладятся. Кёрнер привык к тому, что при первом знакомстве Филипп почти всегда умудрялся задеть человека. Он был как великий визирь: его благосклонность ещё следовало заслужить. И если Бергер хоть немного ослабит свою холодную, отстранённую манеру, они, пожалуй, даже поладят.

Кёрнер двинулся к ширме и почти сразу оказался в конце зала. За арочным проёмом тянулся

лишь узкий коридор мимо туалетов, который, как он предположил, выводил во внутренний двор с парковкой. У любого бара такой должен быть.

Подросткам ведь где-то нужно тайком встречаться, обмениваться таблетками и тискать девчонок на задних сиденьях машин.

За алюминиевой фольгой, которую Кралиц по прозвищу Базедов использовал для подсветки, всё ещё полыхала вспышка. Она разгоралась, как сверхновая, и на миг Кёрнер видел перед собой лишь россыпь ослепительных звёзд.

Базедов стоял за своей Nikon, прижав глаз к видоискателю. Он поправлял вспышку и нажимал на спуск. Когда смотришь, как он работает, кажется, будто одним глазом он смотрит в камеру, а другим одновременно разглядывает тебя.

Этот его «базедовский взгляд», как любил шутить Филипп, выглядел так, будто лягушку надули велосипедным насосом. Сам фотограф был славным парнем; вероятно, именно поэтому и терпел бесконечные насмешки на свой счёт.

Короткие волосы у него были аккуратно расчёсаны на пробор, и весь он казался до смешного благообразным — как образцовый отец семейства, который днём сидит в налоговом управлении и штампует входящую почту.

Прозвище Базедов, в сущности, тоже придумал Филипп — русифицировав название базедовой болезни. Оно прилипло к нему в тот день, когда он женился на украинке, с которой теперь растил двоих детей. Кёрнер никогда не считал эту кличку особенно удачной, но в участке она прижилась мгновенно и с тех пор стала неотделима от её владельца.

Базедов уставился на Кёрнера.

— Доброе утро, Алекс. Опять вместе, прямо как в старые времена в Мёдлинге.

— Да, славное было время…

— Уже тогда мы были командой хоть куда! — гаркнул Филипп из-за ширмы. — С тех пор мало что изменилось, а?

— Разве что волос у тебя было больше, — парировал Базедов.

— Заткнись!

Базедов тут же умолк. Для перепалок в духе Филиппа у него попросту не хватало ни желания, ни нервов.

— Посмотрим, так ли мы хороши и на этот раз. Базедов, я хотел…

Вспышка снова полыхнула, и Кёрнер осёкся.

Железная конструкция, которую он уже видел на снимках, торчала у стены, как скелет. Внутри

действительно была намертво вварена скамья. На первый взгляд она напоминала тренажёр из спортзала, но тросы, блоки и кожаные ремни делали устройство странным, лишённым очевидного смысла.

Пока лишённым. Этим потом займутся в лаборатории.

Рядом с конструкцией ничком лежало тело: девочка в джинсах, блузке и кроссовках, руки и ноги раскинуты. Базедов уже обвёл труп мелом.

Нетрудно было понять, от чего она умерла. Теперь Кёрнер знал, почему фрагменты позвонков оказались разбросаны по всему танцполу.

Он присел на корточки и стал рассматривать тело, лежавшее примерно в двух метрах от него. Ближе подойти не позволяла разметка, оставленная Филиппом, но и этого расстояния было более чем достаточно.

Место преступления было выстроено с пугающей тщательностью — словно в расчёте на следственную группу, словно кто-то заранее продумал, какое впечатление всё это должно произвести. Возникало ощущение, будто здесь действовал серийный убийца, экспериментирующий на грани безумия и явно получающий от своей игры удовольствие.

Что он хотел сказать этой постановкой?

Привет, ребята. Это моя первая жертва. Скоро будут ещё.

Девочка лежала лицом вниз, словно убийца не хотел смотреть ей в глаза. Скорее всего, он знал погибшую — возможно, жил по соседству, а может, даже состоял с ней в родстве.

Блузка на спине была разодрана надвое и свисала с плеч. Вид её спины потрясал.

Сколько раз убийца рубил ножом, чтобы нанести такую рану? Почему всё произошло именно так, а не иначе? Почему убийство совершено именно здесь, в этом заведении, а не в другом месте? Почему из всех окрестных девочек он выбрал именно её?

Кёрнер посмотрел на её светлые волосы, стянутые в хвост.

Я это выясню, малышка.

В совпадения он не верил. Он был убеждён: убийца прекрасно понимал, что делает. Нужно было лишь разгадать замысел этого безумца. Увидеть рисунок.

Железная конструкция, возвышавшаяся рядом с телом, как мрачное предзнаменование, задавала новую загадку.

Кёрнер поднялся.

— Кто-нибудь уже думал, для чего нужна эта штука?

— Я ещё не пробовал, — сказал Филипп и непристойно хохотнул.

Его замечания, как всегда, были не к месту. Возможно, сарказм был для Филиппа способом справляться с ужасом, который им приходилось видеть каждый день.

У каждого был свой способ держать этот ужас на расстоянии. Яна Сабриски занималась глубоководным дайвингом. Базедов жил семьёй. Сам Кёрнер лучше всего отключался, когда бегал по Венскому лесу, колотил грушу или стоял у плиты.

Хуже всего приходилось тем, кто ещё не нашёл для себя такого способа.

— О боже…

Бергер вдруг оказалась рядом с ним и, приоткрыв рот, уставилась на труп.

— Жутковато, — сказал Кёрнер. — Это Базедов, наш фотограф, — поспешно добавил он, пытаясь её отвлечь.

Он заметил, как её лицо мгновенно побелело — будто её пронзил тяжёлый приступ мигрени. Даже тысяча фотографий не способна подготовить человека к тому, что он увидит жертву

безумного убийцы вживую. В реальности всё всегда иначе.

Она попыталась сглотнуть, но ком в горле был слишком тугим. Наверное, сейчас к горлу у неё подкатывала едкая желудочная кислота. Он это знал: в первый раз такое случается со всеми. И дело было не только в зрелище. Своё добавляли и чудовищный запах, и мерзкий привкус во рту. Всё вместе рождало непереносимо острое ощущение реальности.

Бергер не могла оторвать взгляда от мёртвой девочки.

Он осторожно коснулся её локтя.

— Это Базедов. Наш фотограф, — повторил он. — А это доктор Соня Бергер. Она составляет психологические профили преступников и пишет статьи для профессиональных журналов. И, насколько я понимаю, делает это очень хорошо.

Она подняла глаза. Оцепенение словно отпустило её.

— Доброе утро. Да, я составляю профили.

Голос у неё был хриплым, почти сорванным.

— Ещё три недели назад я работала в группе Кречмера, но такого не видела ни разу…

— Я, признаться, ещё ничего вашего не читал. Как-нибудь пришлите мне пару статей, — застен-

чиво улыбнулся Базедов.

Кёрнер догадался, что фотограф тоже пытается отвлечь её.

— С удовольствием.

Отсутствующим взглядом она снова посмотрела на железную конструкцию.

Базедов шагнул в сторону и указал на скамью.

— По-моему, у этой штуки только одно назначение: человек садится сюда, его фиксируют кожаными ремнями и перегибают вперёд через эту перекладину, так что спина выгибается дугой вверх.

— И зачем?

— Можно прямо сейчас опробовать на Базедове, — крикнул Филипп из-за ширмы.

Кёрнер указал на разорванный позвоночник девочки.

— А потом происходит вот это…

— Редкостная мясорубка, — отозвался Филипп, шурша пластиковыми пакетами. — У меня в девяносто шестом, в Кремсе, было похожее дело. Там убийца обнажил позвоночник молодому парню.

Бергер сжала губы в тонкую белую линию.

— Но бывало и хуже, — не унимался Филипп. — Два года спустя Базедов снимал в Гмундене почти то же самое — только с молодой женщиной.

Вот это была заваруха. Расскажи им.

— Я помню, — тихо пробормотал Базедов. — Но не хочу об этом…

— Хватит, — резко сказал Кёрнер и повернулся к коллеге. — Не давайте этому типу себя дразнить. Просто дышите глубже.

В этот момент распахнулась задняя дверь дискотеки. Ветер свистнул по залу, дождь захлестал по брусчатке, и внутрь ворвался холодный поток воздуха.

На пороге стояла Яна Сабриски, нагруженная коробками и сумками.

— О нет, только не собака! — крикнула она.

Мохнатый сеттер с промокшей насквозь, свалявшейся шерстью проскользнул между её ног и понёсся по коридору мимо туалетов прямо на танцпол. Кёрнер попытался схватить его за ошейник, но пёс проскочил мимо, перепрыгнул через разметку и, скользя когтями по паркету, умчался дальше.

Потом он едва не опрокинул штатив с камерой вместе с ширмой и, подскочив к стене рядом с железной конструкцией, начал скулить, выть и царапать лапами деревянную обшивку.

Неужели это тот самый пёс, которого они видели на площади?

— Опять эта проклятая псина! Уберите эту дрянь, пока я её не пристрелил! — взвился Филипп, вылетая из-за ширмы. Лицо у него пошло пятнами, руками он размахивал с яростной суетливостью. — Эта тварь везде оставляет шерсть и всё заляпывает слюной!

Он метнул в Сабриски колючий взгляд.

Судмедэксперт поставила сумки на пол рядом с Кёрнером.

— Простите, я его не заметила. И что теперь?

Баседов передёрнул плечами и отступил на шаг, словно не хотел подходить к собаке слишком близко.

— Он всё время крутится у стены и всё обнюхивает. Уже дважды влезал мне в кадр, — пояснил он. — Час назад мы еле-еле выманили его из бара.

Соня Бергер, не раздумывая, переступила через ограждение и осторожно подошла к собаке сзади.

— Хороший пёс, — сказала она тихим, ровным голосом. — Хороший, славный пёс.

— Да уж, славный, — фыркнул Филипп.

— Помолчите, — бросила Бергер.

Она присела прямо за собакой. Пёс скулил и царапал лапой стеновую планку. Судя по всему, ни

труп, ни железная конструкция его не интересовали. Всё его внимание было приковано к стене.

Бергер провела рукой по мокрой шерсти.

— Ты хороший мальчик. Спокойно. Иди ко мне. Давай.

Она погладила его по голове, потом взялась за ошейник и мягко потянула пса от стены. Он послушно пошёл за ней.

— Пойдём, малыш. Я выведу тебя. Может, найдём тебе что-нибудь поесть.

Филипп полез в карман куртки и протянул ей упакованный батончик мюсли.

— Спасибо.

Она отказалась жестом и повела собаку через бар к главному выходу.

— А девчонка-то с талантом, — заметил Филипп, глядя ей вслед. — Ей бы в наркоотдел, руководить служебными псами.

— Фух…

Сабриски наконец опустила плечи. Ногой она подтолкнула сумку ближе к телу.

— Ещё несколько проб — и я закончу.

— Машину сзади поставила? — спросил Кёрнер, кивнув на дверь во двор.

Сабриски его проигнорировала. Она расстегнула сумку и начала раскладывать на плёнке

пинцеты, инъекционные иглы и ампулы.

— Когда она приехала, место уже было оцеплено, — пояснил Базедов, от которого, конечно, не укрылся ледяной взгляд Яны Сабриски.

Так смотреть умела только она. Холодно, будто звенит стекло. Кто вообще мог устоять перед таким взглядом? — невольно подумал Кёрнер.

— Сколько она уже мертва? — снова попытался он заговорить с Сабриски по-деловому.

Та резко обернулась, убрала за ухо длинную прядь каштановых волос и бросила на него злой взгляд. Когда она сердилась, то становилась особенно хороша.

— Надо же, именно тебе спихнули это дело. А я-то думала, что больше не буду иметь с тобой ничего общего.

Вот так, по мнению Кёрнера, и выглядело идеальное сотрудничество. Наверное, стоило всё-таки послушать Ютту Корен и с самого начала не смешивать личное с работой.

Но теперь было поздно. Всё, что осталось от их пятилетних отношений, — это колкости.

Он постарался вернуться к делу.

— Уже можно сказать, её изнасиловали или нет?

— Конечно. Только об этом ты и думаешь.

Она со злостью откинула крышку одной из коробок.

— О-о, — пробормотал Филипп и отвернулся.

— Тяжёлый воздух, — буркнул Базедов, деловито занявшись камерой и делая вид, будто ничего не слышал.

Кёрнер покачал головой.

— Детектив со скальпелем. Всё такая же острая на язык. Ты совсем не изменилась. Но давай всё-таки без этого. Что ты уже знаешь о девочке?

— Сельский врач осматривал тело и выписал свидетельство о смерти. Если хочешь что-то знать, спроси у него.

— Я не собираюсь расспрашивать какого-то деревенского эскулапа. Я хочу услышать это от тебя. Ты лучшая, Яна. Поговори со мной.

Филипп скрестил руки на груди.

— Да ладно, скажи ему, — пробормотал он. — Чем скорее закончим, тем скорее уберёмся отсюда.

— Ну конечно, мужчины всегда заодно, — отрезала она. — Орудия убийства у нас нет. Чем именно её так изуродовали, я пока сказать не могу.

Она коротко взглянула на Кёрнера. Похоже, раздражение понемногу улеглось.

Натягивая перчатки и окончательно снимая с девочки блузку, она продолжила:

— Похоже, в ране есть чужие волосы, следы крови, фрагменты рога и костные осколки, которые не принадлежат жертве. Края раны пропитаны бурой жидкостью. Это точно не машинное масло. Больше скажет лаборатория после ДНК-анализа.

— Хорошо. Что ещё?

— Прокол в локтевом сгибе левой руки. Несомненно, след от инъекции, сделанной меньше двух часов назад.

Она взглянула на часы.

— Около восьми. Скорее всего, ей ввели большую дозу валиума.

— Ввели? — переспросил Кёрнер. — А не могла она сделать укол себе сама?

Сабриски решительно покачала головой и указала на тело.

— Посмотри: левое плечо у неё развитее. Она левша. Значит, в левый локтевой сгиб сама себе укол сделать не могла.

Сабриски убрала инструменты обратно в коробку.

— Всё. Я готова.

— У меня тоже всё снято, — добавил Базедов.

— Тогда давайте, — сказал Филипп, наклоняясь

над телом. — Осторожно.

Они взялись за девочку за руки и ноги и медленно перевернули её на спину.

— Чёрт… — выругалась Сабриски. — Этого и следовало ожидать.

Кёрнер быстро отвёл взгляд. Одной секунды ему хватило с избытком.

Для него это всегда был самый тяжёлый миг на любом месте преступления: глаза жертвы.

Тени и тушь расплылись, румяна на щеках размазались. И посреди этого смазанного, цветного лица глаза были распахнуты настежь — так же, как рот.

На животе девочки темнело овальное пятно густо-фиолетового цвета. Больше он ничего не увидел.

Сабриски включила диктофон.

— Рана глубокая, — продиктовала она, — около двадцати сантиметров, проникает в брюшную полость, имеются тяжёлые внутренние кровотечения, поражён весь торс. В ротовой полости жертвы находится кляп… по всей видимости, тканевый.

Кёрнер снова искоса посмотрел на тело. Филипп пинцетом вытащил у девочки изо рта белую ткань и опустил её в один из пластиковых

пакетов.

— Интересно.

Он бросил пакет Кёрнеру.

Кляп походил на салфетку под приборы. Ткань была пропитана слюной, а в углу золотыми нитями были вышиты две буквы: BF.

— Что это? — спросил Базедов.

Кёрнер протянул пакет фотографу. Тот повертел его в свете прожектора.

— BF… Может быть, инициалы? Возможно, убийцы?

— Блестяще! — Филипп хлопнул в ладоши. — Конечно. Мы его нашли. Это Бенджамин Франклин! Ах да, он ведь уже мёртв. Тогда, может, Брендан Фрейзер?

— Идиот. Я просто хотел помочь.

Базедов отдал пакет Филиппу.

— Тогда фотографируй и не лезь не в своё дело.

— Эй, прекратите! — Сабриски поднялась и встала между ними. — Фил, сними отпечатки с кольца, часов и браслета девочки.

Она указала на украшения на запястье погибшей.

— Слушаюсь, леди.

Филипп снова взялся за работу.

В этот момент они услышали шаги и обер-

нулись. Через зал быстро шёл деревенский жандарм.

— Мы расширили радиус, — доложил он Кёрнеру.

— Вы знаете жертву?

Жандарм ошеломлённо уставился на девочку.

— Господи Иисусе…

Он мгновенно побледнел, как больничная простыня. Искажённое лицо мёртвой выглядело ещё страшнее, чем рана на спине.

— Да это же Сабина Крайник, дочь мясника. У старика Берта бойня у въезда в деревню. Сегодня ей исполнилось четырнадцать.

Жандарм провёл рукой по лицу.

— Исполнилось бы, — поправил его Филипп.

Кёрнер взял жандарма за плечо и отвёл от тела. Потом они вместе направились к выходу и, пригнувшись под пластиковой лентой, вышли наружу.

ГЛАВА 3

Дождь хлестал Кёрнера по лицу; он жадно хватал воздух ртом.

Лишь теперь он в полной мере ощутил, какой тяжёлый, затхлый, сернистый смрад стоял в заведении. Он окинул взглядом деревенскую площадь и задержался на заграждении, за которым по-прежнему маячила дюжина репортёров, зябнувших под дождём в надежде урвать хоть кроху сведений.

— Ужас… Как можно было так изуродовать бедную молодую девушку? — жандарм покачал головой.

И тут Кёрнера осенило.

— Свяжитесь с прессой. Пусть вас расспросят, но не сразу. Для виду немного поломайтесь. Назовите только имя жертвы и как бы между прочим пустите слух, что девочку задушили.

— Задушили? — жандарм потёр бугристый нос. — Но…

— Выполняйте.

Кёрнер остался под козырьком дискотеки один и смотрел, как жандарм пересекает площадь, направляясь к репортёрам. В ту же секунду за-

сверкали вспышки.

Кроме журналистов и нескольких полицейских в форме, прочёсывавших площадь в чёрных плащах, вокруг не было ни души. Никто не прилипал к окнам из любопытства, никто не теснился у входа в дискотеку в надежде увидеть труп, никто не подкрадывался, чтобы уловить обрывки разговоров следователей.

Даже движение по дороге, пересекавшей площадь, перекрывать не пришлось — машин всё равно не было. На главной площади стояли лишь карета скорой помощи да автомобиль репортёрши.

С одной стороны, это было удобно: никто не мешал работать. С другой — Кёрнер слишком хорошо знал, что убийца нередко остаётся возле места преступления, смешавшись с толпой зевак. Немало дел раскрыли именно благодаря этой простой закономерности.

Но этот убийца, похоже, не собирался облегчать ему задачу.

Кёрнер поднял взгляд к церкви. Священник стоял на ступенях под навесом и смотрел в сторону бара. Их глаза на миг встретились.

Тот ли это священник, что был здесь двадцать семь лет назад? Как же его звали? Занс, Заунс…

или как-то так? Ему ведь уже под восемьдесят.

Странное чувство: стоять взрослым человеком в таком месте… будто он, четырнадцатилетний мальчишка, лишь на мгновение закрыл глаза — и теперь, почти тридцать лет спустя, открыл их снова, — подумал Кёрнер.

Краем глаза он заметил Бергер в синей парке: она вышла из бокового переулка, на углу которого стояла бакалейная лавка. В магазине света не было.

Она тоже закрылась из-за дождя, как и заправка? Неужели здешние жители сразу прячутся по домам, стоит непогоде разыграться всерьёз?

— Собака исчезла, — Бергер смахнула с лица дождевые струи. — Вы заметили, что деревенский жандарм уже беседует с прессой? Может, вернуть его?

Кёрнер усмехнулся.

— Это я его туда послал. Сейчас он станет звездой газет. Когда закончит, возьмите его в оборот и выясните всё, что сможете, о Сабине Крайник. Это наша девушка.

Кёрнер тоже двинулся с места.

Из кареты скорой выбрался худой молодой человек в стёганом пальто. В руке у него дымился бумажный стаканчик с кофе; он вытягивал шею и

озирал площадь. Длинные волосы, закрывавшие половину лица, придавали ему вид студента из состоятельной семьи.

Только без предвзятости, — одёрнул себя Кёрнер и направился к нему.

— Кёрнер. Отдел убийств земельного жандармского управления Вены, — представился он.

Парень был почти одного с ним роста и смотрел вызывающе.

— Это вы отправили фотографии в полицию по факсу?

— Я переслал снимки в редакцию по электронной почте, — пресс-фотограф откинул волосы со лба. — А уже там их отправили факсом в участок Нойнкирхена.

— Понятно, — кивнул Кёрнер. — Почему вы оказались здесь сегодня утром?

— Я обязан вам это объяснять? — парень отпил кофе.

Кёрнер молча кивнул.

Как и не раз прежде, ему попался самоуверенный умник. Таких журналистов он знал слишком хорошо. Они мнили себя хитрецами, были уверены, что выудят из дела больше полиции, и при этом ещё оставят её в дураках.

По сути, для него журналисты делились на два

вида: тех, кто сотрудничал с полицией, и тех, кто этого не делал. Вторых Кёрнер ненавидел. И они отвечали ему тем же.

Парень дёрнулся было в сторону.

— Стоять, — голос Кёрнера стал ледяным.

Тот уставился на него. Дождь капал в стаканчик.

— Я не обязан вам ничего говорить, — повторил он.

— Обязаны. Вы мой главный подозреваемый. Алиби у вас нет.

— Что? — у фотографа глаза полезли на лоб. — Я был здесь с Франкой, нашей репортёршей. Она сидит в машине, — выпалил он, указав на скорую. — В редакцию поступил анонимный звонок: утром должно случиться что-то ужасное. В дискотеке в Грайне. Франка взяла меня с собой. Мы сразу выехали. Всё это время я был снаружи. Она побежала вперёд, заглянула в окно и крикнула: *Зови полицию, сейчас здесь кого-то убьют!*

— Но вы, разумеется, этого не сделали, — сухо сказал Кёрнер и ткнул его пальцем в грудь. — Вместо этого дождались, пока убийство совершится, а потом сфотографировали труп для редакции. Я могу пришить вам пособничество.

— Нет! Что вы такое говорите? Я вбежал следом

за Франкой в зал, а там всё уже случилось. Она стояла возле тела.

— А вы сразу начали снимать. Любите мертвецов?

— Нет, чёрт побери! Камера просто была у меня в руках. Рефлекс. Я фотограф.

— И дверь вы тоже взломали ради снимков? Часто так делаете?

— Да нет же, к дьяволу! Что вы пытаетесь на меня повесить? Дверь была открыта. Мы опоздали и увидели только мёртвую девушку.

— А может, она была ещё жива. Неоказание помощи.

— Да она была мертва! Это же сразу было видно!

Рука у парня дрожала, кофе выплёскивался через край. Кёрнер едва заметно усмехнулся.

Юноша вспыхнул.

— Вот чёрт… Вы меня просто развели. Я вовсе не подозреваемый.

— Умник.

— Сволочь.

Кёрнер криво усмехнулся.

— Который был час, когда вы нашли тело?

— Я не должен больше вам ничего говорить.

— Вы уже сказали достаточно. Хотите проехать

в участок?

— Пять минут девятого. Когда мы приехали, звонил церковный колокол.

Кёрнер на миг задумался.

— Если ваша коллега видела убийство через окно, значит, у нас есть свидетельница и точное время преступления. Прекрасно. Благодарю.

Фотограф поморщился.

— Ей очень плохо. Она в шоке и не разговаривает.

— Хорошо. Я сам с ней поговорю.

Кёрнер обошёл машину скорой помощи.

— Подождите ещё минуту, — парень переминался с ноги на ногу. От его прежней развязности не осталось и следа. Он посмотрел на Кёрнера почти умоляюще. — Я не знаю, что именно увидела Франка, но, должно быть, это было ужасно. Может, она видела убийцу. Но убийца наверняка видел и её тоже.

Кёрнер понял, к чему тот клонит.

— Полицейскую охрану вашей коллеге мы не дадим — в этом нет необходимости. Но, если вам так спокойнее, с ней поедет жандарм. Если шок не пройдёт, мы отправим её в психиатрическую клинику в Кирлинге. Учреждение там закрытого типа, а для надёжности можно поставить сотруд-

ника у двери. Так вас устроит?

Парень кивнул.

Кёрнер заметил, как тот сразу немного обмяк. *Рука руку моет.* Возможно, этот урок пойдёт ему впрок, и впредь он будет охотнее сотрудничать с уголовной полицией.

Оставив его под дождём, Кёрнер обошёл машину. В кабине сидели молодой человек в очках и санитар Красного Креста, разворачивавший газету на руле.

Врач скорой и его водитель — оба зелёные мальчишки. Прекрасно. Только этого и не хватало.

Он снова подумал о журналистке.

Чёрт. Единственная свидетельница — в шоке и не может говорить. А мне нужно заставить её заговорить — пусть хоть на минуту. Тогда дело можно будет раскрыть за считаные часы, и я уберусь из этой дыры. Ещё не хватало застрять здесь на три недели, как бывало с другими следователями.

Обе задние двери скорой всё ещё были распахнуты. На носилках сидела женщина с шапкой чёрных кудрей, укутанная до подбородка в клетчатое стёганое одеяло. Кёрнер дал бы ей немного за тридцать.

У репортёрши было узкое, привлекательное

лицо. На первый взгляд она совсем не походила на робкую девушку — скорее на уверенную в себе, острую на язык женщину, которая знает, чего хочет.

Только глаза разрушали это впечатление. Отсутствующий взгляд блуждал где-то по потолку машины. Она сидела с полуоткрытым ртом, уставившись в лампу, и что-то неразборчиво бормотала себе под нос.

Это были даже не слова — скорее монотонное напевание, словно она пыталась убаюкать ребёнка.

Кёрнер поставил ногу на откидную ступеньку и наклонился внутрь, стараясь не мокнуть под дождём. По крыше машины глухо и однообразно барабанили капли.

— Что она сказала?

— Ничего, — ответил врач, сидевший на табурете у носилок, и, не глядя на Кёрнера, убрал пустые ампулы.

Это и есть тот деревенский доктор, о котором говорила Яна Сабриски?

Кёрнер по опыту знал: аптекари и сельские врачи недолюбливают работать с криминальной полицией. Рядом с судебными медиками им вечно отводилась второстепенная роль; ими

командовали, а на их долю оставалась главным образом бумажная волокита.

Здесь всё было так же. Этот человек осматривал тело, должен был оформить свидетельство о смерти Сабины Крайник, а затем ещё и заниматься шокированной свидетельницей.

Неблагодарная работа — но так всегда бывает, когда появляются трупы.

На враче были выцветший свитер, клетчатая рубашка и линялые фланелевые брюки — словно его вытащили сюда прямо из-за завтрака в каком-нибудь мужском пансионе. На алюминиевом чемоданчике, стоявшем у носилок, Кёрнер прочёл его фамилию.

— Могу я поговорить с этой женщиной, доктор Вебер?

Врач даже не изменился в лице и покачал головой.

С обстоятельной, почти стоической неторопливостью он убрал инструменты в чемодан, затем испытующе посмотрел на Кёрнера. Телосложением и движениями он казался моложе своих лет, но по глазам Кёрнер понял: ему уже далеко за пятьдесят.

Черты у него были резкие, лицо — изрытое шрамами юношеских угрей, следами, от которых

он так и не избавился. Густые коротко остриженные волосы торчали во все стороны, но странным образом это даже шло ему.

Харрисону Форду ради такой причёски пришлось бы просидеть в гримёрной не меньше двух часов.

— Женщина не в состоянии давать показания. Ей нужен покой, — врач плотно сжал губы.

— Мне необходимо с ней поговорить. Достаточно одной минуты.

— Забудьте. Ни малейшего шанса.

Доктор Вебер поднялся, собираясь выйти из машины, но Кёрнер не сдвинулся с места.

Врач пристально посмотрел на него.

— Что вам от меня нужно? — Он снова сел. — Послушайте. Я бы закончил здесь ещё час назад, но ваши коллеги и водитель Красного Креста заявили, что машина не может уехать, пока я не поговорю с вами. Вы могли бы побеседовать и с врачом скорой, но этот мальчишка даже укол толком сделать не умеет. Где вы только его откопали?

Он демонстративно взглянул на часы.

— Что ж, наконец вы соизволили найти для меня время. Сказать мне нечего: женщине нужен покой, вот и всё. У меня в приёмной хватает другой работы, да и голова раскалывается. Про-

клятая погода.

Он прищурился и помассировал виски.

Кёрнер заметил на полу сорванные упаковочные плёнки.

— Что вы ей ввели?

— По миллиграмму галдола за раз. Это была уже шестая инъекция. Только теперь она успокоилась. Ещё вопросы?

Репортёрша покачивалась взад-вперёд, по-прежнему глядя на потолочную лампу. Из-под подушки выглядывал лист бумаги.

— Что это?

Доктор Вебер порылся в вещах и вытащил листок.

— Она хотела заговорить, но не смогла выдавить ни звука — шок не отпускал. Под руку ей попался бортовой журнал, и она нацарапала это на листе бумаги.

Он протянул рисунок Кёрнеру.

— А когда увидела, что нарисовала, так разволновалась, что мне пришлось отобрать у неё лист.

Кёрнер всмотрелся.

Листок был смят, чернила шариковой ручки расплылись. На нём смутно угадывалась человеческая фигура: девочка с широко распахнутыми глазами и ртом, раскрытым в беззвучном крике.

Из-за раскинутых рук в этой позе чудилось что-то почти религиозное.

Фон был исчеркан беспорядочными линиями. Кёрнер знал, что они означали. По спине у него пробежал холодок. Он и сам видел в баре это мрачное железное сооружение.

Канаты и блоки были намечены несколькими штрихами, но при некоторой доле воображения можно было различить даже кожаные ремни.

И больше ничего. Ни намёка. Ни убийцы.

И всё же он не сомневался: она видела преступника. На рисунке девочка была ещё жива. Эта судорожная штриховка схватывала последние секунды перед смертью.

— Я заберу рисунок.

Кёрнер аккуратно сложил листок.

— Разумеется. Вы меня извините?

Врач поднялся и протиснулся мимо него.

По крайней мере, теперь у Кёрнера была свидетельница — пусть пока и не способная давать показания. Это могло измениться в ближайшие дни. А может быть, уже к вечеру.

Он обсудил несколько деталей с водителем и нашёл среди сотрудников из Нойнкирхена жандарма, который должен был сопровождать журналистку в Кирлинг. Врач скорой перебрался

в салон, и Кёрнер проводил машину взглядом, когда та развернулась на деревенской площади.

Полицейские отодвинули заграждение и пропустили автомобиль. С включённой мигалкой скорая растворилась в дожде.

Кёрнер снова стоял под козырьком дискотеки, когда к нему, запыхавшись, подбежала Бергер и доложила, что ей удалось выяснить.

— Сегодня Сабине Крайник исполнилось бы четырнадцать. Учебный год только начался, она училась в Нойнкирхене, в четвёртом классе спортивной средней школы. Занятия начинаются в восемь. Обычно она садилась на школьный автобус в семь ноль пять и через пятьдесят минут приезжала в Нойнкирхен. Остановка — на краю деревни, напротив заправки.

Бергер кивнула вниз по улице, по которой они въехали в посёлок.

— Да, кстати, заправка закрыта. Тони, заправщик, работает добровольцем на дамбе. Жители готовятся к наводнению.

— Что ещё?

Бергер перелистнула блокнот.

— У Сабины Крайник было мало друзей в деревне. Она не состояла ни в церковном хоре, ни в каком-нибудь местном обществе и не подрабаты-

вала официанткой ни в одном из хойригеров, как это обычно бывает у девочек её возраста. По выходным она иногда встречалась со школьными друзьями в Нойнкирхене — там стоит копнуть. Кроме того, в деревне есть только один мальчик, с которым она общалась ближе, но наш деревенский полицейский не знает, как его зовут.

— След, что надо.

Кёрнер насмешливо скривился.

— А родители?

— Отец — мясник, мать — домохозяйка. Она славится своим печеньем и кардинальскими пирожными. На праздниках пожарной дружины снабжает выпечкой всю деревню.

— Что с баром?

— Бар «Газлайт» открывается только по субботам вечером, в будни заведение закрыто. Владелец — некий Чак Райнер, диджей. У него есть и другие заведения в Штирии, а в Грайн он приезжает только на выходные. Живёт недалеко от Граца. Это не так уж далеко. Он вполне может оказаться нашим человеком.

Бергер захлопнула блокнот.

— Утро понедельника, и девочка должна была идти в школу, — вслух размышлял Кёрнер. — Что ей понадобилось в баре в восемь утра? Как она

туда попала? Как туда проник убийца? Почему дверь была открыта, когда пришли репортёры? У кого есть ключ от заведения?

Он кивнул коллеге.

— Вот на какие вопросы нам нужно ответить. А пока разошлите ориентировку на Чака Райнера по всем отделениям.

Бергер что-то записала в блокнот.

— А что вам подсказывает интуиция?

Она подняла глаза, словно не ожидала вопроса.

— Люди здесь странные: жандарм, деревенский врач, хозяйка гостиницы напротив. Странное чувство… будто я попала в маленькую замкнутую общину, где каждому есть что скрывать. Будто здесь боятся полиции.

Кёрнер натянуто улыбнулся.

— Вы не сказали ничего нового. Здесь боятся всего, что приходит извне, в их маленький мир.

— В деревне говорят…

Бергер запнулась, словно решая, стоит ли продолжать. Потом всё же договорила:

— Говорят, по маленькой Крайник не слишком-то и будут горевать. Дескать, она и без того была со странностями, а её родители якобы состоят в родстве.

— Да быть того не может, — вырвалось у Кёрнера.

Он покачал головой.

Опять эти старые сплетни: будто в этой деревне каждый спит с каждым.

В Грайне не проходило дня без новой байки за общим столом. То у кого-нибудь обнаруживалась связь на стороне, то всплывали разговоры о нагулянных детях и кровосмесительных союзах.

Ничего не менялось. Люди так ничему и не учились.

— Давайте держаться фактов, — сказал он наконец.

Когда пробили полдень, из дискотеки вышли Базедов, Яна Сабриски и Рольф Филипп.

— Свежий воздух!

Филипп развёл руки и с хрустом прогнул спину. Позвонки у него затрещали, и он болезненно застонал, словно последние несколько часов ползал по полу, — что было недалеко от истины.

Жандармы подогнали катафалк, и Сабриски подписала протокол. Тело Сабины Крайник передали судебным медикам и отправили в венский патологоанатомический институт на Зенсенгассе.

Как обычно, Филипп отпустил одну из своих

дурацких шуток насчёт слов «патология» и «Зенсенгассе», но никто не засмеялся.

Яна Сабриски подняла руку на прощание.

— Моя машина стоит сзади. Я сейчас уезжаю.

— Сколько тебе понадобится времени? — Кёрнер взглянул на часы.

— Ты приедешь на вскрытие?

— Да.

— Тогда два месяца.

— Да передохните вы оба, — вмешался Филипп. — Слушать противно. Яна, я тоже сейчас поеду, а Базедов пусть делает снимки. Через три часа закончим. Тебя устраивает, леди?

Сабриски неохотно кивнула.

— Отчёт будет у тебя ещё сегодня, — сказала она Кёрнеру.

— Большой детектив тоже пожалует на вскрытие?

Филипп многозначительно дёрнул бровью, явно пытаясь поддеть Кёрнера намёком на Сабриски.

Кёрнер в перепалку не вступил.

— Посмотрим. У нас с Бергер здесь ещё много дел. Поговорим с местными. Я хочу выяснить, кто последним видел девочку живой.

— Это я тебе и без того скажу.

Филипп подошёл почти вплотную.

Только теперь Кёрнер уловил исходившую от него назойливую смесь лосьона после бритья, одеколона и трубочного табака.

— И кто же?

— Убийца.

Филипп ухмыльнулся и хлопнул Кёрнера по плечу. Тот оставил это без комментария.

Филипп указал в сторону дискотеки.

— Завтра распорядимся снять железную конструкцию и отправим её в лабораторию. Пусть жандармы опечатают входы в бар.

На горизонте сверкнула молния, и через несколько секунд вдали прокатился гром. Кёрнер вздрогнул, и по спине у него побежали мурашки. Он чувствовал, как мокрый свитер липнет к телу.

— Собачья погода.

Филипп набил трубку, прикрыл её ладонью от ветра и зажёг.

Кёрнер не сводил глаз со спички.

Как же я ненавижу молнии и огонь.

Спичка погасла в дождевом ручье и уплыла прочь.

Вот бы и детские страхи можно было так же смыть.

В эту минуту в одном из карманов глухо зазвонил мобильный. Все переглянулись. Кёрнер знал, что это не его телефон. Но, различив мелодию из известного диснеевского мультфильма, увидел, как Базедов роется в кармане.

Ну конечно. Наверняка дети поставили ему этот рингтон.

Его собственная дочь никогда бы так не сделала. Они слишком редко виделись.

Кёрнер прикусил губу.

Или это я сам не подпускаю её к себе достаточно близко? Нет, Верену теперь занимают совсем другие вещи.

Он рассеянно слушал фотографа.

— Да? — Базедов прижал телефон к уху. — Я уже еду. Нет, домой вернусь позже, часам к четырём.

Он закончил разговор и смущённо пожал плечами.

— Жена. Не волнуйся, Алекс, фотографии будут у тебя сегодня вечером.

Потом они один за другим разъехались на своих машинах, и площадь словно вымерла. Кёрнер посмотрел вслед удаляющимся огням.

Наконец-то.

Как бы он ни любил Фила и Базедова, временами эта парочка бывала утомительной.

— Родители Сабины уже знают? — спросил он Бергер.

Она засунула руки в карманы парки и мрачно посмотрела на него.

— Во всяком случае, деревенский жандарм им ничего не сообщил.

Кёрнер взглянул на часы на церковной башне. Вообще-то давно пора было обедать.

— Есть хотите?

Бергер покачала головой.

Сам он тоже сейчас не смог бы проглотить ни куска.

— Тогда пойдём знакомиться с местными. Начнём с Крайников.

ГЛАВА 4

Мелкий дождь почти иссяк, но чёрная гряда туч по-прежнему не расходилась. Хотя едва перевалило за полдень, казалось, будто на землю уже опускаются сумерки, тяжёлым плащом накрывая поля и крыши.

Посёлок окутывала странная тишина, словно Грайн погрузился в заколдованный сон. Лишь несколько бесхозных собак и кошек напоминали о жизни: пугаясь далёких раскатов грома, они метались от одного угла дома к другому.

Кёрнер считал номера домов, пока они шли вниз по улице. Адрес Крайников ему назвала Бергер, и до нужного дома оставалось уже немного — впереди начиналась окраина.

Бергер вдруг резко обернулась.

— Вон опять этот пёс!

Рыжевато-коричневый сеттер перемахнул через забор и побежал им навстречу по противоположной стороне улицы. Поджав хвост, он ткнулся носом в стену дома и тут же помчался дальше.

Бергер отвела со лба мокрые пряди.

— Интересно, что ему понадобилось в диско-

теке? И вам не кажется странным, что за нами никто не наблюдает?

Она привстала на цыпочки и попыталась заглянуть в одно из окон, но занавески были плотно задёрнуты.

— Они что, все в отпуске? Или на каникулах? Сбежали? Их эвакуировали?

Кёрнер не ответил. Его занимало другое.

— Пришли, — сказал он, заметив дом со старой бойней, вытянувшийся вдоль узкого участка.

Как и большинство здешних домов, это угловатое, неуклюже перестроенное здание, по всей видимости, было построено в начале шестидесятых. Окна были заколочены, ветер сорвал часть кровельной дранки. Из примыкающего сарая доносилось глухое мычание коров. Забора не было, а лужайка так размокла от дождя, что превратилась в сплошное месиво.

— Вы что, привидение увидели? — спросила Бергер.

Кёрнер смотрел на дорожный указатель с названием посёлка, стоявший чуть ниже по склону. Рядом желтела будка автобусной остановки, напротив виднелась заправка Тони с единственной колонкой. Раз дождь прекратился, Тони, должно быть, уже вернулся за кассу.

Что-то не складывалось. Последовательность событий, какой она должна была быть этим утром, упорно не укладывалась у него в голове.

— Почему девочка не пошла в семь утра в эту сторону, к автобусу? — пробормотал он. — Почему вместо этого час спустя отправилась в другую — к церковной площади?

— Выясним, — коротко ответила Бергер.

Она уже хотела подняться по ступеням к двери, как та распахнулась изнутри. В проёме возник крупный, широкоплечий мужчина. Стоя к ним спиной, он разговаривал с кем-то в прихожей.

Бергер дёрнула Кёрнера за рукав.

— Это отец Сабины? — шёпотом спросила она.

— Нет. Бургомистр.

У него перехватило дыхание.

— Господи… как он постарел.

Дверь захлопнулась, и бургомистр обеих общин — Грайна и Хайденхофа — повернулся к ним под навесом. Засунув руки в карманы брюк, он смерил их взглядом сверху вниз. Сам он стоял в сухом месте, а Кёрнеру и его коллеге ветер швырял в лицо дождевую воду, срывавшуюся с водостока.

Более неудачную обстановку для новой встречи трудно было вообразить. Кёрнер обожал такие совпадения.

— Доктор Вайсман. Всё ещё при должности и регалиях?

Он тоже сунул руки в карманы и поднял взгляд на высокого мужчину.

Бургомистр молчал. Казалось, он прикидывал, в какую ячейку памяти определить Кёрнера. Лицо его оставалось неподвижным, не выражая ничего, за что можно было бы зацепиться.

Кожа доктора Генриха Вайсмана отливала нездоровым искусственным загаром, совсем не вязавшимся с его возрастом: густые брови поседели почти добела, такими же были редеющие волосы и узкая борода, обрамлявшая круглое лицо. С такой внешностью он вполне мог читать в университете лекции о пенсионных и инвестиционных фондах.

Как именно Вайсман обзавёлся докторской степенью, Кёрнер не знал. Но в Грайне он был одним из немногих людей с высшим образованием и потому испокон веку оставался бургомистром рыночной общины. Насколько помнил Кёрнер, со своими обязанностями он справлялся не так уж плохо: в посёлке его уважали все, и вряд ли с тех пор многое изменилось. Да и едва ли в Грайне нашлось бы много достойных кандидатов на этот пост.

Наконец бургомистр заговорил — густым, низким голосом:

— Сын Гштеттнер-Лизи.

Постороннему это, пожалуй, показалось бы просто деревенской манерой. Кёрнер же знал: именно так звучит пренебрежение. К тому же местные издавна имели привычку коверкать имена. И он это ненавидел. Йозеф превращался в Пеппи, Иоганн — в Ханзи, Магдалена — в Лени.

— Мою мать звали Элизабет Кёрнер, — выговорил он.

Гштеттнер была её девичьей фамилией, и для жителей посёлка она навсегда осталась Гштеттнер-Лизи.

— Да, смутно припоминаю. Она ведь вышла за венца, за этого Кёрнера, — бургомистр небрежно махнул рукой.

За этого Кёрнера!

Он сжал кулак. Вайсман в совершенстве владел искусством ронять несколько слов таким снисходительным тоном, что от них хотелось лезть на стену. А между тем «этот Кёрнер» был его отцом, несмотря на то что про мать говорили, будто у неё была связь с куда более молодым парнем из посёлка.

Тогда в деревне только об этом и судачили.

Такие разговоры не могли ускользнуть даже от четырнадцатилетнего подростка. В школе всегда находился кто-то, над кем потешались: то Вольфганг Хек, то худощавый Александр Кёрнер.

В классе и на школьном дворе о нём судачили постоянно — и чаще всего злословили о его матери. Старшеклассники не упускали ни единого повода, и «шлюха» было ещё самым безобидным словом из тех, что звучали в курилках.

Он снова и снова подхватывал всевозможные слухи, а однажды и сам в них поверил — и тогда всё вдруг обрело пугающую связность. У них дома на кухонной лавке постоянно сидели крестьяне, егеря и мужчины из добровольной пожарной дружины, опрокидывая одну рюмку за другой, пока мать варила варенье, разделывала принесённую охотниками дичь и убирала мясо в подвал, в морозильник.

Она никогда не работала и всё время оставалась дома. Отец был глубоко несчастен в этой жизни, но у него не хватало сил что-либо изменить. Он служил прорабом в муниципалитете Нойнкирхена. И сам он, господин инженер из Вены, тоже порой становился предметом насмешек, но был человеком тихим, замкнутым и потому молча сносил пересуды.

Кёрнеру всегда хотелось, чтобы отец был сильнее.

На миг ему пришла странная мысль. *Не потому ли после армии он пошёл в криминальную полицию? Не пытался ли таким образом возместить отцовскую слабость?*

— Редко вы здесь появляетесь. Точнее сказать — никогда, — заметил бургомистр. — За могилой ваших родителей ухаживает старый Апфлер.

Новая шпилька, брошенная будто бы между прочим, прозвучала как упрёк. Кёрнер промолчал. Он приехал сюда не затем, чтобы ворошить старые распри.

— До меня дошло, вы сделали карьеру в криминальной полиции. Почему не пошли по стопам отца? Стройка оказалась для вас слишком тяжела?

— Мы здесь, чтобы поговорить с родителями Сабины Крайник, — ровно сказал Кёрнер.

Он не позволит Вайсману вывести себя из равновесия.

Бургомистр сделал шаг вниз по ступеням.

— Дам вам и вашей коллеге один совет: оставьте родителей в покое. Это порядочные люди. От вашего цирка на площади девочка не оживёт.

Кёрнер почувствовал, как Бергер рядом беспо-

койно переступила с ноги на ногу. С подобными репликами они сталкивались уже не раз. Он едва заметно коснулся её руки, давая понять, чтобы она молчала.

— Я не за тем приехал, чтобы оживлять девочку. Но родители растили её четырнадцать лет. Однажды она, возможно, создала бы свою семью, родила бы детей. У вас в посёлке убийца. И я его найду.

На лбу Вайсмана обозначились складки, и нетрудно было догадаться, что творится у него в голове. Как бургомистр маленькой общины, он давно научился лавировать с помощью компромиссов и расплывчатых обещаний, стараясь угодить тем, кто в Грайне действительно что-то значил.

Это был человек, стремившийся как можно скорее замести под ковёр всё неприятное и едва ли не с нетерпением ждавший дня, когда из посёлка уберутся все жандармы, криминалисты, эксперты, фотографы, репортёры и судмедэксперты. Уже завтра всё поросло бы травой, все молча вернулись бы к обычной жизни и не проронили бы ни слова — словно убийства вовсе не было.

В таких местах именно так всё и происходит.

Но Кёрнер обязан был раскрыть это убийство

— и как можно быстрее. Потому что и сам хотел убраться из этой дыры. Каждый лишний час ворошил его подсознание и вытаскивал на поверхность воспоминания, которые лучше было оставить погребёнными. Он хотел снова закопать их и засыпать землёй.

Столько лет это удавалось. Один-единственный день не должен был всё разрушить.

— Не переусердствуйте, Кёрнер.

С этими словами бургомистр прошёл мимо них, раскрыл зонт и зашагал вверх по улице, к главной площади.

Снова заморосило. Бергер и не подумала искать укрытия под навесом. Она стояла под дождём и смотрела вслед бургомистру.

— Обворожительный тип.

— Засранец.

— И так тоже можно сказать, — кивнула она. — Я и без того не ждала от него помощи, но теперь у меня ощущение, что он станет нам мешать. Не понимаю. Казалось бы, поймать убийцу должно быть и в его интересах.

— В его интересах? — Кёрнер усмехнулся. — Ни одному бургомистру не нравится, когда чужаки начинают совать нос в деревенские дела. Кто знает, что ещё может всплыть.

— Он вас явно недолюбливает. Я права?

— Мы ещё не с одним таким здесь познакомимся.

Кёрнер поднялся по ступеням к двери. Скребок для обуви был изношен не меньше, чем каменная кладка, дверная рама и заколоченные ставни.

Он нажал на звонок.

— Возьмите разговор на себя, — попросил он. — С людьми у вас выходит лучше.

Изнутри дом выглядел ещё более убогим, чем снаружи. В прихожей пахло кровью и свининой — очевидно, проход вёл в примыкающую бойню. Линолеум по краям вздулся, часть лампочек в коридоре не горела. Мебель, должно быть, была почти ровесницей самого дома, а на цветастых обоях проступали бурые разводы — следы паводков и затоплений.

Кёрнер и его коллега стояли на кухне вместе с родителями Сабины. В комнате висела влажная, душная жара: пахло луком, потом и затхлой одеждой. В кастрюлях вываривались старые тряпки. Из духовки тянуло тяжёлым духом горячего жира. На подоконнике теснились десятки банок с вареньем, над которыми роились мухи.

По запотевшим стёклам стекал конденсат и скапливался в углу, где уже расползалась чёрная

плесень.

Кёрнера мутило. Ему хотелось выбраться отсюда как можно скорее.

Глубже дыши.

Стоя у окна, он наблюдал за Бертом и Маргой Крайник, пока Бергер коротко излагала обстоятельства дела. Бургомистр, похоже, уже проделал за них значительную часть работы: на слова Бергер родители реагировали с какой-то неподвижной, почти отупелой апатией.

Отец Сабины, Берт Крайник, был медведеподобным мужчиной, и Кёрнер без труда мог представить, как тот в одиночку удерживает свинью и убивает её болтовым пистолетом. На нём были заляпанные джинсы, клетчатая рубашка с закатанными рукавами и синий передник. Предплечья густо заросли волосами, а волосы на груди поднимались почти до плохо выбритой шеи.

Под глазами залегли тёмные круги, будто в последние недели он спал лишь по нескольку часов.

Когда Соня Бергер закончила краткий рассказ, Берт налил из-под крана немного воды в кофейную чашку и отпил. Кёрнер не поверил своим глазам: вода была вовсе не прозрачной, а мутно-серой.

Бергер откашлялась.

— Я бы, пожалуй, сначала эту воду вскипятила.

— Да бросьте, — буркнул мясник и снова отпил.

Кёрнера передёрнуло. Неужели этот человек не замечает, что мясные мухи кружат вокруг чашки и ползают по её краю, пока он пьёт? Он даже не пытался их отогнать, словно это было такой же естественной частью его быта, как стол или плита.

Жена была на голову ниже мужа и крепко сложена. Щёки у неё лоснились, и она всё время вытирала руки о передник. Кёрнер вспомнил: это та самая женщина, что на праздниках пожарной команды угощала всех печеньем и кардинальскими пирожными. Ему почудились на её переднике следы муки и теста.

Когда она подошла к мужу, он заметил, что она заметно прихрамывает, словно у неё перекошено бедро или искривлён позвоночник. А может, нога просто затекла — отсюда и эта странная походка.

— Перестань. У тебя потом голова разболится.

Она забрала у мужа чашку и поставила её в мойку, к остальной посуде. Там громоздились тарелки, кастрюли и столовые приборы. По грязным потёкам Кёрнер предположил, что посуда

копится в раковине уже не первый день.

Он покосился на Бергер. Та тоже всё заметила. Сам он не отличался особой брезгливостью, но даже у него от этой кухни сводило желудок.

— Я понимаю, как вам тяжело говорить о дочери, — сказала Бергер, держа блокнот и машинально постукивая ручкой по зубам. — Но что вы можете рассказать о Сабине?

Они ждали.

Наконец заговорила Марга Крайник:

— В школе она хорошо училась. Нам ни разу не пришлось ездить в город на родительские собрания. По выходным помогала Берту в хлеву. Потом должна была принять хозяйство. Мы хотели, чтобы по вторникам и четвергам она ходила в церковный хор, но там она никого не знала, и мы перестали настаивать. Берт говорил: Сабине просто нужно дать время.

— Чем она занималась в свободное время?

— О, она чудесно рисовала, — мать улыбнулась. — Правда, очень хорошо.

— Пустая трата времени, — буркнул отец.

Бергер пропустила замечание мимо ушей.

— У неё были друзья в посёлке?

Мать покачала головой.

— Зато с животными она ладила прекрасно. У

нас на дворе пять кошек, лошадь и собака. Да, и собака тоже. Это был её любимец.

— Тот самый сеттер, что бродит снаружи?

— Джимбо, — буркнул отец. — Хороший пёс.

— Когда сегодня утром она ушла из дома? — вмешался Кёрнер. Он чувствовал, что разговор буксует.

— В семь, как всегда.

— Куда?

— К автобусу.

— Во сколько он уходил?

— В пять минут восьмого.

— Куда шёл?

— В Нойнкирхен.

— Школьная сумка была с ней?

— Да.

Мать испуганно посмотрела на Кёрнера. Неужели наконец очнулась от своей оцепенелой апатии?

— Кто мог желать девочке смерти? — без паузы продолжил он.

— Никто.

— У неё были поклонники?

— Нет.

— Она встречалась с мужчинами постарше?

— Нет.

— У неё были враги?

— Нет. К чему вы?..

— Она была беременна?

— Но как вы…?

— В последнее время к ней кто-нибудь приходил?

— Я…

— Она подолгу говорила по телефону?

Берт Крайник шагнул к Кёрнеру.

— Полегче, дружок.

В его глазах вспыхнула злость.

Пульс Кёрнера подскочил. Эта вязкая, мёртвая заторможенность выводила его из себя; ему хотелось встряхнуть их, вырвать из оцепенения, и он слишком сильно себя накрутил.

— Вашу дочь изуродовали, — резко бросил он. — Уже завтра убийца может ударить снова и выбрать следующую девочку, а вы ведёте себя так, будто…

— Кёрнер!

Коллега смотрела на него широко раскрытыми глазами, не веря происходящему.

Чёрт.

Он потерял контроль. Провёл рукой по лицу и почувствовал запах собственного пота. Такого срыва у него ещё не бывало. Вообще-то срываться

должны были Крайники, а не он.

В конце концов, их дочь лежала в какой-то грязной забегаловке, как выпотрошенное животное, а родители вели себя так, будто под машину попала домашняя кошка. И дело было не только в гнетущей апатии — они не станут сотрудничать с полицией.

Кёрнер знал это по прежним разговорам с родственниками жертв. В начале расследования люди часто ещё не успевают осознать случившееся и не желают с ним сталкиваться. Но эти двое, стоявшие перед ним, вытеснят всё навсегда.

Только теперь он понял, насколько близко его задело это убийство. Обычная отстранённость от жертвы исчезла без следа. Не потому ли, что его собственной дочери тоже четырнадцать и она живёт в соседнем посёлке?

Как бы он сам отреагировал, если бы на его кухне вдруг появились двое сотрудников уголовной полиции и сообщили, что позвонки его дочери разбросаны в радиусе трёх метров по деревянному полу обветшалой дискотеки?

— Простите, — с трудом выговорил он. — Моей дочери тоже скоро четырнадцать. Она живёт в соседнем посёлке, в Хайденхофе. Простите меня.

Оба Крайника молча смотрели на него.

— Теперь я вспомнила, откуда вас знаю, — сказала женщина. — Вы сын Гштеттнер-Лизи и муж Шабингер-Марли.

— Бывший муж, — поправил Кёрнер.

— Можно нам взглянуть на комнату вашей дочери? — вмешалась Бергер.

Кёрнер глубоко вздохнул. Он был бесконечно рад, что разговор о его семье не получил продолжения.

Марга Крайник кивнула в сторону двери.

— Комната Сабины наверху. Поднимитесь по лестнице — дверь в конце коридора.

Криминальный психолог с тревогой посмотрела на Кёрнера.

— Вы плохо выглядите.

— Уже лучше.

Они поднялись по лестнице, оставив Крайников на кухне.

Наверху дышалось легче. В коридоре было приоткрыто окно, и в дом тянуло свежестью дождя, прелой листвы и сырой земли. Идя по скрипучим половицам, молодая сотрудница доверительно повернулась к Кёрнеру.

— На месте преступления не было школьной сумки, — прошептала она.

— Знаю.

Она удивлённо взглянула на него.

— По вам этого не было заметно.

— По мне вообще редко что заметно.

— Можно задать вам личный вопрос?

— Если я не обязан отвечать.

Они дошли до конца коридора и остановились перед закрытой дверью. Бергер положила ладонь на ручку, но не нажимала.

— Вы сказали, что не были здесь двадцать семь лет. И ни разу не пришли на могилу родителей?

Кёрнер покачал головой. Он и сам не знал, хочет ли говорить об этом именно сегодня.

Когда-нибудь он, возможно, рассказал бы всё Филиппу — за пивом в прокуренном кабаке далеко за полночь. Но не здесь. Не во время расследования. И уж точно не криминальному психологу, которую знал всего три недели.

— Всё в порядке, можете не отвечать, — сказала она и открыла дверь.

— Нет, всё нормально, — отозвался он слишком поспешно.

Она замерла в дверном проёме, словно времени у неё было в избытке. Может быть, именно поэтому с ней и стоило говорить: он почти её не знал, а она почти ничего не знала о нём. Рядом с ней не нужно было изображать закалённого

следователя.

— Детство у меня было не из счастливых, — сказал он.

— Я так и думала, — мягко ответила она, внимательно глядя на него.

— Доротея была старшей сестрой моего отца. Она пришла в ужас, когда он уехал из Вены и женился в Грайне. Мне тогда был всего месяц, и видела она меня раз или два в год. Думаю, она была ко мне очень привязана и во что бы то ни стало хотела вытащить меня отсюда. Почему — понятия не имею.

Он пожал плечами.

— Когда растёшь в такой дыре, жизнь сводится к деревенскому духовому оркестру, церковному хору, праздникам пожарной дружины и обязательным службам. Скоро вы сами узнаете здешних людей получше — вся их благопристойность слетает быстро. Доротея это понимала. После гибели моих родителей она была рядом и стала моим опекуном…

Он улыбнулся.

— Она была красивой и умной женщиной, настоящей дамой. Если бы не она, меня отдали бы деду с бабкой, и я так и остался бы в Грайне. К счастью, всё сложилось иначе. Когда в четыр-

надцать лет я переехал к тёте в Вену, для меня началась другая жизнь. Да, у большого города свои изъяны, но там я наконец вырвался из бесконечных сплетен, разъедавших меня изнутри. С детством я покончил.

Кёрнер понимал, что Бергер улавливает лишь часть того, что он говорит, и всё же она не перебивала. И это было кстати: он никогда ни с кем об этом не говорил — даже с бывшей женой.

Впрочем, та была родом из соседней деревни и меньше всего подходила на роль человека, которому он мог бы в этом признаться.

— Долго вы жили у тёти? — спросила Бергер.

— Не слишком. После смерти родителей Доротея продала имущество, распорядилась капиталом и вообще всё взяла на себя. С деньгами она обращаться умела. В девятнадцать я получил накопительный вклад и две сберкнижки. В том же году сдал выпускные экзамены, купил первую машину — тёмно-синий «Фольксваген Жук» — и мансардную квартирку в Вене, сорок квадратных метров.

Он снова улыбнулся.

— Ничего особенно захватывающего в моей жизни не было. Но мне повезло: я вовремя уехал отсюда.

— Возможно, вы сюда больше не вернётесь. Когда дело будет закрыто, вам стоит…

— Сходить на могилу родителей, — договорил он. — Да, возможно. Когда мы раскроем дело.

Как ни поверни, любой разговор всё равно упирался в одно — в его родителей. Для него на этом тема закрывалась.

Он распахнул дверь шире, и они вошли в комнату — мансарду со скошенным потолком и окном в крыше.

Обычная комната девочки-подростка. Кёрнер медленно огляделся, пытаясь уловить, какой была Сабина.

Расскажи мне о себе, девочка. Почему он выбрал именно тебя?

В комнате пахло духами и лаком для ногтей. Шкаф стоял распахнутым; на плечиках висели блузки, джинсы, юбки и свитера, а внизу стояли кроссовки, меховые сапоги и ролики.

В углу громоздились компакт-диски и стопка нотных тетрадей. Рядом, в полурасстёгнутом кожаном чехле, стояла акустическая гитара. Струны были натянуты под левую руку. Значит, Яна Сабриски не ошиблась.

На кровати сидели плюшевые зайцы и панды, а рядом растянулась почти двухметровая змея, свя-

занная крючком и, вероятно, набитая лоскутами.

Письменный стол скорее напоминал гримёрный столик начинающей модели, чем место школьницы. Повсюду лежали зеркала, щётки, губные помады, заколки, карандаши для глаз и бровей, тюбики румян, теней и туши. Этого арсенала хватило бы, чтобы загримировать на Хэллоуин целую футбольную команду.

У стола стояла папка для рисунков. Наверняка там хранились её работы — те самые, которые отец считал пустой тратой времени. Кёрнер заглянул внутрь и перелистал с десяток акварелей. Один и тот же мотив повторялся снова и снова: реки, леса, заснеженные гребни Розалийских гор.

На стенах висели постеры Nirvana, Puddle of Mudd, Kylie Minogue и Marilyn Manson. Странно, с кем только не отождествляет себя нынешняя молодёжь. Впрочем, лучше уж подражать Мэрилину Мэнсону, чем Чарльзу Мэнсону, — для сотрудника уголовной полиции это всё же спокойнее.

— Неудивительно, что Сабина не рвалась в церковный хор Грайна, — заметила Бергер, разглядывая постеры. — Вряд ли на вечерней мессе стали бы петь Мэрилина Мэнсона.

Кёрнер усмехнулся, приподнял один из постеров и заглянул за него. На обоях выделялись

светлые прямоугольники примерно десять на пятнадцать сантиметров. Выше темнели следы от гвоздей.

— Фотографии? — спросила Бергер, тоже заглянув за постер.

— Скорее всего. Вопрос только в том, что на них было.

Она протянула ему фотографию в рамке, найденную на письменном столе. На снимке был рыжевато-коричневый сеттер.

— Джимбо мы уже знаем. Базедов даже снял его на нескольких фотографиях с места преступления.

Рядом с собакой, сидя по-турецки в траве, смеялась в объектив девочка лет двенадцати.

— Хорошенькая, правда? — сказала Бергер.

Кёрнер кивнул. Сабина была загорелой, в жёлтом бикини, со светлыми волосами, собранными в хвост. Узкие солнечные очки сидели на усыпанном веснушками носу, и она озорно смотрела поверх оправы.

Кёрнер отложил фотографию.

— Её родители сказали, что около семи она ушла к автобусу со школьной сумкой. — Он указал в угол. — А сумка стоит вон там.

Бергер открыла большую сумку и выложила

содержимое на кровать.

— Учебники по биологии, немецкому и математике, пенал и мешок для физкультуры.

Она вытащила из бокового кармана расписание.

— Сумка собрана на понедельник. По расписанию — две физкультуры.

Развязав шнурок на мешке, она заглянула внутрь и понюхала.

— Форма свежая. По пятницам и вторникам физкультуры нет.

По её взгляду Кёрнер понял: думает она о том же, о чём и он. Сабина собиралась ехать в школу в день рождения. Значит, без собранной сумки она из дома не вышла бы.

Он сел на кровать и упёрся подбородком в сцепленные руки.

— Что вы можете сказать об убийце?

— Убийца… — Она подняла глаза к потолку. — Если мысленно восстановить ход преступления, можно предположить, что преступник должен обладать определёнными навыками и знаниями. Факты таковы, что…

— Только без лекций из полицейской академии, — перебил он. — Вы не на кафедре. Забудьте о фактах. Говорите чутьём. Скажите мне что-ни-

будь об убийце. Сейчас.

— Он должен быть рукастым, — выпалила она.

— Почему?

— Потому что умеет работать с железом и кожей и разбирается в подъёмных конструкциях с блоками. Возможно, он механик, строитель или монтажник.

— Хорошо. Дальше.

— Возможно, у него есть коллекция порнографии, особенно с мотивами связывания и садомазохизма.

— Дальше. Поставьте себя на место девочки. Перенеситесь мысленно на место преступления.

Она закрыла глаза.

— Убийство произошло в восемь утра. Наш преступник не из ночных, иначе он напал бы в три или четыре. Я бы исключила ночных портье, дальнобойщиков, официантов и таксистов, работающих в ночную смену. Сабина не была общительной, пряталась в своих четырёх стенах и избегала местных. То, что редко видят, становится желанным. Значит, убийца за ней наблюдал.

— Дома, по выходным, она была незаметной девочкой, которая рисовала и играла на гитаре. Но когда шла в школу, встречалась с подругами и говорила о поп-музыке, превращалась в совре-

менно одетую, красиво накрашенную девушку. Именно этого мгновения он и ждал: понедельника, раннего утра. Почти сразу после окончания летних каникул.

— Он знал, во сколько она выходит из дома, в какую сторону пойдёт и когда уходит автобус. Он знал, что сегодня у неё день рождения, а значит, в этот день она особенно старалась выглядеть привлекательной. Но…

Она запнулась и нахмурилась.

— Он должен был подстеречь её заранее. Она не вышла бы из дома без школьной сумки, а сумка всё ещё здесь. Возможно, он ждал её в самом доме. Во всяком случае, он знал, где она живёт. Он заманил её в бар, от которого у него, возможно, есть ключ.

— Но там его вспугнули пресс-фотограф и та журналистка. Журналистка наверняка его видела. Значит, уйти он мог только через бар, мимо туалетов, потом через двор. Если он не ждал помех, то вполне мог оставить машину на главной площади перед баром. Но машины там не было.

— Возможно, он и Сабина пришли туда пешком. Или встретились уже в баре. Возможно, есть свидетели. Почти наверняка он не сумел совершить преступление так, как задумывал. Не довёл

своё творение до конца. Оно не идеально, и это приводит его в ярость.

— Возможно, это было его первое убийство. Но если мы его не поймаем, не последнее.

Она открыла глаза и моргнула. Лицо её побледнело, и она удивлённо посмотрела на Кёрнера, будто сама испугалась сказанного.

Кёрнер медленно кивнул.

— В вас куда больше, чем просто умение писать статьи.

Она едва заметно улыбнулась.

— И какой вывод вы из этого делаете? — спросил Кёрнер.

— Он местный. Я уверена: он живёт в Грайне и чертовски хорошо знает Сабину Крайник. Он подготовил это преступление. И ещё…

Лицо её вдруг осветилось, словно её осенила догадка.

— И ещё он зашёл так далеко, что сам позвонил в прессу и сообщил о своём преступлении.

Кёрнер широко раскрыл глаза.

— Вы думаете, анонимный звонок сделал он?

— Ему нужен азарт. Для него это игра. Он хочет оказаться умнее полиции.

Кёрнер заметил, как она вдруг оживилась и начала резко жестикулировать.

— Если мы созовём в посёлке собрание жителей, чтобы вместе с местной полицией обсудить меры безопасности и сообщить людям о ходе дела, я уверена: убийца будет среди них. Он не упустит такой возможности. Может быть, даже попытается вмешаться в расследование. Мы могли бы установить в зале скрытую камеру или…

Он покачал головой.

— Стоп.

Она осеклась и чуть втянула голову в плечи.

— Вы со мной не согласны?

— В целом — согласен.

Он глубоко вдохнул. И вдруг усомнился во всей стройной теории, которую Бергер успела выстроить за несколько минут.

— Но мне кажется, всё это слишком гладко. Слишком узнаваемо. Чёрт побери, всё выглядит так, будто следы на месте преступления специально разложили, чтобы представить дело как работу серийного убийцы. Будто нас подталкивают именно к тем выводам, к которым мы сейчас пришли. И мы послушно идём по этому следу.

— Вы думаете, это не серийный убийца?

— Я готов согласиться с вами в одном: в этом посёлке хватает безумцев. Но не настолько безумных, чтобы провернуть такое. Нет. Я думаю,

кто-то хотел заставить девочку замолчать. Может быть, она знала что-то о своём однокласснике, о женатом учителе, с которым у неё была связь, или о дяде, который её насиловал. Такие места, как Грайн, набиты подобными слухами.

Бергер опустила плечи. Она выглядела разочарованной, почти подавленной. Он видел, как крепко она держится за теорию серийного убийцы и как внутренне сопротивляется его возражениям.

И всё же винить её он не мог. Слишком многое слишком хорошо укладывалось в её психологическую схему. Но и убийцы поглупее знали этот набор ходов и умели сознательно оставлять ложные следы. Для этого не нужен гениальный ум.

— Если вы правы, должен быть мотив.

Она скрестила руки на груди.

— Именно.

Он поднялся и прошёлся по комнате.

— Давайте выясним. Кто подходит? Кому выгодна её смерть? Родственникам? Какому-нибудь дяде или тёте? Соседям, учителям, ученикам, друзьям? Она не состояла ни в одном местном кружке, но, возможно, ходила в спортивный клуб в Нойнкирхене или в танцевальную школу. С кем она ходила в кино? И, главное, на концерты?

Он кивнул на постеры Мэрилина Мэнсона и Кайли Миноуг.

— Кто учил её играть на гитаре?

Он указал на чехол в углу.

— Чем она жила в последние недели? С кем встречалась? И ещё я хочу знать, что она делала в баре так рано утром. Знала ли она это место? Бывала ли там раньше? Проверьте всё. Я хочу знать об этой девочке всё.

— Да, — вздохнула Бергер.

Она присела у кровати и стала укладывать книги обратно в сумку. Потом, словно повинуясь внезапной догадке, расстегнула боковую молнию. Оттуда выпали мобильный телефон Nokia и квадратная синяя книжечка, похожая на альбом для записей.

— Посмотрите.

— Телефон забираем, — сказал Кёрнер. — Проверьте SIM-карту: все сохранённые номера, адреса, а также звонки и время вызовов за последние четыре дня.

Бергер спрятала телефон в карман парки.

— А это?

Она подняла книжечку.

Кёрнер взглянул на неё.

— Запирающийся дневник.

Он вынул из кармана складной нож и открыл узкое лезвие.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила Бергер.

Он поддел замок лезвием и сломал его.

— А как, по-вашему, это выглядит?

— Как порча имущества…

— Хотите дождаться ордера на обыск от прокурора? Возможно, эти записи выведут нас на её убийцу.

Он протянул ей раскрытый дневник.

— Читайте.

— Я вас не узнаю.

Кёрнер задумчиво смотрел в окно. Ветер хлестал дождём по стеклу; сквозь мутную пелену едва проступала крыша бойни. Капли взрывались о рифлёное железо, и вода с бешеной скоростью неслась по водостоку.

— Мы всего лишь обойдём пару бюрократических препятствий. Я хочу закрыть это дело как можно быстрее.

Больше не сказав ни слова, он вышел из комнаты. Уже в дверях обернулся.

— Поспрашивайте в посёлке. Поговорите с друзьями, соседями и родственниками Крайников. Узнайте их алиби и где они были. Проверьте

родителей Сабины: друзья, враги, связи, пристрастия, возможные долги из-за азартных игр — всё. И всё, чем они занимались последние три года, помимо забоя коров и выпечки кардинальшнитте. И кстати, я хочу знать, действительно ли её родители состоят в родстве.

Он сунул руку в карман пальто и звякнул ключами от машины.

— Куда вы? — Бергер уставилась на него в недоумении.

— В Вену. Увидимся вечером в управлении. Я больше не могу здесь находиться.

Она вскочила.

— А как мне вернуться? У меня нет машины.

— Ах да, простите.

Он помассировал висок.

— Жандармы наверняка ещё долго будут работать на месте. Я скажу им. Кто-нибудь из них отвезёт вас в Вену, хорошо?

Он оставил её одну в комнате и вышел из дома.

ГЛАВА 5

Чёрный Audi летел через посёлок, мягко входя в повороты и с шипением рассекая дождевые лужи. Он промчался мимо автобусной остановки и дорожного знака на выезде, а потом рванул к мосту через Трир.

Картина, открывшаяся Кёрнеру, изменилась почти до неузнаваемости. Он убрал ногу с педали газа и приглушил музыку: в магнитоле играл Alan Parsons Project.

Теперь на мосту и дамбе людей было куда больше, чем утром. У въезда на мост стояла пожарная машина. Несколько пожарных в синих мундирах и жёлтых касках, в резиновых сапогах, поднимались по откосу к гребню дамбы и опускали в реку белые мерные рейки.

Среди десятков добровольцев, шагавших вдоль насыпи вместе с пожарными и расставлявших метки, Кёрнер заметил белый венчик волос бургомистра. *Спасаешь своё стадо*, — с усмешкой подумал он.

Когда Кёрнер медленно подкатил к мосту, дорогу ему преградил пожарный. На ходу тот выкрикивал команды группе помощников у себя

за спиной. Лишь теперь Кёрнер заметил, что проезд по мосту оранжевой разметкой сужен до одной полосы.

Один из помощников стоял у въезда и, размахивая руками, что-то кричал на другой берег. Кёрнер не разобрал слов, но на том конце моста уже тронулся грузовик и пополз по доскам черепашьим шагом.

Мимо него проехал фургон, доверху гружённый ящиками с минеральной водой, за ним — насосная машина, три автомобиля Красного Креста и самосвал с песком.

Кёрнер знал эти приметы: посёлок готовился к наводнению.

С утра вода заметно поднялась; река вздулась ещё сильнее и превратилась в яростный поток. Грязно-бурая масса с оглушительным грохотом билась о мостовую опору и взлетала брызгами выше гребня дамбы. Если дождь не прекратится, завтра он уже не сможет перебраться на другой берег.

Насколько он знал, оставался только узкий деревянный мост в Хайденхофе: оба посёлка были зажаты Хоэн-Гшвендтом, и другого подъезда не существовало.

Кёрнер опустил стекло и высунулся из маши-

ны.

— Я могу проехать? — крикнул он, перекрывая ветер.

Пожарный махнул рукой, пропуская его. Когда машина поравнялась с ним, тот снял каску и вытер воду с лица предплечьем. Мокрые кудри прилипли ко лбу, а рыжая окладистая борода блестела от дождя.

— Ну и погодка, чёрт бы её побрал, — проворчал он. — Давайте, пока следующий самосвал…

Он осёкся и уставился на Кёрнера во все глаза.

— Алекс? — крикнул он.

Кёрнер вздрогнул. Он не узнавал этого человека с огненно-рыжей бородой, стоявшего возле машины, широко расставив ноги, точно великан. Пожарный подался вперёд, сунул голову в окно и расплылся в улыбке. Его глаза дружелюбно блеснули.

Карие глаза. Густые брови. Лукавая ухмылка.

— Вольфганг Хек? — осторожно спросил Кёрнер.

— Да не может быть, Алекс! Ты откуда здесь взялся?

Лишь теперь Кёрнер окончательно узнал его по голосу — по этому рубленому, чуть хриплова-тому тембру школьного приятеля, с которым он

четыре года просидел за одной партой, начиная с десяти лет.

Они вместе ездили на школьном автобусе в основную школу в Швеце, делили бутерброды, списывали друг у друга домашние задания, дрались во дворе со старшеклассниками и потом оставались после уроков. Не раз возвращались домой с подбитым глазом и в разорванной рубашке.

Родители реагировали по-разному. Его отец обнимал его и наставлял, что умный должен уступать. А Вольфганг Хек получал от своего отца очередную порку.

Но были и хорошие времена. Кёрнеру вдруг почти физически почудился в воздухе въедливый запах дребезжащего двухтактного мотора. На мопеде старшего брата Вольфганга они гоняли вдоль дамбы Трира, ночевали со спальниками на старой мельнице, лазали по тоннелям заброшенной шахты… А в летние каникулы начались первые свидания с девчонками из соседнего посёлка.

Всё это было давно. Кёрнер не видел Вольфганга Хека с четырнадцати лет, но глаза выдавали его с головой: он остался тем же сорвиголовой и отчаянным смельчаком, что и тогда. Неудивительно,

что теперь он служил в пожарной команде и командовал людьми во время чрезвычайных выездов.

— Вот так встреча, — сказал Хек, и глаза его вспыхнули радостью.

У Кёрнера потеплело на сердце. До сих пор его приезд в Грайн напоминал кошмар, сюрреалистическое наваждение, из которого невозможно выбраться. И только встреча с Вольфгангом Хеком, его лукавая улыбка, вернули его к реальности, в настоящий мир, словно он очнулся после дурного сна.

Внезапно ожившее воспоминание о счастливом детстве заставило поблёкнуть всё, что случилось утром. Мрачные мысли отступили. У Грайна были и светлые стороны. Они просто должны были быть — иначе он бы сошёл с ума.

Пока что, впрочем, Хек оставался для него единственным лучом света в этом посёлке.

— Я слышал, ты женился на Марли Шабингер из соседнего посёлка. Надо же, Алекс, и она выбрала именно тебя. В школе была — загляденье. Почему у вас не вышло?

Вот оно опять — эта осточертевшая тема. Кёрнер промолчал. Ему не хотелось в который раз ворошить старые истории. Четырёх часов борьбы

с прошлым за один день было более чем достаточно.

— Что тебя занесло в наши края? — Хека уже было не остановить; казалось, он хотел вытянуть из Кёрнера всё до последней подробности.

— В баре нашли девушку.

— Да, я слышал. Маленькая Крайник… Скверная история.

Хорошее настроение Хека вмиг исчезло.

— Надо бы нам выпить пива и поговорить. Только сейчас у меня ни минуты. Сам видишь: Трир уже разлился, как море, а на плотине всё увеличивают сброс. Скоро мы тут все пойдём ко дну.

— Справляешься?

— Не беспокойся. Смотри.

Хек выпрямился и выкрикнул несколько команд своим людям, потом снова наклонился к окну машины.

— Бывало и хуже. Наводнение в июле девяносто седьмого наделало таких бед, что ты бы не поверил, если бы не увидел всё своими глазами. Когда через несколько недель вода наконец ушла из центра, всё выглядело как после войны. В Грайне и Хайденхофе пострадало около трёхсот домов, ферм и лавок — всё было в грязи, некоторые дома

вообще смыло. Уму непостижимо.

Он указал вверх по течению, в сторону Хайденхофа.

— Чтобы это не повторилось, дамбу укрепили на два километра. Здесь работали специалисты из службы гражданской защиты, проект финансировала земля. Новая дамба устойчива к размыву, а благодаря дренажному слою защитный вал держится, как бункер.

Он топнул сапогом по земле.

— И почва тут глинистая — самое то для дамб. Такой суглинок не так быстро размокает.

Кёрнер терпеливо слушал и кивал. Хек был в своей стихии. Он обожал напряжение и риск, а если при этом ещё мог вытаскивать знакомых из опасной зоны, чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Ещё в детстве у него была слабость к героическим спасательным миссиям, и порой казалось, будто непогода ему даже на руку.

Позади Кёрнера остановилась машина; водитель мигнул дальним светом.

— Мне пора. Может, увидимся завтра.

Кёрнер вскинул руку в знак прощания и поднял стекло.

Хек подмигнул ему, надел каску и махнул сле-

дующей машине, разрешая проезд. Когда Кёрнер переехал через стык у начала моста, в багажнике что-то глухо стукнуло. Изъятые детонаторы. Он не должен забыть вечером сдать их Альфреду Дворшаку в отдел криминалистики.

Кёрнер вырулил на федеральную трассу и поехал в сторону Вены. Он облегчённо вздохнул: наконец-то Грайн остался позади. Короткий разговор с Хеком немного рассеял его страх перед этим местом, и завтрашний день уже не казался таким безысходным.

Теперь он ехал домой.

Почти параллельно трассе, неподалёку от него, полз поезд. Локомотив медленно тащился по затопленным рельсам. Электричество в контактной сети то и дело пропадало, и состав дёргался, сбавляя ход. Хек был прав: погода стояла по-настоящему адская. Дорогу занесло щебнем и грязью, а лужи растеклись так широко, что местами разметка исчезала вовсе.

Кёрнер прибавил скорость, пока поезд не остался лишь в боковом зеркале.

Желудок урчал: со времени завтрака он ничего не ел. Но даже сейчас не смог бы проглотить ни кусочка. Он решил перекусить только в Вене. Впереди был ещё час езды — вполне достаточно,

чтобы спокойно обдумать дело.

Цифровые часы на приборной панели переключились на 14:00. Он быстро перевёл магнитолу с диска на радио и успел услышать именно тот фрагмент, которого ждал.

— …события в Грайне-ам-Гебирге. Ранним утром на границе Нижней Австрии и Бургенланда было обнаружено тело задушенной четырнадцатилетней девушки. Криминальная полиция…

Вот оно. Кёрнер улыбнулся, снова включил диск, и из динамиков тихо зазвучали Alan Parsons Project. Он потянулся к мобильному и набрал номер Ютты Корен. Она ответила сразу, но, поскольку находилась на совещании, заставила его около минуты ждать на линии.

Наконец она заговорила:

— У меня две минуты.

Он коротко доложил обстановку: рассказал об анонимном звонке в редакцию «*Neunkirchener Rundschau*», о показаниях пресс-фотографа, о свидетельнице, которую в невменяемом состоянии, накачанную галдолом, везли в психиатрическую клинику в Кирлинге; о состоянии тела, замечаниях Яны Сабриски по поводу раны, а также о том, что к этому моменту сообщили им деревенский жандарм, трактирщица, врач и родители

девочки.

Под конец он упомянул странную железную конструкцию на месте преступления и предположение Сони Бергер, что за убийством может стоять серийный маньяк.

— Но я не думаю, что…

Договорить она ему не дала.

— Продолжайте работать и положитесь на оценку Бергер. Жертва была юной и красивой. Какой-то извращённый серийный убийца разделал её, как скотину.

Кёрнер сглотнул. Эти жёсткие слова из уст женщины потрясли его, хотя Корен отнюдь не была изнеженной натурой. Иначе она вряд ли бы доросла до начальницы отдела убийств.

— Мы не можем быть уверены, что это начало серии, — возразил он. — До сих пор в посёлке не было других убийств.

— Пока не было. Но всё только начинается. Тот, кто однажды перешёл эту черту, уже не остановится. Убийца станет изобретательнее, пойдёт дальше.

Кёрнер не мог поверить своим ушам. Ютта Корен говорила почти как Бергер. Стоило появиться жертве, изуродованной сильнее предыдущих, как все разом цеплялись за версию психопата

— будто других объяснений не существовало. И чем настойчивее его пытались в этом убедить, тем меньше он верил.

У него было чувство, что все они пляшут под дудку изощрённого убийцы, который именно этого и добивается.

— Это не работа серийного убийцы, — твёрдо сказал он. — По-моему, место преступления инсценировано. Следы выставлены напоказ специально для нас. Преступник хочет, чтобы мы решили, будто имеем дело с социопатом. Я видел место преступления. Кое-что указывает на то, что следы подделаны. Возможно, не случайно репортёрша получила наводку. Не исключено, что кто-то пытается что-то скрыть.

— Забудьте об этом. Я видела тело.

Что она вообще могла знать о теле? — с раздражением подумал он. *Ничего она толком не видела.* Ему хотелось швырнуть телефон в окно.

— Снимок пресс-фотографа ничего не доказывает. Это всего лишь чёрно-белый факс. А место преступления…

— Кёрнер, — резко оборвала его она. — Я была в патологическом отделении. Сабриски проводила вскрытие девочки, а Филипп изучал следы. Я говорила с ними, но дело даже не в этом. Важно

другое: я видела тело собственными глазами. Девочку буквально растерзали, Кёрнер. Убийца выпотрошил ей спину. Кроме того, я видела фотографии Кралица с места преступления и то устройство, которое убийца там соорудил. Факт в том, что ему помешали. Кто знает, что он ещё сделал бы с телом девочки, если бы его не спугнули?

Устройство… Кёрнер вновь вспомнил о нём. Они до сих пор не понимали его назначения. Что, если это и правда не уловка, а часть извращённого замысла больного ума? Возможно, лаборатория выяснит больше.

— Забудьте вашу теорию сокрытия, — продолжала Корен. — Это дело рук больной, извращённой свиньи. Его жажда убийства будет только нарастать, со временем он отточит своё «мастерство». Найдите этого психопата, пока он не ударил снова.

— Чёрт!

Кёрнер дёрнул руль, и вода с дороги плеснула на боковые стёкла. Пожарная машина едва не врезалась в него. Завыла сирена. Мимо прошла колонна пожарных и насосных автомобилей. Audi занесло, но Кёрнер сумел выровнять машину.

— Господи, Кёрнер! Что у вас там происходит?

— Ничего.

Телефон был зажат между щекой и плечом, потому что обе руки он держал на руле.

— Мне нужен ещё один следователь в группу. Сейчас мы отрабатываем несколько направлений одновременно, нас с Бергер недостаточно.

— Чего вам ещё надо? У вас и так лучшие специалисты по этому делу. Бергер — квалифицированный криминальный психолог.

— У неё недостаточно опыта.

— Филипп — лучший криминалист, опыта у него достаточно. У вас есть ещё Кралиц, а Сабриски — лучший судебный медик. Кого вам ещё? Армию спасения?

— Ещё одного человека для проверки версий, — быстро ответил он и в ту же секунду понял, что момент для такой просьбы выбран крайне неудачно.

— Нет. У меня нет свободных людей. В других группах вообще нет ни одного криминального психолога.

— Я и так уже навесил на Бергер слишком много рутинной работы. Это не её задача.

— Зато ваша. Вот и выполняйте.

Он ясно представил себе Корен: как она отбра-

сывает со лба седую прядь. Возможно, поправляет брючный костюм, поворачивает каблук на паркете или смотрит на часы, потому что ей пора возвращаться на совещание.

— Вы могли бы мне…

— Нет. Если бы речь шла о жене министра, я бы могла выбить дюжину сотрудников. Но не для простой деревенской девочки.

— Речь не о какой-то паршивой деревенской соплячке.

— «Паршивая соплячка» — это ваши слова.

Она не оправдывалась — просто поставила его на место. В её голосе зазвучало нетерпение, и по тону он понял: для неё разговор уже закончен. Он боялся, что она сейчас повесит трубку, но она всё ещё оставалась на линии. Он слышал её дыхание.

Почему она не завершает разговор? Неужели чувствует, что он мнётся?

— Что ещё?

Он не мог её обмануть. Ещё один вопрос тяжёлым комом сидел у него внутри.

— Как обстоят дела с дисциплинарным разбирательством в земельном командовании жандармерии?

— Я надеялась, что вы не спросите меня об

этом.

Проклятье. Сейчас он и сам жалел, что завёл этот разговор.

— Скажу коротко: в следующий понедельник у вас судебное слушание. Доктор Соня Бергер тоже получила повестку. Я не смогла этого предотвратить.

Он промолчал.

— Пока не думайте об этом. Сейчас приоритет — это дело. Дайте мне результаты, чтобы я могла что-то представить прокурору, а там посмотрим, что можно сделать.

— Кто ведёт дело со стороны прокуратуры?

— Доктор Хаузер.

Чёрт. Он должен был догадаться. Если беда наваливалась, то сразу всей тяжестью.

— Не думайте о Хаузере, — сказала Корен. — Я сама введу его в курс дела. Может быть, мне удастся склонить его замолвить за вас слово перед земельным командованием жандармерии.

— Хаузер? — Кёрнер выдавил болезненную усмешку. — Никогда.

Он слишком хорошо знал этого старого брюзгу, чтобы надеяться: тот и пальцем ради него не пошевелит.

— Вы правы. Я сказала это только для того, что-

бы отвлечь вас.

Корен отключилась.

Отвлечь меня? Чёрт…

Он швырнул телефон на соседнее сиденье и сделал Alan Parsons Project погромче.

ГЛАВА 6

Зенсенгассе была крошечной, разбитой улочкой между Венской общинной больницей и Анатомическим институтом. В этом старом квартале стояло немало почтенных зданий, вписанных в историю Вены, и одно из них занимал Институт судебной медицины.

Сегодня утром Кёрнер уже бывал здесь, когда забирал Соню Бергер из больницы. Теперь было около четырёх. Он успел наскоро пообедать и вовсе не собирался тратить время на поиски парковки.

Загнав «Ауди» на бордюр у выезда из внутреннего двора, он бросил на приборную панель табличку: «Криминальная полиция. При исполнении». В патологию он заскочит ненадолго.

Кёрнер выбрался из машины. Над Веной всё ещё висел дождь; порывы ветра метались по переулкам и, вылетая из-за угла, свистели, точно рой ледяных игл. Подняв воротник пальто, Кёрнер нырнул под арку института.

— Привет, Карл. Где мне найти Сабриски?

Портье с почти издевательской медлительностью оторвался от газеты. Его огромные, совиные

глаза, ещё сильнее увеличенные чудовищными линзами очков, уставились на Кёрнера.

— Зал восемь.

— Спасибо.

Кёрнер быстро сбежал по лестнице в подвал, где размещалась патология.

— Не думаю, что она захочет тебя видеть! — крикнул ему вслед портье.

Карл был настоящим другом. Он знал, как взбодрить Кёрнера. Впрочем, не исключено, что к этому часу настроение у Сабриски уже улучшилось.

Подвальный этаж судебной медицины казался стерильнее любой операционной. С потолка свисали голые лампочки. В воздухе стоял резкий запах фенола и дезинфицирующих средств.

Навстречу по коридору прошли двое молодых лаборантов в заляпанных халатах. Стук их ботинок гулко отдавался от кафельных стен. Обычно такие бездушные помещения Кёрнера не тревожили. Но сейчас, зная, где находится, он почти физически ощущал дыхание смерти, въевшееся в каждую щель этих стен.

В конце коридора находился зал восемь. Кёрнер толкнул дверь.

Ледяной воздух тотчас превратил его дыхание

в белёсый пар. Обстановка была спартанской: на П-образной стойке теснились десятки банок с жидкостями, хирургические инструменты, осветительные приборы, микроскопы, видеомагнитофон с монитором и клубок проводов, исчезавший в дряхлом электрощите на стене.

Филипп, в куртке и шарфе, сидел на табурете и задумчиво поглаживал бороду.

Яна Сабриски стояла у стола, на котором лежало тело Сабины; к счастью, его уже перевернули на спину. Глаза девушки были закрыты, руки безвольно свисали с края. Прямо над телом висела неоновая лампа, заливавшая кожу тёмной синевой. Место, где Сабриски вскрыла живот, угадывалось лишь смутной тенью.

Судмедэксперт обошла стол. На ней были латексные перчатки, распахнутый белоснежный халат и толстый свитер с высоким воротом. На переносице сидели узкие очки в элегантной стальной оправе; поверх них она вопросительно разглядывала Кёрнера.

Он и не знал, что на работе ей нужны очки. Неужели он и правда не видел её так давно?

Оправа удивительно шла к её каштановым волосам, которые она больше не носила распущенными, а заплетала в косу. Так она казалась

старше — и, чёрт побери, ещё интереснее. Господи, какая же она всё-таки интересная женщина.

Какой же я был идиот. Мне не следовало её отпускать.

— Детектив со скальпелем, — сказал он, подходя ближе.

— Алекс, — коротко кивнул Филипп.

— Ты плохо выглядишь, — вместо приветствия заметила Сабриски.

Она и вправду за меня беспокоится? Или теперь у неё это вместо «здравствуй»?

— Наконец-то я снова в Вене, — простонал Кёрнер. — Грязь, выхлопы, суета, пробки, неон, толпы… Знаю, звучит безумно, но всё это мне куда милее, чем торчать в той дыре. Будто попадаешь в другой мир, где всё живёт по иным законам.

— А мне бы там понравилось, — отозвалась Сабриски. — Горы. Тишина.

— Я его понимаю, — буркнул Филипп. — У всех этих деревенских что-то не в порядке с головой.

— Можно подумать, у тебя с ней всё в порядке, — огрызнулась Сабриски.

Она стянула перчатки и хлестнула ими Филиппа по спине. Тот картинно взвыл.

Кёрнер отвёл взгляд. Ему не нравилось, когда они дурачились, как дети. Неужели они никогда

не бывают серьёзными?

— Где Базедов?

Сабриски скомкала перчатки и небрежно бросила их на поднос.

— С телом мы закончили. Рабочий день окончен. Базедов ушёл к жене и детям, а я собираюсь выпить пива.

— И что вы выяснили?

Сабриски сцепила пальцы и хрустнула суставами.

— На завтрак у неё были кукурузные хлопья, цельнозерновой хлеб и апельсиновый сок. Через полчаса после этого её убили.

— Уверена? — Кёрнер нахмурился. — По словам родителей, она вышла из дома в семь, а свидетель утверждает, что преступление произошло ровно в пять минут девятого.

— Разумеется, уверена. А ты уверен в своих показаниях?

— Да, — пробормотал он.

Сабриски это нисколько не смутило.

— Прекрасно. Значит, Сабина выходит из дома в семь утра, под проливным дождём, в семь тридцать пять где-то съедает миску хлопьев, выпивает стакан апельсинового сока, а ещё через полчаса её убивают.

— Где? В «Макдоналдсе»? Не слишком правдоподобно, — мрачно заметил Кёрнер. — Разве что родители врут и Сабина завтракала в половине восьмого. Но тогда она опоздала бы на школьный автобус. Что-то здесь не сходится. Чёртово дело.

Он повернулся к Филиппу.

— Чего-нибудь не хватает?

Эксперт-криминалист покачал головой.

— Насколько мы смогли установить — ничего. Часы, кольцо, браслет, кошелёк с двадцатью с лишним евро наличными и банковской картой для молодёжного счёта — всё было при ней.

— А с тела ничего не исчезло?

— Всё на месте. Убийца ничего не забрал. Хотя, может, и забрал бы, если бы ему не помешали.

Филипп пожал плечами.

— Не думаю. Это, конечно, прекрасно укладывалось бы в теорию Сони Бергер о серийном убийце, но я уже слишком далеко продвинулся, чтобы принимать её всерьёз. Значит, пока у нас ничего. Полагаю, её не насиловали.

— Верно.

— Но, может быть, в последнее время у неё всё-таки был кто-то… — продолжил Кёрнер.

— Нет. — Сабриски упёрлась ладонями в стол, подалась вперёд и пристально посмотрела на

него. — Это совершенно точно не сексуальное преступление. Ни вагинального, ни анального проникновения не было.

— Но, возможно, в её прошлом был мужчина. Может, в последние двадцать четыре часа у неё был половой контакт. Тогда у нас была бы сперма и…

— Алекс! — оборвала его Сабриски. — Девушка была девственницей.

Он умолк.

Сабриски глубоко вздохнула.

— Я понимаю, куда ты клонишь, но твоя теория — секс с несовершеннолетней, а потом устранение свидетельницы — несостоятельна. Ни секса, ни беременности, ничего подобного. Забудь. Здесь совсем другое.

Она приподняла руку мёртвой девушки.

— Я уже говорила тебе в дискотеке, что ей ввели большую дозу валиума. Но когда? Вот в чём вопрос. Если судить по периоду полураспада в крови, это произошло примерно без десяти восемь. Валиум действует чертовски быстро.

— Значит, до смерти прошло ещё пятнадцать минут, в течение которых она оставалась наедине с убийцей, — заключил Кёрнер.

При слове «убийца» Филипп и Сабриски обме-

нялись быстрым взглядом, точно что-то от него скрывали, но тему не развили. Кёрнер сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжил:

— Что произошло за это время? Она могла убежать?

Он переводил взгляд с одного на другого.

Сабриски мягко улыбнулась.

— С такой дозой она не смогла бы даже ползти на четвереньках.

Филипп согласно кивнул. И снова они были на одной стороне.

— Но всё же, может быть, она…

— Алекс! — резко перебила его Сабриски.

Она сняла очки и прикусила дужку.

— Я говорю о двенадцати миллиграммах валиума. Девочку накачали так, будто она была ходячей аптекой. Такой дозой можно было бы усыпить весь посёлок. Она бы даже боли не почувствовала, если бы стоматолог сверлил ей оголённый нерв в коренном зубе.

Кёрнер попытался представить эту сцену. Мысленно он снова оказался в тёмном помещении с засаленными половицами, увидел балки под потолком с лампочками, деревянные столбы, балюстраду, барные табуреты, стойку — и будто вновь ощутил вонь железа и серы.

Ему вспомнилась странная стальная конструкция.

— Она висела на том устройстве?

Сабриски доверительно положила ладонь на плечо девушки.

— Мы не нашли на теле ни следов железа, ни ржавчины, ни частиц кожи, ни ссадин, ни потёртостей от верёвок. Её не подвешивали к механизму. Под ногтями не было ни крови, ни фрагментов кожи — а это говорит о том, что борьбы не было. Но…

Она подняла указательный палец.

— Её держали за руки. И она отчаянно сопротивлялась, можешь мне поверить.

Кёрнер нахмурился.

— Но ты же сказала, что с такой дозой…

— Знаю, звучит безумно, — вздохнула она. — Но девочка, должно быть, испытывала невыносимую боль, потому что, несмотря на двенадцать миллиграммов валиума, её пришлось удерживать за запястья, словно дикое животное. И она рвалась как одержимая.

— Может, она пыталась вырваться ещё до того, как ей ввели валиум? — предположил Кёрнер.

Филипп, до сих пор неподвижно сидевший на табурете, поднялся, покачал головой и взял

девушку за запястье.

— Вот здесь и здесь: ссадины и гематомы на обоих запястьях. И появились они не в момент инъекции, а непосредственно перед смертью.

— Ты сказал — потёртости на обоих запястьях? — Кёрнер шагнул ближе.

— Именно. В этом вся суть. — Филипп приподнял бровь, будто только что извлёк на свет важнейшую деталь убийства. — Её кровь осталась на внутренней стороне плеч и под мышками. Значит, в момент убийства руки были вытянуты. Согласен?

Кёрнер кивнул.

— Следовательно, преступников было трое. — Филипп поднял три пальца. — Двое держали её слева и справа за вытянутые руки, а третий наносил удары в спину.

— Нет. Нет, нет, нет. Какая чушь! — Кёрнер всплеснул руками. — Трое преступников? Бред.

Филипп и Сабриски тревожно переглянулись — тем же взглядом, что и раньше. Сабриски снова прикусила дужку очков.

— Я знаю, тебе это не нравится, потому что ты веришь в одиночку, который пытается что-то скрыть, — устало сказала она. — Но, по нашему мнению, действовали трое. Следы не оставляют

другого логичного объяснения. Арестуй тех троих из посёлка, которые обеспечили друг другу железное алиби, — и получишь своё трио убийц.

— Если бы всё было так просто. — Кёрнер криво усмехнулся. — Попробуй объясни это прокурору. Делом занимается Хаузер.

Сабриски вздрогнула, а Филипп скривился так, будто только что хлебнул самогонки.

— Поздравляю, — сухо бросил он.

— А что толку? Я ничего не могу изменить.

Кёрнер пожал плечами и посмотрел на обнажённое запястье девушки. На подносе лежали часы, браслет и кольцо, аккуратно упакованные в плёнку.

— На украшениях был хоть один пригодный отпечаток пальца?

— Ни единого, — пробормотал Филипп.

— Ты мог бы в течение суток провести паровую обработку тела, — предложил Кёрнер.

— Мог бы. Но и на её коже я отпечатков не найду. По очень простой причине: отпечатки на девушке были. — Филипп провёл рукой по бороде. — Но кто-то потрудился стереть их тряпкой. При этом размазались брызги крови на часах. Ты меня вообще слушаешь? Отпечатки были удалены.

— Да-да. И что ты из этого выводишь? — спро-

сил Кёрнер, хотя и без того знал ответ.

— Следы начали стирать лишь после того, как хлынула кровь и девушка уже умирала. Если бы убийство было заранее спланировано, преступники позаботились бы об отпечатках ещё до этого — например, надели бы перчатки. Но этого не произошло. Значит, Сабину вообще не собирались убивать. По-моему, это было непредумышленное убийство.

Кёрнер и так понимал, к чему клонит Филипп, но принимать этот вывод не хотел: он не совпадал ни с догадкой Бергер о серийном убийце, ни с его собственной теорией о сокрытии следов.

— Но это должно было быть умышленно. Иначе не было бы предупреждения, — возразил он.

— Насколько я понял на месте преступления, предупреждали лишь о том, что случится нечто ужасное… Об убийстве речи не шло, — парировал Филипп.

— Именно, — поддержала его Сабриски. — Алекс, скажу тебе одно: если бы эти трое с самого начала планировали убийство, они бы вообще не оставили отпечатков. Это был несчастный случай. Что-то вышло из-под контроля, эксперимент зашёл слишком далеко, и девушка умерла.

Кёрнер недоверчиво покачал головой.

— Алекс, что бы там ни произошло, всё сорвалось, — добавил Филипп. — Кто-то в кровавом угаре набросился на девушку, как зверь.

Кёрнер почувствовал, как кровь приливает к голове. Сабриски и Филипп вели себя так, будто именно они руководят расследованием и уже раскрыли дело. Он смотрел на мёртвую девушку и вспоминал рану у неё на спине. Эти удары совсем не походили на последствия сорвавшегося эксперимента.

Он и сам не понимал почему, но никак не мог принять версию о спонтанной выходке трёх психов. Ему нужна была картина спланированного преступления с мотивом. Он верил в логику, а не в случай.

Он вызывающе посмотрел на них.

— Кровь под мышками, размазанная кровь на часах и ссадины на запястьях могут быть ложными следами, оставленными, чтобы сбить нас с толку.

— Преступников вспугнула журналистка. Когда бы они успели это подстроить? — Сабриски и Филипп вопросительно смотрели на него.

Кёрнер прикусил губу. Как ни крути, а они были правы. *Чёрт.*

Для убийства в состоянии аффекта не находи-

лось внятного мотива. Это резко расширяло круг подозреваемых, а уже через несколько часов от него ждали первых железных результатов. Что он предъявит Ютте Корен? Трёх мужчин с непробиваемым алиби, которые якобы хотели провести с Сабиной Крайник небольшой эксперимент, но всё пошло наперекосяк?

Филипп размял кисти и хрустнул костяшками.

— С моей стороны всё. У меня ещё дела. Если соскучитесь — я в лаборатории, дописываю отчёт. Алекс, папку можешь забрать через два часа. И мне срочно нужно набить трубку: эта леди не даёт мне здесь курить.

Он подмигнул Сабриски.

— Ты умрёшь от рака языка.

— А ты — от рака носа, потому что суёшь свой нюхательный аппарат в чужие дела, — парировал Филипп и шлёпнул Сабриски по ягодице.

— Нахал.

— Чао, Яна.

Когда Филипп ушёл, Сабриски вдруг посерьёзнела. Она спрятала руки в карманы халата и уставилась в пол с непроницаемым лицом. В один миг вся её обычная лёгкость исчезла; теперь она казалась скованной и напряжённой.

Это из-за меня? Из-за того, что она осталась

наедине со своим бывшим?

Когда-то они ждали таких минут. Теперь всё было иначе.

— Дерьмовое дело, — пробормотал Кёрнер, лишь бы что-то сказать и снова сдвинуть разговор с места.

Он покачал головой.

— Корен и Бергер думают о психопате-серийнике. Мне это по-прежнему кажется маловероятным. Я считаю, что девушка что-то знала, и её заставили замолчать. Убийца просто инсценировал место преступления как площадку безумного маньяка. А вы с Филиппом предлагаете непредумышленное убийство и теорию трёх преступников. Выбор, конечно, роскошный…

— А если всё это неверно? — прошептала она.

Он не сразу поверил, что расслышал правильно. Кёрнер долго смотрел на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— А если это вообще нечто совсем иное?

Она глубоко вдохнула и снова надела очки.

— Я ждала, пока Фил уйдёт. Иначе он бы только отпускал дурацкие шуточки. Иди сюда, я покажу тебе кое-что из того, что мы с лаборантами обнаружили при вскрытии. Начнём с главного: хочешь знать, от чего она умерла?

Кёрнер уставился на мёртвую девушку и вспомнил её размозжённый позвоночник. *Что за безумный вопрос?*

— Она истекла кровью.

И вдруг он уже не был в этом уверен.

— Да, к этому всё и шло, — сказала Сабриски. — Но прежде она задохнулась. Знаю, для такого дилетанта, как ты, это звучит безумно. Но факт остаётся фактом: из-за большой дозы валиума у неё уже начались проблемы с дыханием, а пятнадцать минут спустя ей раздробили позвоночник. В ту же секунду отказала вся вегетативная нервная система. Дыхание остановилось. Девушка задохнулась.

— Откуда здесь такие лужи крови?

— Костномозговой канал обильно снабжается кровью. Плюс раздробленные кости — вот и объём.

— Размозжённый позвоночник… разорванные кости… — повторил он и потёр виски. — Ей было четырнадцать. А сегодня утром я говорил мэру: она ещё могла бы жить, могла бы когда-нибудь завести семью.

— Не могла бы, — спокойно сказала Сабриски. — Рак костного мозга. Метастазы уже по всему телу. Но сейчас это неважно.

Она отрезала тему одним коротким жестом.

— Второй пункт: орудие. Чем можно сделать такое?

— Мясницким ножом? — неуверенно предположил он.

— Нет. Её не резали и не рубили. Спину разорвали — грубо, силой. Нож так не работает.

— Тогда чем?

Сабриски задержала взгляд где-то в стороне, словно подбирая формулировку, которой сама не доверяла.

— Самое странное во всём вскрытии: я не знаю. Орудия у меня нет. Есть только это.

Она взяла с лотка костный фрагмент и подняла к неоновому свету. Кость была сломана посередине и сведена скобами.

— Третий поясничный позвонок. Он больше остальных. Разлетелся на пять частей — лаборантка собрала. А здесь — три места присасывания.

Она показала три ровных круглых отметины, выстроенных полукругом, словно по кости прошлись фрезой. Перевернула позвонок.

— На уровне второго поясничного заканчивается спинной мозг. И ровно здесь, между вторым и третьим, видишь этот «кислотный» износ? Словно кто-то пытался пунктировать канал.

Кёрнер прищурился. На краю действительно была тонкая шлифовка — как после надфиля.

— Яна, скажи прямо. К чему ты клонишь?

— К тому, что Сабину Крайник пунктировали, чтобы взять спинномозговое вещество и ликвор. В ране мы нашли следы и того, и другого.

— Ликвор… в ране? — нахмурившись, он кивнул на тело.

— Алекс, — в её голосе мелькнуло раздражение. — Мозг плавает в ликворе — спинномозговой жидкости. Она течёт из четвёртого желудочка вниз по позвоночнику до крестца и омывает корешки нижних нервов.

Кёрнер смотрел на неё так, словно она перескочила на чужой предмет. Сабриски обошла его, провела пальцем вдоль его позвоночника и ткнула чуть выше ягодиц.

— Вот досюда. Спинной мозг лежит в ликворе, как на водяной подушке… даже у тебя.

Она позволила себе едва заметную язвительность — и тут же снова стала деловой.

— Думаю, у девочки изъяли миллилитр спинномозгового вещества и два миллилитра ликвора.

— Яна, без лекций, — сказал он ровно. — По сути: это значит, убийца — врач?

Перед глазами всплыл доктор Вебер: в машине

Красного Креста, напротив репортёрши, он убирает пустые ампулы.

Сабриски качнула головой, отгоняя слишком простой ответ. Позвонок медленно вращался между её пальцами.

— Обычно костный мозг берут из подвздошной кости, по гребню таза. Ликвор пунктируют между четвёртым и пятым поясничными — там уже нет спинного мозга, нечего задеть. И всё равно это риск: в канале нервы.

Она подняла позвонок.

— А попасть иглой именно сюда… это либо безумие, либо демонстрация силы.

Она выдохнула, будто ей самой не нравилось звучание этих слов.

— И ещё: девочка во время процедуры стояла. Об этом говорят следы крови на стене. Пункцию делают у сидящего человека, наклонённого вперёд.

Она положила позвонок обратно.

Кёрнер снова увидел железный каркас, и от этого воспоминания свело горло.

— Или у того, кого наклоняют ремнями и блоками, — тихо добавил он.

Сабриски кивнула резко, почти сердито.

— В любом случае тот, кто это делал, врач или

нет, либо одержим, либо выдающийся мастер. И в какой-то момент всё как-то сорвалось.

Она беспомощно посмотрела на тело и тут же отвела взгляд.

— «Сорвалось»?

— Да, — сказала Сабриски, опережая его. — Я знаю: в медицине не бывает «как-то». И я так не пишу. Но здесь иначе не объяснить.

— Ладно, — он поднял ладони, гася спор. — Вернёмся к орудию. Чем её пунктировали — и что присосалось к позвонку?

Сабриски выдержала паузу.

— Ничем. Никакого устройства.

— Клещи. Штырь. Микрозахват. Кабель… Что угодно, — упрямо перечислил он.

— Нет. — Она прикусила губу. — Зато в ране мы нашли два следа. Первый — физраствор с высоким содержанием флуимуцила, муколитика. Поэтому на месте преступления и пахло серой.

— Тухлыми яйцами, — машинально уточнил Кёрнер.

— Да. И второе… куда хуже. Мы выделили органические фрагменты.

Она показала на дюжину баночек, доверху залитых прозрачной жидкостью.

— Они не от трупа. Волосы, костные осколки,

хрящ, клочья мяса, кожа, следы крови. И ещё — фрагменты дентина и тканей корня, как у человеческих зубов.

Кёрнеру стало холодно. Он не хотел продолжать мысль, но она сама дошла до конца.

— То есть… кто-то вгрызся в рану?

— Нет, — Сабриски резко мотнула головой. — Ни единого следа укуса.

— Тогда что? Преступник поранился? Оставил свою кровь?

— Если это следы убийцы, у нас серьёзная проблема.

Она пошла вдоль баночек и щёлкнула ногтем по стеклу, будто проверяя, реальны ли они.

— У этих тканей клеточные атипии. Другая структура. Другое ядро.

Кёрнер смотрел на плавающие частицы — как на что-то, чего в мире быть не должно.

— Яна, я не медик. Скажи по-простому: «другое» — это какое?

Она ответила не сразу.

— Не человеческое.

Он выдохнул, пытаясь ухватиться за рациональное.

— Тогда животное. Собака. Может, тот пёс, что вбежал в бар…

Сабриски покачала головой.

— И не животное.

— Тогда о чём ты говоришь?

Она посмотрела на него почти беспомощно, и это выбило из него остатки злости.

Только теперь Кёрнер по-настоящему понял, что она имела в виду, говоря о Филиппе. «Дурацкие шутки» — мягко сказано. Филипп разнёс бы всё в клочья: разорванные раны, расколотые позвонки, пунктированный ликвор, «нечеловеческий» дентин… Он бы смеялся громко и зло. И Кёрнер, пожалуй, не нашёл бы в себе сил его осадить.

Он и сам слышал, как это звучит: как бред. Не знай он, кто такая Сабриски, он бы решил, что она сошла с ума.

— Я знаю, что ты думаешь, — тихо сказала она. — Но дальше будет хуже.

Она перешла на другую сторону зала и включила монитор, соединённый с камерой и видеомагнитофоном. Чёрный экран зашипел, дрогнул и залился белизной. На нём проявились прозрачные мерцающие круги величиной с ладонь, будто они плавали в жидкости.

— Клетка ороговевающего эпителия. Видишь реснички? Подвижные отростки. Поверхность

— как щёточная каёмка.

Она достала ручку и отметила нужные места.

— Щёточная каёмка… — пробормотал Кёрнер.

Ему вспомнилась медуза из детства: хорватский берег, сеть, солёные пальцы. Они ездили к морю почти каждое лето — и всегда ненадолго, пять дней, не больше.

— Размер — около восьми тысячных миллиметра, — продолжала Сабриски. — Электронный микроскоп, двенадцать тысяч крат. Так мы смотрели чужеродную ткань.

Она заговорила быстрее, будто боялась, что он оборвёт её раньше, чем прозвучит главное.

— Клочья мяса, кожа, хрящ, следы крови ведут себя автономно. По правилам распад уже должен был начаться. Но происходит обратное: ткани делятся активнее, как будто сами «включаются». И нервные элементы реагируют на внешние раздражители.

Кёрнеру стало тесно в этом помещении, как в чужой коже. Он глянул на часы.

— Девочка мертва девять часов. Как это возможно?

— Девочка — да. Но не то, что у неё в ране.

— Чушь.

— Смотри. — Сабриски постучала ручкой по

экрану. — У мёртвой клетки была бы нитчатая или зернистая структура. Здесь — ничего.

— А если ты ошиблась?

— Могу ошибиться я. Но не микроскоп.

— Это запись с браком, — упрямо сказал он.

Сабриски рассмеялась коротко, без радости.

— Это не запись. Это прямой сигнал. Они двигаются сейчас. Ткань не мертва — она живёт сама. Ты смотришь на деление.

Она провела ручкой по экрану.

— Ядро — носитель наследственности. В хромосомах — гены. Сейчас они становятся видимыми… вот. Видишь? Каждая нить ДНК удваивается.

Кёрнер заставил себя смотреть. «Ядро» перетянулось посередине, будто его стянули нитью. Две половины разошлись — и почти сразу начали расти, догоняя прежний размер.

Сабриски смотрела заворожённо, как на доказательство, от которого некуда деваться. Его это не убеждало — только выматывало.

— Всё. Хватит, — оборвал он. — Скажи, что это значит для нас.

— Это значит, что после деления дочерние клетки растут до размера материнской, — выдохнула она. — Невероятно.

Она сглотнула.

— То, что ты видел за десять секунд, в норме длится пять–восемь часов. А само деление — ещё час.

— Яна, — сказал он медленно. — Один ответ. Кто или что сделало это с девочкой?

Сабриски устало подняла на него глаза.

— Алекс… её не кололи снаружи. Этот чужеродный объект прорвался наружу изнутри — с такой силой, что оголил позвоночник.

— То есть у неё спина изнутри лопнула? — выкрикнул он. — И ты хочешь, чтобы я поверил?

Он оглядел зал — не прячется ли кто-то за шкафами. Никого. И Сабриски не шутила. Он всё равно не выдержал и усмехнулся — от бессилия.

— Прости…

И, не справившись, рассмеялся.

Сабриски резким движением выключила монитор.

— Ошибка. Не надо было показывать тебе это.

Она выдвинула ящик и достала несколько распечаток.

— Я отправлю образцы в Инсбрук на анализ ДНК. После этого будем знать больше. А пока могу сказать только: «иначе» и «как-то».

Она вложила бумаги ему в руку.

— Предварительный отчёт. Хочешь — не хо-

чешь.

— Ты лучшая, Яна, я…

— Да-да. Хватит. — Она упёрла руки в бока. — Я понимаю, о чём ты думаешь. Но я не сошла с ума. И конструкция исправна.

— Прости. Я верю. И отчёт прочту.

Он поцеловал её в щёку. Странно, но она не отвернулась. От неё пахло как раньше — мылом, духами, шампунем и тёплым, знакомым запахом её самостоятельно связанных водолазок. Ему всегда нравилось это: в этом запахе было что-то про дом — и про безопасность.

Она не позволила моменту стать личным.

— Если сомневаешься, привлеки Курта Зайзера или Гюнтера Маркса. Они подтвердят.

— Не надо. — Он отрезал. — Мне дальше, в психиатрическую больницу в Кирлинге. Попробую вытянуть что-нибудь из репортёрши. Потом — к Филиппу в лабораторию: заберу отчёт и фотографии Базедова.

Он взялся за ручку, но обернулся.

— Да, и ещё. — Он почесал затылок. — Филипп говорил: в Кремсе, в девяносто шестом, и в Гмундене, в девяносто восьмом, у него были похожие случаи. Это только мысль… но достань мне те протоколы вскрытий.

— Попробую…

Он уже вышел.

— …и, Алекс!

— Да? — Он обернулся в последний раз.

Сабриски стояла у погасшего монитора и электронного микроскопа, под которым клетки по-прежнему делились — минута за минутой.

— Я не знаю, с чем мы столкнулись. Будь осторожен.

ГЛАВА 7

Кабинеты на третьем этаже земельного командования жандармерии пустовали. Большие настенные часы над входом в отдел показывали 19:00.

Кёрнер собрал бумаги, прижал к боку тяжёлую стопку дел и прошёл по коридору. К счастью, «гиен» на месте не было: Брайтнер и Зедлак — на выезде, Кречмер — в комнате допросов. Из всех самым безобидным оставался Швайгер.

У него было дежурство. Он сидел, закинув ноги на стол, и безучастно перелистывал газету. От него Кёрнер и узнал, что Ютта Корен ужинает с прокурором Хаузером, командующим земельной жандармерией Бейком и министром внутренних дел — вероятнее всего, в «Плахутте», фешенебельном ресторане в первом венском районе. Другой антураж для подобной встречи и представить было трудно.

Кёрнер распахнул дверь своего кабинета и с размаху швырнул папки на стол.

Комната была вдвое меньше кабинета Ютты Корен, а окно выходило в унылый внутренний двор. Кабинет с видом на улицу он бы всё равно

не взял: ему нужна была тишина, чтобы без грохота машин уходить в материалы дел с головой.

На парковке темнели лишь несколько автомобилей. Свет фонаря дрожал в лужах, порывистый ветер швырял дождь в стекло. Батарея потрескивала; воздух стоял тяжёлый и затхлый, с запахом пиццы и духов Сони Бергер.

Она прижала трубку плечом к щеке, быстро делала пометки в блокноте и на миг подняла глаза.

— Да, очень мило.

Она положила трубку.

— Это был сотый «признавшийся» в том, что задушил Сабину Крайник. Портье соединяет всех подряд… я топчусь на месте.

— В основном пресса, — сказал Кёрнер. — Им бы хоть крошку. Любым способом.

Он повесил пальто и пиджак на крючок и сел напротив, на другой край стола.

— Как добрались из Грайна?

— Великолепно, — сухо ответила она. — Подвёз какой-то прыщавый юнец в форме. По-моему, и прав-то ещё не получил. А потом начал приглашать на ужин — так настойчиво, будто делает одолжение. Аппетита у меня не было.

Кёрнер кивнул и невольно скользнул взглядом к сложенной коробке из-под пиццы в корзине.

— Значит, вечер отменился.

— Какой «вечер»? Он всю дорогу пялился мне на грудь.

Кёрнер усмехнулся:

— Не будьте к нему так жестоки. По дороге туда я тоже грешил.

— Нет, — спокойно, почти упрямо возразила она. — Вы не грешили. *Господи… я идиотка.*

Щёки у неё вспыхнули, и она отвела взгляд. За три недели он впервые попытался сказать ей что-то личное — и опять неловко. Он понимал это слишком хорошо и понимал ещё одно: он давно разучился говорить иначе.

Кёрнер подался вперёд, опёрся локтями о стол.

— Ладно. К делу. Что у нас есть? И если вдруг найдётся хорошая новость — начнём с неё.

Она посмотрела на него усталыми глазами. Тёмные круги под ними были настоящими, не следами косметики.

— Хороших нет. Я связалась с криминалистами. Рольф Филипп прислал по факсу отчёт об овальной салфетке с инициалами BF. Хлопок; инициалы и розы вышиты золотистой нитью. Ей около двух лет. Похоже на подкладку — салфетку-подставку, такие часто лежат в квартирах пожилых дам. В ткани есть следы сигаретного

дыма. Слюна и остатки помады — только от погибшей. Всё.

— Никаких отметок? Фирма, партия, хоть что-то?

Она коротко усмехнулась — без веселья.

— Таких — миллионы. На винных ярмарках ими разбрасываются.

— Ладно. Дальше.

— Я нашла Чака Райнера, владельца дискотеки.

— Уже лучше. Везём на допрос.

— Не выйдет. Он был со вчерашнего вечера до сегодняшнего утра в Штирии: ставил музыку в ночном клубе. Если это правда, его видели сотни людей. Алиби — бетон. Кемпен проверяет.

— Что ещё?

— Я подняла звонки с телефона Сабины в ночь убийства. Был один разговор — с неким Мартином Гойссером. Вам знакомо это имя?

— Должно быть?

— Местный парень. Примерно её ровесник.

Гойссеров в округе могло быть сколько угодно; ни одного лица к имени у Кёрнера не привязалось.

— Записал. Завтра займёмся. Ещё что-нибудь?

Она пожала плечами и сразу поморщилась.

Кёрнер заметил выпуклость под плечом свитера: наплечника не было, проступали контуры повязки.

Марля напомнила о вчерашней перестрелке, и мысли пошли цепью: предохранитель — рукопашная — выстрелы — раненый сотрудник — захватчик в коме — адвокат — пресса — дисциплинарка — суд — отстранение… одним словом, *всё летит к чёрту*. И держится — на этом деле.

Он отогнал это и снова слушал Бергер. Она рылась в бумагах и говорила ровно, по-деловому, будто так проще не сорваться.

— …свидетелей нет. Никто не видел, как Сабина шла от дома родителей к бару. Я обошла все дома вокруг — ноги стёрла. С тех пор как я здесь, я на телефоне. Записала сотни звонков, первые несколько десятков наводок свела в список. Одна я бы утонула, но Кемпен и Малик из соседнего кабинета помогли всё перелопатить и отсеять. Десятки «признаются», но все говорят про удушение — мы сразу их вычеркнули. Настоящего среди них нет. Никто не хвастался тем, что ударил девочку ножом в спину.

Ножом в спину… Ещё несколько часов назад он был в этом уверен. Но если Сабриски права, то и этого не было.

На самом деле они искали того, кто разорвал девочку изнутри и переломал ей позвоночник. В памяти всплыло чужеродное тканевое вкрапление в ране: усиленное деление клеток, способность к самовосстановлению. Кёрнер промолчал: Бергер и так была перегружена, отчёт Сабриски она прочтёт достаточно скоро.

— А у вас? — спросила она, не поднимая головы.

Кёрнер уронил ручку на коврик.

— Дело ненормальное. Филипп и Сабриски уверены: это не умысел, а спонтанный срыв. Что-то вышло из-под контроля.

— Не верю, — отрезала Бергер, и в её голосе слышалась не злость, а усталое сопротивление.

— Некоторые результаты на это намекают, — сказал он, — но я тоже не очень верю в аффект. Если такое можно было предугадать, значит, к этому готовились.

— Убийство не предугадывали. Сказали только: под утро случится что-то ужасное.

— Господи… вы говорите как Сабриски.

Неужели он один видит здесь расчёт? А если ошибается? Если это просто чудовищная случайность — или работа психа, который бьёт наугад? Но как объяснить такую рану?

— И ещё. Сабриски не смогла назвать орудие убийства, — продолжил он. — Рана возникла иначе.

— Иначе — как?

— Она не знает, — соврал Кёрнер. — Ждёт результаты из Инсбрука. Но они с Филиппом считают, что действовали трое.

Бергер подняла брови.

— Трое? С чего они взяли?

— Всё в материалах. Судмедотчёт Сабриски, отчёт Филиппа, протокол осмотра места, рисунки, схемы, фото и показания, которые собрали жандармы с поста в Нойнкирхене.

— Вы это уже читали?

— Ещё нет. Я только что из отдела криминалистов. А до того был в Кирлинге у журналистки… Всё плохо: она в отключке. Этот бездарь сельский врач вколол ей галдол — она глаз открыть не может. А мне нужна была минута. Одна.

Он сжал кулак и ударил по ладони.

— Она могла сказать, что за штука была у девочки в спине. И правда ли их было трое или один. Это бы сдвинуло дело.

Он перевёл дыхание и добавил тише:

— И я сам хорош. Надо было сначала говорить с ней, а потом ехать на место.

— Успокойтесь, — сказала Бергер. — Очнётся — будет у нас свидетельница. А пока остаётся только это.

Она посмотрела на гору папок — кривую башню на столе.

— Вы правы.

Кёрнер опрокинул стопку, разложил папки и одну за другой сдвинул их по столу к Бергер.

Она взяла первую.

— Давайте вникать.

Кёрнер поднялся.

— Вам тоже кофе?

Через час они как минимум трижды перечитали протокол вскрытия и остальные материалы, исписали поля пометками и перекрёстными ссылками, свели даты, прикололи фотографии к пробковой доске и составили список вопросов — такой длинный, что он казался бесконечным.

После восьми вечера они дозвонились до начальника строительного управления Нойнкирхена, подняли его с дивана, отправили в кабинет и попросили выслать по факсу из кадастровой папки несколько планов участков Грайна-ам-Гебирге прямо в отделение.

По этим планам они набросали схему деревни, вымерили расстояния между ключевыми точка-

ми, прикинули время в пути и собрали несколько вариантов хронологии.

Сценарий убийства они прокрутили в голове добрый десяток раз — каждый раз иначе, — но ни одна версия не сходилась так, чтобы факты стыковались без зазоров и объясняли друг друга. Одно упиралось в другое, а к финалу вопросов становилось больше, чем ответов.

На столе теснились пустые картонные стаканчики. Голова у Кёрнера гудела от кофеина; кровь тяжело стучала за виском, и он уже знал: ночью не уснёт. Он встал и приоткрыл окно. Свежий воздух вздул занавеску. Кёрнер посмотрел на часы.

— Полдесятого.

Бергер откинулась в кресле и вытянула руки, будто пыталась расправить затёкшие плечи.

— Я просмотрела все отчёты — почти ничего пригодного. На теле ни одного отпечатка. Филипп на пути отхода — через чёрный ход бара — следов не нашёл. Жандармы в радиусе километра тоже.

Она зевнула, прикрывая рот ладонью, и тут же собралась.

— А самое дикое — протокол Сабриски: чужеродные органические фрагменты в ране и повышенная клеточная активность ткани… Это не ложится ни в одну схему.

— Знаю, — сказал Кёрнер.

Он смотрел на листы на доске и на её пометки. *Чем дольше бьёшься о стену, тем меньше замечаешь всё остальное.*

— Мы застряли.

Он сгреб бумаги со стола, сложил на комоде плотной стопкой.

— В сторону. Забываем протоколы. Начинаем с нуля. Что вы узнали о Сабине Крайник — не по документам, а по людям?

Бергер потянулась к блокноту, но тут же остановилась.

— Хорошо. По памяти.

Она чуть выпрямилась.

— Она была музыкальной. Любила мюзиклы. На школьных постановках почти всегда брала главные роли. Два раза в неделю после уроков — гитара.

Она сделала паузу.

— После четвёртого класса спортшколы хотела перейти в музыкальную и взять вторым инструментом фортепиано. Денег не было. Родители хотели, чтобы после девятого она пошла в ученицы — чтобы потом продолжить бойню.

Бергер посмотрела на фотографию Сабины на доске.

— Она бы не согласилась. Не её жизнь. И я её понимаю.

Кёрнер молчал.

— Иногда каталась на роликах, но весной сломала ногу и больше их не надевала. Почему оказалась в спортшколе, я так и не поняла. Спорт был не её: ни лыжи, ни коньки, ни аэробика, ни велосипед — ничего.

Она едва заметно улыбнулась.

— Зато рисование, поп-музыка, книги. По книжной полке видно: ей бы в гимназию. Гессе, Кафка, Шницлер, Дюрренматт — читала запоем. И писала стихи — обычная подростковая лирика, *сердце-страдание*.

— С местными почти не общалась? — спросил Кёрнер.

— Почти. Большинство ребят ездили в Швец, в ближайшую школу, а не в Нойнкирхен.

— Швец я знаю, — сказал он сухо.

Бергер кивнула.

— В деревне Сабина не была ни любимицей, ни изгоем. Никаких войн, врагов, драк. Кому это могло быть нужно? Кто мог на такое пойти? Понятия не имею.

Она пожала плечами.

— Единственный хилый мотив: она не хотела

ни в церковный хор, ни на бойню родителей. Смешно, но больше ничего. Убивать из-за такого — абсурд.

Кёрнер медленно кивнул.

— Какой бы ни был мотив, кто-то о нём знал и слил газете анонимную наводку. Этот человек либо убийца, либо рядом с ним. Значит, есть тот, кто не молчит.

— Или кто молчит слишком хорошо, — тихо сказала Бергер. — И в деревне, и в школе в Нойнкирхене.

Кёрнер посмотрел на неё внимательнее.

— Дневник?

Криминальный психолог невесело усмехнулась.

— Дневник… Стихи о тоске, любовь-смерть-страдания, «зелёные» лозунги, сочувствие слабым, злость на несправедливость. Стандартный набор. Много «глубины» — и ни одной конкретной зацепки.

Она помедлила.

— Один мальчишка там постоянно: Мартин. Она, может, и сама ещё не поняла, но я уверена — была в него влюблена.

— Мартин — и дальше? — спросил Кёрнер.

— Только Мартин. Без фамилии. И это един-

ственный человек в деревне, с кем она была по-настоящему близка.

— Вы уверены, что он из деревни? — спросил Кёрнер. — Может, школьный друг.

— Вряд ли. Она писала, что он интересовался гряйнской хроникой и часто сидел в церковном архиве.

Кёрнер прикинул.

— Не тот ли это Мартин Гойссер, которому она звонила накануне?

Бергер потёрла переносицу.

— Вполне возможно.

Кёрнер взглянул на часы: без четверти десять.

— Завтра поговорим с ним. Что ещё?

— Да… — Бергер чуть оживилась. — Светлые пятна на обоях — от рамок. Раньше там висели фотографии Карины и Матиаса Крайник, старших брата и сестры Сабины.

Кёрнер поднял брови.

— Вы о них не говорили. Где они?

— Мертвы.

Она вытащила два листа из пачки.

— Справки о смерти оформил деревенский врач.

Конечно, подумал Кёрнер. *Доктор Вебер.*

— Я взяла копии в общине. Оба — «сердечная

недостаточность».

Она протянула листы. Копии были бледные, но подпись Вебера он узнал сразу — такую же видел на свидетельстве Сабины. Почерк был длинный, острый. Мальчик умер 17 августа 1999 года, девочка — 11 октября 2001-го. Диагноз: сердечная недостаточность.

— Потерять двоих детей подряд, а через два года — третьего… — пробормотал Кёрнер. — И ещё так.

Его скрутило внутри. Если бы он знал про старших детей, он бы не говорил с родителями так холодно. Он смотрел на документы, словно в них можно было увидеть причину.

В левом верхнем углу шли анкетные данные, а на месте даты рождения — бледно-серое пятно.

— Вы сами делали копии? — спросил Кёрнер.

— Нет. Фрау Лузак. Очень приятная женщина. А что?

— На обоих документах дату рождения замазали корректором.

Бергер уставилась на него.

— Сколько им было лет? — спросил Кёрнер.

— Секунду… у меня записано.

Она нашла пометку.

— Матиас родился в восемьдесят пятом, Карина

— в восемьдесят седьмом.

Кёрнер мгновенно прикинул.

— Четырнадцать. А числа?

— Матиас — семнадцатого августа, Карина — одиннадцатого октября.

Бергер побледнела.

— Они умерли в свой четырнадцатый день рождения, — сказал Кёрнер. — Как и Сабина.

— Не так… жестоко, — тихо сказала Бергер. — Но совпадение слишком точное.

— Я в совпадения не верю. Похоже, у нас впервые появилась настоящая зацепка.

Он пожевал нижнюю губу.

— Что вы узнали о родителях?

Бергер потянулась к блокноту и тут же убрала руку.

— По ощущениям, — напомнила она.

Кёрнер коротко кивнул.

— Берт Крайник — высокий, крепкий, в синем мясницком фартуке. Марга — маленькая, полная. Оба работяги. У него почти двадцатичасовой день: начинает в пять утра и заканчивает ночью, включая выходные. Свободен только по понедельникам; тогда его чаще всего видят в трактире «Бурый Пятирог» за картами.

— Времени на дочь почти не было. И отноше-

ния, похоже, были холодными: в дневнике она отца не упоминает ни разу. С матерью — ближе.

Бергер запрокинула голову, вспоминая.

— Марга ведёт хозяйство и помогает на бойне. Поёт в церковном хоре, известна тортами, печеньем и «кардинальными» пирожными. На праздниках печёт на весь посёлок; выручка идёт добровольным пожарным. Для такого места у них отличное депо и две машины. Мужчины почти все в дружине, и на соревнования Грайн выезжают сильной командой. Берт в ней не состоит.

— Командир? — спросил Кёрнер.

— Некто Хек…

— Вольфганг Хек. Я так и думал.

Бергер продолжила:

— Жители производят впечатление сплочённых: общества старые, крепко сшитые. Но Крайники не «звёзды» деревни. Соседи ничего плохого о них не говорят: женщина приветливая, отзывчивая, мужчина — угрюмый одиночка, которого вне дома видят только в трактире. Долгов нет, судимостей нет — почти образцовая семья.

Она осеклась.

— Но как вспомню разговор на кухне… до сих пор мороз по коже.

— Родня? — подсказал Кёрнер.

— У Берта три брата в деревне. Марга в девичестве Веграмер, у неё четверо братьев и сестёр; старший брат уже умер. Обе семьи — старожилы, «коренные гряйнцы».

Бергер подняла глаза.

— И они действительно родственники.

— Вы проверили? — спросил Кёрнер.

Она кивнула.

— Слухи верны. Бабушка Сабины по материнской линии была Крайник и вышла замуж за Альфреда Веграмера. Берт и Марга — двоюродные брат и сестра.

— Господи… — Кёрнер закрыл лицо руками. — И все трое детей мертвы. Это война внутри семьи? Наследство? Инцест и претензии?

Бергер ответила слишком прямо:

— Меня не удивляет, что в Грайне такое возможно.

Она тут же спохватилась:

— Я не о вас. Просто пятьсот человек, полдюжины больших родов — в таких местах это почти статистика.

Кёрнер попытался улыбнуться.

— Вы правы. К этому всё и шло. В тридцатые было иначе — пока работала шахта.

— Я читала об этом в хронике, — сказала Бер-

гер.

Кёрнер удивился.

— Вы основательно подготовились.

— Сделала домашнюю работу. В глубине Хоэн-Гшвендта была угольная шахта. Сейчас в это трудно поверить, но лет шестьдесят пять назад здесь было больше двух тысяч жителей.

— Я знаю только по рассказам. В детстве мы лазили в заброшенные тоннели. Гнилые балки, ломкие лампы, ржавые рельсы для вагонеток — наш «парк».

Он помолчал.

— Но дальше дневного света мы не ходили. За третьим-четвёртым поворотом становилось жутко. Родители бы головы оторвали, если бы узнали. А что хроника пишет про аварию тридцать седьмого?

— Только то, что после неё шахту закрыли. Люди уехали из Грайна и Хайденхофа. От «золотых» тридцатых почти ничего не осталось. Сейчас — четверть тогдашнего населения.

— А где работают теперь? В Вену не наездишься.

— Могу ответить. Жандарм был разговорчивый. В Хайденхофе много фермеров и животноводов — вы и так знаете. А многие из Грайна работа-

ют наверху, на Трирахской ГЭС у плотины, или ещё выше — в Шпойсдорфе, на химзаводе: около восьмисот пятидесяти сотрудников. Это два единственных крупных предприятия поблизости.

— Тогда этого не было, — пробормотал Кёрнер. — Ни плотины, ни химзавода…

Химия, подумал он.

— У кого в деревне есть доступ к валиуму?

Бергер посмотрела на него.

— У деревенского врача.

— Вот и он, — сказал Кёрнер. — Опять наш доктор. Нитка хорошая, но сегодня уже поздно.

Бергер зевнула, уже не прячась.

— Простите. Я устала. В голове гудит. Даты, факты, протоколы… Я больше не вижу связей, а проверять ещё столько.

Кёрнер поморщился.

— Я говорил с Корен. Дополнительного следователя нам не дадут. Из-за «деревенской дурочки» цирк устраивать не будут.

Бергер аккуратно сложила бумаги.

— Я так и думала. Подождём второго убийства — тогда начальство, может быть, проснётся.

— Вы думаете, будет второе?

Она посмотрела на него так, будто уже знает ответ.

— Неважно, серийник это или нет. План или импульс… Я видела тело и читала протокол Сабриски. Что бы это ни было — оно только началось.

Кёрнер помог ей разложить отчёты по папкам.

— По времени мы ещё держимся. Завтра программа плотная.

— С чего начнём? — спросила она без энтузиазма.

— С показаний родителей: там что-то не сходится. Они утверждают, что она вышла из дома в семь со школьной сумкой, а по вскрытию завтракала только в половине восьмого.

Он загибал пальцы.

— Потом — Мартин Гойссер и деревенский врач. И ещё — одноклассники Сабины, учителя школы в Нойнкирхене. Это пока самые живые линии.

Бергер посмотрела на него увереннее. — Я вижу, как вам важно закрыть это быстро. Пусть сейчас многое звучит дико, я уверена: мы на правильном пути. Почти всё на поверхности — осталось правильно собрать пазл. Завтра будем на шаг ближе.

Кёрнер горько усмехнулся. — Хотелось бы.

Бергер подхватила папки и пошла к двери.

Кёрнер взял пиджак и пальто и вышел следом. У порога они остановились. Он щёлкнул выключателем, и когда открыл дверь, в кабинет упал слабый неоновый свет коридора.

— Что вы делаете сегодня вечером? Мы могли бы…

Бергер не подняла глаз.

— Мне нужно выспаться. И… меня ждёт дома мой парень.

Кёрнер задержал взгляд на её лице. — Понимаю.

Они вышли и молча пошли по коридорам.

— От одной мысли, что завтра снова ехать в деревню, у меня дыбом встают волосы, — сказала Бергер.

Эта фраза могла бы принадлежать ему. Кёрнер посмотрел на неё растерянно. *Издевается?* Но лицо у неё было серьёзное.

— Когда вы уехали в Вену, а я осталась одна в Грайне, у меня появилось странное чувство — в животе. Я даже описать его не могу.

Она говорила медленно, будто подбирала слова.

— И только когда мы с жандармом выехали на автобан и встали в привычную пробку на юго-восточной тангенте — когда перед глазами

пошли «Пальмерс» и «Макдоналдс», «Милленниум-тауэр» с неоном, автосалон «Фрай», газометры, знакомые светофоры, улицы, магазины, — я вдруг поняла, насколько в Грайне всё чужое. Ненормально другое.

Её голос стал тише.

— Будто я проснулась от тяжёлого сна, вышла из какого-то другого мира и вернулась в светлую реальность.

Она замолчала.

Светлая реальность, подумал Кёрнер.

— Я знаю, звучит безумно, — сказала Бергер.

— Нет, — ответил Кёрнер. — Не безумно.

Ему было так же. Но он промолчал: не хотел её тревожить.

Они вышли на улицу.

— Спокойной ночи, — сказал Кёрнер и направился к машине под фонарём.

ГЛАВА 8

Два года назад венский магистрат в последний раз отказал в реставрации старого дома, однако о сносе здания на Рашазыгассе не могло быть и речи: Федеральное ведомство по охране памятников признало его исторической ценностью.

Поговаривали, будто в проходе во двор и в коридорах сохранилась редкая лепнина. Александр Кёрнер прожил в этом доме больше пятнадцати лет, но так ни разу её и не заметил. Значит, ему и дальше предстояло жить в этом венском курьезе — слишком старом, чтобы его снести, и слишком новом, чтобы как следует отреставрировать.

Он поднялся по винтовой лестнице на пятый этаж.

Как всегда, в подъезде пахло кафелем, сырым деревом, коваными перилами и известкой, которая в такие дни, как сегодня, набухала от дождевой сырости и пластами отставала от стен.

Порой к этому примешивалась вонь от неисправного туалета в коридоре — им до сих пор пользовались жильцы, не проведшие канализацию в квартиры. Иногда из-под крыши в лестничную клетку залетал голубь, забивался

в угол и там издыхал, после чего его неделями никто не убирал. Летом, даже при распахнутых окнах, в доме стояла чудовищная вонь.

Есть ли здесь вообще ещё дворник? — подумал Кёрнер.

С соседями он почти не общался. А с тех пор как по дому шёпотом пополз слух, будто он служит в уголовной полиции, жильцы и вовсе стали его сторониться, словно он был заразен. Его это вполне устраивало.

Вообще-то он уже давно мог бы перебраться в квартиру в новостройке. Но здесь ему было по-настоящему хорошо, и за последние годы он вложил в своё жилье целое состояние, со вкусом обустроив комнату за комнатой.

Лучшего убежища он бы не нашёл. Вид на парк значил для него не меньше, чем редкостная тишина в доме, где, кроме него, жили лишь пенсионеры, вдовы и немощные старики. Никакой крик, никакой топот на лестнице не выдергивали его из сна, за стеной не гремела стереосистема, во дворе не визжали подростки. Для отдыха это было почти идеальное место.

Он отпер дверь и вошёл. В лицо ему пахнуло холодным сквозняком.

Чёрт.

Он стремительно пересёк прихожую. Дождь барабанил по неплотно прикрытому кухонному окну. Утром он забыл его закрыть. Стена и подоконник намокли, а на полу уже растеклась лужа.

Он выдернул из ящика кухонные полотенца и бросил их на пол.

На кухне до сих пор царил позавчерашний беспорядок: немытая посуда, раскрытые кулинарные книги. Тогда он готовил лазанью — не из покупных листов, а из собственноручно вытянутого штрудельного теста.

Готовка была одним из немногих занятий, в которых он действительно мог отключиться. Кроме неё, у него оставались только бег и тренировки на мешке, но в последний месяц он все это забросил. Отсюда — раздражительность, зажатая шея, легкая головная боль. И все же сейчас он был не в силах заставить себя заниматься.

В гостиной он включил телевизор, приглушил подсветку в стеклянных витринах и зажёг ароматическую палочку. Воздух сразу наполнился мягким, успокаивающим запахом.

Он стянул мокрый свитер, затем снял футболку. Ожог, начинавшийся на тыльной стороне кисти, тянулся через всю руку до самого плеча. Розова-

тая, пятнистая кожа казалась дубленой. Боли он не чувствовал, но одного взгляда было достаточно, чтобы у любого сжалось сердце и отозвалось тянущей фантомной болью.

С обнажённым торсом он опустился на диван. Выключил мобильный и бросил его рядом, на подушку. По дороге домой он сообщил Корен о первых результатах по делу Крайник, и, судя по всему, она осталась более или менее довольна. Этой ночью разговоров больше не будет.

Он перевёл взгляд на синий полутораметровый мешок, висевший посреди гостиной на металлическом креплении и в который раз напоминавший о тренировках по тхэквондо. Он знал, что заниматься необходимо, но решил отложить это до завтра. Сегодня он уже ни на что не годился.

Голос ведущего новостей смолк. Прозвучала заставка, и камера переключилась в студию, где метеоролога как раз расспрашивали о проливных дождях.

— Неделю назад осенняя область низкого давления, вопреки обыкновению, не ушла на северо-восток, а, отклонившись к востоку, прошла над Францией и достигла Средиземного моря.

Синоптик улыбнулся в камеру. Его слова сопро-

вождались яркой схемой на карте Европы. Голос за кадром продолжил:

— Циклон, словно губка, напитался влажным средиземноморским воздухом и, неся переполненное водою чрево, двинулся через Италию на север. В пятницу он достиг Центральной Европы. На значительную часть Австрии обрушились ливни. В ближайшие дни осадки сохранятся.

Кёрнер уже не слушал.

Перед ним на столе стояла обувная коробка, которую он вытащил из-под дивана. Хрупкий шпагат не развязывали уже двадцать семь лет. Сердце у Кёрнера забилось чаще. Он потянул за шнурок, и тот сразу лопнул в нескольких местах.

От коробки пахло холодным дымом и затхлой бумагой. Он поднял крышку и уставился на стопку выцветших цветных фотографий с вздувшимися краями; по углам они местами обуглились. Шестидесятые. Осколок памяти.

Его мать была красивой женщиной — высокой, стройной, с модной по тем временам прической, длинными накладными ресницами, блузкой с запахом и мини-юбкой.

Он перебирал снимки наугад.

Вот попалась фотография отца. Худой, как жердь, инженер из Вены.

— Боже мой, — пробормотал Кёрнер.

Неужели это и правда мой отец?

Выглядел он ужасно. Кёрнер невольно усмехнулся. Отец был тощий, как тростина, с блестящим чёрным косым пробором и бакенбардами до самого подбородка. Щёки — бледные, впалые. На носу — очки в толстой коричневой оправе, из-за которых он походил на филина. На нём были серый пиджак в продольную полоску и рубашка с нелепо огромным воротником.

Да, были времена.

Его охватило странное чувство. На этих снимках родителям, должно быть, было лет по тридцать пять. Тогда они казались ему такими взрослыми, такими внушительными. А на самом деле были на пять лет моложе, чем он теперь.

Как странно.

В памяти они навсегда останутся старше него, даже если однажды ему самому будет под шестьдесят.

Они стояли перед своим домом. Тогда это ещё не была обугленная развалина с облупленной штукатуркой, почерневшим кирпичом и рухнувшим остовом крыши. Это был добротный, уютный дом с ящиками для цветов, резными ставнями и палисадником, где стоял надувной бассейн.

За левым слуховым окном была его комната. На подоконнике, как он теперь припомнил, стоял ряд плюшевых медведей, хотя на снимке их было не разглядеть.

Как же выглядела моя комната?

Шесть квадратных метров, скошенный потолок и мансардное окно. Бледно-зелёные занавески. Ковер цвета зелёного горошка. На обоях — пышный цветочный узор, который по вечерам, в темноте, напоминал ему плотные облачные поля.

Боже, как давно это было.

И ведь детство, если вдуматься, было не таким уж страшным, как ему всегда казалось. Неужели в памяти уцелело только дурное?

Он продолжал перебирать фотографии и вдруг наткнулся на снимок самого себя. Невольно рассмеялся. Судя по всему, фотография была сделана во время летних каникул. Ему было около десяти. Волосы до плеч, шорты, футболка, а рядом — его High Riser, велосипед с трехскоростным рычажным переключателем, лисьим хвостом на спинке сиденья и игральными картами в спицах, которые на ходу трещали, как мотор.

Он был загорелым, с тонкими руками, худым торсом и острыми коленками. В школе его часто

дразнили за эти колени, но Вольфганг Хек всегда заступался за него. Вместе они прошли не через одну драку на перемене.

Помнит ли Хек об этом до сих пор?

Вероятно, теперь у него другие заботы: таскает мешки с песком на дамбу — на случай, если Трир выйдет из берегов.

И тут ему попалась обгоревшая фотография, на которой он с несколькими мальчишками лежал на берегу Трира в траве по колено, подставив животы солнцу. Другая половина снимка была обуглена. Пепел крошился с края и растирался между пальцами.

И вдруг он снова почувствовал запах пожара. Услышал треск. Вспомнил, как бушевало пламя на кухне.

Память мгновенно свела мышцы судорогой. Ладони покрылись потом. Проклятый пожар, превративший дом в пепел и руины! За один-единственный день его жизнь перевернулась на сто восемьдесят градусов. Тогда он был мальчишкой — ему не исполнилось и четырнадцати.

Тогда он ещё не знал, что под действием жара мышечный белок у человека, сгорающего заживо, сворачивается, отчего суставы сгибаются и разгибаются.

Ты слышишь треск и хруст, слышишь, как шипят волосы, и думаешь, что человек уже мёртв — сгорел, сидя на кухонной скамье. Но это не так. Жар тянется к тебе, ты хочешь выбежать из дома — и вдруг тело в огне шевелится. Ты стоишь перед пожаром, оцепенев, видишь, как в пламени дёргаются руки и ноги, и думаешь: мама ещё жива. Ты хочешь ей помочь, отчаянно зовешь её — и вдруг торс распрямляется. Она тебя слышит. А потом из огня поднимается рука. Её сводит судорогой, мясо отслаивается от костей и капает на пол. Кажется, будто твоя мать танцует в огне. Почему она не кричит? Почему продолжает сидеть? Почему оставляет тебя одного?

— Чёрт!

Кёрнер смял фотографию, вытер руку о брюки и втер пепел в ткань. Поспешно накрыл коробку крышкой и задвинул её обратно под диван. Сейчас был самый неподходящий момент для сведения счетов с прошлым. Это подождёт, пока он не раскроет дело в Грайне.

Возможно, начать стоит с могилы родителей.

Он откинулся на спинку дивана и уставился сквозь экран телевизора, не замечая, что там идёт. Фотографии можно без труда спрятать под диван. А мысли — тоже?

Вот они опять.

Как ни странно, с четырнадцати лет он больше не бывал в Грайне-ам-Гебирге, не видел ни Вольфганга Хека, ни других друзей юности из соседнего посёлка, и все же вся его жизнь по-прежнему оставалась тесно связанной с этим местом.

Как так вышло?

Все началось с Даны — бразильянки, жившей в Вене. Он познакомился с ней в двадцать пять лет и собирался жениться. Для регистрации брака ему понадобилась выписка из книги рождений, но Грайн-ам-Гебирге был слишком мал, поэтому пришлось ехать в ближайший более крупный город — в загс Нойнкирхена.

И кто же сидел там за компьютерным терминалом и разворачивал из фольги бутерброд, перепачкав пальцы майонезом? Мария Шабингер, которая четыре года подряд садилась в школьный автобус в Хайденхофе и вместе с ним и Вольфгангом Хеком ездила в основную школу в Швец.

Он помнил её тринадцатилетней рыжей девчонкой с веснушками и косичками. Теперь ей было двадцать пять, и она стала чертовски хороша собой. Водолазка, длинные рыжие волосы, огненный взгляд. Веснушки никуда не делись, и в

ней по-прежнему жило то самое притягательное, чуть опасное очарование, из-за которого она ещё в школьном дворе сводила мальчишек с ума.

Мария начинала ученицей в муниципалитете, а теперь работала секретарем в приёмной мэра, вела дела загса и каждое четверговое утро принимала посетителей.

— Ты женишься? — Она закатила глаза. — Дана Перес-Гирави? Горячая штучка, да? Впрочем, неудивительно: ты и сам не из холодных.

Она улыбнулась так, будто сказала больше, чем следовало.

Хотя они не виделись столько лет, Мария, казалось, насторожилась сразу — а в следующую минуту в её голосе уже сквозила ревность. Она принялась кокетничать с ним с такой естественной, почти вызывающей решимостью, словно и вправду собиралась отбить его у другой женщины. И, к собственному стыду, он вынужден был признать, что поддался.

Во время её обеденного перерыва они пошли в пиццерию, перебрали школьные истории и рассказали друг другу, чем жили после выпуска. Он бы не назвал это любовью с первого взгляда, однако встреча с Марией настолько его смутила, что уже тем же вечером он угодил в тяжёлый

кризис отношений: Дана швыряла посуду в стену, и намеченная свадьба сорвалась.

Да, Дана Перес-Гирави и впрямь была горячей штучкой.

После этого его визит в загс Нойнкирхена утратил всякий смысл. И все же он поехал туда ещё раз — договориться с Марией об обеде и рассказать ей о своей беде.

Он до сих пор отчётливо помнил, что она сказала тогда, перегнувшись через деревянную доску с пиццей на двоих.

— Ты должен быть мне благодарен. Можно сказать, я уберегла тебя от большой ошибки.

— Да это просто глупая случайность. Может, все ещё наладится.

— В жизни не бывает случайностей, Алекс. Судьба приберегла тебя для меня.

Не успел он толком осмыслить её слова, как Мария уже перевела разговор на другое.

С тех пор он больше ни разу не видел Дану Перес-Гирави — пылкую, с копной иссиня-чёрных кудрей. А дальше всё произошло так, как и должно было произойти, — точнее, так, как, видно, было уготовано ему судьбой в лице Марии: они стали парой.

В ту пору он часто бывал у неё в квартире в

Хайденхофе и оставался ночевать, но неизменно объезжал Грайн стороной. Он не хотел ни слушать истории об этом месте, ни встречаться с людьми из соседней деревни. Марии понадобилось много времени, чтобы принять простую вещь: с этим краем, с частью собственного детства, он порвал окончательно.

Год спустя Мария забеременела, и они поженились. Обоим было по двадцать семь. Тогда он служил на жандармском посту в Мёдлинге, и ещё до рождения Верены Мария отказалась от съёмной квартиры и перебралась к нему в Вену, на Рашазигассе.

14 сентября, за день до родов, она ещё помогала ему поднимать по лестнице в квартиру лёгкие коробки и расставляла бокалы по витринам.

Вообще-то у них мог получиться счастливый союз. Они удивительно подходили друг другу: ночами подолгу лежали рядом без сна, разговаривали, смеялись, любили друг друга.

Но в Вене Мария была несчастна с первого же дня.

С каждой неделей она всё заметнее угасала, словно тяжело больная. Её мучили головные боли и ломота во всём теле, она худела, месяцами почти не спала, пока однажды не дошло до того,

что среди бела дня у неё начались галлюцинации и она едва не попала под машину.

Мария отчаянно рвалась обратно в Хайденхоф. Чтобы поправиться, ей, как она говорила, нужны были родители, друзья, привычная жизнь; в Вене же она, по её словам, просто пропадала. Шум большого города, вечная суета, смог — всё это её убивало.

Он понимал её и пытался уговорить на компромисс — переехать в Баден или Мёдлинг. Но Мария не желала уступать. Для неё существовал только родной посёлок.

Именно тот край, которого он избегал как чумы и который день за днём старательно выталкивал из памяти. *Там пропадёт уже он.*

В этой безвыходной ситуации ему пришлось принять решение, быть может, самое тяжёлое в жизни. К тому же у Марии было больное сердце, и она постоянно носила нитропластырь, расширявший сосуды.

Возможно, и это тоже сыграло свою роль: он отпустил её с Вереной в Хайденхоф, а сам остался один в своей венской квартире. Он думал, что со временем всё уладится. Но в действительности пропасть между ними только росла.

В жандармской школе в Мёдлинге ходила пого-

ворка: следователь не может делиться большей частью того, что ему ежедневно приходится видеть, ни с кем — даже с собственной женой.

Вид утопленников, изуродованных женщин и трупов, выкопанных из лесной земли, был страшен. Но страшнее всего было расследовать убийства детей. Невероятно, на что способны безумцы, когда дело касается несовершеннолетних.

И поговорка эта была сущей правдой.

Нельзя просто вернуться домой после суточного дежурства и за ужином сказать:

— Передай, пожалуйста, масло. И угадайте-ка, что мы сегодня нашли в заброшенном бараке?

Вот почему полицейских так часто тянуло к женщинам-врачам или медсёстрам: им нужен был кто-то, с кем можно говорить.

В его случае таким человеком стала судебный медик Яна Сабриски. Она повидала вещи пострашнее, чем он. Во всяком случае, она понимала, о чём он говорит, когда ему нужно было выговориться. Сам он не был так закалён, как Рольф Филипп, который весь немыслимый ужас увиденного топил в горьком сарказме.

Прошёл ещё год — и у них с Марией уже сложились разные круги общения, а говорить друг с

другом стало почти не о чем.

Мария обсуждала с подругами из Хайденхофа присыпки, младенческую кожу, манную кашу и достоинства разных марок подгузников. Он же на посту в Мёдлинге держался людей своего круга.

Он играл на саксофоне в мёдлингском джазовом подвале, пил с Базедовом наперегонки, играл с Филиппом в бильярд и беседовал с Сабриски об отпечатках пальцев, ножевых ранениях, гильзах, раневых каналах и точном определении времени смерти.

Яна стала ему близкой подругой: с ней он кочевал из бара в бар. Но роман между ними начался лишь шесть лет спустя.

Разговоры о преимуществах особой детской присыпки и о точном установлении причины смерти сочетались примерно так же, как богословский спор между католической монахиней и владельцем борделя.

Кёрнер долго не хотел признавать этой пропасти. Но в 1990 году Мария с ним развелась.

К тому времени она уже больше года жила с ребёнком у своих родителей в Хайденхофе. Доктор Вайсман, бургомистр обоих населённых пунктов, снова помог ей получить съёмную квартиру. После декретного отпуска она вернулась на пол-

ставки в загс в Нойнкирхене.

В глазах Вайсмана Кёрнер, должно быть, выглядел жалким неудачником, который не только вычеркнул из своей жизни родителей, но и бросил жену с дочерью. *Разве это было так уж далеко от истины?*

Четырнадцать лет Мария растила девочку одна.

Насколько ему было известно, после развода у его бывшей так и не появился другой мужчина. А Верена тем временем выросла в бойкую, хорошенькую девушку, которой нравилось на улице брать его под руку и класть голову ему на плечо.

Через несколько дней ей должно было исполниться четырнадцать — этого дня он ждал давно. Но с тех пор, как у него в голове неотвязно стоял образ мёртвой Сабины Крайник, он уже не понимал, чего в нём больше — радости или тревоги.

Четырнадцать лет — дурной возраст для такого места, как Грайн. Слишком много трагедий случалось именно в эту пору.

Он решительно потянулся к телефону, подтащил аппарат к себе на диван и набрал номер Марии. После седьмого гудка она сняла трубку.

— Да?

Голос у неё был сонный.

У него вдруг пересохло во рту. Он взглянул на дисплей видеомагнитофона: 23:47.

— Извини. Это я, — хрипло сказал он.

На другом конце повисло долгое неловкое молчание. Наверное, она тоже посмотрела на часы.

— Ты с ума сошёл — звонить в такое время? — пробормотала она. Он услышал, как она что-то ищет на комоде. — Уже почти полночь.

— Я просто хотел поговорить.

По правде говоря, он и сам не знал, что именно собирается ей сказать.

— Именно сейчас? — резко спросила она.

Вообще Мария была женщиной незлобивой, и обычно они ладили. Но стоило её задеть — и она превращалась в одну из трёх фурий со змеиными волосами. И неудивительно: какая женщина обрадуется, если бывший муж поднимет её с постели звонком среди ночи?

— Я Врени не разбудил?

— Она ночует у подруги. Занятия отменили, из-за наводнения автобусы не ходят. Завтра она останется у Майерхоферов, а я заберу её к обеду.

— Как она?

— Нам обязательно говорить об этом сейчас?

— Нет, я просто подумал… — замялся он.

— Конечно, ей плохо. В Грайне убили девочку.

Ты наверняка уже слышал. Верена её знала. Можешь себе представить, что она сейчас чувствует. Они ездили одним автобусом в Нойнкирхен, хотя учились в разных школах.

Мария зевнула.

— Так зачем ты звонишь?

— Я веду это дело, — вырвалось у него.

— Вот как. — Она помолчала. — Значит, ты приедешь в Грайн?

— Я уже был там сегодня.

— И как?

— Терпимо.

— Завтра зайдёшь на кофе?

— Посмотрю, будет ли время. Спасибо. И прости, что разбудил тебя. Спокойной ночи.

— Подожди.

Она снова зевнула.

— В следующий понедельник ей исполнится четырнадцать. Ты увеличишь алименты?

— Нет.

— Я так и думала. Что ты ей подаришь?

Он задумался. Что вообще дарят четырнадцатилетней девочке?

Невольно ему вспомнилась комната Сабины Крайник: меховые сапожки, ролики, нотные тетради, акустическая гитара, губная помада,

заколки, румяна, тушь для ресниц, плюшевые панды и двухметровая набивная змея.

Не слишком ли Верена уже взрослая для подобного? Хотя, по сути, она всё ещё была ребёнком, даже если тайком курила на школьном дворе и делала себе пирсинг и татуировки.

Ему стало не по себе: трое детей из соседней с Вереной деревни умерли в день своего четырнадцатилетия. Двое — естественной смертью. А вот третья — нет.

Что за чудовище бродит по этим местам?

Впервые ему по-настоящему пришло в голову, что это могла быть и его дочь. Он не смел развивать эту мысль дальше — иначе просто сошёл бы с ума.

Больше всего ему хотелось сказать Марии, чтобы она заперла девочку дома и не спускала с неё глаз все двадцать четыре часа в сутки — до тех пор, пока он не поймает убийцу.

— Ты вообще меня слушаешь? — спросила Мария. — Я спросила, может, ты подаришь ей новый мобильный?

— Мобильный… да, конечно.

— Nokia B-Free, если для тебя это не слишком дорого.

Телефон Nokia. Такой же, как был у Сабины

Крайник, — с него она за день до убийства разговаривала с мальчиком из соседней деревни.

— Ты какой-то рассеянный. У тебя всё в порядке?

— Ты знаешь Мартина Гойссера, того мальчика из соседней деревни? — внезапно спросил он.

— Да, толковый парень. По крайней мере, так о нём говорят. Но Верена с ним не знакома. А почему ты спрашиваешь? Он тоже мёртв?

Он, пожалуй, рассмеялся бы, если бы речь не шла о столь мрачных вещах.

— Нет. Убийство было одно.

— Что-нибудь ещё?

— Нет.

— Спокойной ночи. До завтра.

Она повесила трубку.

Он оцепенело уставился на телефон. Она и вправду предложила ему зайти и остаться на кофе. А почему бы и нет? Возможно, это хоть немного отвлечёт его.

Стоило ему пересечь мост через Трир и въехать в Грайн-ам-Гебирге, как Мария и Вольфганг Хек становились его единственными точками опоры. Он знал: на этих двоих можно положиться. Других друзей в тех местах у него не было.

Завтра утром он заедет за Соней Бергер к ней

домой и вместе с ней отправится в деревню. Раз она взяла бумаги с собой, значит, наверняка захватит и отчёты.

Свои материалы он оставил в кабинете, а в карман брюк сунул только рисунок журналистки. Достав листок, он развернул его и уставился на набросок.

Наспех нарисованная девочка стояла перед ним с поднятыми руками, широко раскрытыми глазами и ртом, застывшим в немом крике.

На заднем плане высился железный каркас; смутно угадывались верёвки, кожаные ремни и блоки. Эта конструкция, подобно зловещему предзнаменованию, давила на всю сцену и подчиняла себе пространство рисунка.

Не вызывало сомнений: придумал этот механизм больной разум.

Но для чего служило это устройство? Почему Сабина Крайник умерла именно рядом с этим каркасом? Ни один ребёнок в семье Крайник не доживал до четырнадцати. Было ли в смерти Сабины что-то общее со смертью её брата и сестры?

Возможно, Карина и Матиас Крайник вовсе не умерли от сердечной недостаточности. Не скрыли ли истинную причину их смерти? Не таилось ли за этим нечто большее, чем он пока предпо-

лагал? И не было ли всё это связано с тем, что их родители приходились друг другу двоюродными братом и сестрой?

Сколько он себя помнил, внебрачные и кровосмесительные связи были в Грайне больной темой. Вполголоса ходили бесчисленные слухи, и если хотя бы половина из них была правдой, то и этого было достаточно.

На некоторых хуторах детей с тяжёлыми врождёнными нарушениями прятали от чужих глаз с самого рождения. Но нередко до появления таких детей на свет дело и вовсе не доходило. В Грайне существовало немало способов этого избежать — и далеко не каждый заканчивался благополучно.

Разом ожили все слухи его детства и вновь закружили у него в голове.

Даниэль.

Имя всплыло внезапно. *Что было с Даниэлем? Что именно тогда случилось?* Мальчик из деревни был на год младше его.

Перед внутренним взором стало проступать лицо; воспоминание медленно обретало очертания. Когда он в шесть лет пошёл в первый класс начальной школы, Даниэль ходил в подготовительный. Дядя заставлял его приходить на занятия в девичьих платьях.

Он каждый день видел слёзы этого мальчика. Жители деревни смотрели и молчали — даже когда уже поняли, что дома дядя не только надевал на него юбки, но и делал с ним вещи куда страшнее.

Лишь после самоубийства мальчика стало известно, что происходило в подвале дяди все эти шесть лет.

В соседней деревне тоже случилось нечто подобное. *Что же именно?*

Подростки рассказывали друг другу, что одна пятнадцатилетняя девочка уже дважды делала аборт, хотя всем было ясно: ни с каким парнем она не встречалась.

Лени.

Все знали, что у неё и не могло быть никакого парня: отец не выпускал её из дома. О том, кто сделал её беременной, существовали лишь догадки.

Ходили и другие пересуды — о том лете, когда ему исполнилось десять. Кёрнер помнил это смутно. Он знал только одно: летом большинство женщин работали в поле до глубокой ночи. Если во время жатвы кто-то выбывал хотя бы на два дня, это считалось бедствием.

Роды в больнице были не в обычае. Дома рожали постоянно — и не всякий раз всё закан-

чивалось благополучно.

Анна.

С ней произошло именно это. Она родила мёртвого ребёнка, и, как говорили, его так и не похоронили. В трактире крестьяне рассказывали, будто видели в борозде розовый свёрток, уже обглоданный лисами, когда пахали поле тракторами.

И снова по округе ходили истории о детях.

Дочь механика была грузной, невзрачной женщиной. Мужа у неё не было, и всё же мужчины у неё не переводились. Мануэла. Она была так тучна, что женщины в посёлке не заметили её беременности. Даже сама она ни о чём не догадывалась — до той минуты, когда сидела в нужнике на заднем дворе отцовского дома и вдруг почувствовала схватки.

Ребёнка так и не нашли. Да никто его и не искал. Каждый в посёлке догадывался, что произошло, но вслух об этом не говорил никто. Все молчали — глухо и сообща, точно каменная стена.

В отличие от Мануэлы, старая деревенская лавочница снова забеременела почти в шестьдесят и родила ребёнка. Лизбет. Говорили, младенец умер при родах. Но старую Лизбет, о которой шептались, будто она не в своём уме, не раз видели в

посёлке с ребёнком на руках.

Стоял конец лета. Многие думали, что дурной запах идёт от неё самой — оттого, что она не моется. Но когда через несколько недель после родов у неё отняли свёрток, стало ясно: сладковатый, липкий смрад исходил не от неё.

Однажды мёртвые дети вернутся. Однажды их найдут — не только на полях, в выгребных ямах и в объятиях слабоумных. Их прячут и в баре «Газлайт».

Мёртвые дети лежали под засаленными половицами, за осыпающейся штукатуркой, были замурованы в фундаменте подвала. Изувеченные, привязанные к стальным балкам, с широко распахнутыми ранами, в которых плоть продолжала расти, а ткани — разрастаться и множиться.

Посреди этого гнилостного смрада стоял Вольфганг Хек. Пожарная форма на нём была залита кровью. Он брёл по человеческой плоти, проваливаясь в неё по колено.

— Кёрнер поможет нам набивать мешки песком.

Хек сунул ему в руку пустой джутовый мешок. Пальцы у него были в крови.

— До дождя нужно всё убрать. Живо.

Хек смотрел ему в глаза с пугающей одержи-

мостью.

— Не возвращайся, Алекс. Стой где стоишь. Ты не спасёшь мать. Она здесь, с нами.

Он замахал руками, силясь отогнать его дикими жестами.

— Не возвращайся. Сгоришь, как она.

Пламя тянулось к нему, облизывало его. Кожа горела, огонь взбегал по руке всё выше, до самого плеча. Волосы съёживались и исчезали, плоть вздувалась волдырями.

Он чувствовал пальцы матери. Хотел схватить её за руку, но она сидела на пылающей кухонной скамье и не двигалась с места.

Он звал её, пытался вытащить из огня, но она не помогала. Так и сидела, а у него не хватало сил вырвать её из пламени.

— Мама!

— Иди, мой мальчик. Я останусь здесь.

— Мама! Идём!

— Не могу.

С криком Кёрнер подскочил. Он ударил ладонью по руке, пытаясь сбить пламя, но никакого пламени не было. Ни жара. Ни огня.

Во сне он рефлекторно столкнул телефонный аппарат с дивана; трубка отскочила и покатилась по ковру. Непрерывный гудок вернул его к

реальности.

Гостиная. Его гостиная.

Телевизор работал. Красные цифры на видеомагнитофоне показывали 03:20. Он был в Вене, не в Грайн-ам-Гебирге, а в своей венской квартире — в безопасности.

— Чёрт.

Он вытер пот со лба. Голый торс был мокрым. Его знобило.

Медленно он разжал левую руку, судорожно стиснутую в кулак. Ногти глубоко впились в ладонь. Показался смятый рисунок репортёрши. Во сне он скомкал листок в бумажный шарик.

— Господи…

Он снова опустился на диван и глубоко вздохнул. Больше двадцати лет они оставляли его в покое, но теперь вернулись — кошмары, мучившие его в детстве.

И это было только начало. Он знал: дальше будет хуже. Прежде чем они сожрут его изнутри, он должен найти убийцу.

Он выключил свет и телевизор, взял плед, лёг на диван и попытался уснуть без сновидений.

Ретроспекти́ва I. Грайн-ам-Гебирге, 1937

Это было страшное сентябрьское утро.

Ветер гнал листву из леса через холм над шахтным штольнем и по прилегающей погрузочной площадке. У вагонных весов раскачивалась помятая вывеска акционерного общества «Гшвендтнер Штайнколенбергбау». Чёрная краска на горняцком знаке местами облупилась, и скрещённые молотки с зубилами едва угадывались.

Жестяные мастерские и конторские бараки у подножия горы казались крошечными, точно детские кубики. Трудно было поверить, что эти строения возвели для артели почти в две сотни человек. Впрочем, весь состав никогда не собирался на месте одновременно: шахта работала в три смены.

Большинство шахтёров всё равно трудились под землёй, в штреках, которые горняки за последние десятилетия прорубили в Высоком Гшвендте… Там, внизу, места хватало всем.

У компрессора взревел гудок: пересменка.

Жестяная дверь распахнулась. Когда Паульсен

вышел наружу, он поднял воротник своего промасленного плаща.

— Удачи в забое! — крикнули ему из барака.

Паульсен кивнул и захлопнул за собой дверь. Он зашагал через рельсы и между деревянными шпалами по щиколотку проваливался в грязь. Земля ещё не схватилась морозом, но до первых осенних заморозков оставалось недолго.

Впрочем, шахтёру до этого не было дела. Под землёй всегда держалась одна и та же температура — хоть град сыпь, хоть солнце пали.

Паульсен прищурился, глядя на вагоны. Они были заполнены лишь наполовину, а проклятый план, поджимавший всех, требовал, чтобы следующий состав был готов уже к полудню — ровно через пять часов.

До тех пор оставалось одно: рубить, сколько хватит сил. Изо дня в день — одно и то же.

Навстречу ему брёл Макс, машинист локомотива. Приподняв фуражку, он прошёл мимо и с газетой под мышкой скрылся в кабине. Уж ему-то жилось получше. Дважды в день Макс перевозил добытый каменный уголь к грузовым баржам на Винер-Нойштадтском канале, откуда уголь шёл в Вену, а иногда — в Пойтенштайн, где стояли купоросный и квасцовый заводы.

Остальным углём снабжали стекольные мастерские и известковые печи в Винер-Нойштадте. Впрочем, там работа была не легче, чем здесь. Сосед Паульсена страдал от пылевого лёгкого; уже десять лет он работал на отдалённом кирпичном заводе, потому что в Грайне не мог найти места.

Смена в шахте была не сахар, но счастливцем считался каждый, кому удавалось устроиться на шахту Гшвендтнера. Всем прочим приходилось мотаться в Вену или Винер-Нойштадт — либо перебиваться пособием.

Паульсен подошёл к котельной. Рядом возвышалась тридцатипятиметровая труба, обеспечивавшая главную шахту необходимой тягой. Люди из предыдущей смены уже восемь часов горбатились в штольне, и пора было им подниматься на поверхность.

Паровая подъёмная машина, старая Лизль, ревела и брюзжала, как упрямая коза, которая двигалась уже через силу. В прошлом году Паульсен с горсткой рабочих модернизировал установку. Теперь старая Лизль работала с ленточными канатами на барабане диаметром три метра и могла обслуживать двухэтажные клети.

Но то, что творилось теперь, было чистым безумием. Добыча любой ценой — таков был новый

закон. Паульсен знал, к чему это ведёт. На продуманные расчёты и внятные планы времени не оставалось. Любая попытка поговорить с распорядителем на руднике пресекалась на корню.

Даже он, будучи бригадиром, ничего не мог изменить. Начальник шахты тоже получал указания сверху — как любили выражаться. Высокие нормы и быстрые прибыли значили больше всего, а это означало одно: хищническую выработку.

Паульсен остановился перед шахтой «Божье благословение». Над деревянными воротами жужжала лампа. Провод тянулся вдоль дверного косяка и забора, а потом скрывался за столбом.

До чего же уродливо выглядит эта штука…

Но иначе было нельзя: главный ствол снабжался электричеством по двенадцатикилометровой воздушной линии. Он помнил, как её прокладывали в 1924 году. Тогда начался его первый год в шахте; ему было всего пятнадцать.

Отец этого уже не застал. Иначе ни за что на свете не пустил бы сына под землю. Слишком многие в их семье едва не погибли в шахтных катастрофах.

Им всем раз за разом немыслимо везло. Потому отец без конца предостерегал от шахты — пока

однажды гора не забрала и его самого.

— Удачи в забое.

Паульсен поднял руку в знак приветствия. Его товарищи, Диттрих и старый Григ, уже ждали у входа. Обычно они спускались втроём.

На Диттрихе были очки в тонкой оправе. Стоило ему задеть их или заляпать сажей — и он слеп, как крот; настоящий шахтёр в полном смысле слова. Он был ровесником Паульсена, под тридцать: долговязый, худой парень с коротко остриженными волосами и бледными впалыми щеками, но при этом обычно дурашливый, как ребёнок.

Иногда Паульсен и сам заражался этой неуёмной весёлостью — особенно когда они встречались в деревенском трактире, а случалось это часто. Диттрих ухаживал за младшей сестрой Паульсена, и потому шахтёры частенько его поддразнивали. Но ни Паульсен, ни его мать не могли бы пожелать девушке лучшего жениха.

Старый Григ, напротив, был крепким, молчаливым шахтёром, проведшим под землёй большую часть жизни. Как и отец Паульсена, Григ ненавидел гору, и всё же не мог от неё оторваться — будто штольни тянули его вниз своей тёмной силой.

И однажды гора заберёт к себе и Грига — и уже

не отпустит.

Старик заправил за ухо длинные седые пряди. Сморщенный лоб, небритый подбородок, тощие руки — красавцем его точно нельзя было назвать. К тому же при взрывных работах в шахте осколок лишил его одного глаза. Но повязки он никогда не носил.

— Перед горой мне нечего скрывать, — говорил он.

И потому всякий, у кого хватало смелости, мог заглянуть в пустую глазницу. Григ и впрямь был уродлив, но Паульсен любил его — даже несмотря на то, что товарищ порой упрямился не хуже старой Лизль и никого не подпускал к себе.

— Ну, за дело, — проворчал Григ.

Он придержал дверь, и они вошли. Вход в шахту был тесным и представлял собой всего лишь выступающую из склона будку, похожую на машинное отделение. Пахло маслом и соляркой.

— Удачи в забое!

Подъёмщик остановил клеть; шестерни скрежетнули, и тарахтение двигателя смолкло. Раньше они спускались в шахту в обычной клети. Три года назад в Грайне устроили «людской спуск», и с тех пор вниз их доставлял лифт, но дорога всё равно занимала почти две минуты.

Паульсен повесил непромокаемую одежду на крюк и снял свою бирку с доски спуска. По отсутствующим жетонам он понял, что его смена уже внизу. Григ взял с полки три каски и раздал их.

Мужчины вошли в кабину, которая должна была опустить их на глубину триста пятьдесят метров. Диттрих протиснулся следом; его очки мгновенно запотели. Григ захлопнул решётку и запер кабину.

— Людской спуск! — крикнул подъёмщик и перевёл рычаг.

Двигатель затарахтел, шестерни снова заскрежетали. Ролики пришли в движение, кабина пошла вниз, и их смена началась.

Постепенно свет у входа исчез, и стало тёмно. Лишь голая слабая лампочка дрожала под потолком кабины. Запах масла и солярки выветривался по мере спуска. Всё сильнее тянуло корнями и сырой землёй.

Григ потёр руки. Паульсен застегнул куртку — чёрную шахтёрскую форму с золотыми пуговицами и семиконечным воротником. Поверх был накинут коричневый плащ с капюшоном.

— Почему вы не подождали меня в столовой? — спросил он.

Он и без того почти знал ответ, поэтому поста-

рался, чтобы вопрос прозвучал небрежно.

— Этот немец ещё там? — Григ демонстративно сплюнул на пол.

— Эрих Гёттман? — крикнул Паульсен, стараясь перекрыть грохот мотора и внезапный лязг решётки.

Ещё несколько минут назад он пил горячий кофе из жестяной кружки вместе с их заграничным гостем. Они говорили об объёмах добычи за последние месяцы.

— Чем он тебе не угодил?

— Григ немцев не любит, — ухмыльнулся Дитрих. — А если по правде, так просто на дух не выносит.

— Мальчишка, ты ничего не понимаешь. — Григ покачал головой.

— И что же именно тебе в Гёттмане не по вкусу? — не отступал Паульсен.

Григ помрачнел.

— Откуда ему знать, сколько угля ещё лежит под выработанным пластом? Говорю тебе: в горном деле он смыслит не больше молодого крота, который роет свою первую нору.

— Но он всё-таки комиссар по разведке из Берлина.

— А в Берлине есть каменноугольные шахты?

— огрызнулся Григ.

Паульсен и Диттрих переглянулись, но промолчали.

— Вот именно, — продолжал Григ. — Язык у него подвешен, а толку ни на грош.

Он умел взвинтить себя до предела. Паульсен слишком хорошо его знал и понимал: теперь Григ не угомонится до самого вечера, пока не настроит против Гёттмана всю смену. И ведь, чего доброго, добьётся своего.

Не следовало их знакомить. Какая глупость.

Впрочем, даже без того неловкого разговора в кабинете управляющего Григ всё равно узнал бы о приезде Гёттмана. В шахтёрском посёлке вроде Грайна новости надолго в тайне не оставались.

Григ вцепился сухими пальцами в решётку кабины.

— Залегание пластов здесь неравномерное. Мы это знаем. Но что он смыслит в тектонических нарушениях и смещениях?

— Так объясни ему, — предложил Паульсен.

— У нас восемь участков, а он до сих пор не осмотрел ни одного, — распалялся Григ. — Его интересуют только сроки поставок да рост добычи. Думаешь, я не знаю, о чём вы говорили? Приказ у них один: уголь — ещё больше угля. Сверхуроч-

ные, дополнительные смены. Такие слова, как «пылевое лёгкое», для этих важных господ не существуют. Никто из них рук не пачкает.

Ну и денёк предстоит…

Григ был в ярости. В такие минуты наружу прорывалась вся его давняя, слежавшаяся ненависть к «полировщикам столешниц» — так он называл членов правления.

Дипломатом Григ не был. Ни тонкой критики, ни спокойного обмена мнениями он не признавал. Для него существовали только хорошие и плохие: хорошие работали в шахте, плохие — в конторах. Хорошие — внизу, плохие — наверху, потому что сверху всегда легче пнуть тех, кто внизу, заставив их глотать пыль.

Так был устроен простой мир Грига, и так он прожил уже пятьдесят четыре года.

Паульсен не раз спрашивал себя, почему Григ отказался от конторской должности, которую ему предложили после несчастного случая. С его опытом он управлял бы этим хозяйством куда лучше тех, кто ни разу не видел гору изнутри.

Но Григ с пятнадцати лет работал под землёй и всегда сторонился начальства, хотя его знали все и все знали, чего он стоит. Паульсен догадывался, в чём дело. Стоило Григу оказаться перед

человеком в пиджаке и галстуке, как у него вставал в горле такой ком, что становилось трудно дышать.

Вместо того чтобы сидеть при дневном свете за письменным столом, Григ предпочитал работать плечом к плечу со своими товарищами в штольне, глотать пыль, сдирать в кровь руки в темноте, губить суставы в сырости и холоде.

И хотя Паульсену было больно смотреть, как Григ чахнет в горѐ, он понимал, какое счастье иметь такого человека в своей бригаде. Грига слушались все. Его слово значило много, потому что опыта у него было больше, чем у любого из них. А в проклятой горе Высокий Гшвендт такой опыт был на вес золота.

— Вот увидите, — выплюнул Григ. — Они ещё и правила приёмки изменят, лишь бы признать уголь годным.

— Годным для чего? — Диттрих поморщился.

Григ уставился на него так, будто ответ был самоочевиден.

— Для вооружения.

— Мы вроде не вооружаемся, — усмехнулся Диттрих и переглянулся с Паульсеном.

— Мы — нет. А Германия — да. Гёттман прибыл из логова льва — из Берлина. — Григ презритель-

но скривился. — Понимаешь, что это значит?

Диттрих покачал головой.

— Ну и что? Какое нам дело до Германии?

Григ понизил голос.

— Поговаривают, Гитлер хочет подмять под себя Австрию и Чехию. Лишь вопрос времени, когда немецкий вермахт перейдёт границу.

Он сплюнул.

— Чёрт побери, одну войну я уже пережил, когда вы оба ещё под себя ходили. Только второй нам и не хватало.

— Ты ведь не всерьёз думаешь, что германское вооружение имеет отношение к нам и к нашей шахте? — Диттрих топнул по полу кабины, и решётка загремела.

Григ громко расхохотался.

— А к чему же ещё? Как ты думаешь, откуда немцы берут сталь для своих танков? И кто, чёрт возьми, поставляет в Австрии лучший кокс для огневых работ?

И тут Паульсен понял, к чему он клонит.

— В этом что-то есть. Но почему тогда Гёттман не поехал в Грюнбах-ам-Шнееберг? Там ближайшая каменноугольная шахта. Добыча у них выше. У нас всего сорок восемь тысяч тонн в год.

— Слушай в оба, малец, — сказал Григ, ещё

сильнее понизив голос. — Насколько я слышал, немец уже побывал там. И в Грюнбахе, и в Цилллингдорфе уже подписали договоры с Берлином. Мы — последние на его пути.

Они умолкли.

Кабина дёрнулась и тяжело встала. Они прибыли на восьмой, самый новый участок — на глубину триста пятьдесят метров. До этой отметки и был пройден ствол. На так называемом третьем глубинном горизонте залегал огромный запас каменного угля.

Штольня уходила в толщу горы уже на восемьсот метров. До конца жилы они пока не добрались. Никто не знал, какова её истинная протяжённость. Планы на следующие сто метров глубины лежали в ящиках конторского здания, но разрешение на новый горизонт дадут лишь после того, как выберут этот.

А до тех пор рельсы для шахтных вагонеток будут уходить всё глубже в гору, пока из стены не выскребут последний угольный осколок.

Григ отодвинул решётку и шагнул из кабины.

— Собачий холод, — выругался он.

Диттрих и Григ застегнули куртки. Вообще-то здесь, внизу, температура должна была держаться на уровне тридцати двух градусов, но вода,

циркулировавшая вокруг угольного массива, действовала как охлаждающая рубашка и снижала температуру породы до восемнадцати градусов, а сегодня утром — даже до шестнадцати.

Паульсен щёлкнул ногтем по термометру. Он не верил, что гора ещё прогреется. Скорее наоборот: уже несколько дней температура падала. Гора буквально выстывала.

— Держи, — Диттрих протянул ему ручную лампу.

Трепещущее пламя осветило штольню впереди. Навстречу им неслись стук компрессора и удары врубовых машин. Они вошли в главный штрек и прошли под деревянной рамной крепью. Свежая крепь была выполнена безупречно.

Григ запросил сухой лес, выдержанный не меньше года, и, что удивительно, его действительно дали. Иногда господа из правления всё же прислушивались к Григу.

Через триста метров Григ остановился у первого предохранительного поста. Старик прищурил здоровый глаз и посмотрел на рудничную лампу, свисавшую с потолочной балки. По бензиновой лампе можно было судить о содержании кислорода в воздухе.

Но Паульсен и без неё чувствовал, что здесь,

внизу, особенно душно. Горло у него саднило.

— Люттенный вентилятор, — сказал он, кивнув на шахтную воздуходувку.

— Сломан, — мрачно буркнул Григ и хлопнул ладонью по корпусу.

Вентилятор едва тянул воздух им навстречу. Рядом на дощатой стене висел десяток дыхательных аппаратов.

— Дальше, — поторопил Паульсен.

Они молча пошли вдоль рельсов, закреплённых клиньями на новеньких деревянных шпалах. Паульсен втянул живот и протиснулся мимо шахтного состава — сцепки из передвижного жёлоба, опрокидной вагонетки и двух платформ с лесом.

В первой вагонетке лежал дроблёный уголь — чёрный, как смола, жирно поблёскивающий. Рядом валялись совковая лопата и кирка.

Какой идиот бросил инструмент прямо здесь?

Паульсен выругался и расчистил проход.

Григ запустил руку в вагонетку, растёр между пальцами угольный осколок и понюхал его.

— У нас лучший кокс. Немцы это знают.

Опять началось.

Паульсен взял Грига за плечо и потянул дальше, к паровой машине. Компрессор дрожал на

полу, а его шланг, словно жирный червь, тянулся вглубь штольни. На другом конце, под напором сжатого воздуха, работала врубовая машина.

И вдруг шум оборвался.

Внезапная тишина зазвенела у Паульсена в ушах. Из туннеля донеслась громкая ругань.

— Ваша смена уже кончилась, а вы, бездельники, всё побросали как есть! — крикнул Паульсен в темноту.

— Буровой молоток сломался! — донеслось в ответ.

Свет лампы запрыгал во мраке. Навстречу им, перекошенный от злости, шагал Карманн.

— Вы, идиоты, даже смену закончить не можете, чтобы чего-нибудь не угробить, — проворчал Григ.

— А пошёл ты! — огрызнулся Карманн, снимая каску и вытирая пот со лба.

Потом он обернулся и посветил лампой в штрек.

— Пересменка, ребята! — заорал он.

В ответ донеслись звон лопат и глухое ворчание.

— Где мои люди? — спросил Паульсен.

Карманн показал в сторону наклонного штрека.

— Рельсы кладут… Что скажете? — Он кивнул на стену.

Григ положил ладонь на стену штрека, растёр между пальцами каменную крошку, потом лизнул кончик пальца.

— Становится влажно. Если пойдём глубже, упрёмся в песчаниковую зону, и тогда хлынет вода. Весь штрек затопит, будем потом вычерпывать.

— И что ты предлагаешь?

Но ответить Григ не успел. Его перебил топот. Из темноты показалась группа рабочих во главе с Дегелем, шахтным мальчишкой.

Григ, однако, будто не заметил их. Погружённый в свои мысли, он бормотал себе под нос:

— Я же ещё две недели назад сказал: нужна машина постоянного тока на сто десять вольт. Электромотор будет гнать насос, а тот — поднимать воду наверх. Без этого мы здесь утонем.

— Чепуха!

Дегель остановился прямо перед ним, засунув руки в карманы. Он работал в шахте всего три недели — уборщиком: подбирал угольные куски после выемки и подносил их к вагонеткам.

— Что? — Григ упёрся руками в колени, наклонился вперёд и уставился ему прямо в лицо.

— Это ты сейчас сказал, малец?

Дегель резко отвёл взгляд от изуродованного лица Грига и сплюнул на пол. Хотел казаться грубее? Хотел быть похожим на остальных? Паульсен невольно усмехнулся. На него мальчишка производил скорее жалкое впечатление.

Все знали, что он сын управляющего. Ему не нужно было никому доказывать, что он крепкий парень и свой среди них. Каждый, кто работал в шахте, и так становился одним из них, а гора всё равно рано или поздно делала человека жёстким.

Лучше бы парень оставался таким, какой есть.

Дегель выставил подбородок вперёд.

— Отец говорит, что на такой глубине прорыва воды бояться нечего. А ты только всех с ума сводишь своими выдумками.

— Выдумками? — глухо переспросил Григ.

Тогда наступила тишина.

Никто не посмел назвать слова Грига бредом — и уж тем более какой-то мальчишка, работавший в шахте всего третью неделю и вдобавок сын одного из тех самых полировщиков столешниц. Никто не шевельнулся; все напряжённо смотрели на Грига.

Старик откашлялся и положил Дегелю на плечо

скрюченную руку.

— Ты хоть раз переживал прорыв воды на глубине в триста пятьдесят метров? Свет гаснет, вокруг кромешная тьма и холод… такой холод, что уже через минуту начинаешь коченеть.

Жёсткими, сведёнными пальцами он взял мальчишку за щёку.

— Вода там — три градуса. Губы синеют, пальцы немеют, сердце бьётся всё медленнее. А потом вдруг становится тепло — и ты умираешь, даже не успев этого понять.

Мальчишка сглотнул. Он открыл рот, будто собираясь что-то сказать, но Паульсен перебил его:

— Следи за языком, малец. Григ рубил уголь ещё в 1898 году, когда шахтёры спускались в забой с фитильными лампами и возили уголь в старых вагонетках. Если он говорит, что нам нужен насос, значит, нужен. Понял?

Он шагнул ближе.

— И здесь, внизу, я не желаю слушать болтовню твоего отца. Наверху её и без того хватает. Из своего кабинета он нам не поможет, если мы тут начнём тонуть.

Все молчали, и Дегель, заметно пристыжённый, опустил глаза.

Но Паульсен знал по рассказам отца: при всей

своей жёсткости и напускной черствости Григ был человеком с мягкой сердцевиной. Сорок лет назад Григ и отец Паульсена вместе пришли в шахту и долгое время работали в одной смене — до тех пор, пока отца не завалило.

Эту историю Паульсен знал наизусть. Незадолго до конца смены рухнула деревянная крепь, и несколько штреков засыпало полностью. Григ тогда был рядом, но вытащить отца Паульсена уже не смог.

— Старая смена — наверх, остальные — за работу! — приказал Паульсен. — Будем расширять выработку и углублять подошву.

В этот миг послышался скрежет, и все разом обернулись. Из глубины штольни к ним бежал старый Цетко. Споткнувшись, он остановился перед ними, тяжело дыша, и вытер пот со лба.

— Гнолль откопал какую-то странную штуку…

— Гнолль сроду ничего не откапывал, — проворчал кто-то.

Несколько человек усмехнулись.

— Тихо! — рявкнул Карманн, скрестив руки на груди.

Поначалу никто не разобрал, что бормочет Цетко. Но когда Григ поднял лампу и посветил ему в лицо, все увидели, что тот бледен, будто его

только что окунули в ведро ледяной воды, — и смешки сразу стихли.

— …чёрная штуковина, прямо из земли торчит, — прохрипел Цетко. — Гнолль мне показал.

— Гнолль просто нагадил на пол! — крикнул Карманн, и все расхохотались.

— Идиоты, — бросил Цетко, утираясь рукавом. — Эта штука длинная, просто лезет из земли. — Он развёл руки примерно на метр.

Все заговорили разом.

— Тихо! — заорал Паульсен. — Пошли. Посмотрим.

Он двинулся первым. За ним пошли Карманн, Григ и остальные. Диттрих и люди из бригады Карманна молча потянулись следом по туннелю, один за другим, пока не дошли до последнего участка рельсов.

Здесь штольня заканчивалась.

Паульсен повесил лампу на крюк и посмотрел на Гнолля, сидевшего на корточках и разгребавшего землю пальцами. Тот был грузен, неповоротлив, с лысиной. Услышав шаги, он вскинул голову.

— Смотрите.

Все столпились вокруг и уставились на чёрную блестящую трубу, похожую на корень, пророс-

ший сквозь камень: наполовину врытая в пол штольни, она тянулась по земле на полметра и снова уходила в породу.

Паульсен указал на находку.

— Это ты её откопал?

Гнолль кивнул.

— Что это, чёрт возьми? — Он провёл пальцами по гладкой блестящей поверхности.

— Мне всё равно, что это, — отрезал Паульсен. — Засыплем обратно.

— Плохая мысль, — сказал Диттрих, протискиваясь к нему. — Мы здесь рельсы для вагонеток не проведём.

Паульсен кивнул. Проход и без того был тесен; места для манёвра почти не оставалось.

— Что предлагаешь?

Он обернулся, но Диттриха рядом уже не было.

— Давайте выкопаем эту штуку целиком — и дело с концом, — предложил Гнолль.

— Мне не платят за то, чтобы я выкапывал древесные корни, — буркнул Карманн, ковыряя носком сапога землю.

— На глубине триста пятьдесят метров древесных корней не бывает, — мрачно произнёс Григ.

Все умолкли.

Старик пожал плечами.

— Никогда такого не видел. И всё же говорю: не трогать. Засыпать. Попробуем приподнять рельсы на брусе.

— Ерунда! — вмешался Дегель. — Диттрих прав. Рельсы тут не обойдут.

На этот раз Григ промолчал. Возразить было нечего. По такому подъёму они не уложили бы путь, даже если бы сняли в этом месте две деревянные шпалы и не стали закреплять рельсы клиньями.

— Чёртова дрянь, — выругался Гнолль, царапая ногтем по чёрной поверхности.

Потом снова полез пальцами в землю.

— Гляньте, какая длинная…

— Руки прочь! — рявкнул на него Григ.

Гнолль тотчас отдёрнул руку.

— Ты спятил?

— Да что это с вами? — фыркнул Карманн. — Неужели вы из-за какой-то штуковины уже готовы в штаны наложить?

Он присел на корточки, всмотрелся в чёрный корень и положил на него ладонь.

— Оно мягкое…

Он изумлённо вытаращил глаза.

— …и тёплое.

— Дайте пройти! — крикнул Диттрих.

Мужчины расступились. Паульсен в изумлении уставился на товарища.

— Ты что задумал?

— Вагонетки заполнены только наполовину. В полдень состав уйдёт. Нам надо уложить рельсы — или ты предлагаешь таскать уголь в вагонетку вёдрами?

Диттрих вскинул на плечо кирку.

— Я знаю, как убрать эту штуку.

Сталь инструмента блеснула в свете лампы.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — сказал Григ, покачав головой.

— Пожалуй, лучшая из всех, что у нас есть. Эта дрянь должна исчезнуть. Отойдите.

Диттрих поправил очки, потом взял кирку обеими руками и широко занёс её над плечом.

Как по команде, люди отступили.

Часть 2. Окружение
Вторник, 9-е сентября

ГЛАВА 9

Вода обрушивалась с неба такой плотной завесой, что день почти сразу сник до сумерек.

Со вчерашнего дня Трир поднялся ещё на треть, и теперь до деревянного настила моста, ведущего в Грайн, ему не хватало каких-нибудь двадцати сантиметров. По реке, тяжело тарахтя моторами, ползли лодки; люди на борту длинными шестами вылавливали из бурого потока ветки, доски, мусор.

Стоило одному бревну застрять у опор — и мост ушёл бы под воду.

Кёрнер вёл «Ауди» по мокрым доскам. В багажнике подпрыгивали взрыватели и капсюли-детонаторы.

— Идиот, — выдохнул он.

— Что? — Бергер чуть повернула к нему голову.

Он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Забыл сдать взрыватели криминалистам.

— Ну да.

Она зевнула, опустила стекло и глубоко вдохнула сырой, холодный воздух.

Машина ползла по мосту шагом. Они молча

смотрели по сторонам. Мужчины в дождевиках сгружали с платформы грузовика мешки с песком. Выстроившись цепью, передавали их из рук в руки до самого гребня дамбы, где укладывали крест-накрест.

Кёрнер, выросший в Вене, видел такие приготовления к наводнению разве что в телевизионных новостях. И все же не сомневался: жители Грайна знают, что делают. Для них подобный паводок не был в новинку.

— Невероятно, — пробормотала Бергер.

Тысячи мешков подняли линию дамбы. Белая полоса искусственного вала тянулась вдоль берега, а всего в сорока сантиметрах ниже с глухой яростью неслась бурая вода. Мужчины выглядели так, будто проработали без сна и отдыха всю ночь.

Этот вид невольно напомнил Кёрнеру его собственную ночь: возвращающиеся кошмары, душную полудрему, бессвязные видения, из которых не выбраться. Обезболивающее не помогло — шею ломило по-прежнему, в висках тупо пульсировала боль.

— Как вы спали? — спросил он, покосившись на Бергер.

Она все ещё смотрела в окно, словно пыталась

выветрить из себя остатки сна.

— Плохо.

Она подняла стекло.

— Ворочалась, вставала, пила воду. И все равно мне опять приснилось то же самое.

— Тот человек? Который в вас стрелял? — спросил он слишком уж небрежно, и сам это почувствовал.

Бергер нахмурилась.

— Нет. Это как будто уже в другой жизни было. Мне снилось это место.

Прямо в точку.

— Мне снились бургомистр, деревенский врач, жандарм у входа в дискотеку, Берт Крайник у себя на кухне и хозяйка «Бурого Пятирога». И самое жуткое — у всех было одно и то же лицо.

Она ненадолго замолчала.

— Я не могла их различить. Где бы они ни появлялись, куда бы я ни шла… А я все шла и шла по этой бесконечной главной улице, под дождём. Шторы на окнах были задёрнуты, но я знала: из-за них на меня смотрят.

Она сглотнула.

— А потом мне приснилась смерть Сабины… Но это я вам пересказывать не стану.

Кёрнер промолчал. *О своих снах ему тоже луч-*

ше было не говорить.

— На этот раз вы без меня домой не уедете, — сказала Бергер.

— Не уеду.

По дороге в Грайн Кёрнер слушал радио и старался ни о чем не думать. Но теперь, когда они проезжали мимо заправки Тони и автобусной остановки, дело снова собралось у него в голове целиком — со всеми подробностями.

— Газету сегодня читали?

Бергер покачала головой. Кёрнер вытащил утренний выпуск из бокового кармана и положил ей на колени.

— Ничего нового. Обычная трескотня и ложные версии, которые мы сами подбросили журналистам. О нашей свидетельнице — ни слова.

Бергер развернула газету.

— Как она?

— Все ещё не в себе. Врач из Кирлинга вызвал психиатра. Придётся подождать, пока с ней вообще можно будет разговаривать.

— Ясно.

Она скользнула взглядом по заголовку, смяла газету и бросила назад, к спортивной сумке, куда заранее уложила дождевик и сухую одежду на обратную дорогу.

Плащ Кёрнера тоже лежал на заднем сиденье. Ещё раз промокнуть до нитки, как накануне, ему не хотелось. По прогнозу дождь и не собирался стихать, а день предстоял плотный: сначала деревенский врач, потом Мартин Гойссер, а затем ещё один визит к родителям Сабины.

Приемная доктора Вебера располагалась прямо на главной улице, почти на выезде из посёлка. Бунгало с плоской крышей было одним из последних домов. Дальше тянулись только скотные сараи, кладбище и вход в штольню заброшенной шахты.

Дорога шла мимо них, вдоль кромки леса у подножия Хоэн-Гшвендта, и исчезала за поворотом в сторону Хайденхофа.

Кёрнер припарковал машину на противоположной стороне улицы. Выкрашенный в жёлтый цвет дом снаружи больше походил на детский сад. На больших окнах были наклеены витражные картинки с мультяшными героями, а под навесом болтались цветные бумажные фонарики, уже разодранные ветром.

Идиллию деревенской окраины разрушали только мусорная площадка да контейнер для утилизации трупов животных, который поставили из-за паводка.

Двое коммунальных рабочих в жёлтых комбинезонах сгружали с платформы грузовичка мёртвых косуль и зайцев — вероятно, выловленных из разлившегося Трира, — и швыряли их в контейнер. До Кёрнера донёсся сладковато-тяжёлый запах падали. Он невольно поморщился.

Когда они переходили улицу, к контейнеру уже подкатил следующий грузовичок.

В приёмной было битком. Десятки женщин и детей сидели вплотную друг к другу или теснились у стойки регистрации. Под ровным гулом голосов чувствовались усталость и тревога. От мокрых плащей тянуло сыростью. Люди буквально парили, и стекла успели запотеть.

— Боюсь, мы некстати, — шепнула Бергер.

— Запишемся на следующую неделю? — так же тихо отозвался Кёрнер.

Он протиснулся мимо ожидающих, достал служебное удостоверение и сунул его под нос помощнице.

— Доброе утро. Где доктор Вебер?

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь рядом со стойкой.

— Но… — женщина вскочила.

— Спасибо, я уже понял.

В конце коридора была приоткрыта дверь. Из

комнаты доносился голос врача. Бергер пошла за Кёрнером. Через мгновение они уже стояли в дверном проёме и смотрели на доктора Вебера: сидя за столом, он листал настольный календарь, зажав телефонную трубку между щекой и плечом.

— Пришлите своих людей. Сегодня и завтра я делаю у себя ревакцинацию от столбняка.

Он слушал, хмуро постукивая пальцем по столу.

— Нет, конечно, бесплатно. А вы как думали?

Он коротко, сухо усмехнулся.

— Вы вообще представляете, что здесь творится? Люди работают в затопленных каналах и залитых очистных сооружениях, питьевую воду затянуло илом, в потоке плавают туши животных, кругом ядовитая грязь. Колодцы заражены. Неужели непонятно, что риск столбняка сейчас в разы выше?

Он прикрыл трубку ладонью.

— Идиот, — пробормотал он.

И сразу заговорил снова:

— Да-да, подождите, пока первые дохлые рыбы начнут застревать в иле или их вынесет из русла. Мы сможем находить и убирать трупы животных только тогда, когда пойдёт запах разложения,

а тогда будет уже поздно. Через пару дней придётся дезинфицировать зараженные колодцы и откачивать воду… Хорошо. К четырнадцати. Будем ждать.

Он с грохотом опустил трубку и крикнул в сторону приёмной:

— Сегодня после обеда на прививки придут двадцать человек из Красного Креста!

В ответ донёсся измученный стон.

Только после этого врач повернулся к Кёрнеру.

— Чем могу быть полезен?

Прическа у Вебера была все такой же встрепанной, голос — все таким же резким, как накануне. Лицо, изрытое следами акне, удивительно подходило к его жёсткой манере держаться.

Кёрнер вошёл в тесный кабинет. В стеклянных шкафах громоздились книги и папки-регистраторы, на столе гудел монитор; на экране Кёрнер успел заметить форму ввода какой-то базы данных.

— У нас есть несколько вопросов.

— Великолепно. А вчера вы их задать не могли? — Вебер повёл подбородком в сторону приёмной. — Там у меня не протолкнуться.

С усилием выбравшись из кресла, он обошёл стол. У кулера, стоявшего у стены, налил себе

воды в бумажный стаканчик и выпил.

У Кёрнера невольно отвисла челюсть. Такой тяжёлой деформации позвоночника он не видел никогда. Вчера, когда врач сидел рядом с ним в машине скорой помощи, это как-то не бросилось в глаза. Теперь Вебер стоял прямо перед ним.

Искривлённая спина напоминала ребристый горб гиены. Деформированная грудная клетка отчётливо проступала под белым халатом.

Вебер бросил пустой стаканчик в урну и выпрямился. На миг Кёрнеру почудилось, что сейчас хрустнут позвонки. Врач мрачно посмотрел на него и потёр виски.

— У меня голова раскалывается. Давайте покороче. Что вам нужно?

— Вы оформляли свидетельства о смерти детям Крайников, — начал Кёрнер.

— Сабине Крайник, — поправил Вебер.

— Я о тех, кто умер раньше.

Кёрнер присел на край стола.

— Матиас Крайник умер четыре года назад. Карина — два года назад.

Брови Вебера поползли вверх.

— Значит, вы все-таки взялись за прошлое этой семьи.

— Это наша работа. От чего умерли дети?

— Полагаю, свидетельства у вас уже есть. Тогда зачем спрашивать? В бумагах все написано. Надеюсь, читать вы умеете.

— Хочу услышать это от вас.

Кёрнер смотрел на него спокойно, не мигая.

Вебер сунул руку в карман халата и уставился в потолок.

— Я не скажу вам ничего сверх того, что указано в отчете. Мальчик умер в лавке на главной площади, незадолго до закрытия. Тогда меня вызвал Герер.

Кёрнер вспомнил это имя. В детстве мать часто отправляла его на велосипеде в ту бакалейную лавку за покупками. Герер уже тогда стоял за прилавком и всякий раз совал ему леденцы с колой и шипучие таблетки.

— А Карина? — спросил Кёрнер.

— Девочка умерла в церкви, во время мессы. Остановка сердца. Оба просто рухнули замертво.

— Просто рухнули замертво. Как и Сабина Крайник?

Кёрнер покачал головой.

— В бакалейной лавке, в церкви, в трактире… Что-то здесь нечисто.

Вебер снисходительно улыбнулся.

— И что же именно? В обоих случаях были де-

сятки свидетелей. У детей был порок сердца, они потеряли сознание и умерли. Такое бывает.

— И оба — точь-в-точь в день своего четырнадцатилетия. Поразительное совпадение.

Вебер пожал плечами.

— В медицине бывают совпадения и страннее.

— Например, такое: кто-то распорядился убрать даты рождения детей Крайник из свидетельств о смерти. Вы это хотите сказать?

Врач промолчал.

— Вы подделали даты? — не отступал Кёрнер.

Врач коротко рассмеялся.

— Даты рождения обычно вписывают позже, когда полиция устанавливает личность погибшего. Возможно, в этом случае о них просто забыли.

— Не забыли, — возразил Кёрнер. — Их замазали корректором.

Вебер вскинул на него острый, почти враждебный взгляд.

— Советую прекратить эти разговоры. К чему вы ведёте?

— Покажите ваши запасы валиума.

— У вас есть ордер на обыск?

— А он нам нужен?

— Я у вас под подозрением?

— Назовите хоть одну причину, по которой не

должны быть.

Сердце Кёрнера стучало с той же глухой яростью, с какой его кулаки вбивались в боксерский мешок. Только сейчас он до конца понял, до какой степени ненавидит этого врача.

И дело было не только в самодовольной манере и не только в наглом, снисходительном тоне. Кёрнер терпеть не мог, когда из него делали дурака.

Тем более теперь, когда он вёл расследование убийства.

— Я у вас под подозрением? — повторил Вебер с откровенным вызовом.

— Ещё минуту назад — нет. Теперь — да.

Кёрнер прикусил губу. *Чёрт. Не стоило выкладывать все в лоб.* Но держать себя в руках он уже почти не мог.

Вебер лишь едва заметно усмехнулся.

— В таком случае попрошу вас покинуть мою практику. Разговор окончен. У меня дела.

Он указал на дверь.

Соня Бергер, до сих пор молча стоявшая за спиной Кёрнера, вынула руки из карманов куртки и негромко откашлялась.

— С теми данными, которыми мы уже располагаем, получить постановление на обыск не составит труда. Прокурор даст устное разреше-

ние немедленно, а письменное вы получите в течение сорока восьми часов.

Вебер усмехнулся.

— Вы знаете закон не хуже меня, молодая женщина. Если вы хотите обыскать мою практику, должен присутствовать представитель врачебной палаты. Попробуйте найти кого-нибудь, кто в такую погоду сюда поедет. Желаю удачи.

Хитер, мерзавец, — подумал Кёрнер и уже раскрыл рот:

— Я…

Бергер мягко перебила его:

— Я понимаю ваши сомнения, господин доктор. Но речь все-таки не о морфии. Валиум не подпадает под закон о наркотических веществах. Мы можем решить вопрос спокойно, без лишнего шума. Но если вам предпочтительнее вся процедура — с прокурором, ордером и врачебной палатой, — мы, разумеется, это устроим. Вам будет удобно, если все начнётся сегодня около двух? Как раз к тому времени, когда придут сотрудники Красного Креста на прививки от столбняка.

На висках у Вебера вздулись жилки. Кёрнеру даже почудилось, будто у того за лбом щелкают шестеренки.

— От вас я, пожалуй, и такого мог ожидать,

— проворчал врач. — Ладно, идемте. По крайней мере, быстрее от вас избавлюсь.

Он прошёл мимо них к двери.

Кёрнер бросил на психолога одобрительный взгляд и незаметно показал ей кольцо из большого и указательного пальцев.

— Тонко и дипломатично, — шепнула она.

Они вошли следом за Вебером в комнату с табличкой «Аптечный склад».

Крошечная каморка без окон была заставлена стеллажами и запирающимися витринами, где штабелями лежали сотни коробок с лекарствами. В воздухе стоял слабый, но стойкий больничный запах.

— Грайн слишком мал для отдельной аптеки. Лекарства жители получают через мою практику.

Врач снял с полки два толстых журнала и едва не ткнул ими Кёрнеру в лицо. Страницы были исписаны сокращениями и колонками цифр, выведенных чудовищным почерком. С ходу разобрать это было невозможно.

— Это журнал поступлений. МА — аптека «Меркур» в Нойнкирхене, АКХ — Центральная клиническая больница в Винер-Нойштадте, ТП — фирма Torrex Pharma GmbH в Вене. Валиум

проходит под сокращением VA.

Он сунул Кёрнеру второй том.

— А это журнал выдачи. Количество валиума указано в миллиграммах, цифры на полях — номера карточек моих пациентов. Разумеется, анонимные. Если только вы не предъявите соответствующее распоряжение прокуратуры. Прошу извинить.

Он протиснулся между Кёрнером и Бергер и оставил их в каморке одних.

Час спустя Кёрнер и Бергер стояли под навесом у входа в практику. Дождевые капли с треском разбивались о землю у самых ног, а от контейнера снова тянуло тухлым смрадом падали.

Кёрнер грыз нижнюю губу.

Они не нашли ничего.

Каждый квартал Вебер получал крупную партию препаратов, но объемы выдачи выглядели вполне обычными и равномерно распределялись по году. Чтобы незаметно отвести в сторону двенадцать миллиграммов валиума, особой ловкости не требовалось. Но доказать ему сейчас они не могли ровным счетом ничего.

Для любого следующего шага нужен был прокурор.

А Хаузера шаткими уликами было не пронять.

Порой он колебался даже там, где доказательства казались неопровержимыми. В управлении он славился тем, что тормозил следствие.

Кёрнеру хотелось заорать от бессильной злости.

Он повернулся к коллеге.

— Скажу вам одно: врач нечист. Но я пока не понимаю, как к нему подступиться.

Бергер неодобрительно поджала губы.

— Он вам неприятен. Но это ещё не делает его подозреваемым.

— Чепуха. Мне неприятен? С чего вы взяли?

— Тише. — Она примирительно подняла руку. — Незачем, чтобы нас слышал весь посёлок.

— Это ещё что? Вы теперь составляете мой психологический профиль?

— Я просто умею слушать, Кёрнер. Вы возненавидели его в ту минуту, когда он увел у вас из-под носа единственную свидетельницу.

— Я…

Он осёкся.

Она была права. Этот ублюдок ввёл журналистку в полубессознательное состояние. Её показания могли помочь раскрыть дело, а теперь об этом оставалось только сожалеть.

— И потом, вы идете по ложному следу, — про-

должила Бергер. — У нашего доктора есть алиби. Вчера я это проверила.

Кёрнер пнул через дорогу мелкий камешек.

— Я не утверждаю, что это сделал он. Но он с этим связан. И он что-то знает. Я это чувствую. Нам необходимо добраться до тел тех двоих детей.

— Простите? — Бергер широко раскрыла глаза. — Вы форсируете расследование.

— Ничего я не форсирую. Мы ищем убийцу, который, возможно, убил всех троих детей Крайников.

Он взглянул на часы. Было без пяти десять. Хаузер, скорее всего, уже завтракал. Кёрнер достал мобильный и набрал номер прокурора.

— Алло? Кёрнер, земельное командование жандармерии Вены. Я хотел бы коротко поговорить с вами по делу Крайник.

Хаузер попытался его оборвать — как он выразился, Ютта Корен уже ввела его в курс дела, — но Кёрнер не отступал и начал рассказывать о семье Сабины Крайник.

По крайней мере, этим он сумел на миг завладеть вниманием прокурора.

Он сообщил Хаузеру о дозе валиума, о подправленных свидетельствах о смерти брата и сестры,

о странном совпадении с датами рождения всех троих детей.

Тем временем Бергер подошла к группе коммунальных рабочих, выгружавших в контейнер новую партию туш. Пока Кёрнер говорил по телефону, она беседовала с мужчиной в жёлтом комбинезоне.

— Вы тратите моё время, Кёрнер. К чему вы ведёте? — прервал его Хаузер своим скрипучим голосом.

Кёрнер отвернулся: по улице с грохотом пронеслась пожарная машина, и вода волной плеснула на тротуар.

— Я хочу подать ходатайство об эксгумации Карины и Матиаса Крайник, — крикнул он в трубку.

— Зачем? Назовите мне хоть одну внятную причину.

— Гроб — это своего рода сейф для улик, — ответил Кёрнер. — Возможно, там…

Он запнулся.

Провалил. Сразу провалил.

— Там могли бы…

— Могли бы — то есть мы вскроем два детских гроба и не найдём ничего! — резко оборвал его Хаузер. — На это я не пойду. Родители потащат

нас в прессу, журналисты разорвут нас на части. Нам и без того хватает дурной огласки. Или вы уже забыли о захватчике заложников, которого отправили в кому?

Хаузер глубоко вздохнул.

— Принесите мне что-нибудь посерьёзнее, чем две якобы замазанные даты рождения. Тогда и поговорим.

— Не якобы, там…

— Всего доброго.

Хаузер повесил трубку.

Кёрнер уставился на телефон. Заряда оставалась примерно треть. Вечером он забыл поставить его на зарядку. В лучшем случае хватит ещё на четыре-пять звонков.

Бергер вернулась от коммунальщика.

— Ну как?

— Меня сейчас стошнит.

Она пожала плечами, словно и не ждала другого.

— Тогда хотя бы у меня есть хорошая новость.

— У вас свидание с мусорщиком?

Она состроила обиженную гримасу.

— Я выяснила, где живёт Мартин Гойссер. Тот самый парень, с которым у Сабины был последний телефонный разговор.

Она указала на старый, покосившийся дом на противоположной стороне улицы.

— Вон там.

ГЛАВА 10

Александр Кёрнер и Соня Бергер стояли перед двухэтажным домом из красного кирпича.

Вдоль фасада поднималась массивная труба, на вершине которой темнело заброшенное гнездо аиста. В пустых ящиках под окнами стояла дождевая вода, а между бетонными плитами, уложенными вокруг дома, клочьями пробивалась трава.

— Этот Мартин, должно быть, и есть тот самый мальчик из дневника Сабины, — сказала Бергер.

— С чего вы взяли? Она ведь ни разу не назвала его фамилию.

Кёрнер открыл калитку, пересёк лужайку и нажал на звонок.

— В дневнике она пишет, что часто ездила на велосипеде к окраине деревни и навещала Мартина дома. В солнечные дни они лежали в траве, смотрели на аистов в гнезде, а она слушала его рассказы о находках в церковном архиве и деревенской хронике Грайна.

— Не слишком вяжется с девочкой, которая слушает Marilyn Manson.

Кёрнер позвонил ещё раз. За дверью было

тихо.

— Птенцы разлетелись, — бросил он и нажал на ручку.

— Кёрнер!

— Не волнуйтесь. Заперто.

В этот миг у них за спиной захрустел гравий. У садовой ограды остановился дребезжащий «Фольксваген» с надписью «Elektro Goisser», и из него выскочил молодой мужчина лет двадцати пяти. Волосы до плеч, синий рабочий халат.

Ссутулившись и подняв воротник, он перебежал через сад и встал рядом с ними под навесом.

— Ну и погодка, чёрт бы её побрал!

— Добрый день, — сказала Бергер и представила себя и Кёрнера.

— Не нужно. Вас тут уже вся деревня знает.

Мужчина ухмыльнулся.

— Герман Гойссер. Хороший электрик не нужен?

Он протянул Бергер руку. Кёрнера демонстративно оставил без внимания.

— Вы не знаете, где можно найти Мартина Гойссера? — спросила Бергер.

— Моего брата? Если не прогуливает, должен быть в школе.

— Когда он вернётся?

— Это уж как повезёт. — Гойссер пожал плечами. — Автобус приходит в деревню в три, но Мартин может явиться и только вечером. Парень вечно где-то пропадает.

Он звякнул связкой ключей и отпер дверь.

— Мы могли бы осмотреть его комнату? — спросил Кёрнер.

Гойссер смерил его тяжёлым взглядом.

— Он опять что-то натворил?

— Опять? И что же он обычно творит? — отозвался Кёрнер.

— Нет, — поспешно вмешалась Бергер. — Ваш брат ни в чём не замешан. Вы, вероятно, знаете, что мы расследуем убийство Сабины Крайник. Мартин был знаком с этой девочкой. Мы лишь хотели бы поискать в его комнате какие-нибудь следы или зацепки. Только и всего.

Она улыбнулась мягко, почти обезоруживающе.

Кёрнеру показалось, что разговор она намеренно взяла на себя. *Ей приглянулся этот тип? Или она просто не хочет, чтобы я снова сорвался и превратил обычную беседу в перепалку?*

Гойссер подмигнул Бергер.

— Да пожалуйста. Комната наверху. Осматривайтесь, только ничего не трогайте. И Мартину

не говорите, что это я вас впустил. Я пока заберу из мастерской запчасти и уеду. У вас пять минут.

Он посторонился, пропуская их в дом.

Когда хозяин исчез у лестницы в подвал, Кёрнер и Бергер огляделись. Стены были обшиты ореховым деревом, в прихожей теснились вычурные комоды, а на вышитых картинах красовались лесные и цветочные мотивы.

В доме стоял странный запах старого ковра, древесной стружки и застоявшегося воздуха. Свежая краска и распахнутое окно этому жилищу явно не повредили бы.

Под подошвами Кёрнера заскрипели половицы. На второй этаж вела крутая деревянная лестница. Он пошёл первым.

— То, что мы делаем, неправильно, — прошипела Бергер ему вслед. — Нам не следует осматриваться здесь без ордера.

— Господи, его брат сам нас впустил. Это вы своей тонкой дипломатией открыли нам дверь.

— Я лишь пыталась не дать вам снова устроить скандал. Мы с вами в этой деревне уже чувствуем себя вражескими захватчиками. Ещё немного — и нас начнут побивать камнями.

— Но мы-то на стороне добра. Камнями швыряются другие.

Она протиснулась мимо него и прошла по коридору к последней двери, на которой висел плакат с Альбертом Эйнштейном.

— Вы так спешите? — спросил он.

— Просто хочу опередить тот миг, когда вы решите выбить дверь.

Боже, сколько в ней сегодня яда. Это от напряжения, которое не отпускает её в Грайне? Или она наконец оттаивает, сбрасывая маску чопорной «психотётки», как назвал её Рольф Филипп?

Бергер нажала на ручку, шагнула в дверной проём — и застыла.

— Что там?

Кёрнер быстро поднялся к ней.

Лицо у неё стало белым как мел.

— Мальчик никуда не уходил.

Кёрнер встал у неё за спиной и заглянул через плечо в комнату.

Комната была достаточно просторной, чтобы подросток мог устроить в ней собственное царство. Здесь помещались письменный стол с компьютером, колонками и принтером, платяной шкаф, смятая постель, школьные папки, в беспорядке разбросанные по полу, и книжные стеллажи, тянувшиеся вдоль всей стены.

Из-за большого окна и наклонного деревянного

потолка, сходившегося к остроконечной крыше, помещение напоминало мансарду. Поперёк комнаты проходила потолочная балка.

И с этой балки на верёвке свисал Мартин Гойссер.

Лицо у него посинело, рот был открыт, глаза смотрели в пустоту. От сквозняка, ворвавшегося через распахнутую дверь, тело медленно повернулось. Верёвка заскрипела о балку, и мелкая пыль осыпалась мальчику на плечо.

— У нас пять минут, — прошептал Кёрнер.

Он скинул ботинки и в носках ступил на ковёр. На Мартине были широкие серые спортивные штаны и футболка, выбившаяся из пояса. На вид ему было лет четырнадцать. Босые ступни были такими же белыми, как руки. Под ногами лежал опрокинутый стул.

Кёрнер достал из нагрудного кармана шариковую ручку и кончиком приподнял руку мальчика. Тонкие пальцы — не привыкшие к тяжёлой работе, созданные скорее для того, чтобы листать книги и стучать по клавишам.

Потом он поднял взгляд и осмотрел верёвку: она дважды была обёрнута вокруг балки и заканчивалась тугим узлом.

— Что вы ищете? — хрипло спросила Бергер,

всё ещё стоявшая на пороге. — Может, позвать его брата?

— Пока нет.

Кёрнер медленно обвёл взглядом книжные полки. Они были забиты атласами, энциклопедиями, пособиями по истории и компьютерам, длинным рядом журналов «Гео». На скате потолка висели постеры Нильса Бора, Стивена Хокинга и обсерватории Роке-де-лос-Мучачос.

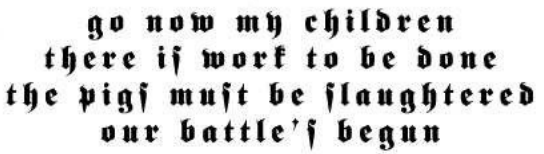
Ещё один плакат, выдержанный в мрачных тонах, изображал туманность Андромеды с её спиральными рукавами и надписью: «31-12-1999, 23:59:59 — это всего лишь ещё одна секунда».

На полу громоздились комиксы, тетради, школьные учебники; отдельные листы были разбросаны как попало, словно кто-то здесь всё перерыл. Но кто? В комнатах подростков давно уже невозможно было понять: то ли здесь взорвалась бомба, то ли так у них выглядит порядок.

Комната дочери Кёрнера исключением не была. Там сначала приходилось разгребать груды вещей, и лишь потом можно было добраться до другого конца комнаты.

Взгляд Кёрнера задержался на единственном плакате, который никак не вязался с остальной обстановкой. На чёрном фоне широким готиче-

ским шрифтом было выведено:



Идите теперь, дети мои дело ждёт, свиньи должны быть заколоты, наше время началось

Весёлая бойня «Грань безумия»

Ну и времена. Песню «Хелтер Скелтер» он ещё помнил по Beatles, но эта вариация была ему совершенно незнакома. Такой плакат куда больше подошёл бы к рок-постерам в комнате Сабины Крайник. Здесь он выглядел чужеродно.

Он повернулся к Бергер. Та стояла на пороге, опустив глаза.

— Идите сюда.

— Не могу.

Она покачала головой.

— Если бы мы пришли к нему вчера ночью на допрос, он, возможно, был бы ещё жив.

— Идите. Снимите обувь и помогите мне понять, что здесь произошло.

Он протянул ей руку и мягко ввёл её в ком-

нату.

Она последовала за ним неохотно. Но стоило ей заметить беспорядок на письменном столе, как внутреннее оцепенение понемногу отступило. Она быстро пробежала взглядом по рукописным заметкам и клейким листкам, прилепленным к монитору.

Потянулась к одному из них.

— Ничего не трогать!

Она застыла.

Кёрнер протянул ей шариковую ручку, и ею она осторожно раздвинула бумаги.

— Похоже на предсмертную записку, — пробормотала она и начала читать вслух.

«Она была права: ревность разъедает меня. Я потерял над собой контроль — и вот что случилось. Мне жаль того, что я сделал. Простите меня. Пусть Сабина покоится с миром. Мартин».

Кёрнер скользнул взглядом по записке.

— Старая орфография. Странно для мальчика, который, если верить моей бывшей жене, учился блестяще.

Он вспомнил ночной разговор с Марией, её мгновенную реакцию, когда попытался осторожно расспросить о Мартине. *Почему ты спрашиваешь — он тоже умер?* Теперь это и в

самом деле оказалось так.

— Я бы никогда не покончила с собой, — тихо сказала Бергер, словно размышляя вслух.

Кёрнер посмотрел на неё в упор.

— Это не самоубийство.

Небрежным движением он указал на записку.

— Всё слишком складно. Вчера — убийство, сегодня — самоубийца с признанием. Удобно. Слишком удобно. На деле всё стало только запутаннее.

— Что именно кажется вам слишком складным?

Кёрнер уже набирал в мобильном номер Рольфа Филиппа. Эксперт-криминалист ответил лишь после четвёртого гудка сонным голосом, но Кёрнер не дал ему вставить ни слова:

— Хватай оборудование и бери Базедова с Сабриски. Мне срочно нужны ответы и хорошие снимки. Работа есть. Как можно быстрее приезжайте на окраину Грайна, к дому Мартина Гойссера. Передай Корен — пусть свяжется с прокурором. У нас второе убийство. На этот раз — повешение. Всё, отключаюсь: у меня почти сел аккумулятор.

Этого было достаточно: дальше Филипп сам обо всём позаботится.

Снизу, через лестничный пролёт, прогремел голос старшего брата Мартина:

— Эй! Я уже готов!

— Ещё минуту! — крикнула в ответ Бергер.

Потом снова повернулась к Кёрнеру.

— Вы считаете, место преступления инсценировано? — шёпотом спросила она.

— Следы, которые должны указывать на самоубийство, подложны. Прежде всего — предсмертная записка. Я знаю от дочери: новую орфографию им в школе вдалбливают намертво.

Бергер чуть повела плечом.

— И кто ей в самом деле владеет?

Снизу снова донёсся голос электрика:

— Мы можем идти?

— Сейчас, — напряжённо ответила Бергер и, обернувшись к Кёрнеру, коротко бросила: — Продолжайте.

Он забрал у неё шариковую ручку и указал на опрокинутый стул.

— Измерьте стул. Готов поспорить, он слишком низкий. С него мальчик никак не мог оказаться в таком положении. Через час мы будем знать больше: Филипп быстро установит, поставили этот стул сюда потом или нет.

Кёрнер поднял ручку к потолку.

— А это видите? Истёртая верёвка. Следы трения на балке. Тело подтягивали вверх.

— Такие следы могли появиться и во время возни с верёвкой. Ваша версия пока выглядит натянутой.

Он глубоко вдохнул.

— Хорошо. Тогда зайдём с другой стороны. Отсутствие следов порой говорит не меньше, чем их наличие.

Она огляделась.

— И чего же здесь не хватает?

Он указал ручкой на ладонь Мартина.

— У мальчика нет на руках волокон. А они должны были остаться, если бы он сам возился с верёвкой, как предполагаете вы.

На это Бергер не нашлась что ответить.

— Отойдите на шаг, — сказал он.

Она послушно отступила.

— Видите? Хотя мы без обуви, на ковре всё равно остаются вмятины.

Она нахмурилась.

— А ножки стула не оставили ни следа, хотя, если верить этой версии, именно он держал вес мальчика.

Бергер присела на корточки и осмотрела пол под телом.

— Значит, второе убийство, — произнесла она со вздохом, всё ещё без полной уверенности.

— Не просто второе убийство, — сказал Кёрнер. — Всё куда серьёзнее. Убийца инсценировал самоубийство. Наверняка оставил для нас ложные следы, по которым мы должны пойти. Но любой преступник, как бы осторожен он ни был, невольно оставляет и настоящие. Вопрос в том, какие из них подложные, а какие — подлинные. Одно ясно уже сейчас: убийца хотел подсунуть нам козла отпущения за смерть Сабины Крайник. И отсюда следующий вопрос: почему он выбрал именно Мартина?

— Чёрт возьми, долго ещё? — проорал брат Мартина через весь дом.

Они услышали, как он брякнул инструментами, прошёл через прихожую, а потом во дворе хлопнула дверца машины.

— Чем больше преступник делает, чтобы уйти от разоблачения, тем больше подсказок нам оставляет. Нужно только суметь их увидеть.

Кёрнер посмотрел на психолога.

Бергер уставилась в лицо мертвеца, но тут же отвела взгляд.

— Убийца высокий и сильный. У него был доступ в эту комнату. Скорее всего, он пришёл

сегодня утром — как и в случае с Сабиной.

Кёрнер покачал головой.

— Мартин мёртв дольше. Куда вероятнее — со вчерашнего вечера.

Внизу с грохотом захлопнулась входная дверь.

— Мне и правда пора! — крикнул через лестничную клетку Герман Гойссер.

Они услышали, как он поднимается по ступеням.

— Пойдёмте.

Кёрнер взял Бергер за локоть и вывел из комнаты. Оба торопливо обулись.

Он наклонился к ней и почти беззвучно сказал:

— Проверьте вчерашние телефонные звонки.

— Невозможно. «Telekom» не выдаёт такие сведения, даже если вмешается прокурор. Мы получим список только после закрытия расчётного периода, а это в конце октября.

— Я знаю человека в Telekom, который даст нам список раньше.

— Вы с ума сошли? Это незаконно! — вырвалось у неё. — Если это всплывёт, у земельного управления жандармерии против вас будет ещё больше козырей.

Она внезапно осеклась.

Перед ними, тяжело дыша, стоял Герман Гойссер. По лицу у него катился пот. Вид у него был такой, словно он только что перетаскал к машине дюжину электрощитов.

— Ну что, мы наконец идём? Клиенты ждут. У меня почасовая оплата, и…

Кёрнер не стал заходить издалека.

— Ваш брат мёртв.

Герман уставился на него с открытым ртом.

— Он покончил с собой.

Кёрнер отступил в сторону и кивнул в комнату.

Гойссер рванулся мимо него и застыл на пороге. Плечи у него сразу поползли вверх, пальцы судорожно впились в дверной косяк.

Кёрнер удержал его, чтобы тот не бросился в комнату, но опасение оказалось напрасным. Гойссер стоял как вкопанный, белый как полотно, и дрожал всем телом.

Потом резко отвернулся — и его вырвало прямо на деревянный пол. В воздухе запахло желудочной кислотой и кофе.

— Чёрт… чёрт вас всех побери! — Гойссер вытер рот тыльной стороной ладони. — С тех пор как вы начали тут вынюхивать, в деревне творится такое!

— Пойдёмте, — сказала Бергер.

Она взяла его за руку, пытаясь увести вниз, но он вырвался.

— Нужно снять его оттуда. Помогите мне!

— Нет, — возразил Кёрнер. — Через час приедет группа экспертов.

— Господи, да вы только посмотрите! Хотите оставить его висеть?

— Вы должны подождать, пока…

— Да чёрта с два!

Кёрнер постарался говорить спокойно.

— То, что я сейчас скажу, строго конфиденциально. У нас есть основания полагать, что…

— Да плевать я хотел на ваши основания! Я сам сниму брата оттуда!

Кёрнер схватил Гойссера за руки и прижал к дверному косяку.

— Его убили.

Сопротивление Гойссера исчезло мгновенно. Плечи у него обмякли, и он недоверчиво уставился на Кёрнера. В лицо тому ударил тяжёлый кислый запах рвоты.

— Пойдёмте, — тихо сказала Бергер.

Она взяла Гойссера за руку и мягко повела к лестнице. На этот раз он не сопротивлялся.

Они сидели в гостиной на диване. Обстановка

словно застыла в семидесятых: с торшера свисали матерчатые кисти, глухо тикали напольные часы, на стенах темнели картины в позолоченных рамах.

Шкаф-стенка из красного дерева во всю длину комнаты и тёмный персидский ковёр придавали ей тяжёлую, давящую основательность.

Герман Гойссер сидел на самом краю дивана, ссутулившись. Руки у него дрожали, волосы липли ко лбу. Нервным движением он отбросил их назад, и Кёрнер заметил, что левая кисть у него искалечена: три пальца были неестественно вывернуты и скрючены к ладони, словно после травмы сухожилий. Кёрнер предположил производственный несчастный случай, возможно удар током.

— Когда у Мартина день рождения? — спросил он, повинуясь внезапной догадке.

Гойссер ответил как автомат:

— В начале октября ему исполнится четырнадцать.

Исполнилось бы. Но Кёрнер ничего не сказал. Выходило, смерть Мартина Гойссера не укладывалась в схему с подростками, умиравшими в день своего четырнадцатилетия.

— Когда вы в последний раз видели брата?

— спросил он.

— Уже несколько дней назад.

Гойссер смотрел в потолок, будто надеялся разглядеть брата сквозь перекрытие. Нижняя губа у него подрагивала.

— Обычно он возвращался только к вечеру. После уроков шатался где-то в Нойнкирхене или сидел в читальном зале общины. Не знаю, что он там делал. Может, рылся в книгах или журналах. Может, ему это было нужно для школы. Мы не можем покупать всё, что требуется для учёбы. После смерти отца мы кое-как держимся на плаву благодаря электромастерской. А если посёлок снова затопит, работы у нас только прибавится.

— А где ваша мать?

— В Харбахе. Уехала на неделю, на лечение.

На неделю? Кёрнер нахмурился. Обычно реабилитация длилась три недели, однако перебивать Гойссера он не стал. Выяснилось, что в последние дни тот уходил из дома в шесть утра: на стройке у здания общины он тянул новые телефонные линии по кабинетам.

Одного взгляда на кухню и в посудомоечную машину хватило, чтобы следователи поняли: сегодня утром Мартин себе завтрак не готовил. Кёрнера это не удивило. Тело провисело на пото-

лочной балке не меньше десяти часов.

Если слова Гойссера были правдой, у него имелось железное алиби. Накануне вечером электрик сидел в «Буром пятироге» с Вольфгангом Хеком и несколькими пожарными. Мужчины вымотались и устроили передышку. Хек заказал всем по пиву, и они засиделись дольше, чем собирались.

Около полуночи бригада снова вышла на обычную работу: обходила гребень дамбы, проверяла мешки с песком, освещала реку прожекторами, вылавливала плывущий мусор и подпирала опору моста пожарной машиной.

Когда Гойссер вернулся домой, он не заметил ничего подозрительного: ни шума, ни необычных телефонных звонков. По сути, убийцей мог оказаться кто угодно — в посёлке все знали, что задняя дверь дома Гойссеров всегда остаётся открытой.

Сабина Крайник часто заходила к ним в гости. Пекарь оставлял в сенях молоко и хлеб. Клиенты Гойссера заходили, чтобы положить деньги на кухонный стол. По словам Германа, в Грайне двери не запирали — здесь никому нечего было бояться… до недавнего времени.

Пока Бергер ставила на кухне чайник, Кёрнер

продолжал расспрашивать электрика о брате. Однако ничего особенно неожиданного не выяснилось.

Мартин Гойссер, похоже, был таким же одиночкой, как Сабина Крайник, — по крайней мере, в том, что касалось отношений со сверстниками в посёлке. Он почти не общался с ребятами, которые гоняли в футбол, носились на велосипедах по лесным тропам Хоэн-Гшвендта, летом ночевали в спальных мешках на дамбе или в старой мельнице, состояли в молодёжном отряде добровольной пожарной команды.

Для местных мальчишек и девчонок Мартин был зубрилой, который прятался в книгах и воображал себя особенным уже потому, что учился не в Шветце, а в Нойнкирхене. С друзьями он встречался редко. Часами сидел за компьютером, бродил по интернету, скачивал программы, писал письма или до глубокой ночи возился с компьютерными играми, так что на следующее утро едва мог продрать глаза.

Но пока оценки оставались хорошими, ни Герман, ни мать не вмешивались и оставляли мальчику его пространство.

О прочих интересах Мартина Герман знал немного, впрочем, это было и не особенно нуж-

но. Кёрнер уже составил себе представление, осмотрев комнату мальчика: комиксы, модемное подключение и груды научно-популярных книг. Его явно увлекали физика, математика, география и история. А из дневника Сабины Крайник они знали, что он интересовался деревенской хроникой.

В отличие от Сабины, любившей рок-музыку, акварель и акустическую гитару, Мартин производил впечатление человека интеллектуального, замкнутого, склонного к раздумьям. Если противоположности и впрямь притягиваются, то здесь, похоже, встретились два изгоя и по-настоящему подружились.

Но, помимо того что убийца хотел подбросить полиции Мартина как удобного козла отпущения, мог существовать и другой мотив, по которому умереть должен был именно он. Сейчас Кёрнера мучил один вопрос: какая связь между этими двумя убийствами?

В этот момент перед домом захрустел гравий под колёсами. Хлопнули дверцы машины, скрипнула деревянная калитка. В следующую секунду в дверь постучали. Кёрнер выглянул в окно и увидел тёмно-бордовый фургон с венскими номерами — машину Филиппа. Должно быть, тот гнал

как одержимый.

Не дожидаясь приглашения, Филипп, Базедов и Сабриски с грохотом ввалились в дом. Они были нагружены чемоданами, штативами, рулонами плёнки, осветительными приборами и алюминиевой лестницей. Всё это они свалили в прихожей.

— Собачья погода, — выругался Филипп. — Если мы тут надолго застрянем, потом вообще не выберемся. Река уже бурлит в каком-то сантиметре под мостом, пожарные подпирают опоры. Так что давайте шевелиться… Добрый день.

Он кивнул Герману Гойссеру. Тот сидел на диване, оцепенев, и не сводил с Филиппа взгляда.

Бергер бросила на Кёрнера потрясённый взгляд. Всё как обычно: Филипп был начисто лишён даже тени такта. Для него убийство оставалось частью ремесла, повседневной рутиной, о которой не стоило задумываться.

— На второй этаж, — коротко бросил Кёрнер, подгоняя троих вверх по лестнице, прежде чем Филипп успел отпустить ещё какую-нибудь бестактность.

Бергер повернулась к Гойссеру:

— Если хотите, я налью нам ещё чаю, и мы могли бы…

Электрик резко перебил её:

— Мне не нужна психологическая помощь. Со мной всё в порядке. Лучше я займусь клиентами.

Бергер хотела возразить, но Гойссер, не прощаясь, вышел на улицу и завёл свой «Фольксваген».

Криминальный психолог осталась посреди гостиной и беспомощно вскинула руки:

— Нет, ну это уже ни в какие ворота. Вломились, как стая обезьян.

Кёрнер слишком хорошо знал эту процедуру.

— Пойдёмте наверх, — предложил он.

Когда они остановились у двери и заглянули в мансардную галерею, Филипп встретил их раздражённым окриком:

— Вы оба весь участок затоптали, новички!

Пол уже был застелен плёнкой, на которой разложили содержимое чемоданов.

Кёрнер промолчал. Он давно перестал воспринимать Филиппа всерьёз. Все знали: тот не мог приступить к работе, не пожаловавшись хотя бы раз на то, как ему мешают со всех сторон.

Кёрнер скрестил руки на груди.

— Радуйся, что на этот раз по комнате хотя бы собака не бегала.

— Зато кто-то наблевал прямо у двери, — заметил Филипп, снимая отпечатки пальцев с

мертвеца. — Кстати, я обработал тело девочки методом испарения, как ты и просил. Зря старался. Ни единого отпечатка. И в цилиндровом замке дискотеки никто не ковырялся. Его аккуратно открыли отмычкой.

Бергер нахмурилась:

— У кого в посёлке может быть такой набор?

— У пожарных. Может, у сантехника для аварийных вызовов. Или у нашего электрика, Германа Гойссера, — пробормотал Кёрнер. — Но вероятнее всего — у деревенского жандарма с картофелиной вместо носа.

— На убийцу он не слишком похож, — заметила Бергер.

Кёрнер хмыкнул:

— А тут вообще хоть что-нибудь похоже на правду?

У него уже было двое подозреваемых — жандарм и деревенский врач Вебер. А убийц, скорее всего, было трое. Значит, одного пока не хватало. И всё больше Кёрнер склонялся к версии Сабриски и Филиппа: Сабину Крайник убили как минимум трое.

Он наблюдал, как Филипп посыпает клавиатуру компьютера белым порошком.

— Компьютер забираем как вещественное до-

казательство, — сказал он технику. — Уверен, в файлах найдутся зацепки. И ещё я хочу знать, не копался ли кто-нибудь в системе.

— Ладно, ладно, — проворчал Филипп. — Я делаю свою работу, ты — свою.

Тем временем Базедов разложил штатив, установил вспышку и принялся фотографировать тело.

— Я уже снимал самоубийц у них дома, — сказал он, — но ещё ни разу не видел комнаты, которая выглядела бы так, словно здесь всё перевернули вверх дном. Можно подумать…

— Это не самоубийство, — перебил его Филипп. — Парень не сам надел себе петлю на шею.

У Базедова отвисла челюсть.

— И вы только сейчас мне это говорите?

— Кто-то убил мальчика, оставил фальшивую предсмертную записку, а потом перерыл комнату, — подвёл итог Кёрнер.

— Мне-то это объяснять не нужно, — презрительно мотнул головой Филипп.

— Я не тебе объясняю! — резко ответил Кёрнер. — К тебе вообще страшно подойти: вид такой, будто у тебя мир рушится.

— У-у-у, кто-то сегодня опять не выспался, — вмешалась Сабриски.

Кёрнер промолчал. Ещё вчера днём она умоляла его быть осторожнее, а сегодня снова превратилась в язвительную патологоанатома со скальпелем вместо языка.

— А что именно искал убийца? — спросил Базедов.

— Подумай сам. Откуда, чёрт возьми, нам это знать? — вспылил Филипп.

Базедов опустил голову и молча поправил настройки камеры.

Что с ними всеми происходит? Кёрнер отвернулся. *Почему они так взвинчены?* Он вспомнил собственный разговор с деревенским врачом. Сам он тоже не был образцом спокойствия. *Это из-за погоды? Или из-за самого места? Эта местность всех изматывает?* Только криминальный психолог, казалось, ещё держалась.

— Насколько быстро вы сможете определить точное время смерти? — спросила Бергер судебного медика.

Сабриски резким движением откинула волосы за плечо.

— Милочка, точного времени смерти не существует.

Она взобралась на алюминиевую лестницу, расстегнула мальчику брюки и ввела термометр

в прямую кишку трупа.

Бергер отвернулась.

— Этот мальчик был бы для нас важным свидетелем. Последний телефонный разговор Сабины Крайник был именно с ним. Если бы мы допросили его вчера вечером, он, возможно, был бы ещё жив.

Сабриски кивнула, будто услышала её не только ушами.

— По охлаждению тела я могу назвать лишь приблизительное время. Ориентир — падение температуры в прямой кишке.

Она сделала ещё несколько замеров, потом сказала:

— Около десяти вечера. Плюс-минус час.

И, подняв палец, добавила:

— Но не ловите меня потом на слове. Это предварительные данные.

Бергер прикусила губу.

— Мы бы успели, — шепнула она Кёрнеру.

Кёрнера знобило. Было без пяти два. Он стоял в плаще под козырьком дома Гойссеров, и пар от дыхания поднимался у него перед лицом.

На противоположной стороне улицы, у приёмной доктора Вебера, только что остановился микроавтобус. Задняя дверь распахнулась, и под

дождь высыпало с дюжину сотрудников Красного Креста. Мужчины натянули куртки на головы и бегом скрылись в приёмной, где врач должен был сделать им повторную прививку от столбняка.

В ту же минуту с грохотом захлопнулась дверь катафалка, припаркованного в боковом проезде рядом с участком Гойссеров. Водитель завёл мотор, широко вырулил и поехал в сторону центра и моста. Кёрнер машинально коснулся пальцами лба в знак приветствия. Машина направлялась в венский патологоанатомический институт на Зенсенгассе.

В следующее мгновение из дома, ругаясь, вывалился Филипп: руки заняты чемоданами, алюминиевая лестница зажата под мышкой.

— Помоги!

Они вместе донесли вещи до его фургона. Штативы Базедова уже лежали в кузове.

— Любопытно, зачем ты вытащишь нас сюда завтра, — пропыхтел Филипп. — Это место хуже той дыры, откуда родом семейка Мэнсона.

— Я здесь вырос, — ответил Кёрнер.

— Хорошая шутка.

Филипп громко расхохотался и хлопнул его по плечу.

Кёрнер посмотрел на него с недоумением. Не-

ужели Филипп решил, что это шутка?

Из дома вышли Базедов и Сабриски. Они быстро погрузили камеры и чемоданы в машину, затем один за другим забрались в кабину.

Прежде чем Филипп завёл двигатель, Сабриски опустила стекло и сказала:

— Ах да, кстати. Я хотела поднять из архива отчёты о вскрытии по двум делам — девяносто шестого года в Кремсе и девяносто восьмого в Гмундене. Но все материалы, связанные с этими случаями, помечены грифом ограничения и переведены в закрытый фонд.

Она пожала плечами.

— Доступа у меня нет. Извини.

Стекло поползло вверх, и Филипп тронулся с места.

Кёрнер смотрел, как фургон исчезает в дожде. Одно было ясно: ему придётся поговорить с прокурором. Но прежде его ждал ещё один, куда более срочный разговор.

ГЛАВА 11

Кёрнер вбежал под навес, выхватил из кармана пальто мобильный телефон и позвонил своей связной в телекоммуникационной компании — Сибилле, бывшей девушке Рольфа Филиппа.

Он продиктовал ей номер Мартина Гойссера и попросил предоставить список всех звонков за вчерашний день. Ему необходимо было любой ценой восстановить последние сутки жизни Мартина.

Когда разговор закончился, за спиной раздалось многозначительное покашливание. В прихожей стояла Бергер.

— Я слышала, о чём вы только что говорили, — сказала она, подходя ближе.

— Если эта информация окажется полезной, мы её используем, а в конце октября официально запросим данные у телекоммуникационной компании. До тех пор лучше вам забыть всё, что вы сейчас услышали.

— Уже забыла.

Оставалось только надеяться, что и в следующий понедельник она ничего не вспомнит, когда явится по судебной повестке. Слушание

по дисциплинарному делу — не дружеское чаепитие; члены комиссии непременно станут расспрашивать обо всех подробностях его методов расследования.

Если к тому времени он успеет раскрыть это дело, то ещё, пожалуй, сумеет выкрутиться. Если нет…

— Что теперь? — спросила она.

Кёрнер резко обернулся.

— Подождём, что сообщат в телекоммуникационной компании и что покажет компьютер Мартина. И ещё я хочу выяснить, что этот парень делал в церковном архиве.

Он пересёк лужайку и распахнул калитку. В ту же секунду перед самым его носом с визгом затормозил тёмно-бордовый фургон. Филипп выскочил наружу и, ругаясь, обогнул капот.

— Ты что-то забыл? — спросил Кёрнер.

— Забыл? Чёрта с два! — рявкнул Филипп и с размаху влетел в лужу, окатив Кёрнера дождевой водой.

— Эй, полегче! — крикнул Кёрнер.

Сабриски опустила стекло.

— Пожарные пропустили катафалк, а потом перекрыли мост. Мы даже близко не смогли подъехать. Луг перед въездом полностью затоплен.

Вода поднялась так высоко, что уже переливается через мост. Над водой торчат только деревянные перила. Его может снести в любую минуту.

Кёрнер указал вверх по дороге, уходившей из деревни мимо кладбища и заброшенной шахты.

— По этой дороге можно добраться до Хайденхофа. Там тоже есть мост на федеральную трассу.

Филипп вскинул руки.

— Серьёзно? Мост в Хайденхофе перекрыли ещё два часа назад!

В ту же минуту мимо них с рёвом пронеслась пожарная машина, направляясь в соседнюю деревню.

— Идиоты! — заорал ей вслед Филипп.

Бергер подняла воротник дождевика.

— Почему он так заводится?

— Потому что мы застряли, — ответил Кёрнер.

Он запрокинул голову и взглянул в небо, казавшееся неестественно близким. Чёрные тучи висели так низко, что затемняли землю до самого горизонта. Он приоткрыл рот и ощутил на языке кислый привкус дождя.

Какой нелепый, злой фарс…

Спустя двадцать семь лет он вернулся в места своего детства лишь однажды — по службе, чтобы расследовать дело, — и именно теперь оказался

здесь заперт. К федеральной трассе вели только два моста: один в Грайне, другой в Хайденхофе.

Он слишком хорошо понимал, что это значит. Обе деревни лежали в низине, с одной стороны охваченной широкой излучиной Трир. С другой поднимался Хоэн-Гшвендт — первая гора Розалийского хребта. Покинуть эти места можно было только двумя способами: переплыть Трир или перебраться через горы.

— Алекс, что будем делать? — крикнул из машины Базедов.

Кёрнер смахнул с лица воду.

— Ждать.

Он набрал номер Ютты Корен.

Та обрушилась на него прежде, чем он успел что-либо сказать:

— Кёрнер, у вас просто стальные нервы! Какого чёрта вы не сдали детонаторы?

Проклятые детонаторы в багажнике сейчас тревожили его меньше всего.

— У нас в деревне второй труп, — сказал он. — Убийство. Чтобы быстрее продвинуться по обоим делам, нам срочно нужна эксгумация старших брата и сестры Сабины Крайник.

Он коротко изложил Корен суть взаимосвязей и попросил надавить на прокурора Хаузера. В это

время рядом с ним возник Филипп и возмущённо замахал руками.

Кёрнер остановил его жестом и продолжил:

— Но звоню я не только поэтому…

Он рассказал о погоде, перекрытых мостах и о том, что весь его следственный отдел оказался отрезан в деревне. Бергер, Базедов и Сабриски молча слушали.

— Нам нужно выбраться отсюда как можно скорее, — закончил он.

— И как вы это себе представляете? Прикажете эвакуировать вас вертолётом?

— Лодка могла бы…

— Кёрнер, ждите, пока спадёт вода, и пока устраивайтесь в деревне. Большего я сейчас для вас сделать не могу. Если понадобится, снимите какое-нибудь общественное помещение под следственный штаб. Командование земельной жандармерии это оплатит. У вас там Филипп и Сабриски — чего вам ещё нужно? Продвигайте расследование. И держите меня в курсе.

Она повесила трубку.

— Ну что? — крикнул Филипп.

— Пока остаёмся здесь.

— Ну и прелесть эта дыра! — Филипп с силой ударил кулаком по капоту. — Опоздай мы на

минуту раньше, уже были бы на федеральной трассе, и мне не пришлось бы торчать после работы в этой сырой яме.

Сабриски выбралась из машины. На её лице играла невозмутимая улыбка.

— Эй, считай это сменой обстановки. Я давно хотела провести отпуск в такой милой, тихой глуши.

Бергер посмотрела на неё с искренним изумлением.

— Вы это серьёзно? Я промокла до нитки и взяла с собой только один комплект одежды. А такой паводок может тянуться днями.

— Днями? Мы что, будем торчать тут целыми днями? — у Филиппа округлились глаза.

Судмедэксперт порылась в спортивной сумке, нашла резинку и собрала распущенные волосы в хвост.

— Дорогуша, я могу одолжить вам свитер.

— Нет, спасибо, — твёрдо ответила Бергер.

Кёрнер не мог её осуждать. Безукоризненно одетая криминальный психолог ни за что не надела бы один из поношенных свитеров Сабриски. Да и постоянное «дорогуша», должно быть, уже действовало ей на нервы.

— На вашем месте я бы не отказывался, — при-

мирительно сказал он. — Наша хирург нечасто бывает столь великодушна.

— У Яны, кажется, самая большая коллекция водолазок на свете, — вставил Филипп.

— Просто тебе ни одна не налезет, — с удовольствием парировала Сабриски.

Базедов выбрался из машины под дождь.

— Смейтесь, смейтесь, а мне не до смеха. Мне нужно домой.

Филипп презрительно фыркнул.

— Ты же знаешь мою жену: если я сегодня вечером не посижу с детьми, она меня убьёт. Я обещал младшей посмотреть с ней «Русалочку».

Филипп уставился на него с неподдельным потрясением.

— Ты что, смотришь со своими детьми порно?

Кёрнер помассировал ноющие виски. *Только этого не хватало.* Быть запертым вместе с этой вечно препирающейся компанией, пока снаружи льёт как из ведра.

Лучше было об этом не думать.

Он сощурился и снова посмотрел в небо. Тучи не выглядели так, будто собирались расходиться. *Откуда только взялось столько воды?*

— Ладно, народ. — Он хлопнул в ладони. — Поехали в центр. Поищем, где можно устроиться.

В Грайне был только один возможный вариант.

Выцветшая табличка «Сдаются комнаты» по-прежнему стояла в окне трактира «Бурый Пятирог». Заведение состояло из стойки для посетителей, зала для картёжников, комнаты, где подавали обеды и ужины, и большого помещения для свадеб и дней рождения.

На верхнем этаже располагались комнаты для постояльцев. Обычно они заполнялись разве что весной, когда в деревню заглядывали пешие туристы. В остальное время пустовали круглый год.

Ауди Кёрнера и фургон Филиппа остановились перед трактиром. Дождь стоял такой плотной стеной, что церковная колокольня едва проступала сквозь серую пелену. Улицы были пусты.

И всё же прямо посреди главной площади, у мраморного фонтана, стояла передвижная пожарная помпа. Несколько пожарных раскладывали чёрные пластиковые шланги, соединяли муфты и затягивали хомуты на стыках. Ещё один насос подкатили на ручной тележке.

Филипп с грохотом захлопнул дверцу и ринулся к мужчинам. Кёрнер тотчас пошёл следом, чтобы не допустить худшего.

Один из пожарных яростно упёр руки в бока.

— Послушайте! Сегодня утром выпало шестьдесят литров осадков на квадратный метр. Русло реки больше не справляется. Большинство притоков вышли из берегов. Да у людей даже в Бургенланде вода стоит по горло! Думаете, там легче?

— Так сделайте же что-нибудь! — прорычал Филипп.

— Может, вы ещё с неба спустите нам экскаваторы, тяжёлые платформы и бронемашины, чтобы подпереть мост? — заорал пожарный.

Кёрнер схватил Филиппа за плечо.

— Да что с тобой сегодня?

Он отвёл его в сторону.

— У всех в этой деревне не все дома. Только посмотри на того! — Филипп кивнул в сторону бакалейной лавки.

Старый лавочник Герер стоял у входа в магазин. Кепка была надвинута на самый лоб, руки засунуты в карманы брюк. Он молча смотрел, как они бредут через площадь под дождём.

В боковом переулке тоже работала помпа. Шланг тянулся по тротуару и исчезал в магазине, уходя вниз по ступеням. Оттуда тянуло тяжёлым запахом мазута.

— Этому старику больше заняться нечем? Стоит

под дождём и пялится на площадь, — проворчал Филипп.

— Ну так арестуй его.

Они подошли ко входу в «Бурый Пятирог». На этот раз на скамье не сидели старые крестьяне, обычно наблюдавшие за происходящим на площади. Со вчерашнего дня заметно похолодало, и даже для людей, привычных к любой непогоде, было слишком зябко, чтобы сидеть снаружи.

Под навесом их ждали Базедов, Бергер и Сабриски. Между ними стояла хозяйка трактира.

На вид Кёрнер дал бы ей лет на пять меньше, чем было ему самому. На ней был передник поверх блузки с короткими рукавами, а руками она обхватывала себя за плечи — видно, мёрзла.

По худощавой фигуре, жилистым рукам и крепким пальцам он заключил, что это женщина хваткая, привычная к труду и способная справиться со всем сама — от натирания полов до разлива пива. Наверняка она жила в Грайне с рождения и так же мало могла помнить его, как и он её.

Её звали Вальтрауд Штойссер, и рукопожатие у неё было крепкое, почти мужское.

От неё он узнал, что пользоваться водопроводной водой нельзя: грунтовые воды затопили

подвалы нескольких домов, из-за чего прорвало ёмкости с мазутом. Из подвала бакалейной лавки как раз откачивали вытекшее топливо. Во всём остальном, по её словам, положение оставалось под контролем.

Штойссер предоставила следственной группе общинный зал, который требовался только в следующую субботу — для заседания местного совета.

Хозяйка провела их через трактир, по коридору, к просторному помещению с большой двустворчатой стеклянной дверью. Зал был достаточно велик, чтобы вместить свадебную компанию человек на тридцать — вместе с буфетом, музыкантами и танцплощадкой.

Воздух, правда, был затхлым, а паркет пах старым, засаленным деревом, но всё же помещение выглядело лучше, чем ожидал Кёрнер. Три люстры под потолком даже придавали ему некоторое подобие уюта.

Окна выходили на главную площадь. Благодаря широкому свесу крыши дождь не хлестал прямо в стёкла.

В общинном зале они устроили временный следственный штаб.

Вскоре в батареях зашумело тепло, а из приот-

крытых окон потянуло свежестью. Пока Базедов подключал ко второму разъёму ещё один телефон, Кёрнер и Филипп переносили из фургона вещи. На столах одна за другой вырастали стопки папок и протоколов, камеры Базедова, чемоданы криминалиста и изъятый компьютер Мартина Гойссера.

Бергер раздобыла шариковые ручки, фломастеры, блокноты, напитки и стаканы. Сабриски созвонилась с муниципалитетом Грайна и договорилась о компьютерном мониторе, который банк обещал прислать в течение дня. Бергер заказала по телефону пиццу, и, когда её привезли, все набросились на неё как стервятники.

Кёрнер отодвинул в сторону пустые коробки.

— Начнём.

— Не так быстро.

Филипп раскрыл футляр с трубкой.

— Это обязательно? — простонала Сабриски.

— Стимулирует серое вещество.

— Если оно у тебя есть.

Кёрнер вздрогнул, когда вспыхнула спичка Филиппа.

Филипп присел рядом с ним на корточки.

— Да ты бледный, парень. Всё ещё боишься огня? Тебе давно пора к психиатру.

Он усмехнулся, будто отпустил безобидную шутку, но Кёрнер знал: Филипп говорит всерьёз. Тот слишком часто видел его таким — с серым лицом и влажными от пота ладонями.

— Это правда, что ты вырос здесь? — спросил он.

Кёрнер отмахнул рукой дым.

— Правда. Четырнадцать лет прожил тут.

Базедов и Сабриски уставились на него.

— Ты вырос здесь? — переспросила Сабриски и кивнула на окно, выходившее на главную площадь. — И ни разу мне об этом не сказал.

— Вот это да, — протянул Филипп. — Идеальное место для детства. Неудивительно, что ты оказался в убойном отделе.

— Значит, местные тебя знают, — заметил Базедов.

Брови Филиппа взлетели вверх.

— Вспомни нашу с Яной теорию о трёх преступниках. А если их было больше? И ты, возможно, кого-то из них знаешь.

Кёрнер поднял руки, словно отгораживаясь.

— Дай сначала договорить.

Филипп выпрямился и задумчиво постучал чубуком трубки по зубам.

— А если то, что нас не пустили через мост и

поселили именно в этом зале, вовсе не случайность?

Он взобрался на стул, а оттуда — на стол.

— Ты что творишь? — крикнул Базедов. — И о чём, чёрт возьми, вообще говоришь?

Филипп зажал трубку в углу рта и принялся ощупывать основание люстры.

— Ты что, жучки ищешь? — с усмешкой спросил Кёрнер.

— Именно, — проворчал Филипп сквозь зубы.

— И это ты советуешь мне обратиться к психиатру.

Филипп осторожно перебрался по столу к следующей люстре.

— Здоровая доля паранойи ещё никому не вредила.

В этот момент дверь распахнулась, и в зал, тяжело дыша, вошёл рыжий мальчишка. Он тащил монитор. Экран был завёрнут в плёнку, по бокам стекали струйки воды. Из рюкзака торчали кабели и клавиатура.

— Господин Кёрнер?

Он растерянно огляделся.

— Это вам из банковского отделения. Мне велели особо подчеркнуть, что от «Райффайзенбанка».

— Ха, парень не промах, — хмыкнул Филипп, глядя на него сверху вниз. — Сейчас ещё скажешь, что нам стоит открыть у вас счёт, а бланки уже при тебе.

Мальчишка покраснел.

— Куда поставить?

Кёрнер забрал у него монитор и поставил на стол перед Базедовым. Мальчишка вытащил из рюкзака клавиатуру, мышь и коврик, после чего поспешно исчез.

— Банк — твой лучший помощник, — усмехнулся Филипп.

— Тебе бы клавиатуру разобрать, — бросил Кёрнер. — Вдруг и там жучок.

Он повернулся к Базедову.

— Проверь почту Мартина Гойссера. Хочу знать, кому он писал и когда.

Фотограф начал разматывать провода и подключать технику к компьютеру. Вдруг заиграла мелодия его мобильного. Кёрнер усмехнулся: наконец-то он понял, откуда её знает. Это была песенка из *«Русалочки» — под водой, под водой.*

Голос Базедова звучал виновато:

— Алло? Да, милая… нет, я отсюда не выберусь. Нет, сейчас не могу говорить, шеф только что подкинул мне задание. Да, важное. Нет, милая.

Да, я тоже тебя люблю.

Он отложил телефон. Уши у него горели.

— Слышали? — воскликнул Филипп. — Вот так и надо разговаривать с женщинами.

— Фил, ты всё-таки идиот, — вмешалась Сабриски, выглянув в окно. — И слезай уже оттуда, пока пожарные не решили, что ты тут отплясываешь.

Кёрнеру это окончательно надоело.

— Слезай. И за работу.

Электронная почта Мартина Гойссера ничего не дала. Базедов нашёл только рассылки с научных форумов и статьи по астрономии в формате PDF. Из личной переписки были лишь письма от одноклассника из Нойнкирхена, который заваливал Мартина шуточными картинками и презентациями. Большинство из них Мартин даже не открывал.

Потом Базедов подключил камеру к компьютеру и вывел на монитор снимки с места преступления. Они просматривали фотографии, сопоставляли показания брата Мартина со словами ближайших соседей, которых Бергер успела опросить днём, и знакомились с кратким отчётом Филиппа по осмотру места происшествия.

Поскольку материалы по делу были у него при себе, сразу удалось проверить: отпечатков Марти-

на на месте убийства Крайник не оказалось — ни на замке дискотеки, ни на стойке, ни на мебели, ни на металлической раме с тросами.

Сабриски коротко изложила своё судебно-медицинское заключение по делу Мартина Гойссера. Она и Филипп сошлись во мнении: и следы волочения на балке, и ссадины на шее жертвы указывали на то, что мальчик не мог повеситься сам… разве что каким-то образом сумел собственноручно подтянуть себя на верёвке.

Для Кёрнера это новостью не было. Все прочие версии, которые они выдвигали, оставались лишь догадками и никуда не вели. Он сразу пресёк попытки делать поспешные выводы и напомнил, что им необходимо жёстко разделять доказательства, улики и домыслы. Последние он сейчас слышать не хотел.

Первую конкретную зацепку они получили, когда сравнили почерк в школьных тетрадях Мартина с тем, которым была написана предсмертная записка, лежавшая перед ними в пластиковом пакете.

— Даже особенно не старались, — заметил Филипп.

— По крайней мере, теперь мы знаем почерк убийцы, — пробормотал Кёрнер.

Почерк убийцы… В этом было что-то почти двусмысленное. О настоящем *почерке* убийцы, о его образе действий, они по-прежнему не знали ровным счётом ничего, хотя тот, вероятно, уже дважды наносил удар.

Кёрнер перевёл взгляд на набросок, который Филипп сделал на месте преступления, и на рисунок журналистки. Листок, вырванный из путевого журнала машины Красного Креста, был смят и уже надорван на сгибах. Несмотря на расплывшиеся чернила, рисунок не утратил своей пугающей силы. Он напомнил Кёрнеру ночной кошмар — тот, в котором он лежал на диване в гостиной, сжимая этот лист в кулаке.

В чём было сходство между убийствами?

Он снова уставился на оба рисунка: на точную схему повешенного, выполненную Филиппом со всеми размерами и расстояниями, и на наспех нацарапанное изображение девушки с раскинутыми руками, выпученными глазами и раскрытым в крике ртом.

Что, чёрт возьми, связывает эти два убийства? Где здесь мотив?

Кёрнер откинулся на спинку стула, сцепил пальцы и хрустнул суставами. Спина у него вспотела, шея затекла от долгого сидения в одной

позе. На заднем плане бормотало походное радио Филиппа, передававшее четырёхчасовые новости. Кёрнер не вслушивался.

Он поднялся и обошёл стол. Ему отчаянно нужен был свежий воздух. В общинном зале стоял тяжёлый запах пиццы и табака из трубки Филиппа. Неудивительно, что голова у него снова разболелась.

— Давайте сделаем перерыв, — предложил он.

— Минуту, — сказала Бергер, листая дневник Сабины Крайник. — Теперь, когда Мартин Гойссер мёртв, её записи о нём могут вывести нас либо на убийцу, либо хотя бы на мотив. Послушайте.

Она откашлялась и прочла:

— *«Мне даже не нужно идти к нему домой. Как всегда, его велосипед стоит у входа в старую управу. Я бы поклялась, что он опять роется в этих заплесневелых фолиантах. Как можно с таким фанатизмом вчитываться в деревенскую хронику? Книга о Вене столетней давности — ещё куда ни шло, но о Грайне? Если бы у него не было такого скучного хобби, он был бы даже милым».*

— Это мы и так знаем, — простонал Кёрнер.

— Подождите. Ещё одну фразу.

Она перевернула страницу.

— *«Но вся эта чепуха у меня уже поперёк горла.*

Кому вообще есть дело до того, что происходило в этой дыре шестьдесят или сто сорок лет назад?»

— Ну перестаньте, — перебил её Кёрнер. — В этом мальчике просто погиб историк. Я…

— *«К тому же надо быть совсем свихнувшимся, чтобы с таким рвением интересоваться катастрофой на шахте и убийством… хм… деревенского священника».*

Бергер захлопнула дневник.

— Слово там расплылось, но смысл, по-видимому, именно такой.

— Убийство деревенского священника? — переспросил Кёрнер.

— Да. Именно это здесь и написано.

Она постучала пальцем по дневнику.

— Кстати, раз уж об этом зашла речь, — пробормотал Базедов, — на компьютере мальчика полно файлов Word с названиями вроде «Церковь», «Священник», «Шахта» и «Катастрофа в руднике». Есть ещё файл под названием «Ларец Иуды» — понятия не имею, что это значит, — и ещё один под названием «Дорн».

— Отец Дорн, — вырвалось у Кёрнера. — Так звали прежнего приходского священника.

И тут память наконец сработала. Имя ны-

нешнего деревенского священника, которое он накануне видел у входа в церковь, почему-то не всплывало в памяти. Сахмс. Отец Сахмс служил мессы ещё в те времена, когда Кёрнер был мальчишкой. Но за много десятилетий до него грейнской церковью ведал другой священник — отец Дорн.

— Это было больше ста лет назад, — тихо сказал Кёрнер.

— Сто сорок, — уточнила Бергер, чуть приподняв дневник.

Кёрнер кивнул.

— Про отца Дорна когда-то ходили какие-то истории, но я не помню ни одной. Возможно, его и вправду убили. Я просто не знаю.

И тут его вдруг охватило острое, почти болезненное внимание.

— А что в самих файлах?

— Все под паролем.

— Возможно, удастся подобраться с другой стороны.

Бергер снова открыла дневник и принялась листать.

— Сабина довольно туманно пишет о каком-то месте, где Мартин прятал свои материалы.

В комнате сразу стало тесно от напряжения.

Базедов, Сабриски и Филипп придвинулись ближе. Кёрнер обошёл стол и заглянул Бергер через плечо.

— Сейчас… — пробормотала она. — Вот. *«Тайник, который никто не найдёт, в месте, где режут свиней. Больше он мне не сказал, и, честно говоря, я и знать не хочу…»*

Она подняла глаза.

— Что бы это могло значить?

Кёрнера пронзило ощущение дежавю. Ответ уже вертелся у него на языке.

Место, где режут свиней… Это было сегодня утром. Только сегодня утром. Но где? Где именно?

Он сжал пальцами виски.

Стена. Это связано со стеной.

Он видел её перед собой совершенно ясно.

— Я понял. Знаю, где он прятал бумаги.

— Вы ведь не хотите сказать, что в бойне Крайников? — с сомнением спросила Бергер.

— Вы слишком усложняете.

Кёрнер схватил дождевик, подхватил ключи от машины и бросился к двери.

— Я скоро вернусь.

Герман Гойссер не солгал: задняя дверь дома и правда стояла открытой.

Кёрнер взлетел по лестнице на верхний этаж, к мансарде. На двери в комнату Мартина всё ещё висел плакат с Эйнштейном. Проход был заклеен жёлтой лентой. Он сорвал её и снял пломбу с двери — ту самую, которой Филипп опечатал место преступления.

На этот раз с потолочной балки не свисал труп. По полу были разбросаны книги, папки и скоросшиватели.

Кёрнер не задержался ни на секунду. Он сразу пересёк комнату и подошёл к чёрному плакату на стене.

«Весёлое побоище», группа Edge of Sanity… Свиньи должны быть забиты.

Он вытащил из кармана ручку и уже хотел осторожно отлепить плакат от стены, как заметил, что нижний край отошёл. Полоски клейкой ленты свободно болтались в воздухе.

Они и в десять утра так висели? Тогда, когда мы с Соней Бергер нашли здесь труп?

Пока он мчался сюда с площади, в него успели закрасться сомнения. Не гонится ли он за призраком? Не он ли сам всё усложняет?

Но едва он приподнял плакат кончиком ручки и заглянул за него, как сразу понял: нет, не ошибся.

За плакатом скрывалась выдолбленная в стене ниша. Каким-то образом Мартину удалось выковырять штукатурку и несколько кирпичей, так что образовалось прямоугольное углубление глубиной сантиметров пятнадцать — туда без труда поместилась бы папка формата А4.

Но тайник был пуст.

Ни папок, ни кассет, ни компакт-дисков, ни дискет, ни пачки бумаг. Только крошка штукатурки, известняк и пыль.

Что бы ни искал убийца в комнате Мартина, он это нашёл.

— Чёрт.

Кёрнер ударил кулаком по стене, потом набрал на мобильном номер общинного зала, где его ждали остальные. Уже на втором гудке он насторожился.

А если линию прослушивают? Есть ли хоть доля правды в филипповой теории заговора? Здоровая доля паранойи ещё никому не вредила.

Кёрнер прервал вызов и набрал мобильный Филиппа.

Долго объяснять он не стал.

— Здесь что-то скрывают. Сабина и Мартин об этом знали. У мальчика были документы, и теперь их нет.

— Где ты, чёрт побери? — спросил Филипп.

— В комнате Мартина. Проверь чёрный плакат на стене на отпечатки пальцев. Пусть Бергер выяснит всё о его жизни: где он копал, кто ему помогал, с кем обсуждал свои поиски. Пусть опросит всех, кто видел его за этим занятием.

Он перевёл дух и продолжил:

— Тем временем Базедов пусть попробует взломать файлы на компьютере. А вы с Яной поезжайте в церковный архив отца Сахмса. Выясните, что именно искал Мартин и как это связано с отцом Дорном.

На другом конце повисло молчание.

— Ты всё запомнил? — спросил Кёрнер.

— Запомнил, — буркнул криминалист. — Но на всё это уйдёт не меньше нескольких часов.

— Мы всё равно застряли в этой деревне.

— Спасибо, что напомнил. А ты чем займёшься?

— Поеду в муниципалитет и посмотрю деревенскую хронику. Хочу понять, найдётся ли там что-нибудь о катастрофе на каменноугольной шахте.

ГЛАВА 12

Кёрнер вышел из дома Гойссеров и поехал вниз по улице. Вода, скопившаяся в придорожной канаве, глухо билась о днище машины.

Пока Филипп и Сабриски осматривали церковь, он решил заглянуть в муниципалитет.

За несколько сотен метров до главной площади Кёрнер свернул на муниципальную парковку. Когда он выбрался из машины, ветер едва не вырвал дверцу у него из рук. Следующий порыв швырнул ему в лицо дождь.

Ну и погодка.

Мало того что лило без передышки, так ещё и буря разошлась не на шутку. Кёрнер поднял воротник и быстрым шагом двинулся со стоянки.

По соседству со старым зданием муниципалитета стояли новые офисы — двадцать семь лет назад их здесь ещё не было. Таблички сообщали, что строительный отдел и служба регистрации переехали в новый корпус.

Значит, всё остальное по-прежнему размещалось в старом здании — двухэтажной громаде с высокими окнами и крышей из красного гонта.

Если это и был тот самый старый вход в муни-

ципалитет, о котором Сабина Крайник писала в дневнике, то велосипед Мартина нередко стоял именно здесь. Должно быть, где-то рядом находился и читальный зал с материалами по истории деревни.

Но за окнами не было ни огонька.

Вход в бывшее здание муниципалитета перегораживала пожарная машина. Крышка канализационного люка лежала возле открытой шахты, а поперёк улицы тянулись кабели и шланги.

У тротуара стояли трое мужчин в синих мундирах, но Вольфганга Хека среди них не было. Пожилой пожарный с всклокоченной бородой, в парке и тяжёлых ботинках со стальными носками, возился с насосом для грязной воды.

Бензиновый мотор тарахтел, насос свистел и дёргался на полозьях так, словно вот-вот должен был развалиться. Пожарный с досадой пнул его сапогом.

— Эта дрянь забилась илом. Больше ничего не тянет.

— Фильтр меняй! — рявкнул кто-то из его товарищей.

От насоса тянулся чёрный пластиковый шланг — через ступени, через вход, прямо в старое здание муниципалитета. Кёрнер перешагнул

через него.

Бородатый пожарный тут же тронул его за плечо.

— Куда это вы? Муниципалитет закрыт. Сегодня вторник.

Золотисто-жёлтая нашивка на погоне выдавала в нём ефрейтора.

— Можно мне осмотреться?

— Нельзя.

— Но дверь ведь открыта.

— И что? — Пожарный раздражённо сверкнул глазами. — У нас здесь вызов. Или вы думаете, мы устроили всё это для развлечения зевак?

— Послушайте, я же вам не мешаю во время вашей… — у него едва не сорвалось *тренировки*. — Во время работы, — быстро поправился он. — Мне нужно только войти.

— Тогда и вы меня послушайте. — Пожарный ткнул Кёрнера пальцем в грудь. — Вам туда нельзя. Грунтовые воды поднимают фундамент. Подвалы по всей деревне затоплены. Земля так напиталась влагой, что уже не принимает ни капли. Так что отойдите и не путайтесь под ногами — у нас дело.

— Почему бы просто не откачать воду из подвала?

— И куда её, по-вашему, девать? — Мужчина вскинул руки. — Выкачаем отсюда — она тут же уйдёт в соседний подвал.

— Сбросьте её в реку.

— Ну конечно. — Он повысил голос: — Эй, слышали? Нашёлся человек с готовым решением. Сейчас просто сольём воду из всех затопленных подвалов в Трир.

С той же издевательской серьёзностью он снова повернулся к Кёрнеру.

— Уровень грунтовых вод такой, что, если мы осушим подвал, внешнее давление воды вдавит фундамент внутрь.

Кёрнер не понимал, зачем тот так подробно всё ему объясняет. Он и без того едва сдерживал раздражение.

— Я всего лишь хочу заглянуть в архив.

Пожарный посмотрел на него так, будто перед ним стоял человек, начисто лишённый здравого смысла.

— Да что с вами такое? Несущие конструкции здесь обветшали. Некоторые старые дома вот-вот сложатся. Архив — тоже. Я не имею права вас туда пускать.

В этот момент из здания вышла женщина в широкой юбке и чёрной блузке. На вид она была

ровесницей Кёрнера, но весила, пожалуй, вдвое больше. Под грудью она прижимала папку с бумагами и щурилась, пока ветер трепал её каре.

Кёрнер поспешил вверх по ступеням.

— Александр Кёрнер, — представился он, протягивая руку. — Вы работаете в муниципалитете?

Она звякнула связкой ключей.

— Приёмные часы — только завтра, — сухо сказала она и уже хотела пройти мимо.

Безнадёжно.

Люди в этом городке держались за правила даже тогда, когда убийца резал их детей.

Когда женщина поравнялась с ним, взгляд Кёрнера упал на папку. На обложке машинописными буквами значилось: Фрау Лузак. Папка на подпись.

И тут он вспомнил вчерашний разговор с Соней Бергер у себя в кабинете.

— Фрау Лузак? — окликнул он.

— Да? — Она обернулась, но лицо её не смягчилось ни на йоту.

— Вчера вы сделали моей коллеге из краевого управления жандармерии копии свидетельств о смерти детей Крайников.

— Ах да, припоминаю. — Взгляд её сразу потеплел. — Очень милая молодая женщина, ваша

коллега. Мы с ней немного поболтали.

И в ту же минуту она уже не так напоминала озлобленного моржа.

— А что вам понадобилось в муниципалитете? Хотите найти ещё какие-нибудь свидетельства о смерти? Боюсь, тут мне вас порадовать нечем. Дети Крайников были единственными, кто умер так рано.

— Я хотел взглянуть на деревенскую хронику за 1937 год.

— Именно за 1937-й? — Она на мгновение задумалась, словно прикидывая, стоит ли ему помогать.

Потом всё-таки решилась.

— Вообще-то я собиралась перейти в офис напротив, но в архив вы можете спуститься и сами. Вам повезло: сегодня у меня длинный день. Я буду на месте до шести, а потом всё закрою.

Она повернулась и пошла обратно в здание муниципалитета. Кёрнер двинулся следом, но на пороге всё же оглянулся и подмигнул пожарному, который продолжал сверлить его мрачным взглядом.

— Уф, ну и погодка, — пробормотала фрау Лузак, проводя рукой по волосам и поправляя причёску.

В коридоре света не было. Стены отсырели, из соединений пожарного шланга, змеившегося по плиточному полу, сочилась вода.

Чиновница осторожно обходила лужи. В конце коридора стоял копировальный аппарат, а рядом виднелась выкрашенная в зелёный цвет металлическая дверь с надписью: Архив.

— Из-за нехватки места мы складывали бумаги в подвале, — пояснила она. — Когда рядом построили новые офисы, подвал так и остался кладовой. Потом всё старое здание постепенно отвели под архив. Но то, что вам нужно, по-прежнему внизу.

Она отперла дверь. Деревянная лестница уходила в темноту, откуда пахнуло затхлой сыростью. Фрау Лузак щёлкнула выключателем, и под потолком загорелась голая лампочка на длинном проводе.

— Ох, всё ещё хуже, чем я думала.

Вода в подвальном отсеке доходила до основания второй ступени. Книги на нижней полке почти наполовину стояли в грунтовой воде. Кёрнер прикинул, что глубина там чуть больше щиколотки.

Фрау Лузак, однако, не выказала ни малейшего желания спасать документы.

— И вы так всё это и оставите? — удивился

Кёрнер.

— Ах, пустяки. — Она небрежно махнула рукой. — Исторические материалы о деревне давно погибли. У нас ведь наводнение случается каждые десять лет.

Она кивнула в сторону подвала.

— На верхних стеллажах лежат только подшивки *Деревенского вестника*. Ими всё равно никто не интересуется. Свежие годы — наверху, старые — внизу. Думаю, 1937-й где-то посередине.

Он поблагодарил её.

— Я буду в офисе напротив. В вашем распоряжении время до шести.

Кёрнер прислонился к дверному косяку и подождал, пока она выйдет наружу. Наконец один.

Он посмотрел на копировальный аппарат. Повинуясь внезапной догадке, поднял крышку. Аппарат был выключен; в тёмном стекле отражалось его лицо.

Накануне Бергер рассказывала, что фрау Лузак сделала для неё копии двух свидетельств о смерти, где даты рождения детей были замазаны корректором. Не здесь ли копировали эти документы?

Он провёл пальцем по стеклу. *Неужели простая случайность?* На поверхности и впрямь засохли

следы корректора.

Совпадение? Или фрау Лузак и правда скрыла даты рождения? И если да — зачем?

Пожалуй, наводить Филиппа на этот след пока не стоило. Пролить свет на дело мог бы только допрос фрау Лузак. Но с этим можно было подождать.

Он спустился по лестнице. Подвальный отсек ничуть не походил на полностью переоборудованный архив, каким его описывала служащая муниципалитета. Сюда, по всему судя, сваливали бумаги, никому не нужные.

Табличка Архив на металлической двери выглядела насмешкой над действительностью.

Ржавая вода стекала с потолка на лампочку, окрашивая помещение в мрачный, тёмно-красный тон. Вдоль голых кирпичных стен тянулись оголённые провода, распределительный щит жужжал, как жирный шмель, а лампа мигала так, будто вольфрамовая нить вот-вот лопнет.

Добравшись до последней ступени, Кёрнер увидел, что весь пол устлан деревянными поддонами, лежавшими прямо в воде. Вероятно, они остались после прошлого наводнения, а муниципальные рабочие просто забыли их убрать.

Осторожно он ступил на первую переклади-

ну. Бурая вода плеснула из-под ног; поднялись пузырьки воздуха и с чавкающим звуком полопались на поверхности.

Запах канализации стал ещё сильнее.

Именно так он, разумеется, и представлял себе исторические изыскания.

Однажды ему уже доводилось спускаться в венские сточные каналы — осматривать место, где обнаружили труп. Там было не менее мрачно. Ещё немного — и можно было бы поверить, что он бредёт по выгребной яме.

На высоком стеллаже, который показала ему фрау Лузак, действительно стояли подшивки *Деревенского вестника* — того самого муниципального курьера Грайнера и Хайденхофа, переплетённого в толстые годовые тома.

Он вытаскивал том за томом, всё глубже уходя в прошлое. Наконец присел на корточки. В самом низу лежали выпуски за 1937 год.

Вот тебе и *посередине*.

Книга наполовину стояла в воде. Он вытащил её кончиками пальцев и раскрыл на середине. Бумага насквозь пропиталась водой и воняла нестерпимо. Осторожно он разлепил слипшиеся страницы.

Статьи были напечатаны куррентом — старым

немецким письмом, знакомым ему по письмам тёти Доротеи, которая всегда писала именно так.

В сентябрьском выпуске *Деревенского вестника* за 1937 год, под рубрикой *Международные события*, стояли заголовки: «Подготовка вермахта к войне» и «Политические переговоры с чехословацким премьер-министром Миларом Годжей не за горами».

Дальше он читать не стал: его внимание привлёк материал из местной хроники. Если повезёт, он подобрался вплотную к тому, что искал Мартин.

Трое шахтёров находят смерть в шахте

В четверг, 9 сентября, в стволе «Божье благословение» угольной шахты в Грайне произошёл трагический несчастный случай. Дальше…

Об остальном он мог только догадываться.

Типографская краска расплылась, страницы слиплись. Когда он попытался разъединить их, бумага полезла клочьями. В руках у него осталась зловонная размокшая масса, в которой уже ничего нельзя было разобрать.

Чёрт, почему он не взял книгу наверх? Там они могли бы просушить страницы феном, осторожно отделить одну от другой и попытаться разобрать текст. Но нет — старший инспектор Кёрнер опять

решил всё сделать быстро и в одиночку. Ему до боли хотелось захлопнуть книгу и колотить ею о стеллаж, пока та не рассыплется в труху.

Он глубоко вдохнул.

И тут взгляд его снова упал на заголовок: «В четверг, 9 сентября…»

Сегодня тоже было девятое сентября. Правда, не четверг, а вторник, — но дата совпадала. Он быстро прикинул в уме. Сердце заколотилось чаще. Сегодня исполнялось ровно шестьдесят шесть лет со дня шахтной катастрофы.

Совпадение? Или эта дата хочет ему что-то сказать?

Он лихорадочно перебирал в голове варианты. Ответ был совсем рядом: 9 сентября, шестьдесят шесть лет назад. Никто в посёлке не упоминал этот день. Повода для траура или официального поминовения вроде бы не было, и всё же Кёрнер не сомневался: в Грайне наверняка проходили памятные службы в годовщину трагедии. Например, заупокойная месса в двадцать пятую годовщину — по погибшим и ради их близких.

Вот оно. Ну конечно.

Он поспешно отложил книгу и принялся просматривать подшивки сельского вестника двумя полками выше, пока не наткнулся на 1962 год.

Выдернул том с полки, раскрыл сентябрьский выпуск и начал бегло перелистывать страницы, пока взгляд не зацепился за чёрно-белую фотографию заброшенной штольни.

Под ней был напечатан двухполосный материал.

Шахтная катастрофа: двадцать пять лет спустя

Вот уже двадцать пять лет угольная шахта в Грайне, принадлежавшая компании «Гшвендтнер Бергбау АГ», стоит без дела.

9 сентября 1937 года произошла самая тяжёлая на тот момент катастрофа в истории грейнских шахт. Когда началась утренняя смена, гору сотряс подземный толчок. В этот момент под землёй из-за пересменки находилось вдвое больше рабочих, чем обычно.

Пока аварийная команда дежурила у ствола, Францу Карманну удалось поднять на поверхность и тем самым спасти большую часть шахтёров с помощью подъёмника. Но около восьми утра гору вновь тряхнуло — новый толчок оказался сильнее прежнего, и линия электропитания оборвалась. Самого Карманна удалось вытащить только вручную, на лебёдке, в подъёмной клети.

К тому времени под землёй оставались ещё трое шахтёров. Их погребло под завалом.

Во время катастрофы обрушилось множество штолен. Ствол «Божье благословение» удавалось удерживать открытым лишь несколько часов. Оседающая порода сделала немедленную спасательную операцию невозможной. Попытка аварийной команды пробить динамитом слепой ствол, чтобы добраться до возможной воздушной полости главной штольни, через несколько дней была прекращена: два взрыва не дали результата.

Трёх засыпанных под землёй шахтёров так и не нашли.

Компания «Гшвендтнер Бергбау АГ» без лишнего шума закрыла шахту. Трёхлетний контракт на поставки, который в 1937 году предполагалось заключить с Германией, так и не был подписан. Двести мужчин в одночасье остались без работы — бывшие шахтёры почти сразу покинули посёлок, часть перебралась в окрестности Вены.

Лишь немногие механизмы были демонтированы на месте; всё остальное пережило военные годы. И по сей день о катастрофе напоминают котельная установка, паровая подъёмная машина и тридцатипятиметровая труба заброшенной шахты. Построенные из гофрированного железа мастерские и конторские здания, словно памят-

ник, противостоят непогоде.

Даже динамит, предназначенный для так и не состоявшегося третьего взрыва, до сих пор хранится на складе возле ствола «Божье благословение».

9 сентября 1962 года, в 16:00, вновь избранный бургомистр Генрих Вайсман открыл памятную церемонию, посвящённую двадцать пятой годовщине трагедии. На неё собрались многочисленные жители Грайна и окрестностей, а также почётные гости из Нойнкирхена. Епископ Шандль освятил в капелле Девы Марии мемориальную доску в память о жертвах катастрофы; пел грейнский церковный хор.

После богослужения траурная процессия направилась ко входу в главный шахтный ствол рядом с грейнским кладбищем, где церемония и завершилась.

Наши мысли — с жертвами трагедии, Паульсеном, Диттрихом и Григом, и с их близкими.

Как же уместно — и в то же время жутко — всё это выглядело.

Вход в ствол «Божье благословение» находился прямо у кладбища. Почему Кёрнер никогда раньше не замечал этой связи? В детстве он, Вольфганг Хек и ещё несколько школьных приятелей часто

лазили по штольням. Кладбище было тут же, рядом, но ему и в голову не приходило об этом задумываться — тем более что о катастрофе в шахте он тогда ничего не знал.

Да и вообще место, где человек вырастает, со временем становится чем-то само собой разумеющимся. Перестаёшь задавать вопросы. С тем же успехом можно было бы спрашивать, почему церковь стоит на возвышенности, а мельница — у ручья.

И вдруг у него перехватило дыхание.

По спине, до самого затылка, пробежал холодок. Ледяными пальцами он держал книгу и смотрел не на статью, а на соседнюю страницу. Там, среди объявлений о юбилярах Грайна и круглых датах, были напечатаны сообщения о рождениях:

30 сентября 1962 года путём кесарева сечения появился на свет Александр Кёрнер, вес — 3,5 килограмма. Поздравляем с рождением!

Его мгновенно замутило.

Словно в бешено мчащейся киноленте, перед ним промелькнули мать, отец, родительский дом, его комната на чердаке и обгорелые руины, выжженные до самого основания. Кёрнер закрыл глаза. Он рылся не только в истории посёлка, но и в собственной.

Случайность ли, что именно этот номер сельского вестника оказался у него в руках? Разве не мог он прожить ещё двадцать лет в Вене, спокойно делать свою работу и никогда не возвращаться в Грайн — не стоять в затопленном после наводнения подвальном архиве старой ратуши и не читать собственное объявление о рождении?

Резкий звонок мобильного вырвал его из мыслей и швырнул обратно в действительность.

Он торопливо сунул под мышку подшивку сельского вестника и достал телефон.

Женский голос.

— Привет, Алекс. Как ты?

— Великолепно.

— Что-то не слышно.

Бывшая девушка Рольфа Филиппа работала в телефонной компании и была его тайным источником, когда требовалось быстро раздобыть сведения. Как, например, сейчас.

— Я проверила звонки по номеру, который ты дал мне сегодня днём. По этому Гойссеру… — Он услышал шорох бумаги. — Вчера был только один звонок. На этот номер.

— Подожди.

Он вытащил из кармана пальто шариковую ручку и нацарапал номер на полях подшивки.

— Во сколько?

— В 7:05. Разговор длился меньше полуминуты. Больше у меня, к сожалению, ничего нет.

— Спасибо. Ты меня очень выручила.

Он уставился на запись на полях. Кто бы ни звонил в семь утра в понедельник, разговор состоялся ровно за час до убийства Сабины Крайник.

И это тоже совпадение?

Кёрнер смотрел на десятизначный номер. Звонил Мартин Гойссер? Скорее всего. Герман Гойссер уходил из дома в шесть утра.

Оставался вопрос: с кем он говорил? Кому звонил Мартин Гойссер?

Выяснить это можно было только одним способом.

Он набрал номер и стал ждать соединения.

Ответил женский голос:

— Редакция «Нойнкирхенер Рундшау». Чем могу вам помочь?

Кёрнер побледнел.

Перед глазами всё поплыло. Осознание ударило, как кулак под дых, и в одно мгновение смело все прежние выводы следствия.

— Алло? Кто говорит?

Кёрнер сбросил вызов.

Вот, значит, как одно цеплялось за другое.

Мартин Гойссер, любознательный школьник, увлечённый историей, сам дал прессе наводку: ранним утром в грейнской дискотеке должно произойти нечто ужасное.

Но откуда, чёрт подери, мальчишка мог это знать? Откуда у него взялись эти сведения? Уж точно не из церковного архива и не из хроникальных томов. Парень понимал и умел куда больше, чем они предполагали.

Оставался лишь один вопрос: как связаны оба убийства с изысканиями Мартина по истории церкви, с убийством отца Дорна и с катастрофой на угольной шахте?

Связь должна была быть. Не просто же так кто-то выкрал бумаги из комнаты Мартина, спрятанные за плакатом.

Как всё это было связано между собой? И каким образом в эту мозаику вписывалась теория Сабриски и Филиппа о трёх преступниках?

ГЛАВА 13

Церковные колокола созывали к вечерней мессе, когда Кёрнер стремительно вошёл в приходской зал, на время расследования превращённый в оперативный штаб.

В комнате по-прежнему стоял густой запах трубочного табака Филиппа и отсыревшего картона от коробок из-под пиццы, сваленных под столом. Филипп, Сабриски, Базедов и Бергер молча подняли на него глаза. На людей, захлёбывающихся работой, его команда сейчас совсем не походила, отметил про себя Кёрнер.

Он смахнул с лица воду и бросил промокший плащ на спинку стула.

— Так, народ, у меня…

Филипп коротко вскинул руку, призывая к тишине. Он стоял у переносного радиоприёмника и напряжённо вслушивался.

— Прогноз погоды, — шепнула Бергер.

Остальные тоже замерли.

Кёрнер уловил лишь последние слова, и в следующую секунду уже заиграла заставка дорожных новостей.

— Чёрт! — Филипп с досадой всплеснул ру-

ками.

Базедов тоскливо застонал.

Кёрнер сел к столу.

— Всё так же плохо?

— Дождь до четверга. Ещё немного — и нас тут смоет ко всем чертям.

Кёрнер обвёл взглядом вытянувшиеся лица. Даже Сабриски, до сих пор державшаяся спокойнее других, теперь выглядела подавленной.

— О нашем деле в новостях ничего не было? — спросил он.

Бергер покачала головой.

— Только сводки о наводнении.

Кёрнер задумался. Он не знал, что напишут завтрашние газеты, но по крайней мере сейчас ни на него, ни на группу не давили впрямую. Как ни странно, наводнение пока играло им на руку.

В другое время, в сезон новостного затишья, пресса раздула бы убийство Сабины Крайник в многодневную сенсацию. Но теперь их расследование, скорее всего, уже сползло на внутренние полосы.

— Ладно. Кризисное совещание. Что у нас есть?

Он первым посмотрел на Бергер.

— Я ещё раз внимательно перечитала днев-

ник Сабины. Ничего нового. Потом прошлась по деревне. — Она кивнула в сторону окна. — Поговорила с соседями, хозяйкой трактира, с несколькими пожарными — о Мартине. О его самоубийстве уже все знают, но ничего такого, чего мы бы и без того не знали, я не услышала. Замкнутый, нелюдимый мальчишка, уходил в книги.

Кёрнер перевёл взгляд на Базедова.

— А у тебя что с файлами Мартина?

Криминалист почти скрылся за монитором и тут же застучал по клавиатуре.

— Все файлы запаролены. Вообще-то это не проблема: обычно ключи сохраняются в стандартной сто двадцативосьмибитной системе. Но этот парнишка придумал собственный шифр, а у меня нет алгоритма, чтобы его вскрыть.

— То же самое, но по-простому.

— Мне нужна нормальная программа дешифровки. А её у меня нет. — Базедов беспомощно пожал плечами.

— Самые очевидные варианты пробовал?

— Ты за кого меня держишь? Хокинг, Эйнштейн, Бор… Уже полчаса только это и перебираю.

— И больше ничего?

— Ну… — Базедов вздохнул. — По времени по-

следнего сохранения можно хотя бы понять, как менялся круг интересов Мартина. Самые ранние файлы названы медицинскими терминами: искривления, повреждения тазобедренных суставов, проблемы с суставами, нарушения осанки. Потом идут файлы с генеалогическими древами местных жителей. Позже, похоже, его заинтересовала шахтёрская катастрофа: встречаются названия вроде «каменный уголь», «подъёмная клеть» и «шахта “Божье благословение”». — Он щёлкнул мышью. — А самые поздние, судя по всему, посвящены церковной истории девятнадцатого века. По объёму видно, что больше всего его занимали отец Дорн, церковный пожар 1864 года и некий ларец Иуды.

— Ларец Иуды? Это ещё что такое?

— Мы с Филиппом уже выяснили, — сказала Сабриски. — То, что от него осталось, стоит в церкви под покрывалом.

— И ещё после нашей вылазки у нас появилось вот это. — Филипп поднял засаленную книгу в чёрном кожаном переплёте. — Яна нашла её в церковном архиве. Записи за 1864 год. Обрываются в тот день, когда умер отец Дорн.

Он подтолкнул том через стол к Кёрнеру.

— По мне, так бред бредом.

— Тогда давайте с самого начала.

— Ну давай, сказочница, твой выход. — Филипп откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Сабриски бросила короткий взгляд на книгу в кожаном переплёте.

— Поверьте, сверху, с церковного холма, всё это выглядит куда страшнее.

С церковного холма Сабриски казалось, будто она смотрит на разлившуюся воду с крыши Ноева ковчега.

Она стояла на краю возвышенности. Церковь царила над площадью; к ней вела только узкая каменная лестница с двумя поворотами. Ступени скользили под ногами, ржавые перила тускло блестели под дождём.

Внизу раскинулась деревенская площадь. Отсюда хорошо просматривалась дорога, вившаяся через посёлок: мимо дома Гойссеров, вдоль кладбища, а дальше — к лесу. С другой стороны она тянулась мимо хуторов, хлевов, футбольного поля и заправки, прежде чем выйти к мосту.

Трир раздулся в широкий, тяжёлый поток цвета размокшей земли. Он катил воды через низину, и из-за дождя и плотной облачной пелены противоположный берег совсем терялся из виду.

У Сабриски невольно приоткрылся рот.

— Ты только посмотри.

— У меня от этого голова кругом, — пробормотал Филипп и отвернулся.

Позади тянулась кованая ограда церковного участка. Филипп распахнул калитку и пропустил Сабриски вперёд. Гравийная дорожка поднималась через пригорок к заброшенному кладбищу с покосившимися крестами.

Наверное, здесь нет ни одной могилы моложе двухсот лет, — подумала она.

Даже старый участок Центрального кладбища в Вене выглядел ухоженнее этих каменных плит. Некоторые так выветрились, что надписи на них уже нельзя было разобрать. Возле скамьи стояла памятная доска.

— «Жертвам турецких войн», — прочёл Филипп. — «Во время первой осады Вены в 1529 году турецкие полчища хлынули и в эти края. Грайн-ам-Гебирге тяжело пострадал от турецкого нашествия. Церковь была частично разрушена, приходской дом уничтожен полностью. Тогдашний священник попал в руки врагов и был убит. Лишь Ханс Кацингер разгромил неприятельские войска, разбившие лагерь между Винер-Нойштадтом и Нойнкирхеном, до полного истребления…»

— Он передёрнул плечами. — Бр-р. Мрачное местечко.

Сабриски поёжилась.

Прямо перед ними церковь словно вырастала из самой земли — низкая, изломанная, с эркерами и глухо пристроенной ризницей. Колокольня из грубого неоштукатуренного кирпича завершала облик древнего строения. Лишь медные водостоки под ветхой деревянной кровлей казались сравнительно новыми.

— Я промокла до нитки. Пошли.

Ей хотелось поскорее со всем этим покончить. Она распахнула тяжёлую деревянную дверь и нетерпеливо махнула Филиппу, всё ещё задержавшемуся у памятной доски.

Холодный ветер со свистом пронёсся над рядами могил, взметнув палую листву.

Они вошли в церковь. Филипп встряхнулся, как мокрый пёс, и откинул назад волосы. С гривой до плеч, высоким лбом и эспаньолкой он и впрямь походил на художника.

— Пить хочется до смерти. — Он вытащил из кармана фляжку.

— Убери, — прошипела она. — Мы в церкви.

— И что?

Он неохотно сунул фляжку обратно в пальто.

Сама Сабриски не была религиозна, но и у неё хватало такта не прикладываться к выпивке в храме. Она прошла мимо чаши со святой водой и двинулась между рядами скамей.

Внутри церковь казалась куда просторнее, чем снаружи. Здесь пахло известняком и свечным воском. Кадильницы свисали с потолка на длинных цепях, пропитывая влажный воздух густым, терпким запахом.

Скамьи пустовали. Лишь в центральном проходе стоял сгорбленный старик в чёрной сутане. Он перебирал чётки и внимательно разглядывал Сабриски и её спутника.

Обычно Сабриски плохо угадывала возраст, но тут почти не сомневалась: этому человеку было далеко за восемьдесят. Лицо его избороздили глубокие морщины, редкие волосы были белы как снег, лоб покрывали старческие пятна, а уголки рта и мешки под глазами тяжело обвисли, как у сенбернара.

— Отец Сахмс? — спросил Филипп. — Уделите нам минуту?

Священник слегка склонил голову.

— В шесть начинается месса.

— По вторникам? — удивился Филипп.

Священник улыбнулся снисходительно, как

улыбаются человеку несведущему.

— Вода поднимается. Ливни не прекращаются. Уже семь дней бушует стихия, ведомая рукой, перед которой человек бессилен. Это месть. Это проклятие. Это Божий расчёт. Одной мессы в день теперь недостаточно.

— Прямо библейский потоп.

— Вижу, вы человек образованный. — Отец Сахмс подошёл ближе и протянул руку.

Сабриски заметила, что при ходьбе одна нога у него подламывается, словно давно отнялась. *Слишком горд, чтобы взять трость,* — подумала она.

— Полагаю, вы пришли сюда не за Божьим покровом. — Он посмотрел на них снизу вверх водянистыми глазами; левое веко у него подёргивалось. — Чем могу быть полезен?

— Мы видели снаружи памятную доску. Неужели церковь и правда настолько старая? — спросил Филипп.

Сабриски была рада, что разговор взял на себя коллега. Обычно за словом она в карман не лезла, но в церковь, должно быть, не заходила уже лет тридцать и теперь чувствовала себя неловко. Наверняка священник видел по её лицу, что с куда большим удовольствием она осталась бы

снаружи.

Но и это лучше, чем мокнуть под дождём, — сказала она себе.

Пока отец Сахмс отвечал, он медленно шёл по центральному проходу к алтарю. Они последовали за ним.

— Впервые приход упоминается письменно в визитационной книге 1514 года, где сказано: «Приход в Унтерграйне». Тогда Хайденхоф и Грайн-ам-Гебирге ещё назывались Оберграйн и Унтерграйн. Община была совсем молодой, когда на эти земли обрушились турки. По устному преданию, жители деревни укрылись в церкви, но ворвавшиеся захватчики устроили в Божьем доме страшную резню. Людей убивали, как скот, и кровь широким потоком стекала с церковного холма к самой рыночной площади. — Он улыбнулся. — Разумеется, на памятной доске вы такого не прочтёте.

— Весёлые времена, — буркнул Филипп.

— Жуткие, — мягко поправил его священник. — Но затем пришло нечто ещё страшнее… Чёрная смерть. — Последние слова он почти прошептал. — Около 1715 года чуму завезли из Вены обозники. Куда ни посмотри — у людей чёрные бубоны величиной с куриное яйцо. Старое кладбище у

церкви полно их жертв. Если поедете по главной дороге в сторону Хайденхофа, на опушке увидите множество крестов и придорожных часовен, оставшихся с той поры. История не баловала Грайн.

Филипп кивнул.

— Вы интересуетесь церковной историей? — Отец Сахмс испытующе взглянул на него.

Сабриски едва не усмехнулась. Должно быть, священник принял Филиппа за человека утончённого и сведущего в искусстве — а уж кем-кем, а таким тот не был. Фил не отличил бы граффити в метро от работы Микеланджело, не то что сумел бы определить эпоху потолочных фресок.

— Поздняя готика? — Филипп указал на трёхметровый алтарный стол, возвышавшийся на двух ступенях.

Над выступающим табернаклем в центре стояла в человеческий рост фигура архангела Михаила — по крайней мере, так решила Сабриски по мечу в его руке. По обе стороны в нишах помещались другие деревянные изваяния святых.

— Неплохо. Да, алтарь выдержан в готическом стиле, вырезан из дерева и покрыт масляной краской под дуб.

Сабриски удивлённо покосилась на спутника.

Тот самодовольно улыбнулся и заправил волосы за ухо, словно говоря: *Ну что, впечатляет?*

Священник обернулся.

— К той же эпохе относятся и изображения Крестного пути — масляные отпечатки на натянутом холсте. Когда в 1867 году церковь отстроили заново и вымостили плитами из Кельхайма, под главным алтарём обнаружили три могилы тамплиеров — с останками, крестами и обломками мечей. Орган и мраморную купель установили в 1871 году, башенные часы — в 1901-м, а менее двадцати лет назад у нас появились два полноценных колокола с электрическим приводом. — Он на миг умолк. — Надеюсь, я не слишком вас утомил?

Сабриски уже собиралась ответить, но Филипп опередил её.

— Умение слушать — часть нашей профессии, — сказал он. — А что там под покрывалом?

Он кивнул в сторону огромного белого полотнища, натянутого поверх деревянного каркаса. Эта картина напомнила Сабриски гостиную заброшенной виллы, откуда хозяева давно съехали, накрыв мебель чехлами.

— Под ним находится ларец Иуды, — небрежно ответил священник.

Сабриски застыла. Краем глаза она покосилась на Филиппа — тот тоже замер.

Он подумал о том же? Вспомнил файл на компьютере Мартина с таким же названием?

— А что это за ларец Иуды? — как бы невзначай спросила она.

Отец Сахмс медленно переложил чётки из одной руки в другую.

— Ничего особенного. Старый исповедальный шкаф. Уже много лет стоит под покрывалом, за ограждением. Церковное начальство так и не решилось распорядиться, чтобы его убрали.

— Откуда тогда это странное название? — Филипп подошёл к полотнищу и остановился у заграждения. Под тканью угадывалось лишь чёрное деревянное основание. — И само покрывало не похоже на то, что висит здесь годами.

Священник встал рядом.

— Вы задаёте слишком много вопросов. Но, боюсь, это тоже часть вашей профессии, — со вздохом сказал он. — Мы накрываем исповедальню, чтобы она не напоминала о своём мрачном прошлом. Ларец Иуды связан с именем отца Дорна.

Отец Дорн и ларец Иуды. Сабриски почувствовала: они почти добрались до сути поисков

Мартина. Что бы мальчик ни обнаружил у себя на чердаке, в церковном архиве или в деревенской хронике, это, возможно, стоило ему жизни.

— Отца Дорна убили! — вырвалось у неё.

Филипп резко покосился на неё. Сабриски прикусила губу. *Чёрт. Не надо было встревать. Следовало дать говорить ему.* Как криминалист, он всё же обладал подготовкой, которой у неё, судебного медика, не было.

— Вы об этом слышали? Да, так говорит предание. — Отец Сахмс невозмутимо кивнул. — Согласно приходской книге смертей, отец Дорн скончался в 1864 году, на шестидесятом году жизни, — в тот самый год, когда западное крыло церкви выгорело дотла. Только ларец Иуды и пережил тот тёмный день. Саму церковь отстроили лишь несколько лет спустя.

— За что его убили? — спросил Филипп.

Священник нахмурился.

— Говорят, его убили жители деревни. Причину я назвать не могу. Судя по приходской памятной книге, отец Дорн вёл суровую жизнь. Бдения, пост, молитвы, самобичевание — таков был его ежедневный подвиг.

— Что вы можете рассказать о Мартине Гойссере? — перевёл Филипп разговор в настоящее.

— Ничего. — Отец Сахмс виновато пожал плечами. И снова показался маленьким, хрупким стариком.

— Но вы ведь его знали, — не отступал Филипп. — Может, хоть что-то вспомните.

— Мальчик часто приходил в церковь. К сожалению, не на мессу, а только в архив.

— И что он там делал?

— Читал, надо полагать, — ответил священник. — Архив открыт для всех, но посетители сюда почти не заходят.

— Мы можем его посмотреть?

— Он рядом с ризницей, в восточном крыле. Следуйте за мной.

Отец Сахмс пошёл впереди. Через арочный проход он провёл их в боковой придел, заканчивавшийся обитой железом деревянной дверью. На ходу потёр виски и болезненно улыбнулся, будто его мучил тяжёлый приступ мигрени.

— Прошу меня извинить, месса начинается через полчаса.

Священник оставил их одних и, прихрамывая, удалился.

Филипп распахнул дверь, и они вошли внутрь. Комнату освещало лишь маленькое оконце на уровне головы, в которое был вмурован желез-

ный крест. Стена была толщиной почти как в старом монастыре. В тесной каморке пахло бумагой и сухим деревом стеллажей, поднимавшихся до самого потолка. Полки были битком набиты ветхими фолиантами вперемешку с более современными книгами.

— «Церковный архив» — это, пожалуй, громко сказано, — проворчал Филипп. — Скорее кладовка для макулатуры.

— Зато всё рассортировано, — заметила Сабриски, разглядывая карточки в пластиковых держателях. — Богословие, история, церковный хор, ежегодники, энциклопедии по каноническому праву. А вот визитационная книга, книга смертей, приходская памятная книга и хроника грейнской церкви.

— И ты собираешься всё это читать? — простонал Филипп.

Сабриски посмотрела на тома, покрытые толстым слоем пыли, провела рукавом по корешкам и вытащила с полки церковную хронику за 1861–1870 годы. По привычке она хотела сдуть пыль с обложки, но та оказалась аккуратно вытертой.

Сабриски удивлённо уставилась на блестящий переплёт. Когда она раскрыла книгу, обложка сухо хрустнула, а пергаментные листы тихо за-

шелестели.

— Ты можешь читать этот старый почерк? — спросила она.

Филипп подошёл ближе. Вместе они пролистали до 1864 года. На одной из страниц им попался угольный портрет мужчины с худым лицом и выдающимся подбородком. Голова у него была вытянута, словно отражённая в кривом зеркале. Шею стягивал жёсткий белый воротник священнической сутаны. Большие глаза без ресниц и тонкие, плотно сжатые губы придавали лицу почти призрачное выражение.

Под портретом значилось: *Отец Дорн, 1805–1864*.

Филипп провёл пальцем по строкам, беззвучно шевеля губами.

— Здесь немного. Церковь подожгли в ночь летнего солнцестояния 1864 года, а перед этим деревенского священника убила разъярённая толпа… — Он запнулся. — Его забили палками почти до смерти, а потом повесили под церковным куполом.

— Как Мартина Гойссера, — тихо сказала Сабриски.

— Но какое отношение всё это имеет к нему и к Сабине Крайник? Мы живём в двадцать первом

веке. Неужели так важно, что произошло сто сорок лет назад?

— Сабина в дневнике писала почти то же самое, — ответила Сабриски. — Но, может быть, именно это и важно.

Когда Филипп поставил книгу обратно на полку, вверх взметнулось облако пыли. Он закашлялся и стряхнул с пальто приставшие ворсинки.

— Из всех книг только эта была чистой. Наверняка Мартин её листал, — сказала Сабриски.

— Архив открыт для всех, но сюда почти никто не заходит, — напомнил Филипп, подняв палец. — Кроме Мартина. — Он медленно оглядел стеллажи. — Он оставил нам здесь следы.

Филипп подошёл к следующему ряду полок.

— Если за последние годы он и правда был тут единственным посетителем, нетрудно выяснить, что именно он искал и какие книги держал в руках. Его отпечатки должны быть по всей комнате.

Пока Филипп занялся книгами в одном ряду, Сабриски обошла стеллаж с торца и вошла в соседний проход.

— Господи, — невольно вырвалось у неё.

Эту каморку явно не подметали уже много лет.

Наверное, у отца Сахмса нет экономки. А если и есть, то в архив ей вход заказан. На полу пыль лежала толстым слоем, а вдоль стены сбилась в плотные серые комья. Свет из высокого окна заставлял пылинки мерцать, словно воздух здесь был заколдован.

— Смотри не заработай заражение крови, — бросила Сабриски.

Но в следующую секунду осеклась. Филипп рассмеялся и что-то ответил, однако она уже не слушала. Не отрываясь, смотрела на пол.

В одном месте у самой плинтусной планки пыль была стёрта. Сабриски опустилась на колени. На дереве отчётливо виднелись следы пальцев. *Почему именно здесь?*

Она провела рукой по планке — и кусок дерева вдруг подался. В цоколе стены открылся узкий зазор. Сабриски просунула в него пальцы и с неожиданной лёгкостью подняла квадратную деревянную вставку в паркетном полу.

Под ней обнаружилась ниша в основании стены, а в нише лежала засаленная, разбухшая от сырости книга в кожаном переплёте.

— Филипп! — крикнула она. — Иди сюда!

Она уже протянула руку, чтобы достать книгу, но Филипп вихрем вылетел из-за угла.

— Не трогай!

Сабриски отдёрнула руку. Криминалист, тяжело дыша, опустился рядом с ней на колени, вытащил из кармана пальто пару нейлоновых перчаток и натянул их.

— Я хочу знать, кто к ней прикасался.

Осторожно он вынул книгу из тайника. Когда раскрыл её, глаза у него расширились.

— Это ещё что такое?

— Покажи.

Он поднёс раскрытую книгу ей почти к самому лицу.

Сабриски с трудом всматривалась в почерк.

— Опять этот старый куррент… Я не могу разобрать.

— Сразу видно, в церковной истории ты не сильна, — усмехнулся Филипп.

Он поднёс книгу ближе к глазам.

— Дневник. Первая запись — за январь 1864 года, а последняя… — Он перелистнул к концу. — …от двадцать первого июня.

— День летнего солнцестояния, — быстро сказала Сабриски. — Тот самый день, когда сгорела церковь.

Глаза Филиппа загорелись.

— Очень может быть, именно это и интересо-

вало Мартина. Но почему он не забрал дневник с собой?

— Ты не понимаешь, — вздохнула она. — Мартину ещё не было и четырнадцати. Наверное, он просто не решился украсть книгу и потому возвращался сюда снова и снова, чтобы читать её на месте.

— Я бы забрал.

— К счастью, не все люди похожи на тебя. Что там написано?

Филипп перелистнул к началу и прочитал вслух:

— «4 января 1864 года. Новый алтарный камень, который два месяца назад доставили нам из Санкт-Гюдена, деканат Кемпен, до сих пор приносил одни лишь неприятности. Уже в день установки пол заметно осел, а вчера, в довершение всего, в арке хора появилась трещина в кладке, которая с каждым часом всё расширяется…»

Он поднял глаза.

— Дальше всё размазано.

Филипп захлопнул книгу.

— И какое отношение исследования Мартина и этот дневник имеют к его убийству и к убийству Сабины?

Из кармана пальто он выудил пластиковый пакет и осторожно опустил туда книгу.

— Вуаля. Уверен, Алекс сумеет всё связать.

Он снял перчатки.

Сабриски задумчиво посмотрела на пакет с книгой.

— Мартин был умнее, чем нам кажется. За этим делом стоит куда больше, чем мы пока понимаем. Не просто так он всколыхнул прошлое этой деревни.

На этом месте рассказ Сабриски закончился.

Кёрнер смотрел на лежавшую перед ним книгу, похожую на старинный поэтический сборник, но брать её в руки не спешил.

— Можешь не бояться, — сказал Филипп. — Она вся в отпечатках пальцев, но все они принадлежат Мартину Гойссеру.

— Кто написал эту книгу?

— Прочитай последнюю страницу.

Кёрнер раскрыл дневник и начал разбирать куррентное письмо.

«Я попытаюсь выбраться через окно, перелезть через стену и под покровом ночи бежать из деревни. Но куда? Я обучен лишь ремеслу прислужника при мессе. Говорят, в Вене много церквей. В этом далёком городе я попытаю счастья…»

Ладно, дочитаю потом.

Он закрыл книгу.

— Что ты выяснил в муниципалитете? — спросила Сабриски.

Кёрнер поднял глаза.

— При обвале шестьдесят шесть лет назад под землёй оказались погребены трое шахтёров. Их тела так и не нашли. И ещё я получил наводку: теперь мы знаем, кто сообщил в *Рундшау*, что под утро в грейнской дискотеке случится нечто страшное.

В комнате сразу возникло напряжение. Бергер и Сабриски подались вперёд на краешках стульев, Филипп шагнул ближе, и даже лицо Базедова показалось из-за монитора.

— Так чего мы ждём? Берём этого типа! — воскликнул Филипп.

— Поздно, — ответил Кёрнер. — Это был Мартин Гойссер.

Филипп выругался. Остальные молча посмотрели на Кёрнера.

Он медленно кивнул.

— Парень что-то знал об убийцах. А может, понимал и всю подоплёку. Они вышли на его след, вовремя убрали и его, и записи, а потом ещё сделали из него козлом отпущения.

— Теперь и ты говоришь об убийцах во множественном числе, — заметила Сабриски.

Он удивлённо взглянул на судебного медика. Сам он этого даже не заметил.

— Эта версия кажется мне всё правдоподобнее.

Он закинул ноги на стол и откинулся на спинку стула.

— Возможно, это не просто два заурядных убийства. Возможно, за ними стоит нечто большее.

Опять его теория сокрытия.

— Не исключено, что здесь переплелось сразу несколько линий, — задумчиво продолжил он. — Из комнаты Мартина исчезли бумаги. Его поиски, связанные с деревенским священником и катастрофой на шахте, наверняка имеют отношение к убийствам. Но какое, чёрт возьми?

Филипп присел на край стола и, недовольно ворча, раскурил трубку.

— По-моему, ты заходишь в тупик. Да, мы нашли дневник 1864 года. Но история церкви и обвал в шахте, на мой взгляд, между собой никак не связаны. Их разделяют семьдесят три года. И какое, скажите на милость, отношение всё это имеет к родословным, искривлённым суставам и убийствам Сабины и Мартина? Мы идём по ложному следу.

— Родословные как раз и могут оказаться связующим звеном, — предположил Кёрнер.

Тут он заметил, что судебный медик смотрит куда-то мимо них.

— Искривлённые суставы, — повторила она. — В церкви я заметила одну странность. Я ведь говорила вам, что у священника при ходьбе подгибалась нога — будто он её не чувствовал.

— И что? — Филипп взглянул на неё с плохо скрытым раздражением.

— Это может быть следствием поражения нерва. Например, после пункции позвоночного канала. К тому же он тёр виски. Возможно, его мучают сильные головные боли.

Сабриски беспомощно развела руками, словно сама не знала, как лучше объяснить свою мысль.

— Одной из причин может быть снижение внутричерепного давления. Например, если спинномозговой жидкости слишком мало. Достаточно потери десяти миллилитров из двухсот, чтобы…

— Хватит, — оборвал её Филипп. — О чём ты вообще? Это уже какой-то кошмар. Давайте всё-таки держаться фактов.

Он бросил на Кёрнера взгляд, явно рассчитывая на поддержку.

Кёрнер ответил ему задумчивым взглядом, но промолчал. Он и сам терпеть не мог, когда одну натянутую гипотезу громоздили на другую, а из случайных наблюдений вырастали неправдоподобные конструкции.

И всё же он слишком ясно помнил вчерашний разговор с Сабриски в патологоанатомическом отделении: клеточные атипии, стремительное деление клеток, автономность чужеродной ткани, следы пункции, раздробленный позвонок. Что из этого было реальностью, а что — болезненным наваждением? Он уже не мог отличить одно от другого.

Пока он размышлял, остальные молча смотрели на него, словно ждали, что он скажет.

Больше всего ему хотелось всё бросить, передать дело кому-нибудь другому, сесть в машину и уехать прочь.

Наконец Бергер пробормотала так тихо, что сначала он едва её расслышал:

— Мать Сабины Крайник тоже хромает. Я заметила это вчера, когда мы стояли у них на кухне.

— Да вы издеваетесь, — воскликнул Филипп, вскинув руки. — Два человека хромают… Какая поразительная улика.

— И ещё она сказала мужу, чтобы он не пил

воду, иначе у него опять разболится голова, — невозмутимо добавила Бергер.

Филипп шагнул к Кёрнеру.

— Алекс, ну пожалуйста. Неужели ты не видишь, что мы мало-помалу сходим с ума и сами себя загоняем в безумие этими страшилками?

Кёрнер поднял голову.

— У брата Мартина Гойссера искривлена рука. А у деревенского врача Вебера — сильное искривление позвоночника. И его тоже мучают головные боли. Возможно, дело в колодезной воде.

У Филиппа отвисла челюсть. Он недоверчиво покачал головой.

— У меня сейчас тоже голова разболится.

— Как именно искривлён позвоночник? — спросила Сабриски.

Кёрнер показал руками форму деформации.

— Похоже на рёберный горб. И ещё у него сильно деформирована грудная клетка.

Он встал и наклонился вперёд, изображая осанку врача.

— Он задыхается? — спросила Сабриски.

Кёрнер пожал плечами.

— Возможно, дышит тяжело. А что?

— По твоему описанию это может сопровождаться снижением дыхательной ёмкости. Так

бывает при кифосколиозе.

Кёрнер уже не слушал её объяснений. Он думал о другом. В памяти внезапно всплыли кошмары прошлой ночи.

— Инцест, — пробормотал он. — Всё дело в чёртовом инцесте, который губит это место уже не одно поколение.

— Крайники состоят в родстве друг с другом, — пояснила Бергер остальным.

— И трое их детей мертвы, — добавил Кёрнер.

— У девочки был рак костного мозга… возможно, наследственное заболевание. Вот оно! — Сабриски вскочила. — В этом посёлке слишком много людей хромают, ковыляют, ходят согнувшись, у них дёргаются руки. Многих мучают ужасные головные боли.

— Яна, пожалуйста, — строго сказал Филипп. — Ты преувеличиваешь.

— Ты сам говорил, что это жуткое место, — напомнила ему Сабриски.

— Это место хуже той дыры, откуда вышла семейка Мэнсонов, — процитировал Кёрнер слова криминалиста.

Филипп отступил на шаг.

— Вы что, все с ума посходили? Это была шутка! — выкрикнул он. — Просто шутка. Нельзя же

арестовывать людей и увозить в автозаке только потому, что у некоторых из них физические дефекты. Очнитесь!

По коже головы у Кёрнера пробежал холодок. Конечно, Филипп был прав. Он и впрямь утратил чувство реальности и позволил нескольким безумным догадкам одурачить себя.

Он заставил себя отбросить мысли о головных болях и искривлённых конечностях, очистить голову и снова начать мыслить ясно.

— Ладно. Хватит. Что мы делаем дальше?

— Здесь жутко. Я хочу уехать из этой дыры.

Сабриски съёжилась на стуле и спрятала руки в рукава свитера. От её прежнего восторга перед идиллическим курортным местечком не осталось и следа. Изматывающая погода, конечно, только усиливала тоску по её венской квартире. Кёрнер не мог её за это упрекнуть.

Он посмотрел на часы. Было чуть больше семи.

— Яна права. Пора выбираться домой.

За окнами зала заседаний остановились две пожарные машины. Десятки спасателей высыпали наружу и с грохотом ввалились в трактир. Кёрнер услышал, как хлопнула входная дверь.

В следующее мгновение из соседнего зала донеслись звон бокалов, скрежет отодвигаемых

стульев и громкий гул голосов.

— Пойду выясню, что происходит, — предложил Филипп.

Не успел Кёрнер посоветовать ему быть повежливее, как тот уже выскочил за дверь.

Базедов посмотрел в окно.

— По такой погоде не скажешь, что скоро распогодится.

Они молча смотрели на мелкий дождь, сеявшийся над главной площадью. Дверь распахнулась, и Филипп вернулся с мрачным лицом.

— Дай угадаю, — сказал Кёрнер. — Моста больше нет.

— Пока ещё есть. Но он полностью затоплен, и его может снести в любую минуту, если уровень Трира быстро не спадёт.

Филипп скрестил руки на груди и прислонился к дверному косяку.

— А судя по всему, за ночь вода только поднимется.

— Прекрасно.

Кёрнер вытащил телефон из кармана и набрал номер Ютты Корен. Разговор был коротким, а ответ начальницы уголовной полиции — предельно ясным. Кёрнер швырнул телефон на стол.

— Чёрт. Вытащить нас отсюда она не может.

Остаёмся на месте и устраиваемся здесь на ночь.

По комнате прокатился ропот.

— Придётся извлечь из этого максимум, — сказала Бергер.

Все поднялись со своих мест. Только Базедов остался сидеть. Он быстро стучал по клавиатуре. Среди спутанных проводов лежала его камера, подключённая к компьютеру.

Филипп обошёл стол и заглянул фотографу через плечо.

— Чем ты там всё время занимаешься?

— Скинул на компьютер вчерашние снимки с места преступления. Кажется, с камерой что-то не так. Посмотри: на фотографиях пятна, и их никак не убрать.

— Да просто палец у тебя в кадр попал, вот и всё.

Филипп хлопнул фотографа по плечу.

— Пойдём, поищем себе комнату.

Но Базедов не двинулся с места. Пока остальные выходили из зала, он продолжал работать.

ГЛАВА 14

В зале трактира на скамьях теснилось человек двадцать пожарных. Несколько стояли у стойки и курили. С промокшей одежды стекала вода, на деревянном полу растекались тёмные лужи. Каски валялись на столах, синие форменные куртки были переброшены через спинки стульев.

Пробираясь между ними, Кёрнер ощущал тяжёлый запах разгорячённых, пропотевших тел. Ни его, ни Филиппа, ни двух женщин пожарные будто не замечали — во всяком случае, никто даже не обернулся.

Он был уверен, что мужчины сейчас начнут глушить усталость пивом, но ошибся. За стойкой стояла хозяйка, Вальтрауд Штойссер, и разливала из машины кипяток по кружкам, выставленным в ряд. Аппарат пыхтел паром, в зале стоял запах чёрного чая и лимона. Пожарные жадно тянулись к горячему питью.

Сквозь распахнутую дверь врывался звенящехолодный ветер. У входа уже громоздилась почти полуметровая гряда мешков с песком — ещё час назад её там не было. От одного из пожарных у стойки Кёрнер узнал, что дома в посёлке уже

почти не спасти, если вода подмыла фундамент и несущие стены. Первые трещины уже пошли, сырость медленно поднималась вверх.

Хозяйка, по-видимому, заранее догадалась, что Кёрнеру и его людям понадобятся комнаты на ночь, и выложила на стойку четыре ключа с настенной полки. Номера находились этажом выше. Из кладовой следовало взять обогреватели — ночь обещала быть холодной.

Кёрнер и Сабриски получили по одноместной комнате. Бергер и Филиппу досталось по двухместному номеру. Базедов должен был ночевать вместе с Филиппом.

После распределения комнат Бергер и Сабриски решили подготовиться к ночи и наспех сбегать в бакалейную лавку, открытую до половины восьмого. Однако хозяйка заметила, что у Герера в магазине наверняка почти ничего не осталось. Стоило пожарным выйти укладывать мешки с песком на гребень дамбы, как жители деревни бросались в лавку и выметали всё подчистую. Все запасались впрок в ожидании большого наводнения — на случай, если дамбу прорвёт.

Женщины надеялись успеть перехватить последние запасы печенья, а заодно купить зубную пасту, гель для душа, носки, бельё, футболки,

дезодорант, щётки, крем для лица и носовые платки.

— И вот их уже нет, — заметил Филипп, с любопытством глядя им вслед.

Обе, прикрывая головы руками, бежали через площадь. Сабриски неслась напрямик, быстро и уверенно, тогда как Бергер осторожно обходила лужи по широкой дуге.

— Женщины, — сказал Филипп, качнув головой. — Ради похода по магазинам они и сквозь самый лютый ливень пробегут.

В ту же минуту над площадью наползла тёмная гряда облаков, и свет померк. Вдалеке сверкали молнии, над равниной перекатывался глухой гром. Хозяйка подтолкнула по стойке поднос с новой порцией горячего питья.

— Чай! — крикнула она, и мужчины тотчас пришли в движение.

Затем повернулась к Кёрнеру:

— Кстати, у нас проблемы с водой.

— Да, знаю. Из подвала Герера течёт масло.

— Нет. Хуже.

Она устало опёрлась на стойку и закрыла лицо руками.

— Во всём посёлке больше нет питьевой воды. Грунтовые воды повредили трубы. Я завариваю

чай на минералке. — Она криво усмехнулась. — На вкус дрянь, но эти парни всё равно ничего не замечают.

— У вас разве столько минеральной воды?

— С избытком. Как-нибудь перебьёмся. Возьмите несколько бутылок к себе в комнату. А пока пожарные устанавливают нашу систему очистки. Как только она заработает, из рыбного пруда можно будет за час получить пятьсот литров питьевой воды.

Она на мгновение скрылась под стойкой и с усилием водрузила на стол упаковку из шести бутылок.

— Спасибо.

Кёрнер коснулся пальцами лба в знак благодарности. Филипп по-прежнему смотрел на дождь, а он сам направился к себе.

— Можно мне вымыть пол в баре «Газлайт»? — окликнула его хозяйка.

Кёрнер обернулся. *Под «вымыть пол» она, разумеется, имела в виду оттереть засохшую кровь.* Но зачем ей это? Неужели она знакома с владельцем дискотеки?

— Чак — мой друг, — сказала хозяйка, будто прочитав этот вопрос у него на лице.

— Я не против, но решать не мне. Фил?

Филипп коротко кивнул.

— Конечно. Только железную раму не трогайте. Её ещё будут осматривать.

— Не беспокойтесь.

Кёрнер вышел из зала и шагнул в коридор. Сразу стало тише. Наконец-то один. Шум, суета, теснота людского присутствия — всё это он выдерживал недолго. Ему нужна была тишина, чтобы собраться с мыслями.

Когда он проходил мимо двойной стеклянной двери, навстречу ему выскочил Базедов с плащом, наброшенным на плечо.

— Ты ночуешь с Филом в одной комнате, — сказал Кёрнер фотографу.

— Да, — отозвался тот.

Цифровая камера болталась у него на шее, в руке он держал штатив и неловко просовывал руку в рукав плаща.

— Ты тоже в магазин?

Базедов вскинул на него недоумённый взгляд.

— Нет. Хочу кое-что проверить. Ты уже думал, почему первое убийство произошло именно так? Почему — именно в этом баре, а не где-то ещё?

Кёрнер глубоко вздохнул.

— Думаю об этом без конца. И всё впустую.

— Может, у меня получится.

— Каким образом?

— Дай мне несколько минут.

Баседов застегнул плащ и быстро пошёл по коридору.

У Кёрнера неприятно заныло под ложечкой.

— Телефон возьми! — крикнул он вслед. — Если понадобится помощь, звони.

Он видел, как фотограф исчез за дверью, ведущей в трактирный зал.

Оставалось только надеяться, что странности Баседова не подольют масла в огонь и снова не раззадорят фантазии Сабриски. Истеричная команда ему была ни к чему. Хватало уже и того, что он сам, застряв в этой глуши, едва держался и мало-помалу подходил к грани.

Он вошёл в общий зал и, собирая кое-какие вещи перед тем, как подняться к себе, увидел, как фотограф пересекает площадь по направлению к «Газлайт-бару».

Одноместная комната Кёрнера состояла лишь из умывальника с зеркалом, шкафа с не запирающейся дверцей, стола, стула и кровати. На окне висели грязноватые занавески. Кровать была застелена бельём в цветочек, а над тумбочкой под пыльным абажуром тускло свисала жалкая лампочка.

Ни душевой кабины, ни тем более туалета здесь не было. *Интересно, в двухместных номерах хотя бы есть уборная?* Мысль о том, что Базедов и Филипп сейчас ютятся в такой же тесноте и, скорее всего, уже действуют друг другу на нервы, его не радовала.

Впрочем, теснота раздражала меньше, чем въевшийся повсюду табачный смрад, засевший в ковре, матрасе и занавесках. Он отдёрнул штору и приоткрыл окно. Дождь барабанил по стеклу, за окном стояла непроглядная тьма.

Из комнаты открывался отличный вид на главную площадь. В бакалейной лавке всё ещё горел свет. Наверняка две женщины уже катили перед собой тележку и выметали с полок последние пачки печенья и остатки косметики. Дверь «Газлайт-бара» стояла открытой. Из окон дискотеки сочился приглушённый свет.

Позвони, если я тебе понадоблюсь.

Кёрнер положил телефон на тумбочку. Батарея почти села, её хватило бы всего на несколько минут разговора. Он не рассчитывал застрять в этой дыре и потому не взял ни зарядное устройство, ни блок питания, ни запасной аккумулятор. Приходилось обходиться тем, что было, — и сейчас он даже был рад, что телефон молчит.

Кёрнер придвинул стул к кровати, закинул ноги на подушку и раскрыл старый дневник в кожаном переплёте. Ещё несколько страниц — и он окончательно привыкнет к старонемецкому почерку. Сейчас его интересовало только одно: как и почему был убит патер Дорн.

Он быстро перелистал дневник к последним десяти исписанным страницам.

21 июня 1864 года

В вечерних сумерках толпы людей, вооружённых факелами и вилами, хлынули вверх по церковному холму. Их ожесточённый вой доносился до моей каморки. Сквозь окно тянуло запахом дёгтя и смолы.

С самого рождения этого отродья я знал: патера Дорна и грайнскую церковь ждёт позорный конец. И теперь, когда мужчины наконец обнаружили, что именно скрывается в подземелье, они в считаные часы довели всё до развязки. К счастью, в своём неистовстве они не заметили моего убежища.

Когда я услышал треск церковных ворот, я выскользнул из каморки и спрятался за колонной. О, это было ужасное зрелище! Рослые мужчины ворвались в неф, сокрушали скамьи и завали-

вали спуск в подземелье. Звенели молотки и гвозди. Затем они подтащили к проходу тяжёлую алтарную плиту.

Они понимали, что бесполезно просто заколотить спуск досками. Вероятно, им была известна опасность, исходившая от машины. На их месте я поступил бы так же.

Бабы визжали и ещё сильнее распаляли толпу. И вдруг распахнулась дверь ризницы. Патер Дорн вышел и направился им навстречу. Он был обнажён и не скрывал следов самобичевания. Как грешник, он раскинул руки и склонил голову, словно ожидал конца.

— Мерзавец! — визжали бабы. — Ты отнял у нас детей!

Не только детей… Ах, если бы они знали всю правду! Жизнь патера Дорна не продлилась бы и одного лишнего мгновения.

Мужчины тотчас схватили его, и я понял: всё кончится кровавой расправой. Они размахнулись жердями и принялись бить его по рукам и ногам. При каждом ударе я вздрагивал в своём укрытии, будто били меня самого. Я зажимал уши ладонями, но всё равно слышал хруст костей.

Они избивали патера Дорна жердями почти до смерти. Он не стонал и не жаловался. Невероятно

— он смеялся! Рот его был искажён, глаза закатывались. Он хихикал и кудахтал, как безумный ребёнок. О, если бы он только кричал, если бы молил о пощаде!

Но смех патера Дорна лишь сильнее распалял толпу. В исступлённом восторге он поднял глаза к куполу, и даже когда жерди обрушивались на его спину, шею и голову, он продолжал улыбаться.

Когда он рухнул на пол, бабы перевернули его на спину, а мужчины продолжили молотить. Смех патера Дорна не смолкал. Откуда только в нём брались силы? Были ли эти муки его искуплением? Быть может, он даже был благодарен своим мучителям.

В последний раз он выгнулся всем телом. Лицо его было уже почти неузнаваемо — сплошная искажённая маска. Но в глазах таилось и нечто иное: бездонная печаль и страшное, почти немыслимое облегчение. У меня едва не разорвалось сердце.

Мужчины теснились вокруг него, как свиньи у корыта. Они заслоняли мне обзор. Я видел только, как взлетают вверх жерди и снова с силой опускаются. Не в силах дольше выносить это зрелище, я скорчился за колонной и закрыл лицо руками.

Я вздрогнул, когда шум внезапно усилился и

по всей церкви прокатился яростный рёв. Мимо меня потянулись тёмные клубы. Дым! Я прижал край рясы ко рту, сдерживая кашель.

Когда я снова выглянул из-за колонны, у меня перехватило дыхание. Сердце бешено заколотилось. Господи, патер Дорн! Он висел высоко под куполом церкви — нагой, на верёвке, весь покрытый следами ран, нанесённых ему мужчинами.

Топот деревенских жителей, выбегавших мимо меня из церкви, вывел меня из оцепенения. В следующее мгновение я остался один. К тому времени пламя уже лизало потолок и добралось до ног патера. Его ноги дёрнулись!

Боже милосердный — он открыл глаза, распахнул веки так широко, что побелевшие глазные яблоки едва не выкатились наружу. Больше я ничего не увидел. Пламя сомкнулось над его головой.

Дым жёг мне глаза. Кашляя, я вскочил, бросился в свою каморку и запер дверь. Словно сам дьявол гнался за мной, я принялся писать в дневнике.

Теперь, когда прошло уже полчаса, остаются считаные минуты до того, как огонь доберётся до восточного крыла. Уже тогда, когда это святое место стало нечестивым, мне следовало понять, чем всё закончится.

Почему я всё ещё здесь? Мне давно пора было бежать. Но истина в том, что меня удерживало любопытство. Ах, если бы я только всё оставил позади — мне не пришлось бы видеть патера Дорна в его последний час.

Иуда тоже повесился — эта мысль не даёт мне покоя. Я не в силах думать ни о чём ином, кроме Иуды, который в безумии лишил себя жизни. Что побудило его предать Иисуса? Неужели и в него вселился дьявол?

Апостол Иуда никогда не обретёт прощения — так же, как не обретёт его и патер Дорн. Их судьба одинакова. Иуда был жалом в плоти Христовой, а патер — тернием в нашей безбожной церкви.

Весь Грайн-ам-Гебирге обратился в место безнадёжных и потерянных. Изменится ли это когда-нибудь? Поможет ли, если жители заколотят святилище Иуды? Или зло вновь и вновь будет находить лазейку в этот мир?

Достаточно ли того, что связь между патером Дорном и его отродьем разорвана? Умрёт ли оно так же, как умер он? Боюсь, я не смею на это надеяться. Я видел слишком многое, чтобы предаваться столь благочестивым упованиям.

Моя единственная оставшаяся надежда — что оно не выползет за порог, а навеки останется

во тьме. Я буду ежедневно молиться, чтобы оно иссохло под землёй и погибло. Пусть дьявол сам печётся о своём отродье! Пусть окончательно заберёт его к себе!

Я только что вздрогнул от ужаса. Огонь уже трещит у самой двери, воздух, пропитанный гарью, просачивается в щели у пола. В каморке становится нечем дышать. Сколько ещё выдержит эта окованная железом дверь?

Сейчас мной владеет одна-единственная мысль: бежать. Бежать не только из церкви, но и из этого места, из всей округи. Этой же ночью!

Но если деревенские найдут у меня в сумке этот дневник, я погиб. Они убьют меня так же, как убили патера Дорна. Я спрячу его в каменном основании архивной стены. Если повезёт, в глубине кладки он переживёт пожар.

Я попытаюсь выбраться через окно, перелезть через стену и под покровом ночи покинуть посёлок. Но куда мне идти? Я обучен лишь ремеслу церковного служки. Говорят, в Вене много церквей. В этом далёком городе я попытаю счастья.

Телефон Кёрнера пронзительно зазвонил. Он резко вскочил со стула и схватил аппарат с тумбочки. На дисплее высветился номер Базедова.

ГЛАВА 15

Базедов снял пломбу со входа в дискотеку, открыл дверь и нащупал выключатель. Несколько ламп над стойкой и в глубине бара вспыхнули разом, выхватив из темноты деревянные колонны, подиум, танцпол, столы и стулья. Помещение наполнилось тусклым, сумрачным светом. Дверь за собой он лишь притворил, не дав ей защёлкнуться: замка по-прежнему не было.

Дождь барабанил по крыше.

Странно — войти в дискотеку, где стояла мышиная тишина. Где не теснились разгорячённые тела, не звенели бокалы, не стлались в воздухе клубы дыма и не вспыхивал резкий, рваный свет. Он уже почти забыл, каково это.

С тех пор как у него родились дети, Базедов ни разу не был в дискотеке. А времена, когда они с Филиппом и Кёрнером наводили шороху в мёдлингских пивных пабах и кегельбанах, казались бесконечно далёкими. С тех пор он больше не брал в руки бильярдный кий.

Он двинулся по размеченному Филиппом маршруту, который эксперт-криминалист всё ещё не убрал. В помещении пахло отвратитель-

ной смесью железа, серы и холодного дыма. В конце танцпола меловые линии на полу обозначали контуры тела Сабины Крайник; вокруг, на деревянных досках, темнели буро-красные пятна.

Рядом по-прежнему стояла стальная конструкция со скамьёй, кожаными ремнями и тросовыми тягами. Остов отбрасывал в зал перекошенные тени. Из-за наводнения венская группа криминалистов так и не смогла приехать, чтобы разобрать эту штуковину и увезти её в лабораторию.

Но Базедова сейчас занимало другое — мерцающие пятна на снимках с места преступления. На дисплее цифровой камеры он сперва их не заметил. Только когда загрузил фотографии на компьютер Мартина и увеличил, они бросились ему в глаза: крошечные отблески, будто солнечный луч, пойманный металлическим осколком.

Сначала он решил, что дело в дефекте камеры. Но, сравнив снимки, обнаружил: мерцающие точки раз за разом появляются в одном и том же месте. Точнее — в одной точке на стене. На одной фотографии даже был виден коричневый сеттер: пёс подпрыгивал, пытаясь лапами достать до того самого места, откуда исходил блик.

Сейчас, однако, Базедов не знал точно, где ис-

кать эту точку. Невооружённым глазом она была неразличима. Он предполагал, что она находится примерно в метре над полом, на стене за меловым контуром.

Он разложил штатив и закрепил камеру. Не тратя времени на пробы, навёл зум на предполагаемое место и нажал на спуск. Вспышка на долю секунды ослепила его, оставив перед глазами чёрные пятна.

Ничего необычного он не заметил. Но стоило откинуть дисплей и рассмотреть снимок, как отражение проявилось отчётливо. Оно всё ещё было там. Ещё как было.

Из-за сильного приближения блик у правого верхнего края проступил куда яснее, чем на фотографиях с места преступления. Базедов подтянул этот участок настолько близко, насколько позволяла камера. Следующий кадр показал отблеск в огромном увеличении.

Камера, конечно, не могла соперничать с компьютером Мартина и его программой для обработки изображений, но кое-какие функции позволяли увеличить фрагмент на дисплее и поднять чёткость.

— О нет…

У него перехватило дыхание. Он уставился на

экран. Максимальное увеличение и предельная резкость дали странную картину. В блике отчётливо различались цвета радуги — само по себе ничего противоестественного, — но отражение не расходилось звёздочкой. Скорее казалось, будто свет сгибается вокруг точки в стене, будто вспышка огибает это место полукругом.

Он не был физиком и объяснить это явление не мог. Знал только одно: ничего подобного он прежде не замечал ни на одном из своих снимков, а фотографом был, чёрт возьми, уже очень давно.

Что бы ни представляла собой эта искривлённая вспышка, Филиппу он о ней рассказывать поостережётся. Дурацких замечаний о том, что он не умеет обращаться с камерой, ему сейчас только не хватало. При первой возможности он сообщит об этом Алексу. А пока надо выяснить больше: Алекса вряд ли впечатлит световое отражение на месте преступления, если непонятно, откуда оно взялось.

Баседов обошёл штатив и присел перед стеной. Засаленные деревянные доски оказались прямо у него перед носом. В ноздри ударил едкий запах серы, будто сразу за стеной проходили сточные трубы старинной водолечебницы.

Осторожно он провёл подушечкой пальца по

доскам. Отвёл плечо, чья тень падала на стену, и тусклый свет потолочных ламп лёг прямо на нужное место.

Он резко втянул воздух. Если сосредоточиться и смотреть внимательно, можно было заметить, как свет изгибается вокруг определённого участка, словно его отклоняет мощный магнит… *если, конечно, такое вообще возможно*.

Он сунул палец в световую дугу, но ничего не почувствовал. Тогда ткнул в стену. От кончика пальца по тыльной стороне ладони пробежала дрожь, будто дерево находилось под слабым напряжением.

Он уже хотел надавить сильнее, когда рядом скрипнули половицы.

Базедов резко обернулся. Из глубины бара донёсся шум. На миг пол под ним заскрипел и глухо загудел. Он поднял взгляд и задержал дыхание.

Ничего.

Он прислушался.

Из коридора отчётливо донеслось тяжёлое дыхание. Что-то находилось в проходе, который вёл мимо туалетов на задний двор. *Неужели опять собака? Или Филипп решил сыграть с ним злую шутку? Нет. Вряд ли. Криминалист даже не знал, что он здесь.*

И тут на него легла тень.

В дверном проёме стоял силуэт тощей фигуры. Лицо скрывала темнота. Над головой торчала длинная палка. Базедов отпрянул.

— На вашем месте я бы этого не делала, — проворчала фигура, выходя на свет.

С облегчением Базедов опустил плечи. Перед ним стояла хозяйка «Бурого Пятирога» с ручкой швабры в руках.

— Господи, как вы меня напугали!

— На вашем месте я бы этого не делала, — повторила она и поставила на пол ведро с водой. Кивнула на стену. — Оно сопротивляется.

— Что сопротивляется? — растерянно спросил Базедов.

Хозяйка вдруг показалась ему другой — странной, словно сдвинувшейся в сторону от самой себя.

— Лучше бы вам этого не знать.

Она опустила швабру в ведро и провела ею по полу.

Не знать?

Базедов следил за ней взглядом. Всего несколько часов назад, когда она предоставила им общинный зал, эта женщина казалась совершенно нормальной. Теперь же выглядела озлобленной

и усталой, будто выполняла давно назначенную ей повинность — отдраивать залитый кровью пол бара. *О чём она говорит?*

Пока она тёрла доски вокруг железного остова, Базедов достал мобильный и набрал номер Кёрнера.

— Да, что такое? — ответил Алекс после второго гудка.

Голос у него был измученный, почти хриплый.

— Я в баре, — сказал Базедов.

Краем глаза он следил за хозяйкой: та кружила вокруг конструкции и снова и снова с чавканьем окунала швабру в ведро.

— Я кое-что нашёл.

Он вдавил палец в деревянную стену. Доска оказалась мягкой и тут же подалась. Сердце забилось быстрее. Базедов поспешно отдёрнул руку.

— Ладно, сейчас подойду.

Из телефона донеслось, как Кёрнер отодвинул стул и открыл дверь.

— Можешь не спешить. — Базедов покосился на хозяйку, стоявшую в нескольких метрах от него. — Я сначала хочу ещё взглянуть на…

Тут что-то пробило ему грудь.

Его отбросило назад, будто ударом молота. Мобильный с грохотом упал на пол, бар закружился

вокруг. Под невозможным углом Базедов увидел железный остов. Хозяйка висела в пространстве вертикально. И только тогда он понял: он лежит на полу и смотрит в потолок.

С ним что-то случилось. Ощущение было странное, удушливо-тесное. Грудная клетка сжалась. *Инфаркт? Сердечный приступ?*

Инстинкт выживания сработал раньше мысли. Он машинально схватился за грудь. Рубашка была мокрой. Базедов попытался приподняться, но поскользнулся на мокром полу. *Хозяйка опрокинула ведро?*

Она стояла молча и не шевелилась. *Почему, чёрт возьми, она не издаёт ни звука? Почему не зовёт на помощь?*

В свете потолочной лампы он видел только её очертания. Хотел что-то сказать, но не смог выдавить ни слова. Потом почувствовал во рту привкус железа. Горло наполнилось; он сплюнул и закашлялся.

И вдруг его пронзила паника. *Это могло означать только одно.*

Дрожа, он поднял руки и посмотрел на ладони. Они были в крови. Он огляделся. *Боже, он лежит в огромной луже крови! Неужели хозяйка вонзила ему в грудь деревянную ручку швабры? Ручка,*

должно быть, прошла сквозь всё тело.

По спине стекала влажная липкая кровь. *Что эта сука с ним сделала?*

Шок накрыл его; он судорожно, беспорядочно хрипел. *Неужели он умрёт сегодня вечером?*

Задыхаясь, Базедов перевернулся на живот и пополз к стене. Он плевался кровью, впивался пальцами в деревянные планки, подтягивался. Дыхание клокотало, сердце бешено колотилось. Он прислонил голову к стене и попытался поставить на пол одну ногу.

Надо выбраться отсюда.

Медленно, по крошечному отрезку, он двинулся вдоль стены, оставляя на досках широкую кровавую полосу. Откуда-то издалека донёсся голос Кёрнера. *Мобильный!*

Он оглянулся. Телефон лежал в метре от него. Мучительно медленно Базедов раскрыл рот, но не смог произнести ни звука.

Алекс! Я здесь! В баре. Скорее!

И тут его ударило снова: что-то, словно клинок, вошло в грудь, рассекло кожу, мясо и хрящи, перерезало мышцы и нервы. Он споткнулся. Третий удар. Четвёртый. Грудная клетка проломилась.

Как в замедленной съёмке он повернулся на спину, закрыл глаза и стал ждать.

— Можешь не спешить, я сначала хочу ещё взглянуть на…

Дальше Кёрнер уже ничего не услышал. Он мчался вниз по лестнице, потом по коридору, снова и снова выкрикивая в мобильный имя Базедова. Но связь была такой скверной, что до уха доносилось одно шипение.

В прокуренном зале он протиснулся между пожарными и выскочил наружу. Дождь хлестнул по лицу, холод пробрал до дрожи. На мгновение глазам пришлось привыкнуть к темноте: уличное освещение не работало.

В какой стороне дискотека? Он огляделся, заметил свет бакалейной лавки и снова сориентировался. Слева от неё находилась «Газлайт», прямо за мраморным фонтаном. Кёрнер сунул мобильный в карман и побежал.

И тут налетел на чью-то мощную фигуру.

— Только этого мне сейчас не хватало, — прорычал бургомистр.

— Простите, — пробормотал Кёрнер.

Откуда он так внезапно взялся?

Хайнрих Вайсман, тяжело дыша, опустился на колени и принялся собирать бумаги, которые Кёрнер выбил у него из рук. С десяток папок с клапанами валялись в воде; ветер распахивал

обложки и уносил отдельные листы.

— Мало того что у вас нет никаких манер, так вы ещё и редкостный увалень! — выругался Вайсман.

Кёрнер поспешно помог ему собрать документы.

— Тёмно же.

Более внятного оправдания у него не нашлось. Он сунул бургомистру в руки мокрые бумаги.

Вайсман ткнул пальцем ему в грудь.

— Я хочу, чтобы вы со своими людьми как можно скорее убрались из этого места. У меня и без вас с дамбой проблем по горло.

Он что, только об этом и думает?

— У вас в посёлке два трупа, — напомнил Кёрнер.

— Скоро будет больше, если придёт паводок. — Вайсман сердито взмахнул папками. — Я только что говорил с руководством электростанции в Трирахе. Приёмный бассейн водохранилища слишком мал для такой массы воды. Шлюзы обязаны каждый час сбрасывать воду — таково предписание властей. Им плевать, захлебнёмся мы тут или нет. Они строго соблюдают эксплуатационный регламент.

— Я думал, укреплённая дамба выдержит.

— Да вы понятия не имеете! — Вайсман сгреб бумаги в охапку. — Меня тревожит не только вода. У нас в посёлке появляется ещё одна проблема: возможное химическое заражение. Аварийные бригады на затопленном химзаводе в Шпойсдорфе не могут добраться до резервуаров. Может вырваться хлор. Если ядовитые вещества попадут в реку, а шлюзы откроют, всё кончится плохо. Даю вам совет: убирайтесь отсюда!

Он вообще в своём уме? Убирайтесь! Если бы Кёрнер только мог. Будь его воля, он давно исчез бы отсюда и сидел бы в сухом венском кабинете.

Но вместо этого он стоял под дождём и гнался за возможными следами.

Базедов!

— Мне нужно идти! — крикнул он против ветра.

— Очень надеюсь, что увижу вас ещё нескоро, — проворчал бургомистр.

Кёрнер оставил Вайсмана позади и побежал напрямик через деревенскую площадь. Дверь «Газлайт» стояла открыта, пломба была сорвана, жёлтые ленты трепались на ветру. Внутри горело несколько ламп.

Кёрнер вошёл и быстрым шагом пересёк зал, оглядываясь во все стороны. Ни следа Базедова.

Когда он опёрся о стойку, из-за железной конструкции вышла хозяйка «Бурого Пятирога» со шваброй в руках. Она окунула тряпку в ведро и провела ею по влажно блестевшему полу.

— Мой коллега здесь был? Тот, со странным взглядом.

Штойссер подняла глаза и замерла.

— Нет. — Она стянула волосы в конский хвост. — Я только что вошла. Здесь никого не было. Я ещё удивилась, почему дверь открыта и свет горит… Но вы ведь сами сказали, что мне можно вымыть пол.

— Да не в этом дело.

Он уставился на доски. На деревянном полу темнела лужа воды.

Кёрнер выкрикнул имя Базедова. Хозяйка посмотрела на него прищурившись и покачала головой. Что она пробормотала, он уже не расслышал: он шёл по коридору и заглядывал в женский и мужской туалеты.

От датчика движения вспыхнула неоновая лампа. Но он увидел лишь пустые кафельные помещения с раковинами, унитазами и писсуаром. В конце коридора Кёрнер нажал на ручку и толкнул дверь наружу.

Задний двор был пуст. Кусты гнулись под вет-

ром, дождь лил стеной. Луг по большей части стоял под водой. За живой изгородью поднималась луна. Ещё один день — и полнолуние. Белый, почти круглый диск отражался в лужах.

И здесь — никаких следов Базедова.

Кёрнер с изумлением посмотрел на дверную раму. Жандармы с участка в Нойнкирхене забыли запереть чёрный ход и опломбировать его. *Положиться нельзя ни на кого.* Он захлопнул дверь и пошёл обратно.

В этот момент в бар ворвался Филипп.

— Я видел, как ты бежал через площадь. Что случилось?

— Базедов исчез. Ты его видел?

— Нет. — Филипп откинул назад мокрые волосы.

— Ну что теперь? Можно мне продолжать? — спросила хозяйка.

Филипп равнодушно взглянул на неё.

— Да, конечно. Только конструкцию не трогайте.

— Знаю. Уж поберегусь.

Филипп и Кёрнер вышли из дискотеки наружу. Они отошли к середине площади, где мобильный должен был ловить лучше. Кёрнер набрал номер Базедова, но после третьего гудка опустил

телефон.

— Не берёт. Включилась голосовая почта.

Они растерянно посмотрели друг на друга.

— Ты ведь не думаешь, что с ним что-то случилось? — спросил Филипп.

Кёрнер пожал плечами.

— Он шёл по какому-то следу. Только я не знаю по какому.

Он терпеть не мог стоять под дождём мокрым пуделем и не знать, с чего начинать поиски.

Тут из бакалейной лавки вышли Яна Сабриски и Соня Бергер. За ними старик Герер опустил металлическую ставню. В следующее мгновение свет в магазине погас. Обе женщины держали в руках большие, туго набитые сумки и бежали к ним сквозь дождь.

— Вы Базедова видели? — крикнул им Кёрнер.

— Полчаса назад он промчался мимо и сказал, что потом заглянет к нам в лавку, — ответила Бергер, ставя сумки на землю. — Мы должны были проследить, чтобы хозяин не закрылся.

— Он всё равно опоздал бы, — добавила Сабриски. — Мы выкупили лавку подчистую.

Она с усмешкой указала на сумки, но, увидев лицо Кёрнера, сразу посерьёзнела.

— Что случилось?

Кёрнер рассказал им, что Базедов ходил в «Газлайт», и пересказал их короткий телефонный разговор.

— Куда он мог отправиться со штативом под мышкой? — закончил он.

Они отнесли покупки в гостевые комнаты, забрали из общинного зала дождевики, и начались поиски Базедова.

Бургомистр с язвительной прямотой дал им понять, что они даже за собой присмотреть не в состоянии, а добровольцев он им выделять не будет: все мужчины и женщины в посёлке нужны на дамбе — укреплять насыпь, набивать мешки песком, рыть земляные валы и прокладывать шланги для откачки масла, вытекшего из подвалов.

Только деревенский жандарм предложил патрулировать улицы на машине и высматривать Базедова.

Сначала они обыскали комнаты в «Буром Пятироге», затем перевернули каждое помещение в «Газлайт». Ничего не найдя, встретились у мраморного фонтана и решили действовать системно. Начать хотели с деревенской площади.

Пока Филипп и Бергер поднимались по каменной лестнице к церковному холму, Кёрнер

с Сабриски пошли по боковому переулку возле бакалейной лавки.

К тому времени буря перешла в мелкий моросящий дождь. Зато поднялся туман: молочные полосы ползли по булыжной мостовой. Луна висела над крышей дискотеки и освещала запутанные переулки. Вдоль тротуаров теснились кривые дома и деревянные сараи. Без лунного света они почти ничего бы не видели: уличное освещение всё ещё не работало.

Кёрнер снова и снова звал Базедова. С каждым разом громче; и чем глубже они входили в лабиринт улочек, тем яростнее он надрывал голос.

— Уже половина десятого ночи, — напомнила Сабриски.

— И что? — Он, задыхаясь, прислонился к стене дома; по лбу катился пот. — Где-то же он должен быть!

— Думаешь, он мог так над нами подшутить?

— Базедов? — выкрикнул Кёрнер. — Никогда! Ты вообще когда-нибудь слышала, чтобы Базедов шутил?

Она покачала головой.

Он помчался дальше. Снова и снова выкрикивал имя Базедова, пока не заболело горло и голос не сорвался в хрип. Он промок насквозь; вода

стояла даже в ботинках.

Оглянувшись, Кёрнер заметил, что туман доходит ему до бёдер. Узкие переулки были залиты свинцово-серыми клубами. Вот так, должно быть, всё и будет выглядеть, если дамбу прорвёт и паводок хлынет в посёлок.

Сабриски отстала на несколько сотен метров. Она сидела на корточках; из тумана торчала только голова.

Что, чёрт возьми, она делает? Стоит на коленях в сточной канаве? Упала?

— Алекс! Быстро! — крикнула она.

Сердце Кёрнера подпрыгнуло. Он бросился к ней. Сабриски не смотрела на него — возилась с чем-то на земле. Запыхавшись, он остановился рядом.

— Что там?

Она стояла на коленях в нише между домами рядом с безжизненным комком, лежавшим в канаве. Это был не Базедов. Тело слишком маленькое — он понял это сразу. Морда, хвост. Собака. Всего лишь дворняга.

— Пойдём дальше! — поторопил Кёрнер.

Сегодня утром он видел в контейнере возле кабинета доктора Вебера столько трупов животных, что мёртвая собака его не тронула.

— Сеттер, — пробормотала Сабриски. — Это тот пёс, который вчера дважды пробегал через место преступления в «Газлайт».

— Собака Сабины Крайник!

Внезапно Кёрнеру стало не всё равно. Ещё вчера сеттер был живее всех живых, скакал по месту преступления, а потом пошёл за ним через улицу, когда они с Бергер направились к дому Крайников.

— Ты уверена? — спросила она.

— Я видел его на фотографии. Он сидел на лугу рядом с Сабиной Крайник.

Сабриски перевернула труп. Бок у собаки был разорван. Глубокая рана вскрыла грудную клетку животного. Наружу торчали рёбра и клочья шерсти.

— Кто вообще способен так изуродовать животное?

Кёрнер серьёзно посмотрел на неё.

— Тот же, кто убил Сабину Крайник.

И тут он снова подумал о Базедове.

— Где бы ты спрятала в посёлке труп?

— С чего ты взял?

— Давай, отвечай! — поторопил он. — Куда бы ты дела труп?

— Бросила бы в реку.

— За мной! — крикнул он и побежал.

Они стояли на берегу и смотрели в чёрный поток, с рёвом несущийся мимо. Фары Audi Кёрнера освещали окрестности. Перила Грайнерского моста висели наперекосяк и лишь наполовину торчали из воды. Подъезд был забаррикадирован мешками с песком.

У реки они были не одни. На протяжении нескольких километров Трир превратилась в ночную стройплощадку. Шесть полутора киловаттных прожекторов, подключённых к генератору, освещали отдельные участки дамбы.

Десятки пожарных в синих формах и толстых парках шагали по раскисшей земле, проваливаясь по щиколотку. Куда бы Кёрнер ни посмотрел, он видел людей в жёлтых светоотражающих касках и с ручными фонарями. Сотни добровольцев передавали друг другу мешки с песком. Вдоль дамбы непрерывно сновали грузовики.

Прожекторы слепили Кёрнера; он прикрыл глаза ладонью.

— Протечки нет! — прокричал ближайший к ним мужчина.

— Участок сто пока не промок! — отозвался другой.

Сигналя, подкатил бортовой грузовичок. Сан-

техник Франтис стоял на боковом борту. В кузове громоздились новые мешки с песком.

— Похоже, ехать сюда было не лучшей идеей, — признала Сабриски.

Она села в машину и съёжилась на пассажирском сиденье.

Кёрнер остался стоять под дождём и всматривался в воду. Другой берег разглядеть было невозможно. До какой ширины разлилась река? Не заражена ли она уже тысячами тонн ядовитого хлора и кадмия с химзавода?

Он посмотрел на часы. Было немного за десять. Недолго думая, Кёрнер достал мобильный и поднял с постели Ютту Корен, начальницу своего отдела. Значок батареи на дисплее тревожно мигал.

Возьми трубку!

Она ответила. Кёрнер сразу перебил её:

— Нам нужно снова подать ходатайство об эксгумации брата и сестры Крайник. Это может оказаться ключом ко всему делу. И я не хочу слышать отговорок, будто у нас недостаточно доказательств. Теперь у меня пропал один из следователей. Мне срочно нужны решения — пока не случилось ещё что-нибудь.

— Кто пропал? — резко перебила она.

— Базедов. То есть Кралиц.

Кёрнер коротко рассказал, что произошло.

Он почти физически слышал, как на другом конце линии она думает.

— Сейчас уже поздно связываться с Хаузером. Я позвоню ему завтра рано утром. Разрешение вы получите, я сообщу вам как можно скорее.

— Спасибо.

Он быстро выключил мобильный. Заряда оставалось разве что на один короткий звонок.

ГЛАВА 16

Незадолго до одиннадцати вечера следственная группа собралась в трактире «Бурый Пятирог». Поиски Базедова ни к чему не привели. Промокшие, вспотевшие, раздраженные, они стояли в трактирном зале и решали, что делать дальше. Продлевать поиски за полночь не имело смысла. Решили продолжить с рассветом. Один за другим все разошлись по комнатам.

Приняв душ в ванной на этаже, Кёрнер вернулся в свою каморку. С полотенцем на бёдрах он стоял у окна и смотрел на деревенскую площадь. Электрический обогреватель, который он выкатил из кладовки к себе в комнату, жужжал рядом и дул ему на ноги мягким тёплым воздухом.

Где же носит Базедова? В этой дыре он не мог уйти далеко!

Уличное освещение по-прежнему не работало, дождь не унимался, туман клубился над булыжной мостовой. Отсюда, сверху, казалось, будто деревню уложили в ватную подушку. Лишь мраморные ангелы фонтана торчали из свинцово-серого моря, словно носовые фигуры кораблей, выброшенных на мель.

Как там его дочь?

За весь день он ни разу не позвонил; только сейчас вспомнил о Верене и бывшей жене. Но теперь было уже поздно. В суматохе дня он даже не выкроил получаса, чтобы съездить к ним в Хайденхоф — хотя бы на чашку кофе. Есть ли у них электричество? Работает ли отопление? Хватает ли чистой воды для питья?

Дверь открылась, и в комнату проскользнула Яна Сабриски. Босая, в длинном банном полотенце, обернутом вокруг тела; волосы заколоты узлом, мокрые пряди падали на лоб.

— Привет, Colonel[1].

Так она не называла его уже давно. Это была старая словесная шутка ещё с тех времён, когда они жили вместе: вместо Кёрнер она звала его Colonel, но произносила по-английски — «Кёрнел».

— Волосы на груди у тебя поседели, — заметила она.

— Мне говорили, это придает мужчине загадочности, — сухо ответил он.

— Ну, если ты так считаешь.

Он не представлял, что у неё сейчас на уме. Зато

---

[1] Примечания: 1

Прим. пер.: полковник.

заметил: при виде его ожогового шрама, тянувшегося от тыльной стороны ладони до плеча, она по-прежнему не отшатнулась, как многие женщины, которым доводилось увидеть его таким.

Яна знала его слишком хорошо. Пять лет эта сетка рубцов была для неё частью повседневности. К тому же, будучи судебным медиком, она видела вещи куда страшнее.

— Значит, вот как ты тут живёшь. — Она огляделась. — И ванной тоже нет. — Пожала плечами. — Моя комната размером с консервную банку. Матрас провисает до пола, шкаф вот-вот развалится, а десяти ваттная лампочка светит слабее одинокой звёзды в небе.

— Мне кажется, я слышу в твоём голосе лёгкое недовольство.

— Почему ты отдал двухместный номер Бергер, а не мне? — Она швырнула кожаный рюкзак на стул.

— Спонтанное решение. Я не думал.

— Она тебе нравится?

Тут дверь распахнулась. В комнату ввалился Филипп.

— Ты можешь?.. — Он изумлённо огляделся. — О, я не знал, что у тебя дамский визит. О-ля-ля!

— Ты когда-нибудь слышал про такую штуку

— стучаться, Фил? — прошипела Сабриски.

— Нет. Дашь свой шампунь? — спросил он Кёрнера. — Буду на ночь хорошеть. — И подмигнул ему.

Кёрнер скрестил руки на груди.

— Что-то в этой комнате становится тесновато.

— У меня все в рюкзаке. — Сабриски кивнула на стул.

— О, ты сразу со всем скарбом сюда переселилась. — Филипп развязал ремешки и принялся рыться. — Одолжишь дезодорант, женскую бритву и щетку?

Она великодушно указала на сумку.

— Угощайся.

— А презерватив?

Сабриски сверкнула глазами.

— Если тебя это выручит — пожалуйста.

— Желаю вам двоим незабываемой ночи!

С полными руками Филипп вышел из комнаты и захлопнул дверь ногой.

— Зачем ты принесла сумку? — спросил Кёрнер.

— Может, я задержусь здесь немного дольше. — Она прошла мимо него и задёрнула занавеску. — Я не хочу сегодня ночью быть одна, — прошептала она ему на ухо.

Он растерянно посмотрел на неё.

Сабриски обхватила его за плечи и принялась разминать мышцы шеи.

— Ты весь зажат, — сказала она.

Полотенце медленно соскользнуло с её груди и бёдер. Кожа отливала золотистым загаром, плечи были усыпаны веснушками.

— Яна, я…

— Тсс. — Она приложила палец к его губам. — Ни слова.

Она встала на цыпочки, поцеловала его и прижалась телом к его груди. Её кожа была холодной и пахла гелем для душа, волосы — шампунем. Она покусывала его губы, потом глубоко скользнула языком ему в рот. Внезапно он почувствовал, как возбуждается.

Яна заметила это и быстро сорвала полотенце с его бёдер. Обхватила его ягодицы и прижала к себе.

— Я схожу по тебе с ума, — выдохнула она.

Он обнял её, и они опустились на кровать.

Сабриски, обнаженная, свернулась у него под рукой. Он накрыл её простыней. Снаружи вокруг деревенского трактира выл ветер. Ставни стучали, время от времени в лестничном пролете хлопали двери, в коридоре гулко замирали шаги.

— Комната Бергер рядом. Думаешь, она что-нибудь слышала? — спросил он.

— Плевать. — Сабриски спрятала лицо у него под плечом. — Она и так скоро поймёт, какие здесь тонкие стены, когда ты начнешь храпеть. — Она тихо хихикнула.

— С тех пор как мы с тобой расстались, я больше не храплю. Видимо, дело было в твоей стряпне.

— Ах ты мерзавец!

Она ткнула его кулаком в бок, так что он согнулся под простыней. А уже в следующее мгновение нежно провела пальцами по рубцовой ткани на его плече.

— Что тебе во мне вообще нравится?

Он уставился в потолок. Время от времени сквозь занавеску падал свет автомобильных фар и призрачно скользил по штукатурке.

— Это же очевидно: ты судебный медик. Меня завораживает связь секса и смерти.

— Ты больной, — констатировала она.

Он усмехнулся, потом стал серьезен.

— Яна, почему у нас ничего не вышло?

Она молчала.

— Старая мудрость уголовки гласит: следователей тянет к медсёстрам, потому что с ними можно говорить о работе, — задумчиво сказал

он. — Мой брак развалился потому, что с Марией я не мог об этом говорить. С тобой было иначе. — Он поцеловал её в лоб. — Я думал, ты и есть моя большая любовь.

Она провела рукой по его бедру.

— Может, так оно и есть.

— Но все пошло прахом.

— Неудивительно. — Она задумалась. — Я прожила с тобой пять лет, но это не были счастливые годы. Когда я от тебя ушла, я была выжжена дотла. Развалина. Ты закрываешься и никого к себе не подпускаешь. О твоей бывшей я знаю только то, что у неё больное сердце и ей постоянно приходится носить нитропластырь. Твою дочь я ни разу не видела. Я даже не знаю, сколько ей лет и как её зовут. Ты называешь это отношениями?

Он смотрел на это иначе. Способность понимать других никогда не была сильной стороной Сабриски. Она так и не смогла смириться с тем, что ей приходится делить его с дочерью, а ему удается бывать с ней только в редкие свободные часы. Но иначе не получалось.

Его бывшая не хотела, чтобы Верена приезжала к нему в Вену, даже ненадолго. Почему? Откуда ему было знать? Он не мог залезть этой женщине в голову. Поэтому постоянно ездил в Грайн.

Каждый раз, возвращаясь оттуда, он был мокрый от пота и белый как полотно. До сих пор он не понимал, почему в Грайне и Хайденхофе чувствовал себя будто в смирительной рубашке. Во всяком случае, с Сабриски он об этом никогда не говорил. И старая его проблема так и осталась нерешенной: его разрывало между работой на полную ставку, отношениями и ребёнком, за которого он чувствовал ответственность.

Вполне понятно, что для Сабриски такое положение не могло стать прочной связью.

Она вопросительно смотрела на него. Прежде чем ей придёт в голову заговорить об этом и разворошить его старые чувства вины, надо было срочно сменить тему.

— Как твоя мать? Все такая же вспыльчивая, когда… — Он осёкся, увидев её лицо.

— Она всегда любила тебя и до самого конца не простила мне, что я с тобой рассталась.

— До самого конца?

Сабриски уставилась в потолок.

— В прошлом году она, как обычно, пошла на онкоскрининг. На этот раз результат был положительный. Прекрасная, мать её, новость для женщины пятидесяти шести лет. Она решила узнать второе мнение у другого гинеколога. Но

первым мазком патологический слой уже был снят. Повторное исследование дало отрицательный результат.

Мама была неисправимой оптимисткой, конечно, она больше поверила второму анализу. Решила, что здорова, никому ничего не сказала… и потеряла драгоценное время. — Она прикусила губу. — Ей надо было рассказать мне. Когда начались боли, лечить было уже поздно. Это случилось этим летом.

— Мне очень жаль, — выдавил он.

— Спасибо. — Она улыбнулась. — Мама была тобой очарована.

— Не могу себе представить.

— Мне даже кажется, она была в тебя немного влюблена: несмотря на всю твою показную воинственность и эти, как она говорила, «боевые искусства», ты страстно готовил, умел делать потрясающие соусы для фондю и колдовать фантастический раклет. — Она замолчала; взгляд её затерялся где-то далеко, будто она вспоминала их общие годы.

На шее у неё был кожаный шнурок с деформированной пулей. Задумчиво она перебирала подвеску пальцами.

Он знал эту вещицу. Это был её талисман. Пуля

пробила мужчине грудь и застряла в позвоночнике. Сабриски извлекла её из тела во время одного из своих первых вскрытий.

Он взял её талисман.

— Мрачноватый у тебя вкус.

— Иначе я сейчас не лежала бы с тобой.

Он ущипнул её за ягодицу, она хихикнула.

— Тебе эта штука хоть раз помогла? — спросил он.

— Пока ей не приходилось. Но есть такое суеверие: предмет, однажды принёсший смерть, потом защищает от неё.

В конечном счете от смерти не защищает ничто, — подумал он.

С трудом повернувшись на узкой кровати, он посмотрел на своё служебное оружие. «Глок-17» лежал на ночном столике в свернутой плечевой кобуре; наружу торчала чёрная рукоять с насечкой. Рядом стоял запасной магазин с семнадцатью патронами.

Его взгляд упал на рисунок репортёрши, лежавший под кобурой: Сабина Крайник с раскинутыми руками и раскрытым ртом.

— Что Базедов хотел сказать мне по телефону? — пробормотал он. — «Можешь не торопиться, я хочу перед этим ещё…» Что он собирался сде-

лать?

Пока он думал об этом, глаза у него закрылись.

Его мучили странные сны, похожие на сны прошлой ночи. Но теперь они не казались такими реальными, и он знал, что спит… Беда была в том, что он не мог проснуться и вынужден был смотреть, как подсознание перемешивает все пережитое за последние дни в причудливую кашу.

Он стоял под дождём на ступенях церковного холма лицом к жителям деревни. Спина доктора Вебера была выгнута, как у мерзкой карикатуры, рука Германа Гойссера превратилась в сросшийся комок, а юный Мартин безумно хохотал, пока его до смерти забивали железными прутьями.

Позади Кёрнера полыхала церковь. Он слышал треск огня; из пламени доносился голос матери… А далеко-далеко между рядами домов бродил мёртвый пёс с разорванным туловищем. Внутренности тянулись из него на многие метры и исчезали в тумане.

Наконец он рывком сел, мокрый от пота. Дыхание сбивалось. Светящиеся цифры на часах показывали четверть третьего. В комнате стоял полумрак. Снаружи, похоже, снова заработало уличное освещение: сквозь занавеску пробивалось слабое сияние.

Он тихо повернулся в постели. Сабриски лежала рядом на животе и ровно дышала. Её плечо под простыней поднималось и опускалось, рука и одна ступня свисали с края кровати. Несмотря на тесноту, она спала как младенец. Наверняка ей не снились кошмары. Не то что ему.

Кёрнер коснулся её бедра. Все было как раньше, и она была так близко. Тело под простыней казалось тёплым. В последние годы ему чего-то не хватало, но он никак не мог понять чего. Не женщины — женщины у него время от времени были. Ему не хватало не какой-нибудь женщины, а одной-единственной: Яны. Её тепла, её кожи, её смеха. Того, как она заправляла волосы за ухо; как грызла ногти или кончики волос, когда не была в себе уверена; как смотрела на него, когда злилась.

Все это давало ему странное, приятное чувство. На самом деле он тосковал по своей женщине — и в этот миг она лежала рядом. Его охватило странное ощущение. Больше всего ему хотелось удержать это мгновение навсегда.

Он провёл рукой по её бедрам, талии, спине, нащупал позвоночник. И вдруг почувствовал, что простыня стала влажной. Яна, должно быть, страшно вспотела под ней; ткань промокла на-

сквозь.

Когда свет фар на мгновение пробился сквозь занавеску, он увидел тёмное пятно на простыне. Оно быстро расползалось во все стороны. Её плечо больше не поднималось и не опускалось. Дыхание остановилось.

— Яна! — крикнул он.

Под простыней шевельнулась её нога. Нет, не нога — что-то другое.

Под простыней что-то было.

Он отчётливо видел движение под тканью: это что-то скользило по телу Яны, извиваясь.

Он не смел пошевелиться.

Заворожённо смотрел на простыню.

Тело Яны дернулось, под тканью заклубились спутанные движения, а потом он почувствовал липкую жидкость, добравшуюся до его ног.

Одним прыжком он выскочил из постели и сорвал простыню. Он не увидел ничего, кроме теней.

Вдруг комнату наполнило шипение. Спотыкаясь, он добрался до двери и ударил ладонью по выключателю.

Но ничего не произошло. Темнота осталась.

И снова свет фар упал в окно. Из его горла вырвался сдавленный крик:

— Яна!

Раковые опухоли. Её тело с головы до ног было покрыто живыми раковыми опухолями. Позвоночник зиял наружу, из тела лезли нервные тяжи и, дергаясь, хлестали по комнате.

Он распахнул глаза и рывком сел.

Сердце бешено колотилось; он размахивал руками, пока не понял, что сидит в постели.

В комнате было тёмно.

Уличное освещение по-прежнему не работало.

О Господи, когда же наконец прекратятся эти кошмары? Это место сведет его с ума!

Он ощупал другую сторону кровати.

Пусто.

Сабриски, должно быть, собрала рюкзак и на цыпочках выскользнула из комнаты, когда он уснул. Кёрнер глубоко вздохнул и откинулся на подушки.

Эта ночь стала для него худшей из всех.

Он то и дело просыпался в поту, измученный кошмарами, и ворочался в постели, пока не сбил простыню на пол. Головная боль с каждым часом усиливалась.

Только на рассвете он наконец провалился в изнуренный, пустой сон без сновидений.

Ретроспекти́ва II
Грайн-ам-Гебирге, 1937

Паульсен, Григ и остальные горняки ночной смены Карманна стояли тесной кучкой в штреке шахты «Божье благословение», в трёхстах пятидесяти метрах под землёй, и смотрели на чёрный корень, найденный в породе.

Паульсен предпочёл бы не трогать того, чего не понимал: как бригадир, он отвечал за людей утренней смены. С другой стороны, Диттрих был прав. Корень следовало убрать как можно скорее, иначе они не смогут проложить рельсы для рудничных вагонеток.

Наверху, у погрузочной рампы, вагоны стояли наполовину пустые. До полудня оставалось всего четыре с половиной часа; время утекало сквозь пальцы. Смена едва началась, а они давно уже должны были заменить сломанный бурильный молоток, запустить компрессор и врубовыми машинами добывать уголь.

Акционерное общество «Гшвендтнерские каменноугольные копи» платило по выработке, а меньшая выработка означала меньший зарабо-

ток. Никто из них не мог себе этого позволить. Паульсен — меньше всех. Наверху его ждала Мария с двумя детьми.

Диттрих вскинул кирку и с силой обрушил её вниз.

Что задумал этот идиот?

Паульсен отскочил к концу штрека. Прижавшись спиной к стене, он увидел, как кирка вонзилась в чёрный корень.

Раздался влажный чавкающий звук — будто лопнул переспелый плод. По группе прокатился глухой ропот. Григ и Карманн тоже отступили.

— Господи! — выдохнул Диттрих. Стёкла его очков запотели. — Что вы мнётесь, как бабы? Мне плевать, что это за дрянь. Её надо убрать!

Он вырвал кирку из корня, торчавшего из земли почти на полметра, и снова замахнулся. На этот раз, когда сталь вошла в корень, тот внезапно подался. Кирка ушла в узловатую массу до самого обуха, и Диттриха рывком потянуло вперёд. Черенок выбило у него из рук.

В другое время Григ, Паульсен и люди Карманна расхохотались бы во весь голос, но сейчас никто не решился отпустить шутку. Даже Дегель, мальчишка-подручный, держал язык за зубами.

— Дерьмо! — Диттрих выдернул кирку из этой

штуки и снова занёс её. — Я тебя всё равно расковыряю!

— Стой! — Григ шагнул ему наперерез.

Старик уставился единственным здоровым глазом на кирку. Поднял карбидную лампу и заслонил свет ладонью.

— Что ещё? С дороги! — потребовал Диттрих.

Григ протянул руку и провёл пальцем по стальному острию.

— Вот.

Он поднёс руку к свету лампы. Подушечка пальца блестела чёрным.

Диттрих опустил кирку и повернул острие к свету. Сталь почернела до самого обуха.

— Что за чёрт?

Чёрные капли долетели даже до его лица и разбились о стекло очков, но он, казалось, этого не замечал.

— Масло? — Паульсен шагнул вперёд, хотя в ту же секунду понял, что это не масло. — Может, чёрная смола.

Григ покачал головой.

— На такой глубине?

— Что бы это ни было, — пробормотал Дегель, — вы его ранили.

Все обернулись к мальчишке. Он стоял, скло-

нившись над корнем, и неотрывно смотрел на него. Потом медленно опустил лампу и наклонил её так, чтобы пламя светило вниз.

— Убери огонь! — рявкнул Григ.

Дегель шарахнулся назад и споткнулся о деревянную рейку. Лампу он невольно дёрнул в сторону.

— Господи, да осторожней! — прикрикнул Карманн. — Три недели в шахте — и уже готов спалить нам штрек.

Он шагнул к Дегелю, вывернул лампу у него из руки и поставил её на землю, на безопасном расстоянии.

Только теперь Паульсен увидел, на что указывал мальчишка. Остальные тоже заметили: в штреке разом стало тихо.

Что он сказал? Вы его ранили.

Корень ведь мёртвый, — подумал Паульсен.

И вдруг перестал быть в этом уверен.

Он уставился на дыру, которую Диттрих пробил в корне. Из неё выступал тёмно-бурый, блестящий сок.

— Нефть? — пробормотал кто-то.

— Нет, — прошипел Григ. — А ну, отойдите.

Он нагнулся, приблизил нос к чёрной луже, медленно впитывавшейся в землю. На поверхности

появлялись и лопались маленькие пузырьки.

— Запаха нет. Ни дёготь, ни смола, ни масло.

Паульсен присел рядом и отломил кусок от края лопнувшего корня. У обломка была хрящевая наружная оболочка, а с внутренней стороны — тонкие волоски, слипшиеся от вязкой жидкости.

— Труба? Шланг? Канал?

Григ снова покачал головой.

— Дегель прав. Оно живое. Похоже на… кожу!

Он окунул палец в рану корня и растёр жидкость между большим и указательным.

— А внутри — как смазка.

— Густой корневой сок, — пробормотал один из рабочих.

— Кровь! — сказал другой.

Мужчины заговорили разом. Кто-то твердил, что надо позвать управляющего. Кто-то предлагал поднять наверх кусок корня. Кто-то уже собирался сообщать Эриху Гёттману, немецкому комиссару по разведке недр. Неужели он именно из-за этого корня приехал из Берлина?

Догадки становились всё фантастичнее. Шахтёрские байки, накопленные за три десятка лет, всплывали одна за другой и бродили в головах у людей. Хладнокровие сохранили только Паульсен, Григ, Диттрих и Карманн.

Они присели вокруг корня и стали совещаться: выкопать эту штуку целиком, срубить или лучше засыпать? В одном все сошлись сразу: управляющего надо поставить в известность.

Диттрих снял очки и вытер их о рукав куртки.

— Если понадобится, пусть сам спустится и посмотрит, — предложил он.

— Ладно.

Паульсен хлопнул Грига по плечу.

Старик поднялся и сунул руки в карманы.

— Тихо! — крикнул он. — Делаем так: Дегель поднимается наверх и рассказывает управляющему, что здесь произошло.

Дегель тут же послушался и перепрыгнул через корень. Паульсен успел поймать его за куртку.

— И без выдумок! — строго сказал он. — Отцу расскажешь только то, что видел сам.

— Понял!

Дегель побежал к подъёмной клети. За следующим изгибом штрека свет его лампы исчез.

— Паульсен, — распорядился Григ, — собери товарищей из наклонного штрека. Мы начинаем. Остальные — по смене. Карманн и ребята из ночной поднимаются наверх. Захватите сломанный бурильный молоток и пришлите нам со склада новый. В ближайшие полчаса нам всё равно не

до врубки.

— А с этой порослью что делать? — спросил Гнолль, тот самый, что киркой обнажил корень.

Григ поскрёб башмаком землю, впитавшую чёрную жидкость. Грунт подался и просел. Блестящая грязь налипла ему на подошву.

— Не трогаем. Попробуем проложить рельсы поверх. Диттрих, принеси четыре деревянные шпалы-десятки и побольше клиньев! Поднимем путь и пустим вагонетки над корнем.

Вот и всё. Паульсен не был этим доволен, но ничего лучше им сейчас в голову не приходило. Норму добычи к полудню они всё равно уже не выполнят, а на переделку пути уйдёт ещё час.

— Слышали! — крикнул Карманн. — Давайте, наверх!

Мужчины взяли рудничные лампы и инструмент и зашагали к подъёмной клети. Вдруг они остановились и переглянулись. Пол качнулся под ногами. Цетко опустил сломанный бурильный молоток, Карманн громко выругался.

— Что это было?

Паульсен приложил ладонь к стене. Сотрясение прекратилось так же быстро, как началось.

Григ снял каску и прижал ухо к стене туннеля. Мужчины возбуждённо загомонили.

— Тихо! — прошипел Григ.

Он сердито взмахнул рукой. Стало тихо как в могиле.

— Слышишь что-нибудь? — прошептал Паульсен.

— Снизу идёт.

Григ присел на корточки и стал слушать стену на уровне бедра.

— Сейчас снова будет… вот.

В следующий миг по полу прошла дрожь. Мужчины стояли в штреке, широко расставив ноги, упирались в стену и невольно смотрели вверх. Бензиновые лампы, висевшие через каждые пять метров на потолочных балках, начали раскачиваться малыми кругами.

Паульсен уже не раз переживал нечто подобное, но никогда — с такими резкими толчками.

— Землетрясение?

Григ покачал головой.

— Землетрясение звучит иначе.

Теперь он лёг плашмя на живот и прижал ухо к земле. Целую минуту лежал так, не шевелясь. Никто из мужчин не решался даже кашлянуть.

Вдруг Григ вскочил.

— Проклятье. Опять идёт! На этот раз сильнее. Вон отсюда! Все к подъёмной клети!

Мужчины сорвались с места и поспешили в проход. Дрожь уже неслась по туннелю. Потолочные лампы закружились сильнее, из щелей между деревянными балками посыпалась пыль. На этот раз по горе прокатился низкий гул и медленно сошёл на нет.

Карманн, Цетко и люди ночной смены прибавили шагу. Толстяк Гнолль выронил инструмент и последним, спотыкаясь, перебрался через рельсовые шпалы. В штреке остались Диттрих, Паульсен и Григ.

Старик уставился в потолок.

— За крепь пока можно не беспокоиться. Выдержит.

Сотрясение прекратилось; только с деревянной рамной крепи ещё сыпались мелкие пылинки.

— Лишь бы не вырубило электричество для подъёмной клети.

— Думаешь, из-за корня? — Паульсен и сам в это не верил.

Григ зачесал назад редкие волосы и снова надел каску.

— Просто совпадение.

— Ребята, я в совпадения не верю.

Диттрих стоял в нескольких шагах позади них и светил лампой на землю.

Место, пробитое киркой, откуда сочилась чёрная жидкость, они больше не могли найти. Оно исчезло. Поверхность корня снова была целой, невредимой.

— Да я сплю!

Диттрих указал на эту штуку. Свет лампы блестел на ороговевшей округлости. По хрящеватым наростам было видно: смоляно-чёрный корень движется, взрыхляет землю и, словно червь, уходит вглубь.

— Дерьмо, эта тварь зарывается!

Новая дрожь прошла по штреку — сильнее прежней. Диттрих и Григ покачнулись, но удержались за деревянную крепь. Паульсен упал навзничь. Он смотрел на тонкую трещину, ползущую по потолку.

Гора больше не успокаивалась: волна за волной сотрясала штрек. Бензиновая лампа сорвалась с крюка и разбилась. Диттрих затоптал пламя. Паульсен вскочил и схватил свою лампу.

Надо как можно скорее выбраться из горы.

Тем временем люди его утренней смены, прокладывавшие рельсы в наклонном штреке, наверняка уже почувствовали толчки. Они, должно быть, тоже направились к подъёмной клети и там столкнутся с группой Карманна.

Паульсен схватил Грига за плечо, и они вместе, спотыкаясь, побежали по рельсам.

— Подождите! — крикнул Диттрих. — Мы всё равно не поднимемся все сразу. До нас очередь дойдёт минут через десять, не раньше.

Он стоял в конце штрека, прижимал к себе лампу и острым пальцем указывал на землю.

— Корень исчез!

Свет отражался в его очках; тени резко выделяли на лице высокие скулы и заострённый подбородок.

Паульсен нехотя вернулся к Диттриху и посветил в яму. Корень действительно исчез. Вместо него в земле зияла расщелина величиной с человека. Диттрих опустился перед ней на колени и стал ковырять землю пальцами.

— Не суй туда руки! — крикнул Григ.

Диттрих отдёрнулся.

— Это дыра, и только. — Паульсен поскрёб землю носком ботинка. — Мы можем идти?

Диттрих смотрел на него ошеломлённо.

— Там внизу полость. Корень должен быть там.

Он направил лампу в разлом, но они не увидели ничего, кроме темноты.

— Хватит, — предостерёг Григ. — Лучше туда не

заглядывать. Кто знает, что ещё там внизу.

— Корень. А что ещё?

Диттрих уставился в дыру. Просунул руку в щель и опустил лампу ниже. Земляные стенки отливали чёрным; больше ничего не было видно.

— А ты знаешь, что находится на конце этого корня, умник? — набросился на него Григ.

— Вот и пытаюсь выяснить.

Диттрих наклонился ещё ниже, так что рука до плеча исчезла в отверстии. Очки сползли ему на кончик носа. Тут порыв воздуха подхватил лампу, и пламя замерцало.

— Снизу тянет. Не знаю, что это значит, но ничего хорошего.

Диттрих вскрикнул. Будто поражённый молнией, он выдернул руку из земляной щели и отполз на метр от края. Ручную лампу он выронил. Она звякнула о стенку и соскользнула в расщелину. Через несколько секунд свет погас, но дребезжание всё ещё доносилось снизу.

— Что там? — Голос Паульсена дрогнул.

Диттрих поднял побледневшее лицо.

— Я что-то видел. Там, внизу. Что-то шевельнулось.

— Господи, у тебя воображение разыгралось! — насмешливо сказал Паульсен. — Обычно та-

кое начинается, когда три дня просидишь под завалом и кислород на исходе. А ты уже сейчас с катушек съезжаешь.

— Но я видел, — пробормотал Диттрих. — Я же не слепой.

— Это был отблеск в твоих очках.

— Я знаю, как выглядит отблеск!

— Да-да, — успокоил его Паульсен. — Наверху расскажешь. Нам надо к подъемнику.

Он одним прыжком перемахнул через расщелину, схватил Диттриха за куртку и поднял на ноги.

Григ поддержал Диттриха с другой стороны. Штрек был достаточно широк, чтобы они могли бежать рядом, тесно прижавшись друг к другу.

И тут по штреку прокатился новый толчок. Пол загрохотал у них под ногами, над головами заскрипели деревянные балки. Стены качнулись. Внезапно одна потолочная стойка не выдержала и переломилась посередине.

Щепки ударили им в лица. Григ закашлялся. Сотрясения, казалось, уже не прекращались: один толчок гнался за другим, и сила их неуклонно росла.

Над головами мужчин земля обрушилась сквозь балки.

— Вон отсюда!

Паульсен, Григ и Диттрих бросились к началу главного штрека — туда, где остальные по четверо поднимались наверх в шахтной клети… если электричество ещё держалось.

Паульсен молился, чтобы линия продержалась хотя бы четверть часа и не оборвалась где-нибудь в глубине. Иначе оставалось только одно: вытаскивать клеть ручной лебёдкой.

Земля сыпалась ему на плечи и за шиворот. Он гнал обоих товарищей перед собой. У них осталось всего две лампы — его собственная и лампа Грига. Этого должно было хватить: до подъёмной клети оставалось каких-нибудь восемьсот метров.

Бензогазовые лампы, висевшие через каждые пять метров и раскачивавшиеся под потолком, должны были давать дополнительный свет, но большинство уже лежало на полу, разбитое вдребезги. Местами пламя жадно пожирало вырывавшийся газ. Паульсен не обращал на это внимания. Пожар сейчас был меньшей из их бед.

Они добрались до развилки, откуда вправо, в глубь горы, уходил наклонный штрек. Там его люди из утренней смены с семи часов прокладывали рельсы. К этому времени они наверняка

уже бросили всё и помчались к клети.

На всякий случай Паульсен крикнул в проход:

— Есть кто в штреке?

Ответа не было.

Он посветил в темноту. В воздухе туннеля висела тонкая пылевая взвесь, отражая луч. Плохой знак. Паульсен рванулся в проход, но Григ схватил его за плечо и попытался удержать.

Паульсен сбросил его руку.

— Идиот! — выругался старый Григ. — Я уже однажды оставил товарища в горе. Второго раза не будет, понял? Сейчас же назад!

Паульсен сглотнул. Григ, без сомнения, говорил о его отце.

За последние десятилетия в горе случалось немало аварий, но до сих пор завалило только одного человека — отца Паульсена. При том несчастье сам Григ лишь чудом избежал смерти. В тот вечер он постучал в дверь дома Паульсенов, сел у них на кухне и рассказал мальчику и его матери об аварии.

Паульсену тогда было десять лет, и Григ решил, что мальчишка уже достаточно взрослый, чтобы знать всё. Без всякой пощады старик рассказал ему о коварной Чёртовой горе.

До сих пор Паульсен считал, что знает о ката-

строфе всё. Теперь выходило, что он не знал и половины.

Почему Григу пришлось оставить отца в штреке?

Тут с конца главного штрека, где подъёмная клеть уходила вверх по стволу, донёсся голос Карманна:

— Все у клети! Вы трое последние!

— Электричество есть? — крикнул Паульсен.

— Есть! Шевелитесь! — отозвался Карманн.

Паульсен услышал, как тот бежит им навстречу. За изгибом штрека шахтёрская лампа Карманна прыгала вверх-вниз и бросала блики на деревянную крепь, поддерживавшую этот участок. Паульсен, Диттрих и Григ побежали на свет.

— Наклонный штрек обвалился на двадцать пять метров, — выдохнул Карманн. — Твоя артель успела выбраться. Раненых нет. Наверху ждут горноспасатели.

Паульсен перевёл дух. Шахта «Божье благословение» носила своё имя не зря. Они выберутся. До главного ствола оставалось всего метров триста.

И тут новый толчок сбил их с ног. Паульсен отшатнулся и ударился головой о балку. На миг в глазах у него потемнело.

— Дальше! — прохрипел Григ.

Краем глаза Паульсен увидел, как старик ползёт по земле на четвереньках. Позади, со стороны наклонного штрека, донёсся скрип деревянных распорок — протяжный, глухой, похожий на раскаты далёкой грозы.

Потом крепь прямо над их головами треснула так, будто в неё ударила молния. На миг Паульсен оглох. Перед ними рухнула стена. Если бы они не споткнулись и продолжали бежать, обломки похоронили бы их под собой.

Одна крепёжная рама за другой проваливалась вниз. Деревянную обшивку разрывало в щепки и плющило, словно зубочистки под катком. Тонны земли и камня прорывались сквозь крепь, громоздились всё выше и сыпались к самым ботинкам Паульсена. Руки Грига ушли в завал по локоть.

И вдруг стало тихо.

Взметнувшееся облако пыли окутало их. Паульсен закашлялся. На губах он чувствовал вкус земли и мелко перемолотой породы. Пыль жгла глаза и лёгкие.

— Проклятье!

Он прислонился спиной к стене. Рядом Григ высвобождал руки из щебня.

Старик сел возле Паульсена.

— Никогда не недооценивай гору. Пока не вдохнул свежего воздуха, ты всё время одной ногой в могиле.

— Избавь меня от своей мудрости.

Диттрих снял очки и сдул пыль со стёкол.

— Заткнись! — сорвался на него Паульсен. — Если бы ты не уронил лампу в расщелину, мы бы уже были снаружи.

Григ мягко положил ему руку на плечо.

— Не факт. Может, Карманну досталось хуже. Может, ребята в клети сорвались вниз. Или ещё хуже… их раздавило камнем. Мы этого не знаем. Я знаю одно: у нас есть воздух. Сейчас это главное.

Паульсен опустил плечи.

— По крайней мере, потолок держится.

— Не думаю, что дело в потолке. Беда под нами, — проворчал Григ. — Вспомните трещину в земле. Под нами открылась полость, боковая стенка штрека просела и обрушилась. Массы, давившие сверху, вдавили крепёжные рамы. Я такого ещё не видел, но, говорят, бывает.

— Значит, всё?

— Всё? — Григ угрюмо покачал головой. — Не думаю, что гора так быстро успокоится. Скорее всего, выработка будет рушиться дальше. Не хочу отнимать у вас надежду, но, может статься, нам

придётся продержаться здесь четыре-пять дней. А то и дольше.

Диттрих бросил на Паульсена тревожный взгляд.

— Прекрасно.

Паульсен молчал. Он и сам боялся чего-то подобного, но не хотел признавать. Могла пройти неделя, прежде чем горняки укрепят штрек и уберут завал. При этом каждый новый обвал только усугубит дело. Подбитая гора непредсказуема, как раненый зверь, загнанный в угол.

Видимо, Григ заметил, как побледнел Диттрих.

— Выше голову, парень. Пока у нас ещё есть чистый воздух, которым можно дышать. Это главное.

Григ поднялся, чтобы у ближайшей бензогазовой лампы проверить содержание кислорода в воздухе.

— Лишь бы метан не примешался. А если в воздухе ещё и угольная пыль окажется — тогда нам крышка.

Когда пыль осела, они стали видеть на три-четыре метра. Обвал выглядел так, будто в штрек самосвалом вывалили тонны щебня. Из земляных комьев торчали обломки крепи — словно копья частокола. Местами слой земли всё ещё

сползал с потолка и осыпался на кучу.

Паульсен осмотрел шахтный вентилятор. Подводка к нему уходила под завал, сам аппарат не издавал ни звука. На поверхности стояла котельная установка, обеспечивавшая главный ствол необходимой тягой, но без электричества свежего воздуха не будет. Им придётся беречь тот кислород, который остался в штреке.

Григ, похоже, подумал о том же: он погасил бензогазовую лампу, висевшую под потолком.

— Одной газовой лампы и двух ручных хватит.

Диттрих тоже поднялся.

— Посмотрим, что у нас за беда.

Они двинулись осматривать выработки. Григ и Диттрих свернули в наклонный штрек, а Паульсен пошёл прямо по главному — к тому месту, где они обнаружили корень.

Оба хода вместе образовывали большую букву Y, внутри которой они оказались заперты. Не больше шестисот метров туннелей — вот и вся их клетка.

Паульсен шёл вдоль шахтных рельсов, закреплённых клиньями на деревянных шпалах. На путях стоял состав: передвижной жёлоб, опрокидная вагонетка и две платформы для перевозки леса. Паульсен протиснулся мимо, не сводя глаз с

потолка. Деревянная крепь штрека держалась до самого конца туннеля.

Остановившись перед земляной трещиной, он уставился в темноту. Разлом шире не стал. Невольно Паульсен вспомнил слова Диттриха.

Я что-то видел. Там, внизу, что-то шевельнулось!

Он отогнал эту мысль. Таких бредней сейчас нельзя было себе позволить. Хватит и того, что у мужчин в головах роились старые шахтёрские байки. Слухи разлетятся по посёлку как пожар и оживят давно забытые горняцкие легенды.

Надо будет серьёзно поговорить с Диттрихом: когда они выберутся наверх, пусть держит язык за зубами. Иначе люди могут отказаться спускаться в шахту, а акционерное общество «Гшвендтнерские каменноугольные копи» закроет главный штрек.

Слишком много рабочих мест окажется под угрозой, и для Грайна с Хайденхофом последствия будут непредсказуемыми. Двести горняков — почти двести семей, живущих на заработки шахты. Возобновить нормальную работу удастся не раньше чем через две-три недели.

До тех пор компрессоры и врубовые машины будут молчать. Из посёлка не уйдёт ни один

доверху гружённый железнодорожный вагон, грузовые баржи Винер-Нойштадтского канала останутся у причалов, заводы в Пойтенштайне, плавильни и известковые печи в Винер-Нойштадте остановятся.

Мрачные перспективы. А ведь была ещё и его собственная беда.

Паульсен как заворожённый смотрел в темноту разлома. И всё из-за дурацкого земляного корня, который вгрызся в почву и обрушил под ними пустоту. Откуда, чёрт побери, взялся этот корень и где он теперь? Да и корень ли это вообще? Если нет — что тогда?

Как бы там ни было, не следовало расковыривать странную находку киркой. Надо было не трогать её, а уложить поверх деревянные шпалы с рельсами. Но теперь было поздно.

Паульсен очнулся от оцепенения и повернул обратно. Из сколоченного стеллажа, втиснутого в земляную нишу, он взял стопку шерстяных одеял и закинул свёрток на плечо. Больше в этой части штрека взять было нечего. Он пошёл назад.

У развилки к наклонному штреку он встретил Диттриха и Грига.

— Нашёл что-нибудь полезное? — крикнули они.

Паульсен бросил одеяла на землю; вверх взвилось облако пыли.

— Только это.

— Рамная крепь в наклонном штреке обвалилась через пятьдесят метров.

Григ зажал ручную лампу в сгибе локтя. Они с Диттрихом несли ящики, поставленные один на другой почти до подбородка. Паульсен узнал на планках клеймо грайнского мясника — у него работали его мать и жена Мария.

— Провизия?

— Горняки утренней смены принесли в этот участок восемь фляг с водой и пять пайков — хлеб, шпик и копчёное мясо, — выдохнул Диттрих. — К счастью, не сложили всё в конце наклонного штрека, иначе завалило бы подчистую.

Мужчины поставили ящики на землю. Григ кивнул в сторону конца туннеля, откуда они пришли.

— Стены мокрые.

Он провёл рукой по губам.

— Я уже несколько дней боялся, что мы выйдем на зону песчаника, и всё время предупреждал: будет прорыв воды. Похоже, дождались. Возможно, из-за толчков над нами вскрылась водяная жила. Дальше лежит штанговый насос, его приводит в

движение паровая машина.

— Прекрасно. Только без электричества? — возразил Паульсен.

— Когда наверху шишки обсудят положение, они как можно скорее пробьют через завал воздуховод и вторую трубу — под электричество. Оснащены мы неплохо, так что кое-какие механизмы запустить сможем. Например, насос, если пойдёт вода.

— И куда ты собираешься её отводить? — вмешался Диттрих.

— У вас что, совсем мыслей нет? — спросил Григ. — Разумеется, в земляную трещину в конце главного штрека. Она туда и так потечёт, но только если разлом не забит и не засыпан.

— О нет, я знаю, к чему ты клонишь. Ты хочешь расширить трещину. Нет уж, спасибо, без меня! — Диттрих натянуто рассмеялся. — Я к этой пропасти и близко не подойду. Я знаю, что видел в разломе. Пусть меня чёрт заберёт, если я стану там копать!

— Проклятье, я больше не желаю этого слышать! Ты нас всех с ума сведёшь, — рявкнул Паульсен. — Я был там и тоже заглядывал вниз. Ничего я не заметил.

— Может, эта тварь уже выползла и теперь

где-нибудь ползает по штреку.

— Тогда я бы, наверное, на неё наткнулся.

Вдруг Паульсен указал на куртку Диттриха.

— У тебя на плече!

Диттрих дёрнулся так, будто его ударило молнией, и хлопнул ладонью по куртке. Григ захихикал, утирая слёзы из здорового глаза. Паульсен усмехнулся.

— Придурки! — выругался Диттрих.

— Трусишка!

— Если бы я сейчас мог сесть в клеть и уехать наверх, я бы вам обоим морды набил, — огрызнулся Диттрих. — Но вы мне нужны.

На мгновение напряжение отпустило Паульсена, но уже в следующую секунду он снова посерьёзнел.

— Что ещё нашли?

— Паровую машину, компрессор, врубовую машину, но ни одной буровой головки. Толку от этого никакого. Зато нашли кучу лопат и кирок, молотки, гвозди, клинья и десятки балок с досками.

— Доски? — переспросил Паульсен. — Ими надо укрепить штрек на случай дальнейшего осыпания породы.

Григ кивнул.

— Лучше всего здесь, там и вон там.
Он указал на слабые места в потолке.
— Приступим.

Часть 3. Открытие
Среда, 10-е сентября

ГЛАВА 17

Когда Кёрнер открыл глаза, дождь барабанил по стеклу, а радиатор свистел. В комнате стояла затхлая, вязкая духота. Наручные часы показывали десять утра.

Он рывком сел и стал натягивать одежду. Когда одна рука уже застряла в рукаве свитера, он вдруг почувствовал, как болезненно стянуты плечи и суставы. *Эта работа его доконает.*

Раньше, когда он ещё был вместе с Сабриски, он дважды в неделю ходил в будо-центр. После расставания тренировался только дома, пока и этот энтузиазм не выветрился. Вернётся в Вену — снова начнёт регулярно бегать свой маршрут по Венскому лесу и отрабатывать серии на боксёрском мешке. Блоки, удары, техника ног — всё это снова приведёт его в форму.

Кёрнер поспешил в коридор. Коротко постучав, он открыл дверь в комнату Филиппа.

Навстречу ударил застоявшийся воздух: табачная вонь, пот и запах старого лосьона после бритья. Жалюзи были опущены. Филипп ворочался в постели; волосы торчали во все стороны, крошечные сонные глаза щурились на Кёрнера.

Из коридора свет падал на кровать Базедова. Простыня была натянута на матрас без единой складки, взбитая подушка лежала у изголовья.

Кёрнер захлопнул дверь и сбежал по лестнице в зал для завтраков. Из кухни пахло выпечкой, и он почувствовал, как в нём просыпаются жизненные силы.

Сабриски и Бергер уже сидели за столом, накрытым на пятерых, и пили кофе. Обе были во вчерашней одежде. Лучистый взгляд Сабриски сменился смертельно усталым, а у Бергер, которую он до сих пор видел только одетой с иголочки, под глазами залегли тёмные тени. Она выглядела такой же измотанной.

Ни Сабриски, ни Бергер Базедова не видели. Кёрнер ничего другого и не ожидал. Он поцеловал Сабриски и сел рядом. Краем глаза заметил, как Бергер на мгновение удивлённо подняла взгляд.

Из радиоприёмника на комоде доносился конец десятичасовых новостей. Над Центральной Европой по-прежнему держалась область низкого давления, которую постоянно подпитывали новые массы холодного воздуха.

За прогнозом погоды последовала специальная передача о районах паводка; среди прочего говорили о Триртальской железной дороге.

Железнодорожную насыпь на участке от Хайденхофа и Грайна до Фихофена, протяжённостью пятнадцать километров, подмыло; пути буквально сорвало с места. Всё новые склоны сползали на рельсы. Замещающего автобусного сообщения пока не было. В остальных районах положение оставалось ничуть не лучше.

Филипп с грохотом спустился по лестнице и появился в дверном проёме. Как и накануне, он был во всём чёрном. Выглядел он так, словно только наспех зачесал волосы назад и плеснул в лицо холодной воды.

Вальтрауд Штойссер принесла кофе, яичницу-болтунью, домашнее варенье и разогретые семмели: свежая выпечка закончилась. Кофе был на вкус такой, будто хозяйка сварила его на минеральной воде. Видимо, установка очистки воды у рыбного пруда всё ещё не работала.

Пока они завтракали, через зал тяжело протопал грузный пожарный и начал отодвигать мебель от стены. За комодами штукатурка вздулась серой кашей, от которой тянуло сыростью и плесенью. Мужчина поставил к стене тепловентилятор и приоткрыл окна.

От него они узнали, что непогода с каждым часом становится всё хуже. Добровольная по-

жарная команда — три машины и тридцать пять человек, круглые сутки на борьбе с паводком — едва удерживала ситуацию под контролем. Санитаров Красного Креста, которые вчера ещё успели перебраться через мост, ночью пришлось разместить в детском саду. Но теперь и там вода стояла уже по щиколотку.

Кёрнер смотрел в окно. Снаружи весь мир растворился в мутном сером однообразии. Он уже несколько дней не видел ни одного солнечного луча. *Но когда-нибудь дождь ведь должен кончиться.*

Он подумал о Верене и своей бывшей. *В Хайденхофе людям наверняка легче: соседний посёлок лежит на несколько метров выше.*

— Алекс…

Он резко обернулся. Сабриски передвинула к нему по столу таблетку аспирина.

— Выпей. Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо, я в порядке, — солгал он и обвёл взглядом остальных.

Покрасневшие глаза, осунувшиеся лица.

— А вы?

Бергер попыталась улыбнуться.

— Так себе.

Остальные коротко кивнули.

У них наверняка тоже всё затекло, а головы раскалываются от боли. Спали, наверное, так же прекрасно, как на жёсткой полке в грохочущем железнодорожном купе. Почему они не хотят об этом говорить? Их тоже мучили странные сны?

Кёрнеру следовало начать самому.

— Если честно, я…

Он поднял кофейник — и застыл с ним в руке. Мир вокруг будто погас. Кёрнер уставился на овальную хлопчатобумажную салфетку, на которой стоял кофейник. По краям золотой нитью был вышит узор из роз. В одном углу красовались инициалы BF.

Во рту у Кёрнера пересохло. Его внезапно замутило; кислый привкус кофе поднялся по пищеводу.

Словно в замедленной съёмке, он взял салфетку и подвинул её к Филиппу. Тот сначала никак не отреагировал и продолжал громко ругать погоду. Потом заметил салфетку — и осёкся на полуслове. Он бросил на Кёрнера понимающий взгляд.

Кёрнер слишком хорошо знал это выражение его глаз.

Кто знает, какое дерьмо мы сейчас расковыряли.

— Что такое? — Сабриски растерянно посмот-

рела на криминалиста.

Он протянул ей салфетку.

Бергер придвинулась ближе, чтобы тоже рассмотреть ткань.

— Мы шли не тем курсом, — прошептала она. — Это не инициалы человека.

Кёрнер кивнул.

— «Бурый Пятирог»[2], — так же тихо сказал он. — Только ни слова вслух.

За их спиной распахнулась дверь. Вальтрауд Штойссер направилась к их столу с подносом. Сабриски быстро поставила свою кофейную чашку на салфетку.

— И вы не поверите, что было дальше! — воскликнул Филипп, вскинув брови. — Этот тип вдруг говорит мне… о, подкрепление.

Он повернулся к Штойссер, поставившей поднос на стол.

Пока хозяйка подавала два кувшина — с кофе и молоком, — в соседний зал с барной стойкой с грохотом ввалилась группа пожарных. Через открытую дверь Кёрнер видел, как мужчины облокотились о стойку. Рации у них на поясах потрескивали.

---

[2] Примечания: 2

Прим. пер.: BF — «Braune Fünfender»; Fünfender — охотничий термин для оленя с пятью отростками на рогах.

— Вы меня извините? — Хозяйка поспешила в зал. — Ну как там? — крикнула она пожарным.

Мужчины недовольно загудели. Самый старший из них, седой фельдфебель с золотисто-жёлтой вышивкой на погоне, заговорил достаточно громко, чтобы Кёрнер мог его слышать.

— За ночь мост в Хайденхофе снесло. Я там был… Чёрт… деревянные балки ломались, как соломинки. В три утра обломки понесло к грайнскому мосту. Бах!

Его кулак хлопнул по ладони.

— Мост повреждён?

— Повреждён? Да его нет!

Седой резко махнул рукой.

Филипп наклонился вперёд и крикнул в зал:

— Когда мы сможем отсюда выбраться?

Мужской гул мгновенно стих. Пожарные вытянули шеи, заглянули в зал для завтраков и уставились на Филиппа, Кёрнера и обеих женщин так, будто перед ними были незваные чужаки.

— Сейчас отсюда никто не выберется, — проворчал фельдфебель. — В посёлке трое жителей числятся пропавшими. Ваш коллега тоже ещё не объявился, верно? Чёрт, хоть бы он не свалился в реку.

Он демонстративно отвернулся.

— Базедов не падал в Трир, — прошипела Сабриски, но Кёрнер движением руки заставил её замолчать.

Фельдфебель опёрся о стойку и заговорил с хозяйкой — теперь тише:

— Трир на той стороне вышел из берегов и на километры затопил федеральную трассу. Движение полностью перекрыли. Пожарные из Фихофена только что передали нам по рации сводку: ниже по течению горные ручьи снесли почти все мосты, а трассу завалило селем на несколько метров. Оползни всё усугубляют.

Хозяйка скомкала передник.

— А дамба хоть держится?

— Не напоминай. Только что уровень поднялся до восьми метров. Река несётся всего в тридцати сантиметрах ниже гребня дамбы… а Вайсман хочет, чтобы мы наваливали сверху всё больше мешков с песком. Это же чистое безумие. Давление воды у основания защитного вала и так уже слишком сильное.

— Что мы можем сделать?

— Ничего… Молиться, чтобы дамба выдержала.

Филипп снова повернулся к Кёрнеру и открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Без паники. — Кёрнер понизил голос. — Паводок не наша работа. Им занимаются пожарные, и они знают своё дело. У нас другие заботы, а времени в обрез. Так что сосредоточимся на двух главных задачах: найти Базедова и поймать убийцу.

— Вообще-то это не должно быть так уж сложно, — прошептала Сабриски. — Если мы не можем выбраться из посёлка, значит, и убийца не может. Он застрял здесь вместе с нами. Он среди нас — может быть, ближе, чем мы думаем.

Она указала на салфетку с золотой вышивкой.

Звонок мобильного заставил их вздрогнуть. Кёрнер быстро ответил. Звонила Ютта Корен из управления.

— Я только что услышала в специальной передаче по радио, что вы сидите в самом центре паводковой зоны.

— Да. Коротко, пожалуйста, батарея почти села, — поторопил её Кёрнер.

— Ваша главная свидетельница, репортёрша в Кирлингской психиатрической больнице, всё ещё не приходит в себя. То есть у нас по-прежнему ничего нет. Вы тем временем нашли Кралица?

— Нет.

— Как ни трагично это звучит, но нам это хотя

бы помогло. Из-за того что один из наших следователей исчез, Хаузер дал добро на эксгумацию. Разрешение прокурора я полчаса назад отправила факсом местному командиру жандармского поста. Насколько я знаю, он уже родителей детей уве…

Дисплей погас. Телефон Кёрнера отключился.

Он сунул мобильник в карман и поднялся. Значит, грайнский жандарм уже в курсе.

Кёрнер посмотрел на Сабриски:

— Начинаем. Твоя очередь.

Пока Рольф Филипп вместе с Соней Бергер ездил по посёлку в своём фургоне, продолжая поиски Базедова, Кёрнер и Сабриски отправились на кладбище.

На машине они с трудом пробились через деревенскую площадь, теперь больше похожую на штаб спасательной операции. Дорогу им перегородил бортовой грузовик: с кузова сгружали поддоны с бутылками минеральной воды. Перед лавкой собралась толпа; хозяин магазина Герер и горстка помощников Красного Креста раздавали людям картонные коробки — вероятно, с одеялами, свечами, мылом и консервами.

У пожарной машины выдавали комплекты защитной одежды: комбинезоны, резиновые

сапоги, непромокаемые перчатки. Под тентом стояла огромная полевая кухня. Две женщины кормили добровольцев и продрогших пожарных супом, разливали горячие напитки. На длинных хойригерных скамьях разместили электроплитки и кофемашины; прицеп-генератор давал ток. Рядом как раз выставляли целую батарею походных туалетов.

Но и после того, как «Ауди» миновал деревенскую площадь, картина почти не изменилась. На муниципальную парковку местные предприятия без остановки подвозили на бортовых грузовиках материал из песчаного карьера, а человек тридцать мужчин и женщин набивали им джутовые мешки.

В наскоро сколоченной деревянной будке с пристроенным тентом заседал кризисный штаб, координировавший работу добровольцев. Бургомистр, бурно жестикулируя, что-то втолковывал Вольфгангу Хеку, склонившемуся над картой, которую трепал ветер.

От тента к машине Кёрнера, размахивая рукой, побежал деревенский жандарм. Едва следователь опустил стекло, Алоис Фридль затараторил: из земельного управления жандармерии в Вене пришёл факс из прокуратуры. Крайников, прав-

да, тоже уже уведомили, но сейчас у жандарма совершенно не было времени этим заниматься.

Зато старик Апфлер, грайнский могильщик, обо всём знал и уже начал эксгумацию на кладбище. Жандарм хлопнул ладонью по крыше машины и побежал обратно к тенту.

Пока Кёрнер ехал к окраине, над Хоэн-Гшвендтом тянулись чёрные дождевые тучи. Кладбище, часовня и зал прощания располагались на возвышенности у подножия горы. С парковки, несмотря на непогоду, открывался широкий вид на посёлок.

Трир делала изгиб и недалеко от жилых домов змеилась мимо деревянных сараев и хлевов. Через поле река казалась совсем близкой, хотя на самом деле до кладбища было не меньше пятисот метров. Борозды и следы тракторных колёс наполнились дождевой водой и тускло поблёскивали в мутном свете. Посреди поля стоял трактор с проржавевшим прицепом.

Кёрнер захлопнул дверцу машины и направился к кованым воротам кладбища. Рядом с кладбищенской оградой находился вход в рудник. Отсюда было видно оборудование, которое после аварии так и не демонтировали и которое пережило военные годы. Рельсы для вагонеток

заросли кустарником; колёса списанных вагонеток были заблокированы кирпичами.

Кёрнеру показалось, что он узнаёт котельную установку, паровую подъёмную машину и тридцатипятиметровую трубу, о которых говорилось в статье деревенского вестника: массивные конструкции едва проступали на фоне серой мглы. Открытые двери мастерских из гофрированного железа ветер с грохотом швырял о стены.

С тех пор здесь ничего не изменилось.

Почему оборудование так и не разобрали? Неужели на складе возле ствола шахты «Божье благословение» до сих пор лежит динамит для третьего взрыва, который так и не был произведён?

Кёрнер вспомнил, как они с Вольфгангом Хеком подростками часто бродили по штольням в поисках ящиков с динамитом, но так их и не нашли. Каждая шашка за прошедшие годы, должно быть, разложилась, а желтоватый, маслянистый и крайне ядовитый нитроглицерин просочился сквозь деревянные ящики. Теперь малейшего сотрясения — даже простого повышения температуры — хватило бы, чтобы всё взлетело на воздух. Чудо, что до сих пор не случилось несчастья.

Сабриски потянула ворота на себя.

— Сюда.

Кёрнер оторвался от зрелища и пошёл за ней по гравийной дорожке вдоль могильных рядов. При виде каменных крестов, могильных фонарей и мраморных ангелов ледяной холод пополз у него по спине под плащом.

На этом кладбище покоились его родители, но он не знал где. Он обещал Бергер, что зайдёт на могилу, но не сейчас; может быть, потом, когда дело будет закрыто и ничто больше не удержит его в этом посёлке. Этим визитом он покончит со своим прошлым — и больше никогда не вернётся в Грайн.

Издалека Кёрнер увидел старого Апфлера, который десятилетиями ухаживал за могилой его родителей. Его бывшая жена не раз рассказывала ему об этом, а совсем недавно напоминал и бургомистр.

Могильщик стоял с двумя помощниками возле мавзолея, склонившись над неприметной могилой. Один из парней вгонял в землю кирку, Апфлер и второй юноша по очереди втыкали в грунт лопаты. Рядом с ними уже выросла жёлто-серая куча земли.

Кёрнер вспомнил, как его друг Хек говорил, что земля в Грайне глинистая. Почва пропиталась во-

дой, и глина влажно поблёскивала. Лучшего для них и быть не могло. Высокий уровень грунтовых вод и глинистая почва должны были сохранить тела так хорошо, словно они пролежали в земле всего несколько недель.

— Почему они уже начали? — тихо спросила Сабриски.

Кёрнер пожал плечами.

— Радуйся. Сэкономим время. В такую собачью погоду нам остаётся только надеяться, что мы покончим с эксгумацией как можно скорее.

Апфлер и оба парня были в резиновых сапогах, синих комбинезонах и дождевиках. Они уже стояли по икры в раскопе, окружённом мраморной оградой могилы.

Кёрнер подошёл к краю ямы.

— Доброе утро.

Ханс Апфлер вогнал лопату в землю и опёрся локтем о черенок.

— Утро.

Он оглядел Кёрнера и его спутницу с головы до ног. Дождь барабанил по его шляпе, стекал по лицу и плечам.

— Надо же, молодой Кёрнер. Вырос-то как, длинный стал да тощий, парень.

Он сплюнул на землю.

— Нечасто ты сюда наведываешься. И маленькая Марли о тебе тоже не больно-то рассказывает. А всё равно люди говорят.

— И что говорят?

— Да что обычно. Уехал из посёлка, когда твои родители умерли… а теперь, как вернулся, будто бы вынюхиваешь, что у нас тут да как.

Он снова сплюнул.

— Неудивительно, что о тебе судачат.

Старый Апфлер за последние двадцать семь лет ничуть не изменился. Уже тогда он был угрюмым грайнским могильщиком с багровым носом пьяницы и помятым лицом, которого дети боялись до смерти.

За это время волосы у него поседели сильнее, круги под глазами стали темнее, а кожа на подбородке и шее — дряблее, но в остальном он, казалось, остался прежним: ворчливый старый брюзга, который больше всего любил проводить вечера в домике могильщика с бутылкой шнапса.

Для мальчишек кладбище было запретной территорией. Ночью перелезть через ограду, прокрасться мимо хижины Апфлера и пройти между рядами могил считалось настоящим испытанием храбрости.

— В Вене теперь живёшь, а? — спросил старик.

Кёрнер кивнул. Он даже не обиделся, что могильщик обращается к нему на «ты». В глазах старика Кёрнер наверняка всё ещё оставался тем сопляком, каким был тридцать лет назад.

— Сколько вам ещё понадобится? — спросил Кёрнер.

Старик потёр щетинистый подбородок и поковырял носком сапога комковатую глину. Кёрнер видел, что грязь налипла на подошву слоем в несколько сантиметров. Могильщик бросил на него хмурый взгляд.

— Столько, сколько понадобится.

Такие ответы Кёрнер терпеть не мог.

— И когда это будет?

Апфлер пожал плечами.

— Девочку похоронили всего два года назад. Земля ещё не осела, копается легче. Думаю, часдва.

Кёрнер посмотрел на наручные часы.

— Хорошо.

Могильщик удивлённо уставился на него.

— Ты что, здесь ждать собрался?

— Разумеется.

Старик покачал головой.

— Не знаю, что это даст, если мы будем копать

в такую мерзкую погоду… Ну да ладно.

Он снова вогнал лопату в землю и принялся выбрасывать глину из углубления. Словно по команде, оба парня тоже возобновили работу.

Кёрнер неподвижно стоял у мраморной ограды могилы, смотрел, как мужчины работают, и ждал. Он сунул руки в карманы плаща и почувствовал, как тяжело оттягивает ремни «Глок». Редкое, но знакомое ощущение прошло по телу.

Обычно он оставлял оружие в машине, однако перед тем, как выйти с Сабриски из зала для завтраков «Бурого Пятирога», надел плечевую кобуру. Он не знал, зачем взял оружие с собой, но с тех пор как исчез Базедов и он обнаружил салфетку с вышивкой, Кёрнер был уверен: в этом посёлке с ними может случиться что угодно. И он хотел быть к этому готов.

Через полтора часа они наткнулись на верхний край первого гроба. К тому времени погода окончательно испортилась. Тёмные дождевые тучи висели так низко, будто небо тяжёлым толстым плащом давило на возвышенность. Даже вершину Хоэн-Гшвендта затянуло серыми полосами, и её уже нельзя было различить.

По ту сторону, за Триром, на горизонте вспыхивали молнии. Казалось, гроза вырывается из

чёрной гряды облаков и бьёт прямо в воду. Гром грохотал так мощно, что Кёрнер вздрагивал при каждом раскате. Дождь хлестал его по лицу, ветер рвал плащ. И хотя он глубоко засунул руки в карманы, пальцы одеревенели от холода.

Из ямы глубиной в полтора метра торчала уже только голова старого Апфлера.

— Ящик ещё целый, — проворчал он и топнул сапогом по крышке.

В яме было так тесно, что мужчины мешали друг другу, пока очищали боковые стенки гроба. К тому же непрерывный дождь превратил прямоугольный раскоп в скользкую грязевую ловушку. Сверху в яму всё время обваливались новые пласты глины.

Пока один из парней поддевал деревянный ящик железным ломом, Апфлер протащил по грязи две верёвки под дном гроба и перебросил их на другую сторону ямы. Когда ящик вытянули наверх, показался гроб высотой сантиметров сорок — более или менее целый.

— Осторожнее, чтобы дерево не развалилось, — предупредила Сабриски.

Апфлер и его помощники вытащили ящик и поставили его на землю рядом с кучей вынутого грунта. Дождь барабанил по крышке, по дереву

стекала бурая скользкая жижа. Пахло тленом и гнилыми корнями.

Несмотря на холод, могильщик вспотел. Он провёл рукавом по лбу, оставив на коже коричневую полосу.

— Со следующим гробом нам, к сожалению, не повезёт.

Он кивнул в яму.

— Тот четыре года пролежал в воде.

— Поднимайте всё, что хотя бы относительно цело, — распорядилась Сабриски. — Остальным займусь я.

— Как прикажете, сударыня.

Апфлер по лестнице спустился в яму. Через несколько минут они выбросили оттуда столько глины, что уже наткнулись на первые куски дерева. Бредя по воде по икры, они осторожно расчистили крышку и края.

— Гроб сплющило до пятнадцати сантиметров! — крикнул Апфлер из ямы. Теперь он уже не мог видеть поверх края раскопа. — Осторожно надо, а то…

В следующее мгновение он ногой проломил доски.

— Чтоб меня!

Он подтянулся на лестнице.

— Давайте инструмент!

Один из парней подал Апфлеру ведро и ручной совок, и тот принялся вынимать сгнившее дерево.

Сабриски опустилась на колени у края ямы.

— Мне нужна средняя часть нижней стороны гроба. По возможности неповреждённая.

— Зачем? Это же сплошная труха.

— Я не собираюсь с вами это обсуждать. Мне она нужна! — резко оборвала его Сабриски.

Апфлер равнодушно пожал плечами.

— И всё-таки можно узнать, ради чего я это делаю?

— Я отправлю этот фрагмент на химическую экспертизу. Возможно, мальчика отравили.

— Отравили? — фыркнул Апфлер. — Сударыня, вы ведь сами в это не верите.

Расчистив обломки гроба, он опустил в воду чёрную пластиковую плёнку, приподнял остатки ящика и перевернул их на неё. В тот же миг всё развалилось. Показались белая, разбухшая плоть и лоскуты ткани.

— Ну и дрянь! — выругался Апфлер. — Я же говорил, что…

Он вдруг умолк.

— О нет! — вырвалось у Сабриски.

Кёрнер недоверчиво уставился в яму. *Это дождь и взбаламученная мутная вода играли с ним злую шутку — или он действительно видел то, что, как ему казалось, видел?*

У лежавшего наполовину в воде трупа он различил оголённый позвоночник.

Совсем рядом ударила молния. От раската грома земля дрогнула, и в следующее мгновение дождь обрушился стеной.

ГЛАВА 18

Зал для прощаний рядом с кладбищем был круглым помещением с белым плиточным полом и куполом, под которым висел огромный миссионерский крест 1954 года. По единственному окну — овальному люку в крыше — безостановочно хлестал дождь. Стук капель гулко отдавался от пустых стен.

Снаружи, на кладбище, мороз полз между рядами могил; здесь же стояла влажная, душная теплынь. Апфлер, Кёрнер и двое парней установили гроб и полиэтиленовую плёнку на мраморные постаменты. В Грайне не было ни секционной, ни морга. Зал для прощаний оказался единственным помещением, хоть сколько-нибудь пригодным для вскрытия, какое Сабриски могла получить в своё распоряжение.

Едва Ханс Апфлер и его помощники ушли, Сабриски принялась за работу. Она перенесла инструменты из машины Кёрнера, надела белый халат и натянула латексные перчатки. На гроб Карины она пока даже не взглянула — первым делом занялась полиэтиленовой плёнкой.

Сабриски откинула плёнку. Вода брызнула

на кафель, через край мраморного постамента потекла бурая, пахнущая землёй жижа. За всю карьеру Кёрнера это было всего второе вскрытие. На первом он присутствовал больше десяти лет назад, в патологии на Зенсенгассе, где группа судебных медиков исследовала тело женщины, пролежавшее три недели.

Тогда всё было иначе: клиническая стерильность, ослепительный свет, расстояние в добрых десять метров между ним и столом, на котором вскрывали тело.

Теперь расстояния не было. Кёрнер, словно загипнотизированный, смотрел на человеческие останки, в которых уже невозможно было узнать прежние очертания. Грудная клетка трупа Матиаса глубоко провалилась. Плоть на лице сохранилась полностью, но расползлась, превратившись в бесформенную кашу. Казалось, тело подчинилось гробу, приняло его форму.

Кёрнер не смог бы сказать, кто лежит перед ним — мальчик или взрослый. Только размер частично истлевшей одежды выдавал подростка. Ему даже не пришлось прикрывать рот платком: разложение оказалось не таким страшным, как он боялся.

Вода размочила тело, точно губку, но вместе с

тем словно законсервировала его. Густые чёрные волосы мальчика сохранились полностью — и от этого на фоне изуродованного тела выглядели особенно нелепо, почти гротескно.

Звяканье хирургических инструментов вывело Кёрнера из оцепенения. Сабриски уже расставила на столике возле постамента флаконы, режущие инструменты и химические растворы, а затем точными, аккуратными движениями отделила одежду от трупа.

Рядом с ней стоял диктофон; катушечки кассеты едва слышно вращались.

— Вскрытие грудины и грудной клетки, — произнесла Сабриски ровным, бесцветным голосом, не поднимая глаз.

Она приставила скальпель под горлом и глубоко рассекла грудную клетку по центру. Кёрнеру вдруг стало дурно. Он почувствовал, как кофе, выпитый два часа назад, подступает к горлу из сведённого спазмом желудка. Он резко отвернулся и глубоко вдохнул.

За спиной скребнули металлические зажимы, что-то влажно разошлось под лезвием, хрустнула кость. На лбу у него выступил пот. *Что с ним такое? Это ведь не первый труп, который он видел в жизни.*

Но сейчас всё было иначе. Верена жила в соседнем посёлке, и на следующей неделе ей должно было исполниться четырнадцать. От мысли, что так близко от неё он разрыл кладбище и вытащил на свет мёртвых детей, у него закружилась голова. Снова всплыли кошмары.

Он уставился в купол и сосредоточился на дроби дождя. Постепенно дыхание выровнялось. Где-то позади звучал сухой, деловой голос Сабриски.

— Образцы крови и мочи будут позднее отправлены на химическое исследование. Вопрос: присутствуют ли в организме следы валиума? Если да — в какой концентрации?

Кёрнер услышал щелчок крышки.

— Содержимое желудка отделено и также подлежит исследованию.

Время тянулось мучительно медленно. Кёрнер снова и снова слышал тихое скольжение скальпеля; смотреть он заставлял себя лишь изредка.

Вдруг голос Сабриски стал громче.

— От чего, ты сказал, умер мальчик?

— Сердечная недостаточность.

Сабриски поманила его. Она повернула труп на бок и направила фонарик-ручку на раскрытый участок спины.

— Рана похожа на ту, что была у Сабины Край-

ник, — сказала она. — Кожа и ткань под ней на уровне третьего поясничного позвонка разорваны. Вероятнее всего — изнутри. Позвонок деформирован.

Кёрнер на мгновение вспомнил рану на спине Сабины Крайник и стремительное деление клеток чужеродной ткани.

— Что ещё?

— Больше я сейчас сказать не могу. Мне нужен микроскоп и подробные лабораторные результаты. Но на сердечную недостаточность это точно не похоже.

— Один-ноль в нашу пользу. — Кёрнер посмотрел на второй мраморный постамент. — Вскроем второй гроб?

— Я с этим ещё далеко не закончила, — возразила Сабриски.

— Закончишь позже. Я хочу знать, что в этом ящике.

Кёрнер взял лом из арсенала Апфлера. Железом он поддел крышку. Петли выгнулись, пропитавшееся водой дерево подалось с чавкающим звуком. От гроба пахло илом.

Когда Кёрнер отодвинул крышку, ему в лицо ударил густой смрад разложения. Поэтому ещё удивительнее было вдруг увидеть перед собой

совершенно целое, бледное лицо юной девушки. Сходство с Сабиной Крайник бросалось в глаза.

Сабриски наклонилась через его плечо.

— Так выглядят мёртвые, если два года пролежат во влажной глинистой земле, — пояснила она. — Надень перчатки и помоги мне её вытащить.

Они не стали терять время и перевернули покойницу на живот. Сабриски задрала платье выше бёдер.

— Вот дерьмо, — вырвалось у Кёрнера. — По-моему, вскрытие можно уже не делать.

Сабриски взглянула на него поверх узких очков для чтения — сухо, с едва заметной насмешкой.

— Только не говори, что и эта девочка тоже якобы умерла от сердечной недостаточности.

Кёрнер кивнул.

— Она, по официальной версии, два года назад упала замертво в церкви, прямо во время мессы. По словам нашего деревенского врача, доктора Вебера, свидетелей были десятки… как, кстати, и при смерти мальчика. Будь моя воля, я бы сейчас же добился десятка ордеров на арест и закончил это дело в участке.

— Но мы сейчас не можем выбраться из этого места, — напомнила Сабриски. — И Базедов по-

прежнему пропал.

Кёрнер задумчиво смотрел на рваную рану на спине Карины. В набухшей плоти ему почудился белёсый отблеск позвонков. Эти мёртвые дети всё сильнее били ему по нервам.

— Она умерла от того же, что и Сабина?

— Посмотрим.

Сабриски расширила рану стальным зажимом и ввела внутрь длинный пинцет. Прошло совсем немного времени, и она извлекла осколок позвонка, поднеся его к лучу фонаря.

— Сломан и изуродован… вот. — Она повернула фрагмент в свете. — Такой же круглый след присасывания, как у Сабины Крайник. Словно в кость вгрызлась фреза.

Пинцетом она извлекла из тела ещё несколько фрагментов и сложила их на лоток.

— Осколки кости внутри тела.

Она надрезала рану скальпелем.

— Плоть пропитана, но не кровью и не водой — это выглядело бы иначе… возможно, тем же бурым соком, который я уже отделила из раны Сабины.

— Та же причина смерти, — сказал Кёрнер.

— Не торопись, — возразила Сабриски. — Чтобы утверждать такое, нам нужно доказать в лабора-

тории целую цепочку вещей. Что общего у всех трёх трупов?

Она отложила скальпель и стала загибать пальцы.

— Вводили ли жертвам дозу валиума? Обрабатывали ли рану физиологическим раствором с высоким содержанием флуимуцила? Действительно ли следы присасывания на поясничных позвонках идентичны? Происходят ли клочья плоти, частицы кожи, хрящи и следы крови внутри тела из чужой ткани? И наконец…

Она помолчала.

— Страдали ли брат и сестра раком костного мозга? Возможно, именно здесь связь.

— Всё это прекрасно, — проворчал Кёрнер. — Но ждать лабораторного заключения я не могу. Для меня факты очевидны: в этом месте детей убивают в день их четырнадцатилетия, а потом скрывают убийства. В заговоре должны участвовать несколько человек: деревенский врач, жандарм, могильщик, родители детей — не говоря уже о священнике и лавочнике Герере, в чьих помещениях всё это происходило.

Семь человек. Это было куда больше, чем трое убийц в версии Сабриски. Мысль казалась абсурдной, но сейчас Кёрнер не находил другого

объяснения, которое хоть как-то держалось бы на ногах.

— Может, раны нанесли уже после смерти?

— Исключено. — Сабриски указала на отверстие в спине. — Края кожи покрыты засохшей кровью. Похоронный мастер даже не потрудился очистить повреждение — не говоря уже о том, чтобы замаскировать рану. Думаю, детей положили в гроб сразу после смерти.

Кёрнер этого и ждал.

— Они думали, что им нечего бояться.

Для него оставался только один вывод: они стояли посреди немыслимого заговора, а слишком многие вопросы по-прежнему висели в воздухе.

Тут дверь распахнулась, и внутрь, тяжело топая, вошёл Филипп. За ним — Бергер. Оба выглядели подавленными. Кёрнер сразу заметил: волосы и одежда у них сухие.

— Господи, что тут у вас? И вонь какая! — Филипп зажал нос, уставившись на трупы.

Бергер отвела взгляд. Кёрнер подошёл к останкам Матиаса Крайника, накрыл их плёнкой и небрежно бросил латексные перчатки на постамент.

— Базедова нашли?

Филипп провёл пальцами по бороде.

— Чёрта с два. Мы весь посёлок объехали, всех расспросили.

Сабриски посмотрела на часы.

— Его нет уже семнадцать часов.

В этот момент Кёрнер понял: фотограф мёртв. Теперь им оставалось только искать тело. И как-то объяснить жене Базедова и его детям, что произошло.

Но что, собственно, произошло? Последний раз он, Сабриски и Бергер видели Базедова, когда тот вошёл в бар «Газлайт». После этого он исчез. *Что сказать его жене?* От одной этой мысли Кёрнеру снова стало муторно.

— Вы совсем не промокли? — голос Сабриски донёсся до него словно издалека. — Алекс, ты тоже заметил?

Она посмотрела на овальное окно в куполе.

— Дождь прекратился.

Кёрнер прислушался. Барабанная дробь по стеклу умолкла.

— Дашь мне мобильный? — вдруг спросил он.

— У меня батарея села, — сказала Сабриски.

Бергер подняла руки, словно заранее отказываясь от участия.

— У меня нет.

Филипп порылся в кармане и протянул Кёрне-

ру телефон.

— Это предоплатный мобильник. Только без звонков на секс-линию.

Кёрнер схватил телефон и вышел из зала для прощаний.

За дверью пахло влажной землёй; над парковкой от асфальта поднимался пар. Сквозь крошечную прореху в облаках выглянуло солнце. Дождь и в самом деле прекратился. Камешки на щебёночных дорожках блестели, мокрая трава вспыхивала в лучах; над пригорком стояла почти тропическая духота.

Кёрнер окинул взглядом широкую округу. Ветер тянул на восток; если повезёт, облака скоро разойдутся. Если небо прояснится и уровень воды в реке Трир наконец начнёт спадать, у них появится шанс: отряд федеральной армии наведёт через Трир временный мост. Сразу после этого через жандармский пост в Нойнкирхене нужно будет организовать масштабные поиски Базедова.

Кёрнер сел на деревянную скамью под навесом часовни и позвонил Ютте Корен.

— Мы эксгумировали обоих детей…

Он хотел коротко рассказать ей о ранах на спине, о том, что чутьё его не подвело и в Грайне

скрыли два убийства, а возможно, и больше. Хотел рассказать о безрезультатных поисках Базедова и о том, что фотограф, вероятно, тоже мёртв. Но Корен перебила его, не дав произнести больше ни слова.

— Кёрнер, у меня для вас плохие новости. Захватчик заложника умер. Теперь у вас на шее дело о непредумышленном убийстве.

Он почувствовал, будто невидимый кулак ударил его в живот. Бывшая жена, Верена, алименты, отстранение, убитые дети, исчезновение Базедова, судебное слушание, вызов Бергер… и снова, снова мысли возвращались к прокуратуре.

— Хаузер уже знает? — хрипло спросил он.

— Ещё нет.

Мысли закрутились бешено. Теперь раскрыть дело значило выиграть гонку со временем. Корен пока не отстранила его официально; в конце концов, он был заперт в этом посёлке, а единственной связью с внешним миром оставался телефон.

Последняя искра надежды сводилась к одному: как можно быстрее довести расследование до конца. От этого зависело всё. Но чтобы сдвинуть дело с места, ему нужна была поддержка Хаузера. Кёрнер должен был действовать немедленно, пока прокурор не узнал о деле по факту непре-

думышленного убийства. После этого всё будет кончено.

— Кёрнер… — Ютта Корен откашлялась. — К сожалению, я должна…

Он оборвал связь и задержал дыхание. Как загипнотизированный, уставился на светящийся дисплей телефона Филиппа. Линия свободна. Входящего звонка нет. Пройдёт несколько минут, прежде чем Корен выяснит, с какого мобильного он ей звонил, и перезвонит на этот номер.

Столько ждать он не мог.

Он быстро набрал номер Хаузера.

После третьего гудка трубку сняли. Хаузер.

Кёрнер глубоко вдохнул. Этот разговор он не имел права провалить.

— Кёрнер, жандармское управление Вены.

Он сделал короткую паузу. Хаузер молчал — хороший знак.

— У нас двое убитых детей в Грайн-ам-Гебирге: Карина и Матиас Крайник.

— Только не говорите, что это те самые эксгумированные дети.

— К сожалению.

Кёрнер выдержал паузу и продолжил:

— Брата и сестру обездвижили высокой дозой валиума, а затем убили точно так же, как Саби-

ну Крайник: несколько колотых ран в области позвоночника, необратимые повреждения позвоночного столба, спинного мозга и вегетативной нервной системы, сильная кровопотеря и, в итоге, остановка дыхания и смерть от удушья.

Кёрнер понимал, что ступает по тонкому льду, но другого выхода у него не было: приходилось блефовать. К тому же он был уверен, что Сабриски даст ему необходимые доказательства.

Не позволив Хаузеру усомниться в услышанном, Кёрнер продолжил:

— В настоящий момент у меня есть заключение судебного медика, доктора Яны Сабриски. Она…

— Я знаю Сабриски, — перебил его Хаузер. — Она работает превосходно. Что вам от меня нужно?

Кёрнер почувствовал, как напряжение отпускает плечи.

— Ордер на арест деревенского врача, доктора Вебера, который выписал свидетельства о смерти детей Крайник, пока был бы преждевременным. Сначала я хотел бы кое-что проверить и предлагаю…

— Какая причина смерти указана в свидетельствах?

— Сердечная недостаточность.

— Это те самые свидетельства, из которых, по

вашим словам, удалили даты рождения детей?

— Да.

— Вы можете объяснить, зачем эти даты скрыли?

— Все трое детей Крайников умерли точно в день своего четырнадцатилетия… семнадцатого августа, восьмого сентября и одиннадцатого октября. Хотя это, разумеется, может быть совпадением, — осторожно добавил Кёрнер.

— Чушь! — фыркнул прокурор. — Вы же сами в это не верите. Чего вы ждёте, Кёрнер? Я могу оформить вам ордер на арест этого доктора Вебера. Прижмите его как следует.

— Сейчас мы отрезаны паводком.

— Я выдаю вам ордер устно, а письменный документ велю доставить Веберу в течение сорока восьми часов. В этом вашем посёлке ведь найдётся факс?

— Разумеется.

Кёрнер усмехнулся. *Теперь он держит Вебера за яйца.*

— И ещё, Кёрнер.

Прокурор сделал паузу.

— Вы наверняка уже подумали, что деревенский врач не мог скрыть такое преступление без посторонней помощи. В деле как минимум

должен быть замешан похоронных дел мастер, а возможно, и родители детей: именно они тогда опознавали тела.

— Спасибо за подсказку.

Как будто он сам этого не понимал.

— Ранее вы упомянули, что хотели проверить ещё кое-что, — напомнил прокурор.

Кёрнер вспомнил замечания Филиппа во время осмотра следов в баре «Газлайт».

— Жандармское управление Вены в тысяча девятьсот девяносто шестом и тысяча девятьсот девяносто восьмом годах расследовало убийства подростков в Кремсе и Гмундене. Матиас Крайник умер в тысяча девятьсот девяносто девятом, Карина — в две тысячи первом, Сабина — два дня назад. Modus operandi во всех этих случаях сходный. Между ними может быть связь.

— Не вижу, какое это имеет отношение к нашему делу, но займитесь.

— На этих делах стоит гриф ограничения доступа, — возразил Кёрнер. — Чтобы ознакомиться с материалами, вам пришлось бы распорядиться об открытии закрытых архивов.

Долгое молчание на другом конце линии умерило его ожидания.

— Вы многого от меня требуете, — прорычал

Хаузер. — Ограничительные грифы ставят не просто так, но вам, Кёрнер, я этого объяснять не должен. Продвигайте расследование, принесите мне новые доказательства — тогда ещё раз поговорим о Кремсе и Гмундене. До свидания.

Когда Кёрнер убрал мобильный от уха, аппарат трижды пискнул. Дисплей вспыхнул: сообщение на голосовой почте. Он открыл уведомление, на экране появился номер Корен.

Наверняка она оставила сообщение. Он догадывался, о чём пойдёт речь, но слушать не хотел.

Телефон пискнул ещё раз, и дисплей погас. Аккумулятор сел. Уведомление высосало из батареи последние крохи заряда. Кёрнер слабо усмехнулся. Ни у кого из его команды больше не осталось работающего мобильного. Сейчас было даже лучше, чтобы никто из них не мог выйти на связь.

Рольф Филипп как следователь уголовной полиции имел полномочия в случае отстранения забрать у него оружие и служебный жетон. Во всяком случае, членам команды Кёрнер пока ничего не скажет о разговоре с Юттой Корен. Пусть работают спокойно. А он подождёт, что дадут вскрытие Сабриски и поиск следов, которым занимается Филипп.

Тем временем Кёрнер сидел на скамье у входа

в зал и прислушивался к гулу голосов коллег. Он поднял воротник пальто и посмотрел вниз по склону, на деревню.

Светлые лучи пробивались сквозь облачную пелену, которая рвалась сразу в нескольких местах. Давно пора было солнцу наконец выбраться из-за бесконечной завесы тумана и сырости. Воздух всё ещё оставался влажным, пропитанным моросью, а над всей долиной раскинулась великолепная радуга.

Когда солнце согрело лицо Кёрнера, внутреннее напряжение начало отпускать. Он достал из кармана пальто дневник министранта[3]

Вообще-то он взял его, чтобы дать почитать Соне Бергер, но безумная история о патере Дорне настолько его заворожила, что сперва он захотел сам просмотреть записи. В конце концов, книга рассказывала об истории Грайна — места, где он вырос, — и, возможно, пожелтевшие страницы наконец приоткроют тайну старого священника, о котором ходило столько историй, тех самых, что подростки вполголоса пересказывали друг другу возле кладбища.

Похоже, за убийством патера Дорна скрыва-

---

[3] Примечания: 3

Прим. пер.: католический алтарный служка.

лось куда больше, чем он сперва думал… если, конечно, дневник не был подделкой.

Конец записей он уже знал, но всё ещё не понимал, почему жители деревни забили патера до смерти, повесили его нагим под церковным куполом, а затем подожгли храм. Чтобы не продираться через начало путаного текста, Кёрнер раскрыл книгу примерно на середине и начал читать.

ГЛАВА 19

10 апреля:

До начала года католики Хайденхофа каждое воскресенье принимали на себя тяжёлый часовой путь к церкви — сквозь ветер и непогоду, — чтобы за богослужением принять святые таинства. Я восхищался этими людьми. Какой бы горькой ни была нужда, верующие Хайденхофа и Грайна никогда не отказались бы ни от храма посреди селения, ни от того, чтобы приходить в него. Церковь всегда была набита до отказа. Тем больнее, что настоятелем у общины оказался такой человек, как патер Дорн, к тому же вышедший из благочестивой приходской семьи.

Никогда не следовало нам во время реставрационных работ вскрывать свод, спускаться в склеп, находить книгу Хутцингера и читать её. Никогда не следовало нам строить машину. Всё осталось бы как прежде, и патер Дорн до сих пор был бы честным священником: служил бы Святую мессу по воскресным и праздничным дням, отмечал богородичные праздники, проводил моления, уроки катехизиса, освящал соль и воду.

Но с тех пор как тварь появилась на свет и растёт под опекой патера Дорна, ему уже мало прятать это отродье в исповедальне. С начала года богобоязненные люди перестали приходить — и в это воскресенье тоже. Вместо них являются мужчины и женщины, чтобы принять чёрную гостию. Недовольство среди жителей растёт. Всё быстрее расходятся слухи: в церкви поселилось нечто злое.

14 апреля:

Наступает весна. С начала недели я граблями рыхлю землю в приходском дворе; так было и в этот четверг. Уже утром к патеру пришёл краснодеревщик Каспар Мюлленшпир. Я сделал передышку, вытер мозолистые ладони о штаны и увидел в окно, как они спорят в ризнице.

Столяр был вне себя: руки его метались в воздухе, сквозь закрытое окно глухо доносился крик. Наверняка его послали деревенские жители. Он был близким доверенным человеком патера, и потому само собой разумелось: именно ему предстояло попытаться воззвать к его совести. Много ли уже поняли жители? Догадываются ли они, что скрывается в склепе и в исповедальне?

Пока Мюлленшпир бушевал, патер Дорн со-

хранял спокойствие и выслушивал всё до конца. Лицо его всё больше вытягивалось; он почти печально разглядывал столяра. Наконец положил ему руку на плечо и вывел из ризницы.

Я предчувствовал, что будет дальше. Быстро перебежал к соседнему окну и увидел, как они идут через церковь. Патер подвёл Мюлленшпира к исповедальне. Я прижался лицом к стеклу так близко, что оно запотело. На миг взгляд патера Дорна скользнул по мне. Он заметил меня — и наверняка заставит молчать.

Сердце у меня бешено колотилось, когда он резким движением распахнул дверцу и втолкнул Каспара Мюлленшпира в исповедальню. Чудовищные видения заметались у меня в голове. Я поспешно отвернулся и снова принялся рыхлить землю, будто ничего не произошло.

За ужином патер не сказал мне ни слова, но я чувствовал: он следит за каждым моим движением.

28 апреля:

Как обычно, вечером я работал в квартире патера Дорна: стряхивал пыль с книг, протирал полки, мыл посуду. Перед окном стояла конная телега Адальберта Шмаля. Я даже не слышал, как

пришёл этот крестьянин. Лишь когда с нижнего этажа приходского дома донеслись громкие голоса, я понял: он навещает патера.

Но обычным визитом это не было. Мужчины ссорились. Я осторожно приоткрыл окно и прислушался. До меня донёсся взвинченный голос Шмаля. Это был огромный, тяжеловесный человек с руками величиной с тележные колёса. И рёв у него был под стать: стоило ему повысить голос, как дрожали стёкла. А на этот раз он был вне себя.

Мне не пришлось особенно напрягаться, чтобы расслышать: речь, как всегда, шла об одних и тех же обвинениях. Что происходит с жителями? Что случается с женщинами и детьми после мессы? Почему они меняются?

Внезапно крики оборвались. Тяжёлое тело рухнуло на пол и увлекло за собой какой-то предмет. *Патер Дорн! Что с ним случилось?* Я затаил дыхание. Звон осколков стих. Наступила тишина.

В следующий миг хлопнула дверь приходского дома. Её с силой распахнули, и наружу вышел патер Дорн. Святая Матерь Божья! Он тащил крестьянина из дома, подхватив его под мышки.

Я, спотыкаясь, отступил от окна. Патер не должен был меня увидеть. Он и меня оглушит ударом

— или сделает со мной что-нибудь похуже. Я спрашивал себя, почему он давно этого не сделал. Надеется на мою преданность?

Пока я ломал голову над своей ролью в этой жестокой игре, я спрятался за занавеской и наблюдал за патером. Шаг за шагом он волок за собой громадное тело Адальберта Шмаля и исчез с ним в церкви.

Нет. Только не опять исповедальня.

Я начал молиться, переминаясь с ноги на ногу. Зачем он это делает? Быть может, мне удалось бы спасти Адальберта. Смог бы я вовремя привести помощь, если бы тотчас побежал, ворвался в церковь и преградил патеру путь? Одумался бы он?

Я никогда этого не узнаю. Руки и ноги налились свинцом. У меня не было сил даже выйти из квартиры патера — не говоря уже о том, чтобы пройти через двор и войти в церковь. Не помню, сколько я простоял у окна неподвижно; наверняка с полчаса.

И вдруг распахнулась церковная дверь. Этот звук вырвал меня из оцепенения. Дыхание у меня перехватило, я как заворожённый уставился в окно.

Адальберт Шмаль, пошатываясь, брёл через площадь к своей телеге. Медленно, неуклюже

взобрался на козлы и несколько раз потянулся за вожжами. Они снова и снова выскальзывали у него из рук. Лошади беспокойно скребли копытами землю. Чуяли ли они серные испарения, которые крестьянин принёс с собой из исповедальни?

Я мог бы его спасти, но теперь было поздно. Он стал другим — как двумя неделями раньше Каспар Мюлленшпир. Когда всё это кончится? И когда настигнет меня?

13 мая:

Я ежедневно по нескольку часов молюсь за патера Дорна, чтобы он наконец образумился, — а что делает он?

Уже дни и ночи напролёт он режет и выдалбливает дерево за полотнищем, которым завешена исповедальня. Стук его работы по дереву слышен без передышки.

Сегодня, в пятницу, после недели труда, он закончил. Едва я пообедал, он заставил меня идти в церковь. С покрасневшими глазами и окровавленными, огрубевшими пальцами он представил мне своё творение. Я должен был смотреть — хотел я того или нет.

Он вытер кровь с рук, сдёрнул полотно с со-

оружения, и передо мной открылся ужасающий результат. Деревянный верх исповедальни он переделал в небольшой реликварий с круглой аркой.

— Художественная резьба моя, — сказал он с гордостью. — Рассмотри как следует.

Он рывком подтянул меня ближе. Но там были не святые, не ангелы, не мученики и не процессии с теми, кто несёт распятия, фонари и молельные скамейки. Там было мерзостное отродье — с рогами, шипами, зубами и когтями. Фигуры вышли грубыми, детали сливались одна с другой.

Это изображение страшным образом напомнило мне о пережитом два месяца назад в исповедальне, а заодно окончательно явило мне больной дух патера.

6 июня:

Сегодня мне стало ясно: патер Дорн щадит меня потому, что я нужен ему. Я должен удерживать любопытных деревенских жителей подальше от церкви. Пока министрант ещё нормален, от церкви не может исходить опасность — вот во что они должны верить.

Но обманывать людей становится всё труднее. Всё больше людей начинают подозревать нелад-

ное; слишком многое случилось за последние месяцы. Патер Дорн слишком многим рискнул. Это уже нельзя скрыть. Давно следовало ему положить конец ужасу в селении, но он всё дальше ведёт свою игру с людьми.

При этом он обманул не только их: он предал Иисуса, Бога и Церковь. Он заключил нечестивый союз с силами, внушающими страх. Тем временем жители уже догадываются, что угроза исходит от исповедальни. В народе её уже называют Иудиным ковчегом — и как же они правы!

Патер Дорн, предатель, воздвиг ковчег, где даёт приют злу. Я знаю это лучше всех, ведь видел собственными глазами. Но после того, что случилось со мной в исповедальне, я больше не смею приближаться к ней. Опасность, исходящая оттуда, стала слишком велика.

Единственное место в церкви, где я ещё чувствую себя спокойно, — часовня. Она тесная, прямоугольная в плане, а на её двускатной крыше стоит крошечная башенка-сигнатурка с острым колпаком. Внутри всё устроено так же изящно.

Под распятием на хоровой арке стоят две старые церковные скамьи, перед ними — выкрашенная в белое фигура Христа. Из его ран словно вырастают пять маленьких ангелов, принимающих его

кровь в чаши.

Но не только присутствие Иисуса часто приводит меня сюда. Рядом с его статуей находится старый алтарь Марии. Матерь Божья с Младенцем Иисусом и двумя ангелами в позах смирения и молитвы, вырезанные художником Хайнцем Мюком из Везеля, и были подлинной причиной, по которой три года назад я избрал служение министранта.

Так я мог постоянно пребывать рядом с Матерью Божьей и незаметно нежиться в её благости, не рискуя прослыть чудаком. Теперь часовня стала моим убежищем; сюда я могу удаляться по свободным понедельникам, чтобы молиться.

Сегодня я часами ломал голову, откуда привести помощь. Единственное место, пришедшее мне на ум, — приход Санкт-Гиден в деканате Кемпен. В следующий свободный день я мог бы сопроводить туда бургомистра Эбуса фон Вальбека.

Но что мне рассказать тамошнему патеру? Всё? Поверит ли он мне? И не будет ли это предательством моего патера? Я боюсь этого, ведь и я не безвинен. Но ещё сильнее я боюсь самого патера Дорна. Как он отреагирует, если узнает о моей измене?

И всё же я ещё питаю надежду, что его состояние может улучшиться. Быть может, мои молитвы приведут его к разуму.

12 июня:

Стало ещё страшнее, но обо всём по порядку. На этот раз на воскресное богослужение явились уже двенадцать верующих, чтобы принять чёрную гостию.

После мессы я отнёс Евангелие, служебники и подсвечники в ризницу. Расставил всё так, как учил меня патер Дорн. В окно я видел, как люди спускаются с церковного холма. Вольфганга Бюхелера, печника, среди них не было.

Я подумал, что в этот тёплый солнечный вечер он, должно быть, ещё сидит на скамье перед маленьким кладбищем. После смерти жены его часто можно было там найти. Обычно он часами сидел сгорбившись и не хотел, чтобы его тревожили.

Прежде патер часто звал его к себе и ел вместе с ним тарелку горячего супа. Но с тех пор как люди в селении почувствовали, что с патером что-то неладно, Бюхелер тоже отгородился от него.

Когда я вернулся из ризницы, чтобы убрать чашу, плат, киборий и кадило в ковчег, я увидел,

что дверца исповедальни открыта. Перед ней лежал человек — на спине, лицом к куполу. Рука мужчины была гротескно вывернута назад, будто он пытался дотянуться между лопатками.

Больше я ничего не мог разглядеть: глаза его были в тени. Я решил, что он мёртв. Но когда я бросился к нему, дверца исповедальни с грохотом захлопнулась. Сердце у меня бешено забилось.

Я стоял перед этим человеком. Это был печник Вольфганг Бюхелер. Вдруг его губы шевельнулись.

— Макс! Помоги мне, мальчик, — прошептал он.

Его пальцы потянулись ко мне.

Тело моё одеревенело; я мог только стоять и смотреть на него. Наконец я схватил его за руку. Изо всех сил попытался удержать, но окровавленные пальцы выскользнули из моей ладони. В конце концов мне удалось поднять его.

Он стоял передо мной, шатаясь; рубаха выбилась у него из штанов. Я почувствовал резкую серную вонь. От Бюхелера она не исходила — в этом я был уверен.

Осторожно я покосился на исповедальню. Дверца была закрыта, и ни за что на свете я не открыл бы её снова. То, что случилось со мной теперь

уже три месяца назад, слишком глубоко засело в костях.

Господин Бюхелер скрипучим голосом поблагодарил меня и побрёл прочь. В ужасе я увидел разорванную спину его рубахи. На полу, там, где он лежал, блестела липкая лужа крови.

Святая Мария, Матерь Божья, к чему всё это приведёт?

19 июня:

Сегодня вечером это случилось. Я узнал обо всём во время подготовки к молению от дочери бургомистра. Иоганнес Эбус фон Вальбек сумел привлечь к своим планам двух мужчин — слесаря Вильгельма Грютериха и деревенского кузнеца Антона Бизенбаха. Больше ему и не требовалось. Вместе они собрали вокруг себя толпу из восьмидесяти мужчин. Это практически всё селение.

Несколько часов спустя жители, вооружённые топорами, секирами и ломами, двинулись через церковный холм. Во время мессы они ворвались в неф.

— Вынести всё из церкви! — бушевал бургомистр, пока мужчины врывались в священное здание.

Я спрятался за главной колонной и оттуда на-

блюдал за происходящим. Плотники Гиндерих и Дёрпингхаус явились с конными упряжками и вместе с помощниками втащили в церковь десятки погонных метров деревянных досок. Алтарь был разорён, орган повреждён, кафедра разбита вдребезги.

Немногие верующие, оставшиеся на мессе, бежали в ризницу. Я видел, как они выбираются через окно и спасаются бегством через церковный холм.

Люди Гиндериха разобрали скамьи и распустили их на доски. Всё происходило с бешеной быстротой. Другие мужчины перерезали колокольные верёвки и выбивали крепления из балок, пока весь звонный механизм с металлическим грохотом не рухнул сквозь башню на землю.

Плача и причитая, патер Дорн дослужил мессу до конца и в последний раз принёс Святую Жертву в приходской церкви Грайна. Когда во время пресуществления он поднял гостию, мужчины закрыли лица руками.

— Вы не хотите видеть таинство? — простонал патер Дорн.

Он широко развёл руки и протянул к ним чёрную, четырёхугольную гостию. Тем временем

мужчины факелами загоняли отродье глубоко в шахту исповедальни. Снизу доносились их крики и улюлюканье. Они гнали раненую тварь всё глубже в землю, пока та наконец не сорвалась в расселину.

После этого мужчины окурили сводчатое подземелье и Турецкий лаз, засыпали отверстие и заколотили пол. Всё новые и новые скамьи тащили внутрь. Топоры расщепляли дерево. Я боялся, что они не оставят камня на камне, но мужчины пощадили остальную церковь, патера и меня.

Они лишь возвели вокруг исповедальни двойную дощатую обшивку, а затем исчезли.

Мне хотелось бы верить, что этой баррикады достаточно, но я не смею надеяться. С сегодняшнего вечера путь наверх для отродья перекрыт, однако оно может расползтись в земле под деревней, если прежде не захиреет и не погибнет. Наверняка и другим придёт в голову эта мысль, и потому я уверен: этим нападением всё не закончилось, а только началось.

Есть ещё так много всего, что деревенским жителям предстоит узнать. В конце концов селение сможет обрести покой лишь тогда, когда они обнаружат сводчатое подземелье с машиной, разрушат механизм, сожгут книгу Хутцингера и

вместе со смертью патера Дорна доведут всё до окончательного конца.

Разрушение Иудина ковчега наверняка было только началом. Пока что отродье в нём заперто, а ковчег забаррикадирован. По крайней мере, это удалось, и я рад, что мне больше не придётся заглядывать в исповедальню.

Слишком глубоко засело во мне страшное воспоминание о падающей решётке, скамье с верёвками, блоками и окровавленными кожаными ремнями.

***

Кёрнер захлопнул книгу. Скамья с верёвками, блоками и окровавленными кожаными ремнями. *Чёрт побери, что он только что прочёл?* Это было точное описание той самой железной конструкции, которая стояла на месте убийства Сабины Крайник.

Дневниковая запись была такой же безумной, как и дело, которое они расследовали. Возможно, именно поэтому одно так странно сходилось с другим. Ему нужно было ещё раз, уже внимательно, осмотреть устройство в «Газлайт». Этой штуке, конечно, не было ста сорока лет, но она почти наверняка являлась точной копией конструкции,

которую патер Дорн спрятал в исповедальне.

Потом он пойдёт в церковь и сорвёт с исповедальни проклятую простыню, о которой рассказывала Сабриски. Но сначала — бар. Чёртова машина, назначение которой по-прежнему ускользало от него, связывала нынешние события с тем, что произошло в 1864 году. Всё каким-то образом складывалось. И Мартин Гойссер знал — каким именно.

Он бросился к машине. В этот момент из зала прощания вышел Филипп, прогнул спину и развёл руки, разминая затёкшие плечи.

— Алекс, где ты был? Нам срочно надо…

— Потом! — выдохнул Кёрнер.

Он вскочил за руль «Ауди» и резко развернулся на стоянке. Щебень и вода ударили по днищу, а несколько секунд спустя Кёрнер уже мчался по дороге к главной площади. В зеркале заднего вида он видел, как Филипп растерянно смотрит ему вслед.

За поворотом показались палатки и временная деревянная будка паводкового штаба. Кёрнер сбросил скорость и на малом ходу пересёк главную площадь, лавируя между пожарными машинами, бортовыми грузовиками и снующими людьми.

Над полевой кухней всё ещё поднимался пар. На длинных лавках под палаткой громоздились пустые ящики из-под минеральной воды. Всё это напоминало подготовку к народному празднику, который пришлось отменить из-за непогоды.

Десятки мужчин и женщин останавливались посреди работы и провожали его взглядами — настороженно, молча, как волчья стая. Он не даст им понять, насколько продвинулся в расследовании. Не снимая ноги с педали газа, Кёрнер проехал мимо «Газлайт». Жёлтые заградительные ленты трепались на ветру.

Он припарковался у чёрного входа в дискотеку, толкнул дверь и прошёл мимо туалетов. В любом деле находились следы, которые снова и снова возвращали его на место преступления. Наверняка он входил в этот бар не в последний раз.

Базедов приходил сюда по той же причине? Кёрнер это выяснит.

В помещении больше не пахло железом и серой. В воздухе стоял резкий запах чистящих средств и абразивного порошка. Наверняка Вальтрауд Штойссер выдраила весь пол, а не только танцплощадку, где произошло убийство.

Кёрнеру запоздало пришло в голову: не было ли ошибкой вообще пускать хозяйку в бар? Филиппу

не следовало ей разрешать. Возможно, он пропустил какие-то следы. Но теперь было поздно.

Он прошёл мимо стойки. В окна просачивался тусклый свет. Рядом с танцплощадкой громоздилась железная конструкция — нелепая, чужеродная, будто занесённая сюда из другого мира. Судя по всему, это был механизм, похожий на тот, что министрант патера Дорна описывал в дневнике.

Кёрнер присел перед сиденьем устройства — чёрной кожаной подушкой с потрескавшимся швом, напоминавшей тренажёр из фитнес-центра. Заглянул под неё. Скамья была прикреплена к железной раме металлической пластиной, винтами и гайками.

Возраст сварных швов он оценил как минимум в пять лет. Ролики, резьба и шарикоподшипники выглядели примерно так же. Верёвки были ломкими, но не истёртыми — значит, пользовались ими редко.

Возможно, Карина и Матиас Крайник незадолго до смерти — два и четыре года назад соответственно — уже познакомились с этим устройством. Кёрнер проследил ход тросов от рукоятки до кожаных ремней. Аппарат мог заставить человека сидеть, согнувшись вперёд, так

что возникал круглый горб; согласно отчёту Сабриски о вскрытии, такое положение облегчало пункцию позвоночника.

Она выяснит, проводили ли такую процедуру эксгумированным детям.

Кёрнер подумал о брате и сестре Крайник. *Сидели ли Матиас и Карина на этой скамье? Были ли их руки затянуты в эти кожаные петли?*

И тут всплыла деталь, прежде казавшаяся второстепенной. Свидетельства о смерти. Матиас, как утверждалось, умер в помещении лавки Герера, а Карина — во время мессы, на церковной скамье. Но эта железная конструкция ни за что не прошла бы в дверь магазина, не говоря уже о том, чтобы поместиться между церковными скамьями.

Затем Кёрнер понял ещё кое-что: станина была слишком велика, чтобы вынести её из «Газлайт» через дверь. Группа криминальной полиции не смогла бы вытащить её из дискотеки, предварительно не разобрав. Вопрос был в другом: как эта штука вообще оказалась здесь?

Кёрнер провёл кончиком шариковой ручки по сварным швам железной рамы. Несомненно, соединениям было несколько лет. А значит, конструкция всё это время стояла в этом поме-

щении.

Почему он не заметил этого раньше?

Внутри поднялась горячая волна. Значит, владелец дискотеки Чак Райнер должен был знать об этой конструкции. Как и посетители дискотеки — фактически весь посёлок. Такие вещи не остаются тайной.

Во что, чёрт возьми, он вляпался?

У Кёрнера закружилась голова. Это искал Базедов? Или фотограф криминальной полиции заметил что-то другое? И если да — что?

Тут ему пришла мысль. Его собственный мобильник лежал в комнате с разряженным аккумулятором. Телефон Филиппа тоже больше не работал. Но в этой дискотеке должна была быть телефонная линия.

Кёрнер поднялся и огляделся. На стойке рядом с кассовым аппаратом действительно стоял старомодный чёрный телефон с дисковым набором. Он быстро подошёл, снял трубку и по памяти набрал мобильный Базедова. Вчера вечером включалась голосовая почта; может, сейчас всё будет иначе.

Пока в трубке тикали сигналы соединения, Кёрнер покосился на мутное, заляпанное зеркало за барной стойкой. Оттуда на него смотрело собственное лицо: бледное, небритое, осунувшееся, с

тенями под глазами. Боковым зрением он видел железную конструкцию.

Ну же.

При первом же гудке Кёрнер резко обернулся. Где-то в помещении заиграла мелодия. Он отнял трубку от уха и прислушался. Звук доносился глухо, будто сквозь вату. Песня была из мультфильма.

В памяти вспыхнула строка: *«Под водой! Под водой!»* Музыка из «Ариэль», про русалочку. И тогда он понял: это звонит мобильник Базедова.

Мелодия оборвалась так же внезапно, как началась. В ту же секунду из трубки донёсся голос автоответчика:

— Вы соединились с абонентом номера три-два-четыре…

Щелчок заставил его вздрогнуть. Он всё ещё держал трубку у уха, но линия уже была мертва.

Кёрнер с грохотом бросил трубку на аппарат. *Откуда шёл звук?* Он рванулся вокруг стойки и оказался за баром. Деревянный пол был тёмный, засаленный; доски скрипели под ногами.

Он присел и осмотрел полки под стойкой, заставленные стаканами, салфетками, подносами и картонными подставками под пиво. Мобильник Базедова не мог лежать здесь: звук доносился

слишком издалека, будто телефон был спрятан за стеной. Или даже…

Кёрнер уставился в пол. В дерево было вделано металлическое кольцо размером с кулак. Он заметил квадратный контур щели и петли. Люк в подвал.

Он выковырнул кольцо из углубления и поднял крышку. В лицо ударил запах прелого дерева и затхлой стоячей воды. Вниз, в темноту, уходила лестница. Скудного света, проникавшего в бар через окна, едва хватало, чтобы различить мерцание водной поверхности. Весь нижний этаж был затоплен; вода доходила почти до потолка подвала.

Кёрнер поискал под стойкой тумблеры.

Один включил вентилятор, другой заставил замигать неоновую трубку над зеркалом бара. Свет отразился в чёрной жиже, по поверхности пошли мелкие волны. Телефон должен быть там, внизу. Другого варианта не оставалось.

Вот только этого не хватало.

Кёрнер стащил дождевик и бросил его через стойку. Как же он ненавидел спускаться в сырые подвальные дыры.

Ступив на первую ступеньку, он сунул руку под мышку, щёлкнул застёжкой быстрого доступа и

вытащил «Глок» из плечевой кобуры. Спустился ниже; уже на четвёртой ступени серая жижа обхватила подошвы ботинок.

Под водой смутно проступали ещё две ступеньки, дальше деревянные перекладины исчезали во мраке. Разглядеть, что скрывается в воде, было невозможно. Как и понять, насколько далеко тянется подвал под баром.

Кёрнер быстро полез вниз. Вода сомкнулась вокруг ног и тяжело потянула брюки. Когда он промок до бёдер, пригнулся и вгляделся в пространство под самым потолком подвала. Видна была только тьма.

Складской подвал мог тянуться чёрт знает как далеко. Чтобы обследовать его целиком, Кёрнеру пришлось бы плыть. Но без фонаря это бессмысленно. Придётся вызвать в дискотеку нескольких пожарных, чтобы они прочесали подвал.

Он уже представил лицо Вайсмана, когда тот поймёт, что у него забирают горстку людей.

Кёрнер уже собирался повернуть назад, когда заметил у стены серебристый отблеск. Прикрыл глаза рукой и прищурился. Похоже, неон отражался от железного прута, торчавшего из воды. Штатив.

Он быстро спустился ниже. Когда вода подня-

лась выше живота, дыхание участилось. Холод сжал грудную клетку, и в следующую секунду зубы застучали сами собой.

Ещё одна ступенька — и Кёрнер вытащил из воды треногу с закреплённой вверх ногами цифровой камерой. Камеру он сразу узнал. Чтобы не стереть отпечатки, он снова прислонил штатив Базедова к стене.

Филипп займётся этим позже. Во всяком случае, Кёрнер успел заметить: корпус сильно помят, к тому же аппарат наполовину лежал в воде. Без сомнения, камере конец. И Базедов точно не сам бросил её в подвал.

Кто спрятал аппарат здесь, внизу? И куда утащили Базедова? В этой затопленной дыре он не мог выжить. Или всё-таки мог?

Так или иначе, у Кёрнера не было времени ждать пожарную команду с ручными фонарями, масками и дыхательными аппаратами. Он должен убедиться сам. Сейчас.

Он втянул голову в плечи и оказался прямо под потолком подвала. Осторожно нащупывая путь ногой, двинулся дальше. После последней перекладины ступил на пол. Вода доходила ему до груди, булькала и чавкала вокруг в темноте.

Сквозь квадратный проём в потолке вниз падал

мерцающий неоновый свет. В радиусе нескольких метров он отражался на волнах. Когда глаза немного привыкли к темноте, Кёрнеру показалось, что он различает деревянную мебель и стеллажи, торчащие из этой клоаки.

Как здесь вообще можно что-то найти? В ледяной воде он выдержит максимум четыре-пять минут.

За спиной вода плеснула о стену. Кёрнер осторожно продвинулся вперёд, к середине подвала. «Глок» он держал обеими руками, едва приподняв над поверхностью. Постепенно проступили очертания свода.

На полках громоздились винные бутылки. Некоторые этикетки отклеились и плавали по воде.

Холод был таким, что у Кёрнера уже сводило челюсть: несколько минут он пытался сдержать стук зубов. Пальцы закоченели. Он неловко держал пистолет перед собой, дрожь в руках становилась всё сильнее. В таком состоянии он не смог бы толком прицелиться.

Что бы ни случилось, стрелять под водой нельзя. У него не было ни водостойких патронов, ни «Глока» с морскими пружинными чашками. При подводном выстреле пистолет буквально раздуло

бы и разорвало.

А в таком тесном подвале ударная волна наверняка раздавила бы ему грудную клетку.

Мимо, к лестнице, проплыла покорёженная деревянная коробка. Кёрнер проводил её взглядом — и заметил неоново-зелёное свечение рядом с верхним пролётом. Зелёный свет падал прямо на потолок подвала и отражался в бетонной балке.

Он не проникал сверху. Он светился здесь, внизу. Кёрнер быстро двинулся к шкафу, стоявшему у стены под деревянными ступенями. Протянул руку к верхнему краю стеллажа и стал искать источник зелёного сияния, пока не нащупал какой-то предмет.

Мобильник. Он провалился между ступенями на шкаф?

Дисплей горел в темноте горохово-зелёным. Пропущенный вызов, 16:11. Уведомление о его собственном звонке, принятом несколько минут назад. Кто-то спрятал здесь, внизу, штатив и телефон фотографа.

— Ба-зе-дов! — Голос Кёрнера дрожал от холода. Он хотел крикнуть, но из горла вырвался лишь тихий, рваный хрип.

— Ба-зе-до…

И тут он вскрикнул — резко, гортанно. Словно

его зов услышали, из ниши за лестницей к нему выплыло человеческое тело. Кёрнер отскочил, ударился головой о лестничную балку и взбаламутил воду.

Мертвец покачивался на волнах. Сквозь чёрную жижу проступало лицо; нос и рот были полны воды. Перед Кёрнером всплыли белые окоченевшие пальцы, наполовину торчавшие из клоаки.

У него закружилась голова. Он положил «Глок» на стеллаж и побрёл к трупу. Повернул голову мертвеца. В неоновом свете, падавшем через люк, он увидел искажённое лицо Базедова: распахнутые глаза, рот, раскрытый в крике. Волосы прилипли к щекам, кожа была бледной и вздувшейся, как брюхо дохлой рыбы.

— О господи… господи, нет, — прошептал Кёрнер.

Он потянул Базедова к лестнице, ухватил за плечо и под колени и, пошатываясь, понёс наверх.

— Дерьмо… нет, чёрт!

Кёрнер отшвырнул штатив ногой и вытащил тело из жижи. Вода ручьями стекала с Базедова. Живот и грудная клетка были разорваны; раны — такие глубокие, что их никак не мог оставить

нож. Кожа, кости, мясо и обрывки ткани смешались в кровавую кашу.

Ох, дерьмо. Если бы он вчера вечером пришёл хотя бы на минуту раньше. Надо было сразу бежать в бар — сразу после звонка Базедова.

Мысли неслись вскачь.

Но он ведь так и сделал. Как убийца успел так быстро спрятать в подвальном люке телефон, штатив и тело Базедова? Бургомистр. Конечно. Ночью он задержал Кёрнера на деревенской площади и не дал вовремя ворваться в дискотеку. Он тоже часть этого заговора.

Кёрнер вытащил Базедова из подвала по прогнившим ступеням. Обнёс вокруг барной стойки; ноги Базедова ударились о край, и с одной слетел ботинок. Одежда Кёрнера отяжелела, руки дрожали сильнее прежнего, но он почти этого не чувствовал.

Взгляд намертво приковала рана Базедова. Живот следователя был изодран так же, как туловище собаки, которую Сабриски прошлой ночью нашла в сточной канаве. С каким же психопатом они столкнулись?

Он нёс тело Базедова через дискотеку.

— К чёрту теорию о трёх убийцах, — прорычал он.

До сих пор Кёрнер полагал, что к серии убийств причастны семеро. Семеро. Каким же он был слепым и наивным. Теперь он знал: бургомистр и хозяйка тоже должны быть замешаны. Неужели в итоге весь проклятый посёлок в деле? Все безумцы этой чёртовой дыры действуют заодно?

Они хотели водить его за нос, но с Базедовым совершили чудовищную ошибку. Никто не убивает человека из его команды. Он вернулся в Грайн не для того, чтобы позволить кучке тупых деревенщин себя запугать.

Кёрнер толкнул дверь. Деревянные створки хлопнули о боковую стену. С Базедовым на руках он вышел на деревенскую площадь. Мир вокруг расплылся.

Он не видел ни людей, ни палаток, ни пожарных машин. Дождь хлестал по лицу, ветер рвал мокрую одежду. На губах был вкус воды и солёных слёз.

Разве дождь не прекращался? Разве совсем недавно он не видел радугу? Но теперь над горизонтом снова висели чёрные тучи, предвещая беду. Буря гнала через горы тяжёлый дождевой фронт, а северо-западный ветер толкал новый циклон дальше — в затопленную землю.

ГЛАВА 20

Дождь барабанил по окну в куполе траурного зала сильнее прежнего, и от этого весь зал глухо дрожал. Кёрнер стоял рядом с Филиппом и Бергер перед мраморным постаментом.

Ему доводилось видеть немало страшно изуродованных тел. Большинство мертвецов оставались для него безымянными — их прошлую жизнь ещё только предстояло вообразить. Других он знал по газетам и телерепортажам. Но никогда перед ним не лежал покойник, который был бы ему так знаком, как Базедов.

Не говоря ни слова, Кёрнер смотрел, как судебный медик в латексных перчатках раздевает мёртвого. Очки Сабриски запотели; в глазах стояли слёзы, но стереть их с лица она не могла — мешали перчатки. Сабриски запрокинула голову.

— Я не могу…

Кёрнер понимал её. И все же должен был потребовать от неё этого вскрытия.

— Какие у нас варианты? — Он обвёл взглядом всех присутствующих и наконец повернулся к судебному медику. — Яна, я знаю, это тяжело. Но

это твоя работа. Сейчас только ты ещё можешь помочь Базедову. Выясни, что его убило. Скажи нам, что искать. Остальное мы с Филом сделаем сами.

Сабриски посмотрела на коллег покрасневшими глазами.

— Я не знаю!

— Яна, так мы никуда не продвинемся. Мы не можем просто торчать здесь без дела. Мы должны принять, что он мёртв, и…

— Чёрт побери, замолчи! — заорала Сабриски. — Я не бездушная машина, как вы, которая продолжает делать свою работу, даже когда перед ней лежит разорванный на куски коллега. Посмотри на него! Базедов выглядит так, будто его провернули через мясорубку. У него были жена и двое детей. Что ты им скажешь? От вашего отца почти ничего не осталось, но не волнуйтесь, мы знаем, что его убило? Ах да, большое спасибо, по крайней мере это вы выяснили!

Бергер стояла рядом с открытым ртом и не могла вымолвить ни слова.

Филипп сказал спокойно:

— Яна, может, ты и хочешь сдаться. Но мы с Алексом будем работать над этим проклятым делом дальше. Мы обязаны Базедову.

Он отвернулся, натянул перчатки и принялся осматривать разорванные края рубашки Базедова.

Сабриски сняла очки и вытерла лицо рукавом. Потом снова надела их и склонилась над телом.

— Эта рана не такая, как у Крайников. — Она указала скальпелем на вспоротую грудную клетку. — Здесь не было ни пункции спинномозгового канала на уровне третьего поясничного позвонка, ни разрыва позвоночника изнутри наружу.

Кёрнер заметил, как она старается говорить ровно, деловым тоном.

— Рана похожа на ту, что была у собаки, которую мы нашли вчера вечером. — Сабриски бросила взгляд на Кёрнера. — Что-то вошло в тело снаружи — вроде топора или трезубца с обратными крючьями — и разорвало плоть изнутри.

Слова медленно просачивались в сознание Кёрнера. *Собаку разорвало так же, как Базедова. В чем сходство?*

Перед глазами всплыл рыже-бурый сеттер со свалявшейся шерстью: он прыгал на стену в баре, на месте гибели Сабины Крайник. Базедов тоже пошёл в этот бар. *Он шёл по тому же следу, что и пёс? Чертовски похоже.*

Кёрнера пробрал холод. На нём были фланеле-

вые брюки и водолазка — сухая одежда, которую дала ему хозяйка трактира, — но его все равно трясло всем телом.

Его мокрые вещи висели в котельной «Бурого Пятирога».

Пока Сабриски распиливала грудную клетку мёртвого, а Филипп с лупой и пинцетом изучал изодранную одежду, Бергер подошла к Кёрнеру. Он внимательно посмотрел на неё.

— Как вы?

Голос Бергер звучал сухо, почти безжизненно. Лицо было белым, даже губы утратили цвет.

— Вид любого трупа действует мне на нервы. — Она посмотрела на вскрытых детей и заговорила тише: — Об эксгумации в деревне уже прознали. Убийство брата и сестры напрямую связано со смертью Сабины. У нас появились новые доказательства, и, полагаю, наш преступник сейчас сидит как на иголках. К тому же мы нашли тело Базедова раньше, чем убийца мог ожидать.

— Скоро мы возьмем его за горло!

Кёрнер ещё не понимал, к чему она ведёт.

— Все знают, что вскрытие приближает следователей к убийце ещё на шаг, — продолжила Бергер. — Меня бы не удивило, если бы преступник занервничал, проявил любопытство и

попытался узнать, как продвигается расследование…

Она умолкла.

Дверь траурного зала распахнулась, и бургомистр Вайсман тяжёлыми шагами вошёл на середину помещения. Вода стекала с полей его шляпы и с дождевика.

— Здесь ужасно воняет.

Он стоял в луже и переводил взгляд с одного на другого. Потом его взгляд остановился на мраморном постаменте.

— Ваш коллега, — бесстрастно произнёс он.

— Что вам нужно? — спросил Кёрнер.

Вайсман почти не обратил на него внимания. Он все ещё смотрел на обнажённое тело.

— Похоже, на него напало какое-то животное. В округе полно бешеных собак. Вам лучше по ночам не уходить далеко из деревни.

У Кёрнера перехватило горло. *Бургомистр что, издевается?*

Он хотел ответить, но почувствовал руку Бергер на своём предплечье.

Криминальный психолог спросила спокойно:

— А бешеные собаки в вашей деревне умеют открывать люки в полу и утаскивать жертв в подвал?

Вайсман промолчал. Потом впился взглядом в Кёрнера.

— Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

— Выйдем.

Они стояли снаружи, под защитой карнизного свеса, и смотрели через поле. На нём по-прежнему торчал трактор с ржавым прицепом. За ним паводковые воды Трира стремились к деревне. Тяжелые грозовые тучи погружали леса и окрестные горы в темную серость.

— Неплохое представление вы устроили недавно на главной площади. Новая одежда вам очень идёт.

Кёрнер опустил взгляд на себя. Выцветший свитер, слишком короткие фланелевые брюки и стоптанные ботинки принадлежали брату Вальтрауд Штойссер. Она откопала для него эти вещи в чулане после того, как он пронес Базедова от дискотеки через всю главную площадь до зала «Бурого Пятирога». Там он, промокший до нитки, рухнул без сил.

Кёрнер скрестил руки на груди.

— Чего вы хотите?

— Вы наверняка уже поняли, что находитесь в зоне бедствия из-за наводнения. Метеорологи по-прежнему обещают пасмурную и дождливую

погоду. Мы всего шесть дней стоим в воде и должны считаться с тем, что это продлится ещё шесть. Расслабляться не приходится. Муниципальный совет обсуждал эвакуацию.

Кёрнер насторожился.

— Испугались?

— Злорадство у вас прямо из глаз лучится, — сухо заметил бургомистр. — Но вынужден вас разочаровать. Вы застряли здесь точно так же, как и мы. А эвакуация по воде, к сожалению, невозможна. Лодки ниже по течению застрянут у немногих уцелевших мостов из-за рекордного уровня воды. Трир превратился в бешеный поток, и лодки смоет, как бумажные кораблики.

Кёрнер терпеливо выслушал его. *Он, конечно, был городским, но это ещё не значило, что ему можно скормить любую сказку.*

— А вызвать воздушный мост силами военных вам в голову не приходило?

Бургомистр иронически рассмеялся.

— Уже час как не работают телефоны. Мачты сломаны, передатчики подмыло. Стационарная связь, электронная почта и факс вышли из строя.

Этот человек и впрямь считал его идиотом.

— А частные мобильники? Рации пожарных? Есть десятки способов сообщить службе защиты

от катастроф и вывезти жителей в безопасное место!

— О, аварийные планы существуют. Но, боюсь, вы меня неправильно поняли. Мы отказались от эвакуации.

Вайсман ухмыльнулся.

— Простите?

— Жители Грайна и Хайденхофа отказываются покидать деревню. И я их понимаю. Они остаются здесь на свой страх и риск и помогают укреплять дамбу. У нас есть ещё двадцать сантиметров запаса; только после этого река пойдёт через гребень.

— Не понимаю, почему вы так уперто возитесь со своей дамбой вместо того, чтобы спасаться.

— Поводов для паники пока нет. Даже если уровень Трирахского водохранилища поднимется настолько, что вода начнёт переливаться через плотину, дамба выдержит. Она достаточно прочная. Куда больше меня беспокоит Шпойсдорфский химкомбинат.

Кёрнер холодно посмотрел на бургомистра.

— Это все?

— Больше не задерживаю. Но готовьтесь к долгому пребыванию в Грайне.

Вайсман надвинул поля шляпы на лицо и ушёл, не попрощавшись.

Кёрнер смотрел ему вслед: тот сел в свой дребезжащий «мерседес», развернулся на парковке перед кладбищем и уехал. *Упрямые деревенщины. Как можно хотеть остаться в этой дыре и отказаться от эвакуации?*

— Спасайте свою деревеньку от паводка, — пробормотал Кёрнер.

— Что?

Он резко обернулся. На улицу как раз вышел Филипп, жуя мундштук потухшей трубки.

— Неважно. — Кёрнер покачал головой. — Что вы выяснили?

Филипп подошёл к нему, раскурил трубку и глубоко затянулся.

— Яна только что рассказала мне результаты вскрытия Сабины Крайник: следы присасывания на позвонке, раздробленная кость, пункция спинного мозга и вся эта чушь про деление клеток и автономность неизвестных кусочков кожи и плоти. Скажи мне такое два дня назад — я бы всерьёз усомнился в вашем рассудке.

Филипп устало посмотрел на него.

— А теперь сомневаюсь в собственном.

— Поверь, со мной то же самое.

— Чёрт, в этой дыре творится что-то странное. И мы вляпываемся все глубже.

Филипп посмотрел вниз, на центр деревни, где из серых полос дождя торчали церковный шпиль и красные черепичные крыши.

— Мы ещё даже поверхность не поцарапали…

— Думаешь, будет хуже?

— Наверняка. — Кёрнер кивнул. — Но сначала мы должны надрать задницы убийцам Базедова.

— Вот таким ты мне нравишься. Старый добрый Алекс Кёрнер, каким я тебя знаю!

Филипп своей лапищей схватил Кёрнера за шею и крепко сжал.

— Брось! — Кёрнер сбил его руку. — Корен отстранил меня от службы.

Филипп мгновенно перестал шутить.

— Когда?

— Три часа назад. Но официально я ещё не в курсе. — Он запнулся. — Ты на моей стороне? Доведем дело до конца?

— Ещё бы, — без колебаний ответил Филипп. — Раз я официально ничего не знаю о твоём отстранении, у меня с этим проблем нет. Только на твоём месте я бы помалкивал при женщинах.

— Они все равно узнают, — заметил Кёрнер. — А Бергер из тех, кто держится за параграфы и инструкции.

— Знаю. Но, судя по всему, на ближайшие дни

мы здесь застряли. Скоро ляжет телефонная сеть, потом электроснабжение.

— Стационарная связь уже сдохла.

— Вот и славно. Раз мы все равно скоро будем полностью отрезаны от внешнего мира, у нас развязаны руки. В зависимости от того, сколько продлится непогода, у нас есть два-три дня. Надо использовать это время. С чего начнём?

Кёрнер выдохнул с облегчением.

— У меня на примете группа подозреваемых. И она становится все отчетливее. Для начала: деревенский врач, могильщик, жандарм и родители Сабины Крайник должны были скрыть убийство Карины и Матиаса и обеспечить похороны без лишних вопросов. Иначе дети с такими ранами на спине никак не могли бы просто исчезнуть в гробу. Отец Сахмс и старый Герер тоже под подозрением: согласно свидетельствам о смерти, брат и сестра умерли в церкви и в лавке.

Кёрнер загибал пальцы.

— Служащая общины фрау Лузак, возможно, подправила даты рождения в свидетельствах о смерти: три смерти ровно в четырнадцатый день рождения каждой жертвы — это уж слишком подозрительно. И наконец, вчера ночью бургомистр задержал меня, когда я бежал через

площадь, а хозяйка трактира, скорее всего, в это время прятала тело Базедова в подвале.

— А потом оттирала кровь с пола! — Глаза Филиппа оживились. — Чёрт меня побери, так оно и могло быть. К тому же салфетка во рту Сабины Крайник была из «Бурого Пятирога».

Задумчиво он перекатил мундштук трубки из одного угла рта в другой.

— Десять человек. Уму непостижимо. Программа намечается насыщенная.

— Бергер сверила алиби всех причастных, — сказал Кёрнер. — И угадай что? Алиби сцеплены между собой. — Он снова начал загибать пальцы. — Крайники в понедельник в восемь утра были у доктора Вебера — делали прививку от столбняка. В то же время фрау Лузак и Ханс Апфлер, могильщик, пили кофе в здании общины. А Вальтрауд Штойссер подтверждает, что бургомистр во время убийства завтракал в «Буром Пятироге» с жандармом и начальником пожарной команды: у них было совещание по паводку.

Кёрнер умолк и задумался над собственными словами.

В эту теорию не вписывался только Вольфганг Хек, начальник пожарной команды. Если предположение о десяти преступниках верно, у него

внезапно появлялся ещё один подозреваемый. *Неужели его бывший школьный приятель тоже замешан?*

— Что с тобой? — Филипп взял Кёрнера за плечо.

— Ничего. — Он стряхнул руку. — Сначала я возьмусь за Вебера. Я заставлю эту сволочь заговорить.

— Хочешь выбить из него признание?

— Хаузер обещал передать доктору письменный ордер на арест. Тогда я его прижму.

— Да, его! — фыркнул Филипп. — А остальные?

— Доберусь до всех по очереди. Сначала заставлю Герера говорить, потом хозяйку и священника. Не позже завтрашнего утра я докопаюсь до их чертова секрета.

— Алекс, у тебя сдают нервы, — предупредил Филипп.

Кёрнер смотрел в дождь.

— Я встряхну всю эту шайку, поверь. А потом велю арестовать их одного за другим.

Филипп придвинулся почти вплотную. Кёрнер почувствовал табачный дым и алкоголь в его дыхании. Криминалист заговорил настойчиво, почти вбивая каждое слово:

— Если ты сейчас возьмёшь их как подозре-

ваемых, ты не вытащишь из них признания. Ни из кого. Они спаяны как чёрт с дьяволом. В два счета договорятся между собой и заставят тебя биться головой о стену. У тебя не будет ни единого шанса.

— Да ты понятия не имеешь! — прошипел Кёрнер.

— Ты хотел моей помощи? Тогда делаем по-моему.

Кёрнер мрачно посмотрел на него.

— Ты хочешь действовать спокойно… Да к черту, у меня нет на это времени. Скоро все узнают об отстранении!

Филипп снова схватил его за плечо.

— Слушай меня. — Голос у него стал жёстким. — Зачем тебе выкладывать деревенским, что ты знаешь? Пусть ещё день поварятся. Один день. Понаблюдаем за ними. Чем больше фактов у нас будет, тем сильнее они вспотеют. Алекс, не мы должны лезть на рожон. Это они должны нервничать. Тогда они начнут ошибаться. Один-единственный день. Понял?

Кёрнер нехотя кивнул.

— Хорошо.

Филипп отпустил его, вытащил из кармана цифровую камеру Базедова и постучал мундшту-

ком трубки по корпусу.

— А пока я посмотрю снимки.

Кёрнер уставился на вмятину в корпусе. В объективе даже пошла трещина. Последние часы пронеслись перед ним, как кинопленка: он сидит в «Буром Пятироге», дрожит всем телом, завернувшись в одеяло; рядом лежит тело Базедова, а он ждёт Бергер и Сабриски.

Тем временем Филипп прямиком отправился в бар «Газлайт» осмотреть место преступления. Лёжа на животе, он сумел выудить штатив с лестницы в подвал при помощи метлы. Через полчаса вернулся в трактир с камерой и ботинком Базедова.

— Камера лежала в воде. Она наверняка сдохла, — напомнил Кёрнер.

— Лишь отчасти, — возразил Филипп. — Верхняя часть аппарата была сухой. Но ты прав, сама камера, конечно, сломана. Ты только на объектив посмотри — жалко. Зато, может, карта памяти выжила.

Филипп сунул трубку в угол рта и выдвинул из камеры чёрную квадратную карту «CompactFlash».

— И что ты с ней сделаешь? Где мы в этой дыре раздобудем подходящую цифровую камеру?

— Незачем. Возьмем картридер Базедова и подключим прямо к компьютеру. Возможно, какие-то снимки удастся вытащить. Может, поймём, что искал Базедов.

Брови Кёрнера на мгновение приподнялись.

— Попробовать стоит.

— Сообщу, как только что-нибудь выясню.

Филипп уже собирался повернуть к парковке, но Кёрнер придержал его за плащ.

— С этого момента никто не ходит один. Я не хочу, чтобы повторилось то, что случилось с Базедовом. Может, в деревне несколько убийц, и они только ждут, когда мы разделимся и кто-нибудь из нас останется один.

— Ого. Тоже параноиком стал? — поддел его Филипп.

— Как и ты.

Пока обе женщины оставались в траурном зале, Кёрнер и Филипп поехали в «Бурый Пятирог».

ГЛАВА 21

Оба мужчины сидели в общинном зале перед гудящим компьютером Мартина Гойссера. Кёрнер наблюдал за работой криминалиста. В считывателе торчала карта памяти; на ней оказалось шестьдесят одно фото, каждое — чуть меньше мегабайта. Филипп одним щелчком мыши отсортировал файлы по дате.

— Первые пятьдесят три снимка, скорее всего, сделаны в каморке под крышей у Мартина Гойссера. Базедов снял их вчера около полудня. Вот дата создания и время. — Филипп ткнул пальцем в экран, оставив на стекле мутный след. — Остальные восемь тоже вчерашние, но сняты уже в девять вечера.

— В это время он был в «Газлайт», — вспомнил Кёрнер. — Давай сначала посмотрим последний.

Филипп щёлкнул по файлу с самым поздним временем. На экране вспыхнуло изображение, но на нём был только световой отблеск на расплывчатом фоне.

Филипп выругался.

— Файлы повреждены. Видимо, вода всё-таки попала на контакты карты памяти.

Он открыл следующий файл. На снимке снова виднелся световой эффект — Кёрнеру он напомнил неудачный, засвеченный кадр. Следующая фотография показывала деревянную стену «Газлайт». У левого края проступала часть железной конструкции.

— Баседов снимал не только место преступления, — пробормотал Кёрнер. — Он специально взял стену крупным планом.

— Точно! — вырвалось у Филиппа. — Он жаловался, что на его снимках из бара какие-то дефекты. А я ещё подколол его: мол, камерой пользоваться не умеет.

— Похоже, он хотел воспроизвести эти дефекты, — задумчиво сказал Кёрнер. — Открой-ка снимок ещё раз.

Филипп снова щёлкнул по файлу. На экране появился крупный план стены.

— Такое впечатление, будто свет огибает вот эту точку. — Кёрнер указал на место. — Можешь затемнить и одновременно повысить резкость?

— Без проблем.

Филипп мышью снизил компенсацию яркости с пятидесяти до тридцати процентов. Изображение сразу потемнело; лишь ослепительная вспышка света отчётливо выделялась на чёрном

фоне. Затем Филипп выбрал фильтр резкости и передвинул ползунок с единицы на пятёрку. Края светового всплеска проступили на снимке с бритвенной чёткостью.

— Похоже, электромагнитные поля искривляют свет, — предположил Филипп. — На всех фотографиях одно и то же место на стене. Никогда такого не видел.

— Базедов, видимо, тоже. Иначе его бы это так не зацепило.

Кёрнер откинулся на спинку стула и сцепил руки за головой. Что им делать с этими снимками? Он надеялся на откровение посерьёзнее, чем сфотографированные световые вспышки.

Он вспомнил последние слова, которые слышал от фотографа. *Можешь не торопиться. Я перед этим ещё хочу осмотреть… Осмотреть что?*

Кёрнер обвёл взглядом рабочее место Базедова. На столе в беспорядке лежали папки-скоросшиватели и блокноты. Он наклонился вперёд, раздвинул папки. Из первой же, которую он открыл, выпали два листа.

Свидетельства о смерти Карины и Матиаса Крайник. Копии, должно быть, дала ему Бергер. Красной шариковой ручкой были обведены места обнаружения тел: туалет в бакалейной лавке

и третий ряд скамеек в левом нефе церкви. Рядом той же красной пастой была нацарапана пометка: *Проверить!* Почерк Базедова.

— Смотри-ка.

Кёрнер стал листать бумаги. Показался план Грайна — та самая временная карта, которую они с Бергер в понедельник вечером у него в кабинете склеили из факсов, присланных начальником строительного управления Нойнкирхена.

— Базедов изучал наши материалы.

Кёрнер развернул карту. На ней были обозначены маршруты, с помощью которых они с Бергер пытались восстановить хронологию смерти Сабины Крайник. Но теперь бумага была испещрена красными каракулями.

Кёрнер указал на три красные линии.

— Базедов соединил «Газлайт», церковь и бакалейную лавку.

— Места убийств Крайников.

Они уставились на красный треугольник, проступивший посреди деревенской площади. Самая длинная линия проходила прямо через деревенский фонтан.

— Есть! — Кёрнер вскочил со стула. — *Я перед этим ещё хочу осмотреть продуктовую лавку.* — Он постучал пальцем по карте. — Вот что он

пытался сказать, когда вчера вечером звонил мне. Бакалейная лавка!

Вдруг все связи выстроились перед ним ясно, и всё обрело смысл.

— Он попросил Яну, чтобы Герер не запирал лавку. Старик должен был оставить магазин для него открытым.

Кёрнер порылся в бумагах, пока не нашёл свидетельство о смерти Матиаса Крайник.

— Мы шли по ложному следу. Базедов вовсе не собирался ничего покупать. Похоже, он хотел обследовать два других места преступления. Очевидно, собирался сфотографировать туалет в бакалейной лавке.

Кёрнер натянул плащ.

— Пошли. На главной площади скрывается Нечто. Выясним, что именно.

Кёрнер стоял на коленях в «Газлайт» перед стеной рядом с железным каркасом и ощупывал деревянные доски одну за другой. Рядом стоял Филипп с ручным фонарём.

— Всё снова и снова ведёт сюда, — пробормотал Кёрнер. — Знать бы только, что мы ищем.

Филипп повёл лучом фонаря по стене.

— Вот оно! Не двигай! — Кёрнер вдавил палец в дерево. — Мягкое место. Поддаётся.

— В дереве?

Филипп опустился на колени рядом с Кёрнером и провёл ладонью по стене.

— Странно.

— Видишь свет?

Кёрнер взял фонарь и поднёс его ближе к доскам.

— Он изгибается дугой вокруг этого места.

— Может, магнетизм.

Вдруг оба подняли головы и уставились в окно.

— Ты тоже заметил? — прошептал Кёрнер.

Криминалист кивнул. За окном метнулась тень.

— Снаружи что-то есть, — глухо сказал Филипп. — Гаси свет.

Кёрнер щёлкнул выключателем фонаря. Они прислушались. Отчётливо донеслось шуршание — будто кто-то крался вокруг здания. По окну снова скользнула тень.

— Идём, — Кёрнер поднялся. — Посмотрим остальные места преступлений.

Не включая света, они пересекли дискотеку. Снаружи уже стемнело. Когда они распахнули дверь на главную площадь, путь им преградили силуэты трёх человек. Кёрнер отпрянул.

— На вашем месте я бы этого не делала.

Вальтрауд Штойссер упёрла руки в бока.

— Оно сопротивляется.

Больше хозяйка трактира ничего не сказала. Рядом с ней стояли бургомистр и деревенский врач Вебер.

Кёрнер инстинктивно потянулся под мышку, но, переодевшись в свитер в «Буром Пятироге», так и не надел обратно плечевую кобуру.

— Нервничаете, Кёрнер? — спросил Вайсман.

Этот надутый идиот уже давно сидел у него поперёк горла. Кёрнер с удовольствием прижал бы его к стене — лучше всего прямо сегодня вечером, — но тут вспомнил слова Филиппа. Нервы должны были сдать не у них, а у деревенских.

— Вы выглядите раздражённым, Кёрнер. На вашем месте я бы отдохнул, а не шлялся ночью по деревне. Вспомните, что случилось с вашим коллегой.

Идиот.

Кёрнер заставил себя говорить ровно.

— Для человека, у которого из-за противопаводковых мер забот по горло, вы подозрительно часто ходите за мной по пятам и прямо-таки трогательно о нас беспокоитесь. Чего вы боитесь?

Бургомистр не ответил. Кёрнер перевёл взгляд на врача.

— Ваша практика на сегодня уже закрыта? А я думал, у вас дел невпроворот.

— Ваш цинизм никого не впечатляет, — холодно сказал Вебер.

— Возможно, уведомление из прокуратуры произведёт большее впечатление.

Кёрнер включил фонарь и посветил всем троим в глаза. Вебер заслонился рукой; Штойссер и бургомистр отвернули головы. На мгновение Кёрнер увидел, как их зрачки сузились, словно кошачьи.

— А пока я выясню ваш маленький секрет.

Он протиснулся между ними и зашагал через площадь.

— Приятного вечера, народ, — бросил Филипп и пошёл следом.

Штойссер, Вебер и Вайсман остались под козырьком дискотеки. Кёрнер чувствовал, как их взгляды впиваются ему в спину. Внутри у него всё кипело.

— Это было довольно глупо, — вполголоса сказал Филипп.

Чёрт, да, он знал. Надо было держать рот на замке и строить дурачка. О, добрый вечер, какая встреча, что вас сюда привело?

Но эту роль трое всё равно бы не приняли — не

после всего, что уже произошло.

Конфликт между следственной группой и деревней теперь лежал на поверхности, хотя, по сути, был предрешён с самого начала. Никто в Грайне не пытался сотрудничать честно, а следователей с первых минут приняли здесь как чужеродное тело. Вопрос был лишь во времени: когда психологическая война перерастёт в открытое противостояние.

Кёрнер понимал: без поддержки извне у него нет шансов против целой деревни. Но с Рольфом Филиппом рядом местным не стоило его недооценивать. Вместе они поставят жителей Грайна на колени.

Больше ничего не будет замято — как те старые истории: маленький Даниэль в девичьих платьях; Лени, дважды забеременевшая от собственного отца; Анна, родившая ребёнка между бороздами в поле; старая лавочница Лизбет, несколько дней ходившая по деревне с мумифицированным детским трупом на руках… Или зверски убитые дети Крайников.

Ничего больше не удастся спрятать под ковёр, об этом он позаботится. Виновные уже сейчас могли паковать зубные щётки и готовиться к многолетнему пребыванию в тесной камере с

видом на асфальтированный тюремный двор.

Злость поднималась в нём всё выше. Когда они с Филиппом шли к бакалейной лавке, было половина восьмого вечера, и кроваво-красная полная луна взбиралась над крышами. Уличное освещение по-прежнему не работало.

Кёрнер заглянул в боковой переулок рядом с магазином и в сумерках увидел согнутые силуэты деревенских. Они таскали мешки с песком к своим домам и баррикадировали окна и двери на метровую высоту. Люди ни за что не хотели уходить — будто ещё можно было спасти то, что спасению не подлежало.

Филипп положил руку на дверную ручку.

— Заперто.

Рольставня на входной двери была опущена. За окном не горел свет; только в витрине висела табличка: *Распродано!*

Кёрнер прислонился к двери.

— Мы проводим осмотр места происшествия, а вход на место преступления заперт. Это воспрепятствование исполнению служебных обязанностей.

— Я тоже так считаю, — буркнул Филипп и встал перед Кёрнером, прикрывая его от любопытных взглядов.

Кёрнер без лишних церемоний выбил дверь ногой. Дерево раскололось, замок вылетел из рамы. Дверь распахнулась внутрь и ударилась о стеллаж. Зазвенело стекло, загрохотала рольставня.

— Чёрт, я думал, ты отмычкой воспользуешься, — вырвалось у Филиппа.

— У тебя есть?

Кёрнер вошёл и включил фонарь. В лавке пахло пластиком, мылом и стиральным порошком. Однако в свете фонаря он увидел, что все полки и витрины пусты.

Они быстро прошли через магазин мимо кассы. Кёрнер снова вспомнил юность: как ездил на своём High Riser в лавку Герера за покупками для матери. Он вновь почувствовал во рту вкус леденцов и шипучих таблеток. Некоторые воспоминания невозможно стереть — сколько бы тебе ни было лет.

— Ты хоть знаешь, где тут туалеты? — прошептал Филипп.

— Тут он всего один, — сказал Кёрнер и пошёл первым.

Заметив полоску света под дверью, он остановился. *Неужели старик Герер в такой час ещё в лавке?* В ту же секунду боковая дверь распахнулась. Кёрнер сощурился от внезапного света. В

проёме стоял тощий сгорбленный старик, низко надвинув кепку на лицо; на сгибе руки у него лежала двустволка.

— Лавку грабить вздумали, шваль! — прохрипел старый Герер. — Просчитались. Брать тут больше нечего. Зато заряд дроби в задницу получить можете!

— Жандармское управление Вены, — сказал Кёрнер.

— Алекс? — изумлённо выдохнул Герер.

В тот же миг Филипп рванулся вперёд и вывернул ружьё у старика из рук.

— Да оно даже не заряжено, — вырвалось у него. — До сих пор нужды не было.

Герер сдвинул кепку на затылок. Редкие волосы торчали у него беспорядочными клочьями.

Криминалист сунул ружьё лавочнику обратно. Герер опёрся на него, как на трость.

— Чего вам надо?

— Четыре года назад, в августе, здесь умер Матиас Крайник. — Кёрнер шагнул к старику и посветил ему в лицо. — Что вы об этом знаете?

— Ох, Алекс, мальчик мой, — проворчал тот. — Если примешь совет: забудь всё это и убирайся отсюда.

— Не могу, — ответил Кёрнер. — Вчера убили

одного из моих следователей.

Плечи Герера обмякли.

— Плюнь на следователя, подумай о дочери, Алекс. Оставь всё как есть и уезжай.

У Кёрнера сжалась грудь, будто ледяная рука вцепилась в сердце. Он схватил Герера за комбинезон и впечатал старика в дверной косяк.

— Какого чёрта Верена имеет к этому отношение?

Он встряхнул его.

— Никакого. — Герер поднял руки, защищаясь.

— Алекс! — Филипп положил Кёрнеру руку на плечо.

— От меня ты ничего не узнаешь, — прохрипел Герер. — Я только совет даю: не задавай слишком много вопросов и убирайся отсюда. Оставь прошлое в покое!

— Черта с два! — Кёрнер швырнул лавочника к стене и ткнул пальцем ему в грудь. — А теперь послушайте мой совет: если вам есть что сказать, это ваш последний шанс.

Герер покачал головой.

— Будь настороже. Берегись Вайсмана. Он не такой безобидный, каким кажется.

Кёрнер развернул Герера, схватил за руку и толкнул перед собой.

— Покажите, где умер Матиас Крайник.

— Он просто свалился замертво в туалете.

Старик засеменил впереди.

Они вышли в коридор и прошли мимо комнаты, которую по запаху можно было принять за кухню. Кёрнер бросил туда короткий взгляд.

Господи, что здесь творилось. Свет вытяжки падал на плиту, заваленную кастрюлями, мисками и тарелками. Настоящее поле боя. Сначала Кёрнер решил, что над плитой жужжит вентилятор, но потом увидел мух, роившихся над объедками и раскрытой посудомоечной машиной.

Неужели Герер жил в помещениях за лавкой? По сравнению с этим кухонный уголок Крайников тянул на пять звёзд.

Кёрнер задержал дыхание и подтолкнул старика дальше. За спиной он услышал, как Филиппа передёрнуло. В конце запутанного здания Герер открыл дверь туалета и щёлкнул выключателем. Голая лампочка замигала.

— Здесь умер мальчик.

Кёрнер отпустил лавочника. В нос ударил едкий запах мочи. Внутри — только пол, выложенный серой плиткой, унитаз с бачком и узкое окно над ним, приоткрытое сверху. Стены были исписаны, в держателе для бумаги висела пустая

картонная втулка.

Кёрнер подумал о ране в спине Матиаса Крайника.

— Кто после смерти мальчика вытер отсюда кровь, осколки костей, куски кожи и мяса?

Глаза Герера округлились.

— Я же сказал: малец просто упал замертво!

— С дырой в спине размером с баскетбольное кольцо?

Филипп протиснулся мимо Герера в туалет, ногой отодвинул ёршик, опустился на колени в тесной кабинке и стал ощупывать стену.

Кёрнер осветил фонарём каждый угол.

— Вас совсем не интересует, что мы ищем?

Краем глаза он покосился на Герера. Тот молчал, понуро уставившись в пол.

— Вы прекрасно знаете, по какому следу мы идём, — сказал Кёрнер.

Он поднёс большой и указательный палец почти к лицу старика.

— Мы вот настолько близко к тому, чтобы всё выяснить. Ещё немного — и мы раскроем вашу чёртову тайну. А потом возьмёмся за вас.

Отчаянный взгляд Герера на долю секунды метнулся в кабинку. Кёрнер заметил это; больше того, именно такого знака он и ждал.

— Фил, ты ищешь не с той стороны.

Он показал на место, куда скосил глаза Герер.

Филипп, кряхтя, развернулся и принялся ощупывать участок возле дверного косяка.

— Ох, чёрт! — вырвалось у него. — Здесь! Мягкое, как губка!

Он вдавил палец в пластиковую стену. За ней, должно быть, находилась капитальная стена здания.

— Не делайте этого! — взмолился Герер. — Пожалуйста, не надо!

— Чего именно? — Кёрнер схватил его за ворот. — Вы метите места преступлений магнитом в стене? Понаставили камер? Или создали электрическое поле? Мы разнесём стену — и узнаем.

Герер зажмурил водянистые глаза и не издал ни звука.

Филипп поднялся и встал рядом с Кёрнером.

— У нас нет ордера на обыск, — прошептал он ему на ухо. — Выбитой двери, пожалуй, уже достаточно.

Кёрнер глубоко вдохнул и отпустил старика. Герер дрожащими пальцами вытер слёзы.

В этот миг за окном мелькнул жёлтый свет аварийной мигалки. По боковому переулку промчался грузовик, и вода взлетела брызгами до

самого туалетного окна.

— Что там снаружи?

— Цистерны. Мы на грани нефтяной катастрофы.

Герер вдруг разговорился — будто обрадовался возможности наконец сменить тему.

— Топливные резервуары на заправке всплыли. Теперь их может разорвать под давлением воды. Тысячи литров горючего перекачали в автоцистерны. Пожарные не знают, куда девать эту дрянь.

Кёрнер и Филипп бросились мимо старика, через торговый зал, наружу. Две автоцистерны с жёлтыми мигалками маневрировали по главной площади. Дождевая вода уже стояла по щиколотку над булыжниками, а с неба всё ещё лило как из ведра.

Кёрнер не думал, что может стать ещё хуже, но, похоже, у неба оставалось достаточно воды, чтобы затопить весь посёлок. И тут он вспомнил слова патера Сахмса из рассказа Сабриски. *Это месть, наше проклятие, Божья расплата.*

Кёрнер поднял взгляд к причудливо изломанному зданию церкви. Полная луна наполовину скрывалась за облаками и заливала стены красноватым светом.

— Посмотрим третье место преступления.

До церкви они добрались насквозь промокшими. В каменных стенах стоял такой холод, что Кёрнера пробрала дрожь. Смахивая с лица дождевую воду, он решительно пошёл по центральному проходу.

Церковь выглядела точно так же, как тридцать лет назад. Основную часть составляли два боковых нефа, в каждом — по шесть рядов скамеек. Посередине находился алтарь с выступающим табернаклем; над ним возвышалась фигура архангела Михаила в человеческий рост.

За алтарём дверь вела в ризницу. Сквозь цветные мозаичные окна Кёрнер видел приходский двор и ивы, гнувшиеся под ветром. За деревьями тянулось крыло, ведшее к дому патера Сахмса.

Кёрнер живо представлял себе всё, что пережил министрант и описал в дневнике, но сейчас не было времени на подобные фантазии. Он выбросил из головы всякую чертовщину и подошёл к священнику, стоявшему перед алтарём спиной к ним. Тот обернулся, раскинув руки, словно ждал их.

Невероятно.

Это действительно был патер Сахмс — древний старик с глубокими бороздами на лице. *Кто бы*

тогда подумал, что священник до сих пор будет служить в этой церкви?

Но прежде чем Кёрнер успел произнести хоть слово, пол под их ногами заскрипел, загудел и вздрогнул.

— Ого! — Филипп отшатнулся на шаг.

— Канализация полностью перегружена, — невозмутимо объяснил патер Сахмс. — Вода снизу прижимает трубы к дорогам и фундаментам домов.

Он театрально поднял руки.

— Разверзаются хляби небесные, источники бездны прорываются из земли. — Он улыбнулся. — Церковь не исключение. Чем могу вам помочь?

— Карина Крайник умерла два года назад, в октябре, во время мессы в вашей церкви, — без обиняков начал Кёрнер. — Можете показать нам место?

Патер опустил глаза.

— Следуйте за мной.

Он провёл их к четвёртому ряду скамеек в левом нефе — к тому самому месту, которое Кёрнер уже знал по свидетельству о смерти.

— Она сидела здесь, с краю, рядом с матерью. — Патер указал на крайнее место на скамье. — Но

я, право, не понимаю, какое отношение это имеет к вашей работе.

— Всё в порядке. — Филипп поднял руку, останавливая его. — Мы знаем, что ищем.

Он повернулся к Кёрнеру.

— Это был третий ряд, верно?

— Внимательный ты у нас. — Кёрнер кивнул.

Патер солгал намеренно или у него просто отказывала память?

Филипп прошёл на ряд вперёд, опустился на пол и протиснулся между скамьями. Кёрнер включил фонарик и осветил спинку. Он заметил, как Сахмс задержал дыхание.

— Посвети сюда ещё раз.

Филипп прижал указательный палец к месту в дереве сантиметрах в пятнадцати над сиденьем. Кёрнер направил туда луч.

— Видишь, как меняется это место, когда светишь прямо? — Филипп вдавил палец в дерево. — Оно мягкое. И тёплое.

Под ними снова загрохотал пол. Филипп вскочил и одним прыжком выбрался из ряда.

— Всего лишь трубы, — сказал патер, пожав плечами.

Филипп смахнул волосы со лба.

— Что это такое? — Он показал на спинку ска-

мьи.

Патер улыбнулся.

— Дерево засаленное и гнилое. Годами через крышу текло. Сами можете представить, в каком состоянии убранство.

Кёрнер увидел, как в глазах патера мелькнуло беспокойство, хотя Сахмс и старался сохранять равнодушное лицо. Спектакль вышел не слишком убедительным.

На этом месте зверски убили девочку — на глазах у десятков жителей деревни. Теперь у Кёрнера было уже десять подозреваемых. *Он впадал в паранойю или его догадка всё-таки имела под собой основание?* В любом случае ему срочно нужны были ордера на арест деревенского священника и бакалейщика Герера.

Но аккумуляторы сели, мобильники были так же мертвы, как телефонная сеть. К тому же прокурор наверняка уже узнал о смерти захватчика заложников, о деле против Кёрнера по обвинению в непредумышленном убийстве и о его отстранении. Хаузер теперь не выписал бы ему даже парковочный талон, не то что ордера на арест.

Значит, нужны были железные доказательства.

— Полагаю, вы нашли то, что искали. А теперь прошу вас покинуть церковь. Месса окончена, и у меня ещё много дел. — Патер Сахмс вежливо указал на выход.

— Ещё один вопрос.

Кёрнер опустился на колени и ощупал пространство вокруг деревянного основания скамьи. Он думал о дневнике министранта, где упоминались склеп и сводчатое подземелье. Костяшками пальцев он постучал по каменному полу.

— Что находится под нами?

— Сточная труба из ризницы, я уже говорил. — Голос патера Сахмса стал жёстче. — Вы всегда желанные гости, если хотите помолиться в доме Божьем, обрести покой и обратиться к себе. Но если вы собираетесь разбирать церковное убранство, я вынужден попросить вас уйти.

Жестом, в котором читалась просьба о понимании, он снова указал на выход.

— В последние годы такое, к сожалению, случалось слишком часто.

Кёрнер вспомнил записи в дневнике. Жители наверняка не просто так громили церковь и поджигали её. Он поднялся и пошёл к двери. Филипп последовал за ним.

Когда они проходили мимо белого полотнища,

на несколько метров натянутого поверх деревянного каркаса, Кёрнер шагнул к нему.

— Что под этим?

Не дожидаясь ответа, он сдёрнул ткань с каркаса.

— Вон! — приказал патер Сахмс.

Под полотнищем оказалась массивная исповедальня. Иудин ковчег. Кёрнер заворожённо смотрел на угольно-чёрное дерево, грубые дверные рамы и тяжёлое, пропитанное смолой основание, на котором высилась вся конструкция. Дверь исповедальни была заколочена деревянной планкой.

— Вон отсюда! — рявкнул патер.

Кёрнер рассматривал небольшой реликварий с полукруглым сводом. То, что издали казалось резной работой благочестивого мастера, вблизи оборачивалось мерзким нагромождением шипов, зубов, когтей и сцепленных рогов.

Формы были вырезаны грубо, детали перетекали одна в другую, и всё же сомнений не оставалось: это было порождение больного разума. Кёрнер не думал, что фигуры, описанные в дневнике министранта, существовали на самом деле.

— Что ты ищешь? — прошептал Филипп.

— Я увидел всё, что хотел. Уходим. Спасибо.

Оказавшись под козырьком, Кёрнер посмотрел вниз, на деревенскую площадь.

— Всё становится всё более сюрреалистичным. Что это за проклятое, больное место?

ГЛАВА 22

Кёрнер снова смотрел вниз, на деревенскую площадь, теперь уже из окна своей комнаты в «Буром Пятироге». Было десять вечера. Четыре нераскрытых убийства детей и мёртвый следователь — вот и весь итог. Жалкая сводка для человека, которому позарез нужны были результаты.

Дверь открылась, и Сабриски вошла так, будто это была её собственная комната. Одним движением она взлетела на кровать, устроилась у изголовья по-турецки. В узких леггинсах и серой водолазке она походила на учительницу физкультуры из летнего лагеря. И выглядела чертовски сексуально.

Волосы у неё всё ещё были заправлены под ворот. Она завела руки за шею и встряхнула головой. Кёрнер, не отрывая взгляда от окна, рассказал ей, что они с Филиппом обнаружили в лавке и в церкви. Она выслушала его молча, ни разу не перебив.

— Губчатые отверстия в стенах, свет, искривлённый магнетизмом… Звучит довольно безумно, но я тебе верю. — Она накрутила прядь на палец.

— Я тоже кое-что странное обнаружила.

Кёрнер сел рядом с ней на кровать. Из одежды на нём были только брюки.

— Твоя коллега ассистировала мне при вскрытии, — начала Сабриски. — Я думала, она рухнет в обморок, но она оказалась крепким орешком. Когда мы закончили с телом Базедова, поехали на машине Филиппа искать того издохшего сеттера. Он всё ещё лежал в сточной канаве. Никому не было дела до падали. Я как раз погрузила собаку в машину, когда приехали пожарные и перекрыли улицу.

Она развела руками.

— Пришлось ехать в объезд вдоль Трира. Люди как сумасшедшие таскают мешки с песком на защитную дамбу. Я глазам своим не поверила. Трир разлился метров на восемьдесят. Впечатление жуткое.

— Лучше расскажи, что ты выяснила на вскрытии.

Она взяла в рот прядь волос, пожевала кончики и только потом продолжила:

— Базедова и собаку убили одним и тем же способом. Раны оставлены не стальными лезвиями и не острыми инструментами, а зубами и когтями с зазубринами. В этом я почти уверена…

Она задумалась.

— Возможно, зубы состоят из того же вещества, что и частицы, которые я обнаружила в ране Сабины Крайник. Базедова, собаку и детей Крайников, вероятно, убило одно и то же… хм… нечто.

— Одно и то же нечто? Яна, ну прошу тебя.

В этот миг лампочки в комнате замигали. Ещё мгновение — и электричество вырубилось. Стало хоть глаз выколи; погасла даже красная лампочка обогревателя.

— Вот и приехали! — Кёрнер поднялся с кровати и, ощупью пробираясь мимо тумбочки и умывальника, двинулся к двери. — Филипп предсказывал: после воды и телефонной связи накроется ещё и электричество.

Он распахнул дверь и вгляделся в темноту. В отблеске зажжённой спички проступило бородатое лицо Филиппа. Криминалист тоже стоял в дверях своей комнаты — в брюках, с голым торсом — и всматривался в коридор.

Из скрипнувшей соседней двери кто-то вышел.

— Электричество пропало? — спросила Бергер.

— Умница, — проворчал Филипп.

— Тс-с! — шикнул Кёрнер.

На нижнем этаже заскрипели половицы. Кто-то

поднимался по лестнице с трёхрожковым подсвечником. Свет качался вверх-вниз.

— Не волнуйтесь, — донёсся до них голос Вальтрауд Штойссер. — Подстанции затопило. Несколько частей посёлка остались без электричества. Газопроводы тоже повреждены, но мы с этим справимся.

Хозяйка прошла по коридору с подсвечником и открыла кладовку.

— Без электричества этой ночью будет холодно.

Она поставила чугунный подсвечник на шкаф и откинула крышку сундука. Внутри лежали толстые шерстяные одеяла и несколько упаковок свечей по шесть штук.

— Господи, да вы подготовлены как следует! — Филипп подошёл помочь ей раздать свечи и одеяла.

— Такое ведь не впервые случается, но так плохо, как на этой неделе, ещё не бывало. — Хозяйка передала Филиппу стопку шерстяных одеял. — Прежде чем стены Трирахского водохранилища прорвёт, откроют водосбросы, а потом шлюзы. От Хека, нашего начальника пожарной команды, я знаю, что на нас идут немыслимые массы воды, а наша паводковая преграда выдержит подъём

всего ещё сантиметров на десять. Но здесь, на втором этаже, с нами ничего особенного случиться не должно.

Она выпрямилась и попыталась улыбнуться. Потом пожелала им приятной ночи и исчезла с подсвечником на лестнице.

— Как романтично. — Филипп зажёг от спички свечу. — Ни отопления, ни горячей воды, ни телевизора. Мы и правда у чёрта на куличках. Всем спокойной ночи.

Он закрыл за собой дверь.

— До завтра, — сказала Бергер и тоже скрылась у себя.

— Заприте комнаты! — крикнул Кёрнер, надеясь, что они услышали.

Он ещё постоял в коридоре, всматриваясь в темноту.

— Что такое? Ты не войдёшь? — позвала Сабриски.

Он захлопнул дверь ногой и швырнул свёрток с одеялами на кровать.

— Ай! — Сабриски хихикнула в темноте.

Потом она скатилась с кровати, обняла его и поцеловала.

— Ты всё ещё боишься огня? Зажечь свечу?

Она взяла у него из рук упаковку и развернула

свечи. Серебряной бензиновой зажигалкой из рюкзака поднесла огонь к фитилю.

Кёрнер заворожённо уставился на пламя. Сабриски поставила свечу на полочку умывальника так, чтобы зеркало отражало огонь.

— Ты не возьмёшь свечей к себе в комнату? — удивился он.

— Хочешь от меня избавиться?

Она повернула ключ в замке, прыгнула в кровать и сунула ноги под одеяло.

— Сегодня ночью наверняка будет жуткий холод… Я лучше останусь здесь.

Она потёрла ладони.

Кёрнер задумчиво опустился на кровать. Похоже, её всё это забавляло, хотя дело могло обернуться борьбой за выживание.

Он подумал о Верене. За весь день он ни разу ей не позвонил и не навестил её, хотя она жила всего в нескольких километрах отсюда. *Как она там? Ей холодно? Она сейчас мёрзнет, завернувшись в одеяло, прижимается к матери в постели? Думает ли она в эту минуту о нём?*

Сабриски придвинулась ближе и ногтем провела по волосам у него на груди.

— Иди сюда, — промурлыкала она.

Спина его невольно напряглась.

— Я не могу, — выдавил он.

— Понимаю.

Сабриски погладила его по плечу и поцеловала.

Ничего она не понимала. Дело было не в том, что Базедов мёртв и его изуродованный труп лежит в нескольких сотнях метров отсюда, в траурном зале возле кладбища. Дело было в этой сраной деревне — и в том, что Верена жила в соседнем посёлке, а старый Герер намекнул: ему стоит подумать о дочери, не задавать лишних вопросов, убираться отсюда и оставить прошлое в покое.

Как бы не так. Он раскроет это дело. А если кто-нибудь хоть волос тронет на голове его дочери, они ещё узнают, с кем связались.

Он опустил голову и уткнулся в колени Сабриски. Она нежно провела рукой по его волосам. Он почувствовал, как напряжение отпускает. На мгновение ему стало спокойно, почти безопасно, и он смог забыть больной мир этого места.

— Я думал, тебе нравится Филипп… — пробормотал Кёрнер.

Он почувствовал, как её живот дрогнул от тихого смешка.

— Нет, серьёзно. Я думал, он в твоём вкусе и у

вас с ним что-то есть.

— В принципе, Фил как раз в моём вкусе. Высокий, широкоплечий, мужественный, грубоватый — и при этом весёлый парень, с которым можно творить всякую ерунду, но…

Она втянула воздух.

— Он гей. Вообще-то жаль.

— Что? — Кёрнер резко сел.

— Только не говори, что ты не знал.

Сабриски рассмеялась, потом взяла себя в руки и понизила голос:

— Филиппа уже не раз видели коллеги из отдела нравов в разных садомазо-клубах. И он был там не для того, чтобы собирать улики.

— Обалдеть. Филипп — гомик.

Он снова опустил голову ей на колени.

— Сибилле, его бывшая, мне этого никогда не рассказывала.

— Может, она и сама не знает. Фил не со всеми об этом говорит. Ты ведь наверняка знаешь, что детство у него было не сахар…

Она рассказала ему классическую семейную драму из венского Гросфельдзидлунга: как отец до десяти лет лупил Фила ремнём — и ещё многое другое. У Кёрнера всё время слипались глаза, и он уже не мог отличить, что именно рассказы-

вает Сабриски, что он слышал от самого Рольфа Филиппа, а что просто дорисовывает его подсознание.

В какой-то момент он открыл глаза. Голос Сабриски стих. Его голова всё ещё лежала у неё на коленях. *Она уснула?*

Он медленно поднялся, стараясь не заставить реечное дно кровати скрипнуть. Будить её не хотелось. Но, оказавшись посреди комнаты и обернувшись, он понял: старался зря.

Сабриски сидела на кровати прямо, по-турецки, сложив руки на коленях.

У Кёрнера перехватило дыхание. Позади него, на умывальнике, в ряд стояли десятки свечей. Пахло воском. Фитили потрескивали, языки пламени тянулись строго вверх, к потолку.

— Яна? — прошептал он.

Собственный голос прозвучал странно, чуждо.

Она сидела молча. Он обошёл её, но стены с каждым его шагом всё дальше раздвигались, словно комната двигалась вместе с ним. Вдруг окно оказалось странно высоким, с крестообразной рамой посередине, как в старом доме двадцатых годов.

Он повернул голову и увидел в зеркале затылок Сабриски. Ничего необычного.

Кёрнер затаил дыхание. Где-то далеко послышалось плесканье — сначала тихое, потом всё громче. В свете свечей он подошёл к стене и приложил ухо к обоям. Вода текла не за стенами комнаты, а внутри стены.

Когда он открыл дверь, его босые ноги оказались в воде. Ледяной поток омывал пальцы и края брючин. Посреди коридора вода капала с потолка, сочилась из стен, собиралась на полу и низвергалась вниз по лестнице.

Он пошёл следом за водой.

Скользкие деревянные ступени вели на нижний этаж, затопленный на метр. Но, как это часто бывает во снах, всё вокруг выглядело иначе, чем наяву. От зала с барной стойкой, комнаты для завтраков и общинного зала не осталось и следа. Первый этаж превратился в один огромный зал с высоким окном до самого потолка.

Он спустился на последнюю ступень, чтобы двинуться через воду. Она была ледяной, но, странное дело, он не мёрз — совсем не так, как в винном погребе под баром «Газлайт», где он наткнулся на тело Базедова, где сердце у него сжалось, а грудь словно окаменела. Здесь холод касался его мягко, безвредно, почти приятно.

И тут его пронзила ужасная мысль: *«Глок» всё*

ещё лежит в подвале бара, под лестницей. Он отложил его, чтобы вынести Базедова наверх. Нужно немедленно выбраться отсюда и забрать оружие.

Снизу поднималось тёмно-зелёное свечение; вода вспыхивала от него мерцающими разводами, будто на дне колыхались водоросли. Кёрнер уходил от источника света, но двигался сквозь всё более гнилую жижу. Волны плескались на уровне пояса брюк. Течение взбаламучивало болотистую воду.

Какое-то растение с вялыми листьями скользнуло по его ступням. Кёрнер отшатнулся и упал в воду.

В один миг всё потемнело. Переливающаяся зеленью вода уступила место бездонной тьме. Только за окном с деревянным крестом, доходившим до потолка, светился зелёный подводный мир, сквозь который Кёрнер мог видеть на километры.

Дом словно стоял на морском дне. Огромные водоросли тянулись от земли вверх, мимо окна. Пузырьки воздуха поднимались всё выше и выше, пока не исчезали из поля зрения. Весь посёлок ушёл под воду; лишь в этом здании, похоже, удержался воздушный пузырь.

Кёрнер подбрёл ближе к стеклу. Далеко, в зелёных разводах, проступили покосившиеся двускатные крыши. В подводном мареве появлялись и снова исчезали окна, дымовые трубы, кровельные свесы.

Вдруг волны ударили в стекло, и вид исказился.

Илистое дно взметнулось.

Из черноты к окну поплыл громадный силуэт.

Существо со светлыми глазами.

У него были рога, зубы и огромная пасть…

Кёрнер вскрикнул.

Он сидел в кровати, мокрый от пота. Дыхание хрипело. Из комнаты Бергер донёсся глухой удар. *Он разбудил её своим криком?*

Кёрнер уставился на зеркало над умывальником. Свеча догорела почти до огарка. Рядом Сабриски что-то пробормотала во сне. Он свернулся под одеялом рядом с ней и снова уснул.

Ретроспекти́ва III
Грайн-ам-Гебирге, 1937 год

Паульсен, Диттрих и Григ уже четыре часа были отрезаны завалом в главном штреке ствола «Божье благословение». Слабые места рамной крепи у обвала они укрепили балками, распёрли досками и принялись отгребать землю, но вскоре бросили: сверху беспрерывно сыпалась новая порода.

Григ вытер пот со лба.

— Бесполезно. Лучше побережём силы. И кислород.

Паульсен отпил воды и швырнул пустую бутылку на груду обломков.

— Уже, должно быть, полдень.

Они уселись на шерстяные одеяла. При свете бензиновой лампы достали из ящиков хлеб, шпик и копчёности. Григ раздал ломти хлеба, Паульсен открыл новую бутылку воды, отпил и передал Диттриху.

Шахтёры говорили всё меньше, пока наконец не умолкли совсем.

Жуя ломоть шпика, Паульсен вынул из на-

грудного кармана рабочей куртки фотографию, которую всегда носил с собой. Грязными пальцами развернул её и поднёс к лампе, стоявшей рядом на полу.

Слабого мерцания хватало, чтобы различить Марию и детей. Карлу было семь; он весело скалился в камеру рядом с матерью, а маленькая Грета плакала у Марии на руках. Похожая фотография, только без слёз, висела у них дома в гостиной — над комодом с радиоприёмником.

Сейчас семья наверняка ждала его возвращения. Управляющий, конечно, уже сообщил Марии об аварии в шахте. *Как она это приняла?*

Она была на четвёртом месяце, но они ещё никому не говорили. Мысль о третьем ребёнке тяжёлым комом лежала у него в желудке. *Как он прокормит растущую семью?* Этот вопрос мучил его уже несколько недель, и всё это время Паульсен упрямо гнал его прочь.

Теперь отмахиваться было уже невозможно. Положение стало хуже некуда. Мало того что Марии оставалось проработать в грайнской мясной лавке всего несколько месяцев, а его заработка бригадира и так едва хватало, — теперь ещё прибавится потеря жалованья из-за аварии. К тому же надо помогать сестре: на обувной фабрике ей

платили жалкие гроши.

Хорошо ещё, что она встречалась с Диттрихом, чьи родители держали ферму в Хайденрайхе. Почти каждые выходные, когда Диттрих забирал сестру Паульсена, он приносил корзину с сыром, колбасой и яйцами.

Вообще-то им грех было жаловаться: многим семьям в посёлке жилось куда хуже. Но если они с Диттрихом в ближайшее время не выберутся наверх, его родным придётся совсем туго.

Всё это казалось ему до боли знакомым.

Паульсен вдруг подумал об отце. Тот всегда запрещал ему, когда подрастёт, самому спускаться в шахту: гора слишком опасна. Мальчишка должен ходить в школу и получить приличную профессию, чтобы однажды стать кем-то получше грязного, матерящегося шахтёра. Газетным наборщиком, например. Или печатником. Кем угодно, только не углекопом.

Каждый день мальчик слышал, какие опасности подстерегают рабочих в глубине и какие трагедии случаются в горе. Он знал слова «землетрясение», «прорыв воды», «пылевая болезнь лёгких», «метан» — и в конце концов стал бояться, что одна из этих бед настигнет отца.

А потом несчастье и вправду случилось. Отец

исчез в той самой горе — непредсказуемой, коварной, ненасытной.

Паульсену пришлось самому идти работать, чтобы приносить домой деньги — себе, матери и сестре. Мечте об ученичестве у наборщика пришёл конец. В десять лет он таскал молочные бидоны, в пятнадцать начал ходить в первые смены под землю, а мать работала в грайнской мясной лавке.

Годы спустя, когда он сам уже стал бывалым шахтёром на Гшвендтнерской каменноугольной шахте, сестра поступила ученицей на фабрику «Майер и сын» — местную обувную фабрику, где главным образом шили обувь для горняков.

Вся семья вкалывала с утра до ночи, лишь бы платить за квартиру. Если бы старый Григ не взял их под своё крыло, они оказались бы на улице.

Тогда каждый работал на свой страх и риск: в Грайне не было ни профсоюза, ни пенсий, ни компенсаций за увечье. Теперь всё иначе, но в те времена один несчастный случай мог пустить семью по миру.

Они тогда стояли на самом краю — потому что старый ублюдок спустился в гору и не вернулся домой. Годами Паульсен ненавидел отца за то, что тот оставил жену с двумя детьми на произвол

судьбы.

Как странно всё-таки распоряжается судьба. Когда-то Паульсен с сестрой надеялись на возвращение отца, а теперь, когда он сам стал взрослым, его ждали Мария, Карл и Грета. Мария поймёт, в каком он положении. Но дети ещё слишком малы.

Возненавидят ли они его за это? Он не мог бы их винить. Ему самому понадобилось дожить до этого дня, чтобы понять трагедию отца.

Паульсен повертел фотографию в пальцах.

— Как умер мой отец?

Григ перестал жевать.

— Не время об этом говорить. Да и рассказывал я тебе уже сто раз.

— Я хочу знать правду. Почему он не хотел выходить из горы? Почему тебе пришлось его оставить?

Григ долго смотрел на него с мрачной серьёзностью. Наконец тихо сказал:

— Я с пятнадцати лет в шахте. Пережил столько аварий и потерял в горе столько друзей, что вполне мог бы уже стать старым, озлобленным человеком.

Паульсен поморщился.

— Ты ещё не старый…

— Не мажь мне губы мёдом, — оборвал его Григ. — Лучше молчи и слушай, раз уж хочешь знать, что тогда случилось.

Григ вытянул ноги, опёрся локтем о землю и устроился поудобнее. Паульсен и Диттрих придвинулись ближе к старику. Некоторое время он молчал, потом заговорил.

— После смерти твоего отца в Гшвендтнерском каменноугольном горном акционерном обществе ввели выплаты при несчастных случаях. Может, совпадение. А может, и судьба. Как бы там ни было, при одном из динамитных взрывов в горе я потерял вот этот глаз. Нитро рвануло на пять секунд раньше.

Он провёл пальцем по брови, под которой темнела пустая глазница.

— Большие господа предложили мне место в конторе. Пф! На кой чёрт? В темноте одним глазом видишь не хуже, чем двумя. Я хотел и дальше рубить породу рядом со своими товарищами. Это моя жизнь. После смерти твоего отца я поклялся, что никогда не брошу людей в шахте и останусь с ними, пока смогу.

Григ поднял взгляд к потолку.

— Раньше вы смеялись надо мной, когда я рассказывал про Чёртову гору. Но я, в отличие от

вас, молокососов, знаю эту породу. Я принадлежу горе. Она забрала меня себе. На пенсию по увечью я мог бы жить вполне сносно, но ты ведь знаешь правду, Паульсен: мне самому нужна только половина.

Паульсен кивнул. Он знал: после смерти отца Григ помогал его матери и заботился о вдове Паульсен — так её с тех пор называли в посёлке. Без старого, полуслепого Грига они бы не пережили те годы.

— Признаю, может, деньги, которые я отдаю твоей матери, — что-то вроде искупления за то, что я вышел из шахты без твоего отца. Но поверь: никакие деньги мира не снимут с меня этой вины. Время от времени я просыпаюсь по ночам с криком. Я слышу твоего отца. Вижу его перед собой так ясно, будто он и сейчас там, в шахте, задыхается и скребёт землю пальцами.

— Как это случилось? — выдавил Паульсен.

— Мы тогда работали на глубине двести сорок метров, на втором нижнем горизонте, в заброшенном стволе Трампель, — начал Григ. — Толчок налетел за считаные секунды. Сразу за нашими спинами рухнула деревянная крепь — с такой скоростью, что не поверишь, пока сам не увидишь. Мы бросили всё и побежали, спасая

шкуры. Каждый хотел первым попасть в клеть и выбраться из ствола.

Григ помолчал.

— Твой отец упал. Нога у него просто подломилась. Никто не остановился, мы неслись как черти. Он даже не позвал нас — пополз дальше сам. Когда толчки стихли и пыль немного осела, я обернулся. Заорал его имя и сделал несколько шагов в штрек. Он ответил; голос был совсем близко. «Оставайся с группой!» — крикнул он.

Старик сжал губы.

— Я хотел пойти к нему, но бригадир схватил меня за ворот. Конечно, я мог вырваться. Но ноги будто отнялись. И тут толчки начались снова, сильнее прежних. Прямо перед нами обрушился потолок. Твоего отца я больше никогда не видел…

Григ замолчал.

Паульсен, всё это время слушавший молча и не отрываясь, ничего не сказал. В такой версии он слышал эту историю впервые. Вдруг его охватила тошнотворная слабость. Сломанная лодыжка, вывихнутое колено — и ты уже погребён заживо.

Все эти годы он думал, что отец бросил его. И вот всё разом перевернулось с ног на голову: теперь он сам оказался в таком же положении.

Паульсен прислонился к стене, опёршись рукой о землю. Пальцы ушли во влажную грязь. Его будто ударило током: он вскочил, схватил лампу и осветил пол.

— Проклятье! — выругался Григ, тоже увидев воду.

Старик и Диттрих одновременно подскочили и отступили.

По полу расползалась лужа. Вода быстро прибывала и уже плеснула через шерстяное одеяло, на котором они сидели. Ещё миг — и ботинки у них стояли в воде.

Григ посветил лампой к концу главного штрека, туда, где они нашли корень.

— Вот же дерьмо!

По неровному полу из темноты на них неслась вода. В свете карбидных ламп поток сверкал, как приливная волна, летящая поверх деревянных шпал.

— К источнику! — бросил Григ и двинулся вперёд.

Сперва он осторожно брёл по воде, доходившей до щиколоток, потом побежал вдоль рельсов.

Паульсен держал в руке вторую лампу. Они с Диттрихом последовали за Григом так быстро, как могли. Вода пенилась между ног и взлетала

брызгами до колен. Она была ледяная.

За несколько минут ботинки и носки Паульсена промокли насквозь, пальцы на ногах он почти перестал чувствовать. В горе, должно быть, вскрылся источник. Чем глубже они продвигались в туннель, тем громче становилось плесканье.

— Не похоже, чтобы вода шла через потолок или стены, — сказал Григ.

Паульсен и Диттрих нагнали его. Там, где рельсы для шахтных вагонеток проходили через низину, вода застаивалась. Мужчины брели через мутную коричневую жижу, размахивали руками и держали лампы на уровне головы, чтобы пламя не погасло.

— Чертовски холодно, — выдохнул Диттрих.

— Три градуса, — коротко ответил Григ. — Через час, а то и раньше, штреки полностью затопит. Надо найти источник.

Место, где они выбирались из низины, было скользким, всё в покрытых слизью шпалах. Диттрих споткнулся и растянулся в воде во весь рост.

— Очки…

Его руки заметались по топкому дну. Поток вымывал промежутки между шпалами, и де-

ревянные брусья всё сильнее оголялись. Куски земли величиной с кулак уносило прочь; со стен осыпалось всё больше породы.

Паульсен поставил лампу в сторону и протянул Диттриху руку. Пальцы друга были ледяными.

— Я ничего не вижу. Мне надо…

— Забудь про очки. Идём!

Паульсен вытащил его из низины, и они вместе, спотыкаясь, двинулись дальше.

— Лампу береги! — рявкнул Григ.

В тот же миг светильник подхватило волной. Он нырнул в лужу, его смыло обратно в низину и понесло через край. Лампа загрохотала по деревянным шпалам, пока не исчезла в темноте.

Григ больше ничего не сказал. Только махнул им: вперёд. В скудном свете единственной лампы они побежали глубже в туннель. Григ освещал стены и потолок.

Наконец они добрались до последнего участка. Здесь рельсы заканчивались. Именно тут Гнолль обнаружил в земле нарост, а Диттрих ударил по нему киркой. Здесь всё началось.

— Осторожно! — Григ указал на воду, доходившую до щиколоток. — Где-то здесь трещина, в которую Диттрих бросил лампу. Не наступите туда, а то ноги переломаете!

Паульсен уже боялся, что Диттрих снова начнёт твердить, будто видел в расщелине что-то движущееся, но тот молчал. Бледный, он стоял в воде и не отрывал застывшего взгляда от водоворотов.

Там, где Паульсен предполагал трещину, вода била из-под земли, как гейзер, пузырилась и выплёскивалась мощными толчками. *Какая же сила нужна, чтобы так выталкивать воду наверх?*

— Силы глубины мстят, — пробормотал Григ. — Чёртова гора открыла ворота. Она хочет нас утопить.

Грунт боковых стен поддавался. Его всё сильнее вымывало, пласт за пластом обрушивался в воду.

Диттрих стоял как вкопанный. Его трясло всем телом.

— Я ничего не вижу.

— Шевелись, парень, — сказал Григ. — Топчись на месте. Иначе холод тебя сожрёт.

Диттрих начал хлопать себя руками по бокам и топать ногами.

— Принеси две лопаты! — велел Григ.

Диттрих медленно сдвинулся с места. Побрёл прочь, точно призрак, и исчез в темноте.

Григ снял с потолочного крюка погасшую

бензиновую лампу и повесил вместо неё свою ручную.

Холод полз Паульсену вверх по ногам. Он тоже начал переступать в воде.

— Что теперь?

— Для начала — не терять головы. Шансы у нас не такие уж плохие.

Григ посмотрел в темноту туннеля, где исчез Диттрих.

— Главный и наклонный штреки образуют ипсилон. Вместе — примерно шестьсот метров. Если повезёт, вода найдёт выход.

Слова звучали не слишком убедительно.

— Или сама пробьёт себе дорогу наружу…

— А если нет?

Григ посмотрел на него.

— Тогда, парень, и нам отсюда дороги не будет.

Паульсен кивнул на фонтан, бьющий из-под земли.

— А если засыпать трещину?

— Ни единого шанса. Разве что…

Григ прищурил единственный глаз и напряжённо задумался. Наконец пробормотал — скорее себе, чем Паульсену:

— Где-то в горе скальная стенка провалилась в пустоту. Водоносные жилы сместились, вода

хлещет через гору, ищет новые пути. Источник может быть на несколько сотен метров выше нас. Теперь вода идёт вниз, а раз ниже выхода нет, её выдавливает наверх.

Григ указал на фонтан, бурливший всё сильнее.

Правильно ли Паульсен понял старика?

— Вода идёт наверх?

— Ты же сам видишь! — резко бросил Григ. — Когда в горе рушится система пещер, просачивающаяся вода вырывается наружу, начинает циркулировать и гонит по напорным каналам через породу.

Паульсен кивнул, хотя понял не всё. Сейчас было не время для краткого курса геологии. Главное — выжить.

Григ указал на боковую стену.

— Это может сработать. Вода вымывает породу, стены будут сползать и обваливаться кусок за куском, пока давление сверху не станет слишком большим и вся рамная крепь не рухнет. А мы ей поможем…

Паульсен начал понимать его замысел.

— Хочешь обрушить конец штрека?

Григ кивнул.

— Трещину мы не закопаем. Но тонны земли

могут остановить поток. Перекроем приток.

— Ты старый безумец! — крикнул Паульсен, и в голосе прозвучало восхищение.

Григ ухмыльнулся.

Диттрих подбежал, тяжело дыша, с лопатой в каждой руке.

— Копайте здесь и здесь! — приказал Григ, указывая налево и направо, к боковым стенам.

Паульсен выхватил у Диттриха одну лопату и вонзил штык в мягкий грунт. Поддел полную лопату земли у основания стены.

— Здесь копать? — испуганно спросил Диттрих. — Но тогда стена рухнет вместе с потолком.

— Именно!

Несколько секунд Диттрих нерешительно смотрел на стену, потом взгляд его вдруг прояснился. Он понял.

— Если выйдет, останется только надеяться, что вода не найдёт другого хода в штрек, — прохрипел Паульсен, работая лопатой как одержимый.

Диттрих больше не медлил и тоже вонзил лопату в землю. Они подкапывали боковую стену, а вода всё поднималась.

— Я ног не чувствую, — простонал Диттрих.

— Работай! — Григ поднял ногу из воды и ударил по стойке, поддерживавшей рамную крепь.

— Когда начнётся, мы должны успеть уйти в главный штрек. А дальше останется только молиться…

Григ осёкся. Паульсен и Диттрих тоже замерли.

Они даже не заметили, что вода больше не уходит в главный штрек. Потоп уже залил главный и наклонный штреки и теперь возвращался волной. Они давно стояли по колено в воде; отдельные всплески доходили до бёдер.

По грязно-серой поверхности навстречу им плыли доски и прочий мусор. Свет лампы отражался в питьевой фляге, плясавшей на волнах.

— Быстрее! — крикнул Григ.

Паульсен вогнал лопату в боковую стену на уровне пояса и выворотил огромные комья земли.

Инструмент Диттриха звякнул.

— Проклятый уголь! Дальше не идёт!

— Надо же, — прорычал Григ, — именно сейчас штрек держится как крепость.

Он со злостью навалился на деревянную стойку, но та не подалась ни на сантиметр.

И тут заскрипели балки потолочной крепи. Но не в конце штрека, где они копали, а в нескольких метрах от них.

Паульсен заслонил глаза от света лампы.

— Что это было?

Лопата выпала у него из рук. Только теперь он увидел: в середине участка происходило именно то, чего они пытались добиться своей каторжной работой. Боковая стена обрушивалась.

Деревянные балки застонали, и вдруг прямо перед ними рухнул весь потолок. Вода брызнула им в глаза.

Волна ударила Паульсена в грудь. В ту же секунду уши заложило от давления. Он ещё услышал, как по ту сторону обрушившейся стены лопаются другие рамы крепи и как порода осыпается на протяжении по меньшей мере десяти метров… а потом стало мёртво тихо.

Только вода тихо, с мокрым шлепаньем билась о стены, пока не успокоилась.

Диттрих неуверенно повернул голову.

— Что случилось?

— На этот раз мы заперты в конце проклятого штрека, — прошептал Паульсен.

Часть 4. Отступление
Четверг, 11-е сентября

ГЛАВА 23

Чуть позже семи утра Кёрнера и Сабриски разбудил Филипп: он стучал в дверь их комнаты. Пока Сабриски, смертельно усталая, выбиралась из постели, чтобы потом поплестись в ванную в конце коридора, Филипп присел к Кёрнеру на кровать. Эксперт-криминалист пересказал новости, которые с рассвета слушал по переносному радиоприёмнику на батарейках: уснуть он всё равно уже не мог.

Положение оставалось таким же безнадёжным, как накануне. Обширные районы страны стояли под водой, особенно округа Кремс, Хорн, Цветд, Тульн, Лицен, Леобен и Рорбах. О Грайне по радио тоже снова говорили: ночью на четыре часа открыли шлюзы Трирахерской плотины, потому что вода всё сильнее подпирала и уже подмыла химический завод в Шпойсдорфе.

Мэр Грайна запросил помощь для своего посёлка. В пятницу по воздушному мосту должны были доставить тысячи мешков с песком, а также двести полевых кроватей и одеяла для временных убежищ. С раннего утра армейские вертолёты перевозили сетчатые контейнеры с насосами,

генераторами и установками для осушения.

Кёрнер больше не мог слушать эту бесконечную трескотню о дожде, паводке, гребнях дамб и уровнях воды. Он стоял у окна и смотрел на огромную пожарную машину, припаркованную в переулке возле лавки, словно та только и ждала команды.

— Ты что, не понимаешь? — Филипп поднялся. — Воздушный мост — наш шанс наконец выбраться отсюда.

— А кто раскроет дело?

Филипп пропустил вопрос мимо ушей.

— В новостях передавали про репортёршу из «Нойнкирхенер рундшау». Наша единственная свидетельница по убийству Крайник мертва!

Кёрнер резко обернулся; сон с него как рукой сняло.

— И ты говоришь это только сейчас?

— Незадолго до отправки в психиатрическую больницу ей кто-то вколол Акутард. Нейролептик. Он погрузил её в двухдневное полусонное забытьё. Сегодня утром она вскрыла себе вены.

— Вебер, сукин сын! — кулак Кёрнера глухо ударил по оконной раме. — Когда он остался с репортёршей один в машине скорой, он наверняка ввёл ей не Галдол, а ампулу Валиума. Чтобы

она не могла говорить. — Он кивнул на скомканный лист бумаги на тумбочке. — Она успела только сделать этот рисунок. А потом он вколол ей Акутард.

Дверь открылась, и мимо них прокралась Сабриски. У неё раскалывалась голова, затылок свело.

— Вода ледяная, и свет в ванной не работает.

— У нас проблемы посерьёзнее.

Пока Филипп рассказывал ей новости, Кёрнер уже собирал вещи. Он думал о трёх детях с разорванными позвоночниками, о повешенном мальчике, об очевидице с перерезанными венами, о своём убитом коллеге из уголовной полиции и о безумном священнике, которого сельчане линчевали сто пятьдесят лет назад.

— В этом месте уже много лет зреет какое-то огромное дерьмо. Нам надо убираться отсюда.

Он принялся искать ключи от машины.

Сабриски завязала полотенце вокруг мокрых волос.

— Куда ты собрался? Моста нет, позвонить мы не можем.

— Проедем несколько километров вверх по реке, в соседний посёлок, в Хайденхоф. Там живёт одна моя знакомая. Она, конечно, странная, но не

такая сумасшедшая, как люди в Грайне.

Сабриски изумлённо посмотрела на него.

— Через пять минут буду готова.

Она и Филипп исчезли в своих комнатах.

Кёрнер потянулся к наплечной кобуре. Пусто. «Глок» всё ещё лежал в подвале «Газлайт» — там, где он выпустил его из рук, наткнувшись на труп Базедова. Оставлять оружие в посёлке было нельзя.

Сложив рисунок репортёрши, дневник министранта и остальные материалы дела в папку, он выскочил в коридор. Он хотел дёрнуть ручку двери соседней комнаты, разбудить Бергер, поторопить её, но неплотно прикрытая дверь сама приоткрылась на щель.

В комнате стояла кромешная темнота. В воздухе ещё держался привкус железа и кордита. Суетливая спешка Кёрнера мгновенно сменилась холодным внутренним напряжением. Он заглянул через щель во мрак. *Почему Бергер не заперла дверь, хотя он вчера вечером советовал ей это сделать?* Он знал, что это значит.

Кёрнер задышал неглубоко, ногой распахнул деревянную дверь до конца и вошёл. Занавески были задёрнуты; лишь через узкий просвет в комнату сочился сумеречный свет, но этого хватило.

Сотрудница уголовной полиции сидела на стуле лицом ко входу. Пистолет свисал из её безвольной руки, на коленях лежала разорванная подушка. Белые перья, кровь, волосы, осколки костей и мозговое вещество, перемешавшись в кашу, липли к полу, занавеске и стене.

Кёрнер ощутил странное спокойствие — такого он не испытывал никогда. С той секунды, как приоткрытая дверь подалась у него под рукой, он уже инстинктивно знал, что найдёт в комнате. Словно во сне он подошёл к трупу.

Пистолет в руке Бергер был «Глок-17», с чёрными накладками на рукояти и выемками под пальцы. Табельное оружие уголовной полиции. Его табельное оружие. Пуля вошла в голову Бергер на уровне лба; сложенная подушка послужила глушителем.

Кёрнер опустился на колено, чтобы нащупать пульс на запястье Бергер. Кожа была холодной, кровь засохла: смерть наступила уже несколько часов назад. Он вспомнил глухой удар из соседней комнаты, который ночью вырвал его из кошмара. *Он слышал выстрел.* Время совпадало: криминальный психолог наверняка была мертва уже больше трёх часов.

Невольно ему вспомнились слова Бергер,

сказанные при виде повешенного мальчика Гойссера. *Она никогда не покончила бы с собой.* Конечно, это было не самоубийство — точно так же, как не сам наложил на себя руки Мартин Гойссер.

Проклятые сельчане забрали оружие Кёрнера из подвала «Газлайт», но отпечатки его пальцев с рукояти наверняка не стёрли. Впрочем, это уже ничего не меняло. Баллистики из Земельного командования жандармерии всё равно за час установят, что пуля вышла из ствола его «Глока».

Пока он смотрел на труп, в голове вспыхнуло ещё одно воспоминание — нелепое, совершенно не к месту. Тот разговор с Бергер, когда во вторник утром они приехали в посёлок.

На этот раз вы не уедете домой без меня, предупредила она.

Хорошо, ответил он.

Он обещал взять её с собой в Вену и больше не оставлять одну в Грайне. А теперь она была мертва — застрелена пулей из его табельного пистолета.

Средства массовой информации быстро сложат картину происшествия. Всё сходилось слишком хорошо: за четыре дня до судебного слушания отстранённый от службы сотрудник уголовной

полиции убил единственную свидетельницу обвинения по делу о причинении смерти захватчику заложников.

Чем дольше он думал, тем яснее понимал, как глубоко влип. Его терзали сомнения. *Случилось бы убийство Бергер, если бы он, отстранённый следователь, отказался от дела?* Шок накатывал постепенно. Сначала у него задрожали руки, потом сдавило грудь. Кёрнер выскочил в коридор — ему срочно нужен был свежий воздух.

Филипп стоял рядом с Сабриски в дверном проёме.

— Мы готовы. Где Бергер?

Сабриски, судебный медик, коснулась его влажного лба.

— Господи боже… Что случилось?

— Бергер мертва.

Сабриски прижала ладонь ко рту, сдерживая крик.

Филипп протиснулся в комнату.

— Ублюдки!

Через мгновение он уже вышел обратно.

— Они в отчаянии. Мы, чёрт возьми, совсем близко подобрались к правде.

— И это всё, о чём ты думаешь? Если мы не смоемся, они попытаются убить и нас.

Кёрнер схватил Сабриски за руку и потащил вниз по лестнице. Она не сопротивлялась, не задавала вопросов — просто позволила ему вести её. Филипп с грохотом помчался следом, прямо в зал общины. В считаные секунды они сгребли все материалы дела.

— Не надо горячиться, — предупредил Филипп.

— Нам надо отсюда уходить. В Хайденхофе безопаснее.

Кёрнер с несколькими папками в руках пронёсся через трактирный зал наружу. В воздухе висела мелкая морось. Небо было свинцово-серым. Над посёлком стояла мягкая осенняя тишина. Под полосами тумана поблёскивала мокрая мостовая.

Кёрнер указал через деревенскую площадь на «Газлайт».

— Моя машина стоит у чёрного входа.

Сабриски побежала первой, Кёрнер и Филипп — за ней. Влажный воздух, ветер и холод возвращали Кёрнера в тело. Он бежал, наполнял лёгкие кислородом, напрягал мышцы — и на миг вспомнил свою последнюю пробежку по Венскому лесу. Хотелось бежать, бежать всё дальше, оставить за спиной весь этот ужас.

Внезапно вспыхнувший дальний свет пожарной машины сбил его с шага. Две ярко-жёлтые

фары прорезали туман, заставив его светиться. Красная машина стояла в переулке, выжидая. Когда они поравнялись с массивным деревенским фонтаном, двигатель пожарного автомобиля взревел, и чудовище покатилось на них.

Сабриски оцепенела при виде стальной махины, набирающей скорость. Кёрнер рванул её за собой.

— Беги!

Он чувствовал, как мостовая вибрирует под подошвами, слышал рёв мотора, вдыхал густое дизельное дыхание. Глаза фар летели прямо на них; ослеплённый, он отвернул голову.

Филипп закричал.

Кёрнер увидел, как бампер пожарной машины ударил Филиппа и швырнул его в деревянный столб «Газлайт». На одно короткое дыхание чёрная масса пронёсшегося мимо автомобиля заслонила всё. Когда Филипп снова оказался в поле зрения, Кёрнер сжался всем телом. Рядом тихо застонала Сабриски.

Филипп лежал на досках, неестественно переломленный. Кёрнер попытался приподнять его, но голова Филиппа безвольно завалилась набок. С переломанной шеей и пустыми глазами он смотрел в деревянный потолок навеса.

Кёрнер нащупал сонную артерию криминалиста. Ничего. Он поднял глаза и покачал головой. Сабриски стояла рядом. Материалы дела выскользнули у неё из рук. Листы из папок кружились по площади, как пожухлая листва на ветру. До Кёрнера снова донеслись дизельные выхлопы.

Пожарная машина развернулась. Резкий холодный свет фар снова ударил им в лица; машина неслась на них, с каждой секундой набирая скорость. Кёрнер поднял руку, прикрывая глаза. Передняя часть ревущего дизельного чудовища оставалась лишь чёрным контуром в собственном свете. Разглядеть, кто сидит за рулём, было невозможно.

Кёрнер схватил Сабриски за запястье, ударом ноги распахнул дверь дискотеки и ворвался в вестибюль. Позади пожарная машина врезалась в двускатную крышу. Затрещали деревянные балки, брызнуло стекло. На долю секунды дальний свет оживил танцпол и железную конструкцию у стены.

Раздался скрежет коробки передач: водитель включил задний ход. Потом мотор снова взвыл, огромные колёса забуксовали, пожарная машина содрогнулась.

Не оглядываясь, Кёрнер и Сабриски бросились по коридору, мимо туалетов, к чёрному выходу. Он плечом распахнул дверь и провалился в грязь насквозь промокшего двора. Его «Ауди» всё ещё стояла там, где он оставил её вчера днём.

Кёрнер втиснулся за руль и распахнул для Сабриски пассажирскую дверь. Когда он вогнал ключ в замок зажигания, с другой стороны здания донёсся всё нарастающий грохот пожарной машины.

— Пристегнись!

Краем глаза Кёрнер увидел, как Сабриски дрожащими пальцами ищет ремень безопасности. Он завёл «Ауди» и, буксуя, вывел машину через поляну на дорогу в сторону Хайденхофа.

Сабриски разрыдалась. В зеркале заднего вида он увидел, как пожарная машина остановилась, из неё вышли несколько человек и потянулись к рациям.

ГЛАВА 24

Хайденхоф со своими многочисленными пашнями занимал площадь больше Грайна, но всё равно оставался общиной всего на двести душ — с крестьянскими дворами, коровниками, складами, захудалыми трактирами и несколькими жилыми домами.

Этой осенью Хайденхоф представлял собой картину отчаяния. Дождь уничтожил большую часть урожая. Уже несколько дней скот стоял в стойлах по воде. Коров с затопленных ферм, которых не успели эвакуировать, пришлось забить.

Навозные площадки и выгребные ямы ушли под воду; дождь смыл верхние слои старых отложений, и дороги всё сильнее затягивало грязью. Химикаты в отсыревших минеральных удобрениях высвобождали едкое газовое облако, резко вонявшее аммиаком.

Измождённые крестьяне с осунувшимися лицами, с платками на ртах и носах, перетаскивали мешки с поддонов в сухое место. Рядом с одним из таких дворов стоял единственный в Хайденхофе муниципальный дом — семь съёмных квартир под одной крышей.

Трёхэтажное здание возвели почти сорок лет назад; это была одна из первых мер тогда ещё только избранного бургомистра Вайсмана. Газовое отопление в дом так и не провели, жильцам приходилось топить дровяные печи, но теперь, во время катастрофы, это оказалось скорее преимуществом.

К жилому блоку примыкало несколько парковочных мест, однако Кёрнер поставил свой «Ауди» не среди других машин, а спрятал в пустом сарае за домом. На всякий случай он оставил ключ в замке зажигания: кто знал, как скоро им, возможно, придётся бежать и из Хайденхофа.

Потом они с Сабриски обогнули дом. Входная дверь была распахнута. Над домофоном висела заламинированная записка: «Не закрывать!» Разумеется, электричество в Хайденхофе тоже отключилось, так что электрическая защёлка не работала.

На спуске в подвал вода плескалась у самой верхней ступени. Кёрнер и Сабриски поднялись этажом выше, к двери номер пять. Их встретил щетинистый коврик с надписью «Добро пожаловать». Над глазком висел венок из бессмертников, рядом со звонком — табличка с золотым тиснением: «Мария Шабингер». Из-за отсутствия

электричества звонок не работал.

— Здесь живёт моя бывшая жена. — Кёрнер постучал в дверь, но никто не отозвался.

— Ты полон сюрпризов, — выдавила Сабриски.

Зубы у неё стучали, руки дрожали, хотя пальцы она сжала в кулаки. Кёрнер не знал, от шока это или от холода.

Он достал из кармана брюк связку ключей с куском проволоки. Согнул железку в два одинаковых штырька и ввёл их в скважину, минуя сувальды. Сколько раз он говорил Марии, чтобы она наконец сменила этот допотопный замок! С третьей попытки засов поддался.

В квартире никого не было. Даже Верены. Кёрнер надеялся, что она в безопасности у матери.

Комнаты казались вымершими: свет и телефон не работали, дисплеи радиоприёмника, видеомагнитофона и микроволновки превратились в мёртвые серые прямоугольники. На кухне штабелями стояли ящики с бутылками минеральной воды; в гостиной и спальнях — десятки огарков свечей, повсюду лежали одеяла.

Мария заткнула старым тряпьём щели в оконных рамах. Но толку не было: дерево уже гнило, стены так напитались водой, что штукатурка отслаивалась пластами. В нескольких местах с

потолка капало.

Сабриски стояла в прихожей, обхватив себя руками.

— Что мы здесь делаем?

— Ждём Марию. Может, она знает, как выбраться из посёлка. Нам нужна подмога. Вдвоём мы это дело уже не дотащим до конца.

Он провёл Сабриски в гостиную, завернул в одеяло и уложил на диван. В квартире стоял лютый холод. В плетёной корзине у печи оставались только щепки — их не хватило бы даже на растопку.

В аптечном шкафчике Кёрнер нашёл успокоительное и дал его Сабриски. Через несколько минут она уснула.

Кёрнер сидел при свете нескольких свечей, которые зажёг на кухне, и слушал, как Сабриски в гостиной дышит ровно и глубоко. В зеркале комода в прихожей отражался диван: одеяло на нём медленно поднималось и опускалось.

Он подождёт, пока Сабриски отдохнёт, а сам тем временем всё обдумает. Рассеянно он смотрел через кухонное окно на сарай, где стоял его «Ауди». Под серым небом ветер хлестал дождём по стеклу. Машину пока не обнаружили; сейчас у крестьян были другие заботы.

Он включил длинный фонарик, найденный под раковиной в ванной. Скудный луч упал на папку с немногими уцелевшими материалами дела: рисунок репортёрши, несколько фотографий с мест преступлений, наброски Филиппа и дневник алтарника.

Остальное буря разметала по грайнской деревенской площади во все стороны. *Как теперь Кёрнеру довести дело до конца?* Большая часть фактов осталась только у него в голове; к тому же он потерял Базедова и Бергер, а Филипп лежал с размозжённым черепом перед баром «Газлайт». Наверняка они уже убрали его тело.

Дерьмо. Если бы он хотя бы взял с собой свою проклятую пушку.

Он безнадёжно уставился на бумаги. Единственное, что оставалось, — дочитать последние страницы этого безумного дневника. Он боялся, что записи скорее породят новые вопросы, чем дадут ответы.

И всё же он открыл книгу и стал перелистывать страницы, уже вываливавшиеся из переплёта. Почерк везде был один и тот же: аккуратная мелкая писанина куррентом, слово к слову, тесно, почти без просветов.

Взгляд Кёрнера упал на запись от одинна-

дцатого февраля, начинавшуюся словами: «Это ужасно». Луч фонарика словно вырывал слова из сплошного рисунка письма.

Кёрнер склонился над книгой и начал читать с этого места.

11 февраля.

Это ужасно. После нечестивого совокупления патер Дорн окончательно сошёл с ума. Его отчаянные поиски Бога завершились безумием. Всё чаще он говорит о Чёрной Козе с Тысячью Младых[4]. Неужели он имеет в виду ту жуткую тварь, которая в конце января едва не разорвала его на куски?

16 февраля.

Сегодня патер Дорн впервые заявил, что христианского Бога не существует. Что он — всего лишь порождение человеческого разума, столь же нереальное, как и всё прочее, что человек выдумал, дабы лучше понимать необъяснимое. Бог, сказал он, не более чем понятный, осязаемый, смехотворный обман, за который цепляется

---

[4] Примечания: 4

Прим. пер.: Чёрная Коза с Тысячью Младых / Шуб-Ниггурат — отсылка к лавкрафтианской мифологии.

человек.

Слышать такое от патера Дорна — сердце разрывается. Он убеждал меня, что вера в Чёрную Козу — единственно истинная, ибо Шуб-Ниггурат непостижима, непонятна, абсолютно неуловима и является воплощением всего космического целого.

Знание о ней так велико, всеобъемлюще; он сам, по его словам, даже узрел на миг подлинное божество и на ничтожную долю мгновения испытал его несказанную муку. Он бредил страшными снами, которые с тех пор мучают его, видениями безумных ландшафтов и больных городов, существующих за пределами нашего воображения.

24 февраля.

Я думал, отродье мёртво, сгинуло в склепе, а его падаль погребена под машиной. Но я ошибался. С событий, случившихся двадцать четыре дня назад, оно росло под присмотром патера. Наверное, все эти недели он прятал его от моих глаз, потому что догадывается: его рождение я считаю святотатством.

Несомненно, отродье имеет злое происхождение. Я собственными глазами видел, что оно явилось не из этого мира, а из-за преграды, кото-

рую никогда не следовало открывать. Как долго оно там вынашивало намерение найти путь в нашу реальность?

Но это произошло, и сегодня я впервые увидел отродье после его нечестивого рождения. Патер Дорн прячет его в исповедальне. Мне удалось лишь мельком взглянуть, но и этого хватило, чтобы понять: уже сейчас, хотя оно ещё так мало, оно выглядит страшнее чудовищной сущности, из чьего содрогающегося тела выскользнуло.

Из-под одеяла, которое патер нёс на руках, высунулась корнеподобная, вооружённая рогами конечность. Патер поспешно исчез со своей ношей в исповедальне и запер дверь. Сразу после этого я услышал, как бесчисленные руки разом забились внутри, так что стены задрожали.

29 февраля.

Иногда существо выползает из исповедальни, скользит по полу или торопливо ползёт между рядами церковных скамей. Я вижу лишь части отродья, и мне кажется, оно растёт чудовищно быстро. От этих ужасных звуков у меня мороз бежит по спине.

Но ещё сильнее меня пугают регулярные посещения исповедальни патером Дорном. В этот

понедельник я провёл свой свободный день за работой в коровниках Адальберта Шмаля. Во время чистки стойл я вспомнил, что оставил дневник в своей каморке.

В полдень я побежал назад — забрать его и сделать несколько записей. Когда я вошёл в церковь, дверь исповедальни распахнулась, и оттуда, шатаясь, вышел патер Дорн. Он был по пояс голый, измазан кровью, спина перевязана простынёй.

С бешено колотящимся сердцем я спрятался за колонной и оттуда наблюдал, как патер, стеная, волочится в ризницу. Он прижимал руку к копчику, пытаясь остановить кровь.

***

Кёрнер поднял глаза. Хотя записи было почти сто сорок лет, звучала она так, будто напрямую была связана с последними событиями. Уже тогда жители Грайна получали травмы позвоночника.

Как могло нечто, начавшееся так давно, продолжаться до сегодняшнего дня?

Но не только несчастные случаи и ранения красной нитью тянулись через историю деревни; туда же относились и исповедальня, и скрытый в ней механизм с канатами и кожаными ремнями — тот самый, на копию которого он наткнулся

в дискотеке.

Как только Сабриски проснётся, он прочитает ей эти места. Возможно, она увидит связи, которые он сейчас разглядеть не мог.

Свет фонарика слабел. Кёрнер придвинул свечу ближе к книге.

14 марта.

Долгое время я не мог писать. Прошло уже две недели; каждый день я клялся себе заглянуть в исповедальню, но всякий раз находил предлог этого не делать. Однако сегодня я больше не желал ждать и твёрдо решил отправиться туда этой ночью.

Но обо всём по порядку.

В нынешний понедельник я впервые выгнал коров со двора Адальберта Шмаля на пастбище — правда, ненадолго. Земля ещё была мёрзлой, и я страшно продрог. Затем я поспешил вычистить стойла. Около шести вечера я закончил работу и после этого молился в капелле Девы Марии, где искал сил для своего замысла.

Я надеялся, что Богоматерь будет мне помощницей. Наконец я вышел из капеллы и вошёл в церковь. От дочери бургомистра я знал, что патер находится в деревне и не помешает мне.

Вооружившись масляной лампой и палкой, я подошёл к исповедальне. Встал перед закрытой дверью, задержал дыхание и прислушался. Потом приложил ухо к дереву. Но ничего. За дверью царила чернейшая тишина.

И всё же я был уверен: отродье должно находиться именно там, потому что на этот раз я не слышал его и не видел между церковными скамьями. Я отступил на шаг, нажал палкой на ручку и ногой распахнул дверь. Готовясь к тому, что оно бросится на меня, я поднял лампу, чтобы защититься… но исповедальня была пуста.

Удивлённый, я посветил внутрь масляной лампой. У меня перехватило дыхание. Пол закрывала ржавая железная решётка. От деревянной скамьи осталась лишь половина, косо прикреплённая к стене. С потолка свисали верёвки и блоки, а перед скамьёй была укреплена планка с окровавленными кожаными ремнями.

Исповедальня походила на древнюю пыточную камеру времён инквизиции. Я подошёл с лампой ближе, чтобы всё рассмотреть.

Мне в лицо ударила зверская сернистая вонь. Только тогда я увидел, что под решёткой зияет огромная дыра. Я поднял железо и прислонил его к стене. Доски под ним были расщеплены, их

изломы словно заросли тёмной губкой.

Посреди исповедальни в землю уходил глубокий, вонючий, пронизанный корнями колодец — как раз такой ширины, чтобы в него мог протиснуться худощавый человек. Наклонившись над отверстием, я опустил лампу на палке вниз, пока не различил земляное дно.

Затем начал спускаться, осторожно держа лампу в сгибе руки. Я перебирался вниз по корням, пока через несколько метров не нащупал ногами землю. Тяжёлое предчувствие охватило меня, когда я осторожно присел на корточки и всмотрелся в темноту.

Яма была не единственным, что здесь скрывалось: под церковным нефом в землю уходил низкий туннель шириной около метра. С потолка свисали корни, пахло чёрной землёй и гнилым деревом. Но далеко я видеть не мог: свет масляной лампы слепил меня.

Когда я, пригнувшись, двинулся в туннель, то прикрыл пламя рукой. Ход уходил вниз. Вскоре я заметил, что с потолка капает. Дождевая вода? Неужели я уже под церковным двором? Кто выкопал этот туннель? Не был ли он ещё одной скрытой частью Турецкого колодца?

Тут ход разветвился. Через узкое отверстие я

смог заглянуть в склеп и увидеть части Безмолвной машины. Главный же туннель, сделав изгиб, вёл дальше, в глубину.

Кое-где в стенах были ниши, будто патер Дорн выбивал эти углубления лопатой прямо в земле. В выемках стояли огарки свечей. Я зажёг несколько от масляной лампы. Тотчас стало светлее.

И тут я услышал шипение в конце хода. Краем глаза заметил, как что-то метнулось по полу назад. В голове промелькнула мысль: неужели отродье боится огня? Конечно — недаром же оно пряталось в тёмной влажной земле.

Я быстро зажёг все свечи в туннеле. Вскоре шипение в конце хода стало громче и превратилось в пронзительные, мерзкие звериные крики. Я сделал несколько шагов вперёд, но дальше идти не решился.

На меня дохнуло отвратительной серной вонью. Молочный туман стлался передо мной по полу. В сумраке я различил движение — тёмное, волнообразное, будто само пространство впереди корчилось.

Мне было трудно смотреть на эту фигуру, потому что она беспрестанно меняла форму. Я видел конечности, которые чудовищно вытягивались; словно живые корни, они меняли очертания,

выстреливали из темноты и тут же молниеносно втягивались обратно.

Всё бурлило, как корыто, полное червей. Щупальца хлестали вокруг, щёлкали о стены и потолок. От этого зрелища у меня разболелась голова, веки задрожали, из носа потекла кровь. Вдруг всё пространство передо мной растянулось, что-то метнулось ко мне и рассекло мне щёку.

С криком я бросился назад по туннелю. Спотыкался на земляной тропе, ударился плечом о стену, выронил палку и масляную лампу и, задыхаясь, бежал к тому месту, где сверху падал свет.

Я слышал, как что-то несётся за мной по ходу, по-паучьи перебираясь по потолку и стенам. Я выпрямился и прыгнул вверх по шахте. Пальцами обхватил корневые жгуты, подтянулся на них, пока не ухватился за кожаные ремни на деревянной планке.

Пока я втаскивал себя в исповедальню, подо мной всё бурлило. С бешено колотящимся сердцем я вывалился из кабинки и захлопнул за собой дверь. Лишь один раз что-то изнутри бросилось на стену… потом стало тихо.

Никогда больше я не осмелюсь заглянуть в исповедальню! Какой же ад патер Дорн привёл в наш мир? Тяжело дыша, прислонившись спиной

к двери, я начал молиться.

26 марта.

Моё посещение исповедальни наверняка не осталось скрытым от патера Дорна. Несомненно, он заметил поднятую решётку, масляную лампу и сгоревшие огарки свечей в туннеле. И всё же он не сказал об этом ни слова.

Напротив: он ведёт себя так, будто ничего не случилось. Осознал ли он, что натворил, или лишь понял, что теперь должен быть осторожнее?

27 марта.

Патер Дорн изменился. До рождения отродья он посвящал меня в свои планы, но теперь отказывает мне в доверии. Он ведёт себя как прежде, обычная церковная жизнь возвращается. Даже мессы снова начинаются. В это воскресенье пришли всё-таки трое верующих из Хайденхофа.

Но я знаю: всё это лишь маскарад и обман. Всё чаще патер Дорн кровоточит из раны на спине. Он начинает хромать, руки и ноги у него подёргиваются. Отродье питается им, вонзает своё жало ему в хребет.

Сегодня утром я застал патера Дорна в ризнице: он лепил из чёрных экскрементов квадратные гостии и ел их. У него боли, объяснил он мне, а это лекарство облегчает их.

Во время святой мессы я видел, как он раздавал гостии молящимся. Я уверен: отродье насыщается не только патером, но теперь уже и людьми в деревне.

3 апреля.

На этот раз на мессу явились восемь верующих, хотя я сомневаюсь, что они верят в Бога. В основном это были женщины и дети.

Они покорно приняли чёрную квадратную гостию.

Они подпали под власть патера Дорна. Я знаю, что он меняет их. Они могли бы бежать из Грайна, но не делают этого. Что-то удерживает их в деревне. Я замечаю, что никто не покидает это нечестивое место; они остаются здесь, как зависимые.

***

Сердце Кёрнера бешено забилось.

Они остаются здесь, как зависимые!

Откуда он знал это чувство? Жители оставались в посёлке навсегда. Почти никто не уезжал надолго. *Что ему напоминала эта фраза?*

Он помассировал виски. Снова и снова перечитывал последние слова, стараясь не потерять чувство дежавю, которое медленно складывалось внутри, — и тут в голове вспыхнуло воспоминание.

Он вспомнил отпуска, в которые ездил мальчишкой с родителями: каменистый берег, море. И вдруг почувствовал запах сосновых лесов.

В Хорватии они никогда не оставались дольше пяти дней. По сути, выходило всего четыре дня, потому что дорога на машине занимала каждый раз больше двенадцати часов. *Непостижимо, почему они так ненадолго уезжали из дома.*

Тогда он думал, что дело в деньгах, но отец, прораб на стройке, зарабатывал неплохо. Скорее уж их короткие отпуска выглядели так, будто что-то тянуло их обратно в Грайн.

Само место?

Чем дольше он об этом думал, тем безумнее казалась мысль. Он прочитал фразу ещё раз, чтобы убедиться, что не гонится за химерой.

Они остаются здесь, как зависимые!

Невольно всплыло ещё одно воспоминание

— то, которое он предпочёл бы вытеснить. О Марии. Когда он со своей тогда ещё молодой женой переехал в Вену, она слабела тем сильнее, чем дольше оставалась вдали от родных мест.

Сначала были безобидные головные боли и ломота в шее, потом мигрени, тошнота, жар и приступы головокружения. В Вене Мария угасала; она всё время настаивала, чтобы они вернулись в Хайденхоф.

Они остаются здесь, как зависимые!

Ему вспомнился разговор с Германом Гойссером. Электрик рассказывал, что его мать уехала на неделю в Харбах, на санаторное лечение. *Почему всего на семь дней?* Обычно реабилитационный курс длился три недели.

Что, чёрт возьми, удерживало людей в Грайне и Хайденхофе? Почему они не уезжали? Что тянуло их обратно?

Когда в замке звякнул ключ, Кёрнер захлопнул книгу и повернул голову к входной двери. Он выключил фонарик и сунул его в карман брюк.

ГЛАВА 25

Мария вошла в прихожую. По привычке щёлкнула выключателем, но в коридоре не зажглось ни огонька. Выругавшись, она поставила сумки с покупками на пол, стянула дождевик и сбросила высокие сапоги.

Кёрнер видел её тёмно-рыжие волосы, распущенные поверх свитера с высоким воротом. Странно: та девушка, которую он незадолго до собственной свадьбы снова встретил в регистрационном ведомстве Нойнкирхена и в которую влюбился, чем-то напоминала Сабриски — темпераментом, порывистыми, чуть нервными движениями. В сущности, обе женщины были похожи: упрямые, независимые — и независимость эта действовала освежающе.

Мария сморщила нос, затем резко повернула голову. Сначала уставилась на горящие в кухне свечи, потом заметила Кёрнера. Глаза её расширились.

— Что ты здесь делаешь? Ты с ума сошёл — так меня пугать?

— Привет. — Кёрнер остался сидеть. — Ты же сама сказала, что я могу зайти на кофе.

— Момент хуже не придумаешь.

Она быстро взяла себя в руки, поставила сумки на кухонную столешницу и принялась раскладывать банки, бутылки и упаковки с заморозкой на подоконнике. Пока электричества не было, ветхое окно, сквозь щели которого тянуло ледяным ветром, вполне могло заменить холодильник.

— Это всё, что ещё удалось достать. Уже с утра все магазины были закрыты.

У Кёрнера заурчало в животе. Было без нескольких минут двенадцать; только теперь он понял, что так и не позавтракал.

— Где Верена?

— У подруги.

— Там они наверняка сидят и дымят.

— Алекс, прекрати.

Он молча кивнул. В голове вертелись слова Герера: ему следует подумать о дочери и убираться из посёлка. Но пока Мария держалась как само спокойствие, Верене, конечно, ничего не угрожало. Иначе Мария уже была бы на грани истерики. Он знал, что с ней бывает в панике.

Он внимательно следил за ней. Руки у Марии дрожали, когда она ставила пакеты молока один на другой. От холода? Или из-за него?

Она села напротив.

— Я слышала, вы остановились в «Буром Пятироге».

— Милый постоялый двор. Хозяйка о нас заботится.

Он наблюдал за её лицом, но не заметил ничего подозрительного. И поймал себя на мысли: не становится ли он уже окончательным параноиком?

— Как продвигается дело? Ты уже поймал убийцу маленькой Крайник?

— Слишком много ложных следов. Расследование, пожалуй, займёт ещё несколько дней, — солгал он.

Она понимающе кивнула. Потом вдруг попыталась улыбнуться.

— Я могу сварить нам кофе на газовой горелке.

— Прекрасно.

Пока она гремела кухонными ящиками, он размышлял. Самое позднее — когда Мария войдёт в гостиную и увидит Сабриски на диване, — ему придётся сказать правду. Расследование закончено; Базедов, Бергер и Филипп мертвы; они с Сабриски в бегах.

Он не верил, что его бывшая жена замешана в заговоре жителей. Его единственный шанс — рассказать Марии как можно меньше и спросить, как выбраться из посёлка. Всё пошло наперекo-

сяк, основательно и бесповоротно. Ему нужно в Вену, в Управление земельной жандармерии, — выложить факты. Дальше пусть разбирается кто-нибудь другой.

— Мария, есть ли дорога через…

Она обернулась.

— Молоко и сахар?

Он кивнул.

Тут её взгляд упал на дневник.

— Ты туда свои следственные заметки записываешь? — спросила она с улыбкой.

— Это книга об исторических событиях в Грайне, — снова солгал он. — Ты знала, что в позапрошлом веке здесь был сельский священник, которого убили местные жители?

— Этой историей мальчишки пугали меня ещё тридцать лет назад. Патер Дорн, верно?

— Это правда. Здесь всё написано.

Он постучал по книге.

— Как ты его нашёл?

— Я…

Он осёкся. Опять один из тех моментов, когда время будто на миг застывает. Мария спросила не где, а как он его нашёл. Значит, она знала, что книга существует. Так же, как убийцы Мартина Гойссера, вынесшие все записи мальчишки из

полости в стене за постером.

— С чего ты решила, что я его нашёл?

— Да брось. — Она пожала плечами. — Где-то же ты должен был его найти. Дневники ведь не валяются просто так.

Она поспешно отвернулась, потянулась за спичкой для горелки. Но он всё равно успел заметить, как она прикусила нижнюю губу.

Мария, Мария. Плохая же ты лгунья.

Он медленно поднялся.

— Я не говорил, что это дневник.

Плечи Марии напряглись. Он схватил её за руку и развернул к себе.

— Ты всё знаешь, верно? Что они тебе сказали? Ты должна была усыпить мою бдительность здесь, в квартире, а потом найти возможность сообщить остальным?

— Каким остальным? — взвизгнула она. — О чём ты вообще? Ты спятил! Отпусти меня!

Он встряхнул её.

— Кто с тобой говорил? Вебер? Вайсман? Хозяйка? Или Фридль, жандарм?

— Никто.

Она всхлипнула.

Он ослабил хватку.

— Ты перешёл дорогу местным, да?

Она смахнула с лица слёзы, и голос её стал злым, колючим.

— Но ты ведь не можешь остановиться. Тебе всё равно надо копать дальше!

— «Всё равно»? Несмотря на что? — рявкнул он.

И тут его осенило.

— Старик Герер говорил с тобой. Ты знаешь, что он предупреждал меня: хватит рыться в вашем прошлом. У них Верена, да? Она вовсе не у подруги!

— Я ничего не знаю.

Он ударил её по лицу.

— Хватит лгать! Где она?

Мария вывернулась в его руках, и вдруг у неё в ладони оказался хлебный нож. Она ударила без предупреждения. Он отшатнулся, но лезвие прошло сквозь свитер и распороло ему плечо.

Кёрнер ещё не успел почувствовать тёплую кровь, а Мария уже замахнулась снова. На этот раз она вскинула нож над головой и обрушила руку вниз.

Он наугад шаркнул ладонью по столешнице. Сбил в сторону пакет молока, ухватил газовую горелку и ударил — раз, второй, третий. Мария отшатнулась, нож выпал у неё из руки, и она

рухнула навзничь. Голова с треском ударилась о стекло электроплиты, оставив на нём тёмный след.

Кёрнер поднял глаза. Сабриски, закутанная в одеяло, стояла в дверях и смотрела на кухню. Было мёртво тихо; только молоко из опрокинутого пакета стекало по фасадам ящиков.

— Алекс, — прошептала Сабриски. Глаза у неё были полузакрыты. — Я не могла уснуть. Что ты, чёрт возьми, здесь творишь?

Одеяло соскользнуло с её плеч на пол. Почти рефлекторно она наклонилась к Марии, чтобы нащупать сонную артерию. Глаза Сабриски расширились. Сон слетел с неё мгновенно.

— Алекс, что ты сделал?

Кёрнер выронил горелку. Только теперь до него по-настоящему дошло, что произошло.

— Как она? — выдавил он.

— Она мертва!

Сабриски схватила Марию за плечо и перевернула на живот.

— Алекс, ты проломил ей череп!

— Она знала всё о нашем расследовании.

Кёрнер осел на стул. Голова закружилась. Он закрыл лицо руками.

— Жители заодно. Они обо всём знают.

Он поднял голову.

— Яна, они не выпустят нас отсюда живыми. Они скрывают что-то куда большее, чем мы до сих пор могли предположить. Мы только царапнули поверхность страшной тайны Грайна — не больше. Что бы это ни было, они будут защищать это любыми средствами.

— Алекс! — резко оборвала она. — Ты убил свою бывшую жену.

— Свою бывшую жену, — недоверчиво повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Да. Даже она хотела меня убить. Яна, она бросилась на меня с ножом. Кому я ещё могу доверять в этой чёртовой деревне?

Сабриски сидела на корточках рядом с телом. Затылок Марии превратился в месиво из крови и слипшихся волос. Свитер задрался над поясом брюк, обнажив кожу. Кёрнер оцепенело уставился на пластырь, выглядывавший из-под ткани.

Он напомнил ему те времена, когда они с Марией жили вместе. У неё было больное сердце, и ей постоянно приходилось носить на теле сосудорасширяющий нитропластырь[5].

---

[5] Примечания: 5

Прим. пер.: «Нитропластырь» — пластырь с нитроглицерином или сходным сосудорасширяющим препаратом, применяемый при сердечных заболеваниях.

Какие только безумные мысли не лезут в голову.

Ещё тогда он удивлялся, почему она клеит пластырь не на грудь, а над ягодицами. «Неважно, где я его ношу, главное — чтобы выглядело сексуально», — отвечала она, подмигивая. Когда Мария, уже беременная Вереной, переехала в его венскую квартиру, головные боли и ломота во всём теле усилились. Тогда он решил, что дело в её болезни.

— Она была такой слабой, такой беззащитной… Всё время носила эти нитропластыри, — выдавил он.

Тысячи воспоминаний пронеслись у него в голове, как хаотично смонтированная плёнка.

— И всё равно она ушла от меня. Растила Верену одна. Я так мало заботился о них обеих… а теперь она мертва.

Он закрыл глаза.

— Я должен найти Верену.

Голос Сабриски вернул его к реальности.

— Это не нитропластырь.

Судебный медик задрала свитер Марии. Резким движением сорвала пластырь с кожи. Место под ним покраснело, а в середине зияло круглое чёрное углубление.

— О господи.

Сабриски с ужасом смотрела на отверстие.

У Кёрнера перехватило дыхание. Он бросился к ней на пол, провёл пальцами по ране.

— Что это? — выкрикнула Сабриски.

— Это ты у нас медик.

Кёрнер вдавил палец в мягкую плоть. Та среагировала мгновенно — сомкнулась вокруг пальца. Он резко выдернул руку. Сердце бешено заколотилось.

— Чувствуешь запах серы?

Кёрнер поднёс палец к носу, и его замутило. Он вытер палец о брюки, не в силах отвести взгляд от раны на спине Марии, из которой сочился бурый сок. Неужели все эти годы она прятала эту рану под пластырем?

Конечно. Каким же он был слепцом. В одно мгновение Кёрнер понял жестокую правду Грайна и Хайденхофа. Когда они с Бергер впервые приехали сюда, то заметили трёх старых крестьян: те сидели на скамье перед постоялым двором как прибитые и таращились на них. И каждый раз, когда он забирал Верену на выходные, Мария сидела на кухонной лавке так же неподвижно, как эти трое.

Отверстия на местах преступлений. В стене

бара «Газлайт», в туалете бакалейной лавки, в церковной скамье. Что скрывалось за этими стенами? И почему у жителей Грайна уже сто сорок лет появляются раны на позвоночнике?

Он вспомнил дневник министранта. Иуда был жалом в плоти Иисуса, как патер Дорн — в безбожной церкви. Жало. А что, если сравнение вовсе не было метафорой? Если это жало существовало на самом деле?

— Алекс, что происходит? — Голос Сабриски звучал тревожно.

— Всё связано.

Кёрнер осветил свечой спинку кухонной лавки. Если он прав, это должно быть где-то здесь. Он прикрыл пламя ладонью, затем резко убрал её, позволяя свету скользнуть по дереву. И увидел вспышку — словно лучи изгибались вокруг одной точки.

— Здесь.

Он вдавил палец в мягкое место в древесине.

— То же самое явление, которое мы с Филиппом обнаружили вчера вечером.

Он передал Сабриски свечу, отодвинул стол, ухватился за край лавки и рванул её от стены. Шурупы заскрежетали в дюбелях, из отверстий посыпалась пыль. Он тряс лавку, пока та оконча-

тельно не оторвалась.

За ней, в кирпичной кладке, обнаружилась дыра размером с кулак. Её края были залеплены бурой, затвердевшей слизью.

— Я ничего не понимаю, — простонала Сабриски.

Рука со свечой дрожала.

— Я пока тоже.

Кёрнер выскочил из кухни в кладовку. Он распахивал шкафы и ящики, пока не нашёл ящик с инструментами. С молотком в руке вернулся на кухню. Без колебаний замахнулся и ударил по кирпичам.

По штукатурке побежали трещины. Раствор осыпался белой пылью; руки и лицо Кёрнера уже побелели. Он бил снова и снова, пока отдельные кирпичи не начали выламываться из кладки.

Вскоре пролом стал достаточно большим, чтобы просунуть в него голову. Внутри стены тянулись электрические кабели и водопроводные трубы с верхнего этажа. Из глубины поднималась едкая вонь — смесь клоаки и серы.

— Свечу! — приказал он Сабриски.

Она протянула ему горящий огарок, и он внёс его в пролом. Стенки мерцали бурым блеском, будто их покрывала густая слизь, похожая на

оболочку кокона. Когда он повернул свечу, с неё закапал горячий воск. Снизу донеслось влажное чавканье.

Кёрнер протянул руку глубже и склонил голову в отверстие, пытаясь заглянуть вниз. Во тьме что-то двигалось, но света свечи не хватало, чтобы разглядеть это отчётливо. Серебристо-серые волнообразные тени — будто в земле бурлили десятки бесконечно длинных конечностей.

И вдруг ему показалось, что кладка вокруг его головы сжимается. Пустота в стене деформировалась и запульсировала, как живая. Чудовищная боль вонзилась ему в лоб. Свеча выпала из руки. Ещё до того, как она ударилась о дно, пламя погасло.

Снизу поднялись мучительные звуки. Что-то стремительно понеслось вверх по стене. Кёрнер выдернул голову из пролома и отшатнулся.

Дыхание у него стало хриплым. На лбу выступил пот.

— Алекс!

Сабриски положила ладони ему на щёки, словно пытаясь защитить, но тут же отдёрнула руки. В ужасе уставилась на свои тёмно-красные ладони.

Кёрнер почувствовал, как из ушей течёт тёп-

лая кровь. Он опёрся о подоконник и уставился в окно.

— Минуту… передохнуть, — прохрипел он, глядя на безлюдные поля.

Куда исчезли крестьяне? У сарая больше никого не было; никто не грузил мешки с минеральным удобрением в кузов бортового грузовика. Прохладный воздух скользнул по щеке. И тут он заметил, что Мария не закрыла внутреннюю створку кухонного окна, когда раскладывала продукты на подоконнике.

Крестьяне должны были услышать удары молотка. И теперь они исчезли.

В тот же миг по лестничной клетке загрохотали сапоги.

Кёрнер схватил Сабриски за руку.

— Быстро. Уходим отсюда!

Но рама с треском раскололась, дверь распахнулась, и на кухню ворвалась горстка мужчин в резиновых сапогах и серых комбинезонах. Кёрнера и Сабриски тут же окружили. Он ещё успел оттолкнуть её себе за спину, когда черенок лопаты ударил его в висок.

ГЛАВА 26

Кёрнер открыл глаза.

Сначала всё плыло перед ним, но постепенно приборы на мраморной столешнице обрели очертания кофеварки и хлеборезки. Он обвёл кухню блуждающим взглядом и понял: всё, что здесь произошло, не было дурным сном, какими мучили его прежние ночи.

На стеклянной дверце электроплиты запеклась кровь, газовая плитка валялась на полу, а если Кёрнер поворачивал голову так далеко, что начинало ломить шею, он мог разглядеть даже дыру в кладке. Труп Марии исчез; только кровавый след тянулся по полу в коридор. Наверняка кто-то выволок её из кухни за ноги.

Он сам стал убийцей.

Эта мысль пришла следующей. И всё же они оставили его в живых.

Он поднял голову. За висками адски стучало. Нёбо пересохло, как кожа. Настенные часы показывали десять минут третьего. Он провалялся без сознания почти два часа. За окнами, над холмами, висели чёрные грозовые тучи; сквозь них в кухню сочились мутные сумерки.

Когда он попытался подняться, то понял, что руки у него связаны за спиной и привязаны к стулу. Кисти онемели, пальцы почти не слушались. Нейлоновая леска впивалась в запястья, и чем сильнее он дёргал руками, тем глубже она резала кожу.

Он попробовал собрать во рту слюну.

Всё бы сейчас отдал за глоток воды.

Но кран был слишком далеко, а сам он не мог сдвинуться с места.

Кёрнер посмотрел вниз. Каждая щиколотка была привязана к ножке стула. Кроме того, кто-то закатал ему левый рукав свитера до самого плеча и наложил давящую повязку на колотую рану.

Почему они возятся с ним, как с больным? Что им от него нужно? Где Сабриски?

— Он очнулся, — прошелестел чей-то голос.

В дверном проёме стояла фигура. Кёрнер видел лишь серый силуэт в халате, но голос Вебера было не спутать ни с чьим. Кёрнер хотел что-то ответить, однако из горла вырвался только хрип.

Из гостиной доносился тихий плач.

— Яна, — прошептал он.

Вебер, прихрамывая, вошёл в кухню. Лицо его оставалось в тени. Врач покачал головой.

— Это не ваша коллега. С двенадцатью мил-

лиграммами валиума в организме и звука не выдавишь.

Всхлипывания не прекращались.

— Кто? — выдохнул Кёрнер.

— Ваша дочь.

— Ах ты проклятая свинья!

Кёрнер рванулся в путах, но только глубже вогнал нейлоновые нити в плоть.

Вебер размахнулся и ударил его по лицу. На губе тут же проступил вкус крови. Кёрнер вытянул шею, пытаясь поймать отражение в зеркале прихожей, но Верены нигде не увидел.

— Сидите спокойно, тогда никто не пострадает, — предупредил Вебер.

— Папа! Папа! — голос Верены сорвался на визг.

Кёрнеру стало тесно дышать, будто грудную клетку сжали тисками. Он вскочил бы и голыми руками раздавил Веберу гортань.

Врач сунул голову в соседнюю комнату.

— Уведи малую! — приказал он, а потом снова повернулся к Кёрнеру. — Будьте благоразумны. Пока что всё у нас под контролем.

Входную дверь открыл какой-то мужчина и повёл из квартиры извивающуюся девочку в джинсах и свитере. На мгновение Кёрнер увидел

грибовидную копну волос своей дочери.

— Папа, я…

Мужчина грубо зажал ей рот. В следующий миг дверь за ним с грохотом захлопнулась.

— Куда вы её ведёте?

— В надёжное место.

В чьи когти попала Верена?

В голове Кёрнера закружились страшные воспоминания.

— Вы вкололи репортёрше из «Нойнкирхенер рундшау» двести миллилитров Акутарда! — выдавил он. — Она вскрыла себе вены!

— Ну-ну, всё было не совсем так. Нам пришлось немного помочь, — холодно ответил Вебер.

Кёрнер широко раскрыл глаза. Заметив его реакцию, врач усмехнулся.

— Как видите, у нас тоже есть связи.

У Кёрнера закружилась голова. Мерзавец признавал всё. Значит, оставлять его в живых они не собирались. Его убьют так же, как Базедова, Бергер и Филиппа.

Ни на одного местного жителя он не мог рассчитывать. В памяти всплыл только Вольфганг Хек, бывший школьный приятель. У начальника пожарной команды наверняка были связи, способные спасти Кёрнеру жизнь и положить конец

безумию в Грайне.

Но как связаться с Хеком?

Доктор подошёл вплотную. Кёрнер почувствовал запах его пота, лосьона после бритья и затхлую вонь мазей и инъекционных препаратов, въевшуюся во врачебный халат.

— Я получил из прокуратуры ордер на ваш арест.

В тусклом свете, падавшем из окна, рябое лицо Вебера походило на кратерный ландшафт. Волосы торчали в беспорядке, глаза покраснели, подбородок и щёки темнила трёхдневная щетина.

Врач вытащил из кармана пальто бумагу и разорвал её у Кёрнера перед глазами.

— Только теперь он вам уже не поможет.

За спиной Вебера возникла вторая фигура. Кёрнер уставился в круглое лицо с картофельным носом. Деревенский жандарм носил зелёную форму неряшливо: ворот рубашки расстёгнут, узел галстука болтается. Алоис Фридль провёл тыльной стороной ладони по губам.

— Земельное командование жандармерии в Вене уведомило меня о вашем отстранении, — сказал он. — Госпожа Корен позвонила вчера после обеда, сразу после того как вы прервали

разговор с ней по мобильному. Надо было слушать начальницу.

Вебер выпрямился перед Кёрнером, расправив спину.

— Вы даже представить не можете, какое удовольствие — наконец видеть вас перед собой вот так.

В кухню тяжело вошёл третий мужчина.

— Вон отсюда! — прогремел его голос.

Вебер вместе с Фридлем исчезли, освобождая арену Вайсману. Бургомистр закрыл коричневую пластиковую дверь-гармошку в коридор, обошёл вокруг стула Кёрнера, проверил путы на руках и ногах и подтащил себе стул.

— Тёмный час вашей жизни…

Он зажёг свечу и воском прикрепил её к посудомоечной машине.

Кёрнер следил за ним.

Что этот старый ублюдок задумал?

— Могу себе представить, как вы жаждете ответов, — сказал Вайсман. — Но я вам их не дам. Вы всё равно не поймёте взаимосвязей.

Бургомистр настороженно переводил взгляд из одного угла комнаты в другой. Отблеск свечи цеплялся за его серебристо-серую бороду, придавая ему опасность и хитрость старого волка.

— Не стоило вам ходить в церковь, прижимать старого Герера, эксгумировать детей и шнырять по дискотеке. Не говоря уже о том, чтобы выбивать двери и рушить стены. Вы уже выяснили слишком много. Значит, знаете, где оно.

Вайсман уставился на дыру в стене.

— Кёрнер, Кёрнер… Вы не умеете сгибаться. А ведь всё могло быть так просто. Мы дали криминальной полиции виновного — Мартина Гойссера. Он и так слишком много знал об отце Дорне и аварии в шахте. Нам пришлось убрать его, а заодно заставить исчезнуть его бумаги из чердачной каморки. Двух зайцев одним ударом. Мы уничтожили все следы. Даже даты рождения на свидетельствах о смерти убрали, чтобы никто не увидел связи. Как же вы всё-таки вышли на нас?

Всё-таки?

Кёрнер не подал виду. Вот почему они оставили его живым. Они хотели понять, где слабое место, где брешь в их игре из лжи и сокрытия. А ведь всё было просто: дневник Сабины Крайник навёл его на расследование Мартина, а потом нашёлся ещё и дневник алтарника, который Мартин прятал в церковном архиве.

Кёрнер с радостью повернул бы голову, чтобы

взглянуть на кухонный стол: лежит ли книга всё ещё там? В ней хранился ключ к этой запутанной истории.

Но Вайсман переоценивал его знания. Кёрнер всё ещё не понимал, как связаны убийство отца Дорна, авария в шахте и мёртвые дети Крайников. Сначала ему нужно было прочесть недостающие страницы дневника. Но прежде чем признаться в этом, он скорее откусил бы себе язык.

Сейчас молчание о связях, которых он и сам не знал, казалось единственной гарантией выживания.

— Вы по уши в дерьме, — прошептал Кёрнер.

Вайсман кивнул, словно другой реакции и не ожидал.

— Если вы не хотите говорить, я расскажу вам кое-что другое. О вас. И о вашем прошлом.

Он презрительно указал на Кёрнера.

— Упрямство у вас, видно, семейное. Ваш отец был такой же непокорный, как и вы. Он отчаянно сопротивлялся. Не хотел, чтобы его маленький сын тоже стал частью космической истины, ребёнком Чёрной Козы с Тысячью Отпрысками, как мы её называем. Ваша мать, напротив, была настоящей местной. Смиренной. Глубоко укоренённой в истории нашей деревни. Не то что

ваш отец. Дошло до драки. Что нам оставалось? Ваш родительский дом подожгли, и он сгорел дотла — как больше ста лет назад сгорела наша церковь. Всё случилось незадолго до вашего четырнадцатого дня рождения. Верно?

Вайсман сжал большой и указательный пальцы.

— Вот настолько мало вам не хватило до вживления. Вы хоть раз об этом думали?

— Это вы тогда устроили пожар! — ошеломлённо прошептал Кёрнер.

Когда смысл сказанного дошёл до него до конца, голос почти исчез.

— Вы убили моих родителей.

Но Вайсман услышал.

— Наконец-то поняли. Вам следовало остаться у сестры вашего отца в Вене и больше никогда не возвращаться сюда. Но нет, вам непременно понадобилось копаться в нашем прошлом. Ваша мать — царствие ей небесное — никогда не должна была связываться с этим венцем. Понимаете? Мы в деревне должны оставаться среди своих.

Вайсман хрипло дышал. Он приблизился так, что Кёрнер увидел прямо перед собой его лихорадочно блестящие глаза.

— Но время от времени нужна свежая кровь.

В нашу деревню пробралась наследственная болезнь, повреждение ДНК, несовместимое с сывороткой.

— Вы говорите о раке костного мозга, — сказал Кёрнер. — Из-за инцеста риск наследования повышается. Как у детей Крайников.

Вайсман вскочил со стула и зашагал по кухне.

— Метастазы в спинном мозге — яд для порождения! Мы впервые заметили это в девяносто девятом. Потом ещё раз, два года спустя. Что-то пошло не так. Детей буквально разорвало у нас на глазах.

Он резко развёл руки в стороны. Голос сорвался.

— Первые два несчастных случая нам удалось замять. Больше это не должно было повториться. Вживление младшей дочери Крайников провели на рассвете в баре, в присутствии нескольких жителей деревни. Мы сказали малой, что в день рождения ей не нужно идти в школу, и после завтрака отвели её прямо на дискотеку, где остальные уже ждали. Мартин Гойссер знал, что Сабина получит семя. Как-то этот сопляк догадался, что у неё всё пойдёт так же плохо, как у брата и сестры. Мы не знаем, как этот маменькин сынок докопался. А теперь скажите наконец: как

вы вышли на нашу тайну?

Вайсман размахнулся и ударил Кёрнера по лицу.

Голова Кёрнера мотнулась в сторону так резко, что хрустнули шейные позвонки. И всё же он успел мельком увидеть кухонный стол. Дневник в кожаном переплёте всё ещё лежал там. Наверняка бургомистр принял его за поваренную книгу или справочник по домоводству.

Продолжая говорить, Вайсман кружил вокруг него.

— Этот молокосос позвонил в газету, натравил на нас репортёршу, и в мгновение ока деревенская площадь кишела полицейскими.

Во рту у Кёрнера собралась кровь. Он бессильно сплюнул, и с подбородка потянулись красные нити. В этот миг из гостиной донёсся жалобный звук.

Сабриски? Неужели деревенский врач и правда вколол ей двенадцать миллиграммов валиума?

— Зачем вы проводите свои больные опыты над четырнадцатилетними?

— Не только над четырнадцатилетними. С четырнадцати каждый становится частью истины, — поправил Вайсман. — В пубертате меняется гормональный фон. Гипофиз управляет работой

половых желёз: тестостерон у мальчиков, прогестерон у девочек. Никаких опытов, Кёрнер. Это эволюция. Существо буквально пристрастилось к этому. Маленькую Крайник мы даже не успели пристегнуть к раме: хватательное щупальце дико метнулось вперёд и вонзилось ей в тело.

О чём говорит Вайсман?

Кёрнер снова услышал вздох из соседней комнаты, но не позволил себе отвлечься. Он смотрел только на Вайсмана.

— Какое существо? Откуда оно взялось? Что оно делает?

Услышав собственные слова, он будто снова оказался в дневниковых записях 1864 года.

— Не притворяйтесь, вы знаете! — рявкнул Вайсман. — Как вы догадались? Сколько уже знают власти?

Кёрнер только смотрел на него.

— Как хотите.

Вайсман решительно кивнул.

— Сейчас вы переживёте то, чего избежали почти тридцать лет назад. Может, это развяжет вам язык.

Он распахнул дверь-гармошку.

— Вольфганг! Пора!

— Вольфганг Хек?

Бургомистр обернулся.

— Вас это удивляет?

Кёрнер сглотнул тяжёлый ком.

— Вольфганг! — крикнул он. — Не делай этого. Иди сюда, развяжи меня! Мы с тобой можем покончить с этим как следует!

Он умолк, когда в дверном проёме появился Вольфганг Хек: рыжая борода всклокочена ещё сильнее обычного, рукава пропотевшей пожарной формы закатаны до локтей. Бывший школьный друг посмотрел на него печально.

— Алекс, мне жаль. Тебе надо было послушать Герера и уехать отсюда. Теперь поздно.

— Вольфганг! Ничего не поздно. Мне нужно только твоё показание. Земельное командование жандармерии гарантирует тебе освобождение от наказания, я могу…

Хек с сожалением покачал головой.

— Алекс, ты ничего не понимаешь. Когда мы закончим с твоей коллегой, ты умрёшь.

Он отвернулся и пошёл в гостиную. Вайсман молча последовал за ним, ещё раз проверив нейлоновую леску на запястьях Кёрнера.

Кёрнер рванулся в путах, но тут же стиснул зубы: нейлон резанул плоть. По запястью потекла тёплая кровь.

Из соседней комнаты донёсся скрежет передвигаемых стульев. В зеркале прихожей Кёрнер видел, как в тусклом свете фонарика по гостиной снуют три фигуры: Фридль, Хек и Вайсман. На стене — безошибочно узнаваемая тень ещё одного человека: Вебера, в халате, с сутулой спиной.

Кёрнеру показалось, что он слышит глухой голос Вайсмана и шёпот врача. Мужчины стащили с дивана обмякшую фигуру. Голова женщины свесилась вперёд, волосы упали на лицо. Вайсман схватил её за волосы и запрокинул голову. С тихим стоном Сабриски позволила делать с собой всё что угодно. Во рту у неё был кляп.

Кёрнер прищурился, пока не различил железную конструкцию высотой по пояс; её тень ложилась на стену, как сеть. Она напоминала каркас в баре «Газлайт» — с той разницей, что этот можно было разбирать. Деревенские, должно быть, собрали его в квартире, пока он был без сознания.

Пока Вайсман прижимал судебного медика к сиденью, Вебер затягивал ремни на её запястьях.

Боже, нет.

В ближайшие минуты Кёрнер должен был увидеть то же самое, что репортёрша наблюдала через окно бара «Газлайт». Теперь он понял, по-

чему она впала в истерику. Репортёрша увидела горстку убийц, а потом оказалась в машине скорой помощи рядом с одним из них — деревенским врачом Вебером.

Какой ужас она, должно быть, испытала, когда он ввёл ей галлюциногенный наркотик, заставивший её замолчать и погрузивший в депрессивное оцепенение. В лечебнице она, должно быть, сошла с ума.

У Кёрнера оставались считаные минуты. Мощным рывком он качнул стул сперва вперёд, а затем назад, на задние ножки, так что плечами ударился о стену. В этом наклонном положении стул балансировал только на двух задних ножках.

На секунду Кёрнер задержал дыхание и напряг все мышцы, пока не поймал равновесие. Его ступни — лодыжки всё ещё были привязаны к передним ножкам — повисли над полом.

Осторожно он сдвинулся вправо, пока одна ягодица не выступила за край сиденья. Потом опустил правую ногу. Сначала нейлоновая петля не сдвинулась ни на миллиметр, словно приросла к ножке стула, но Кёрнер начал медленно расшатывать её, и она поползла вниз. У самого конца ножки леска зацепилась.

По лбу Кёрнера катился пот. После нескольких круговых движений ступнёй ему удалось освободить ногу.

Он коротко взглянул в зеркало, услышав скрип верёвок. Блок, на конце которого крепились кожаные ремни, выгибал спину Сабриски так, что промежутки между позвонками расширялись.

Кёрнер со всеми своими теориями и догадками шёл совершенно ложным путём. Только теперь он увидел жестокую правду: в гостиной тоже был проём в стене. Мужчины вызывали из него какую-то тварь. Они засуетились, и их тени заметались по комнате.

Кёрнер торопливо сдвинулся на другую сторону сиденья, чтобы освободить левую щиколотку так же, как правую. Через мгновение он уже стоял посреди кухни, руки всё ещё были связаны за спиной.

Бормотание мужчин стало громче. Кёрнер не знал, что это, но нечто выползало из стены. Оно змеилось, как червь, по телу Сабриски — и вдруг исчезло.

В тот же миг Сабриски выгнулась дугой. Глаза её расширились, едва не вылезли из орбит, тело натянулось, как лук.

Кёрнер застыл, словно загипнотизированный.

Картина была точь-в-точь как рисунок, которым репортёрша запечатлела миг смерти Сабины Крайник. Сабриски билась и рвала путы. Двое мужчин удерживали её с обеих сторон.

Кёрнер понимал: если сейчас ворвётся в гостиную со связанными руками, его легко скрутят. У него было два выхода. Долго перетирать нейлоновую леску о край дыры в стене, до крови раздирая запястья. Или быстро — и мучительно — расплавить путы в пламени огарка свечи, прилепленного к посудомоечной машине.

Он выбрал второе.

Стиснув зубы, он поднял руки над огнём. Запахло обугленными волосами и горелой кожей. Волокна свитера с треском чернели.

Боль вернула Кёрнера в горящий родительский дом: пылающие волосы матери, собственная вытянутая рука, по которой лижет огонь. Он зажмурился и рванул путы.

Держаться. Ещё несколько секунд.

Потом он застонал от облегчения.

Давление ослабло, руки разлетелись в стороны. Правый рукав свитера горел, но времени тушить пламя не было.

Двое мужчин ворвались на кухню. Не раздумывая, Кёрнер ударил первого кулаком в горло.

Второму врезал ногой по колену и саданул локтем в лицо. Ещё до того как первый успел подняться, Кёрнер вогнал ему ногу в живот.

Всё это единое, текучее движение заняло не больше вдоха. Когда нога вернулась после последнего удара, Кёрнер выпрямился — тело напряжено, руки сжаты в кулаки.

Один глубокий вдох — и он бросится через двух мужчин на полу в гостиную…

Но в дверном проёме появился Хек. В кулаке он сжимал большой хлебный нож; лезвие было забрызгано кровью.

Костяшки пальцев на руке Хека побелели.

— Мимо меня ты не пройдёшь, — прорычал он. — Можешь не сомневаться.

Кёрнер заглянул через его плечо в зеркало прихожей. Сабриски безвольно висела в железном каркасе. Голова её качалась вверх-вниз, будто под чужим влиянием. Рядом стоял Вебер.

— Ложись, — скомандовал Хек. — Руки за голову. Лицом в пол.

— Я даю тебе последний шанс всё это прекратить, — сказал Кёрнер. — Отдай мне нож, и ты ещё сможешь выйти из этой истории.

— На пол, Алекс. Я серьёзно.

Рядом с Кёрнером какой-то мужчина выво-

рачивал из себя желчь. Краем глаза он узнал согнувшегося Фридля. Позади, ругаясь, поднимался Вайсман.

И в тот же миг Кёрнер понял: другого шанса выбраться из квартиры у него не будет.

Разворачиваясь, он схватил дневник с кухонного стола. Одной ногой ступил на массивную спину Вайсмана, другой — на кухонную столешницу. Хек только начал орать, когда Кёрнер уже врезался плечом в оконную раму.

Сквозь щепки и осколки стекла он вылетел наружу. Несколько банок и пакетов молока с подоконника полетели следом, пока он падал с высоты одного этажа.

При ударе Кёрнер прижал руку к телу, перекатился по откосу и рухнул на щебень.

Хек высунулся из окна.

— Держите его!

Кёрнер с трудом поднялся.

В поле несколько крестьян вскинули головы. Тут же побросали вилы и побежали к муниципальному дому.

Кёрнер рванул к сараю, где спрятал «Ауди».

Фридль и Вайсман наверняка уже неслись по лестнице вниз, но Кёрнер не потратил ни секунды на то, чтобы оглянуться. Задыхаясь, он

бросился в машину и завёл двигатель.

Он даже не попытался вырулить из сарая задним ходом: просто вдавил педаль газа и радиаторной решёткой проломил дощатую стену.

Крестьяне отскочили в стороны.

По размокшим бороздам Кёрнер вывел машину на главную дорогу.

ГЛАВА 27

Было тёмно хоть глаз выколи и тихо, как в могиле. Руки Кёрнера дрожали на руле, кровь шумела в ушах. С закрытыми глазами он вслушивался в собственное хриплое дыхание и пытался его унять. Несмотря на холод, со лба катился пот. На губах он чувствовал соль — и вкус собственной крови.

Через несколько минут он открыл глаза. За ветровым стеклом лежала бездонная тьма заброшенного шахтного тоннеля, где он спрятал машину. Кёрнер потянулся вверх, щёлкнул плафоном — и тотчас с запотевшего лобового стекла на него уставилось его же измождённое лицо.

Когда сегодня утром они с Сабриски бежали из Грайна, их положение ещё не казалось окончательно безнадёжным. Но после того как ему едва удалось выбраться из квартиры Марии, всё стало хуже некуда. Теперь, потеряв и Сабриски, он остался последним живым из своей следственной группы.

Против него были жители двух общин, спаянных круговой порукой, а его дочь находилась в руках тех безумцев, которые любой ценой хотели

его убить. В одиночку ему не победить.

Его ладонь лежала на двух портативных рациях, торчавших из центральной консоли. У старых аппаратов передатчик и приёмник были настолько слабыми, что радиус действия не превышал полутора километров; пользы от них было не больше, чем от мегафона. И даже если бы ему каким-то чудом удалось связаться с внешним миром, кто поверил бы отстранённому от службы следователю, который к тому же убил собственную бывшую жену? Какие у него доказательства?

Он опустил взгляд на пятнистый дневник у себя на коленях — единственное, что осталось от всех набросков, фотографий с мест преступления, протоколов допросов и прочих материалов расследования. Что он мог доказать этими путаными записями, которые даже сам ещё не прочёл до конца?

Ничего. Разве что то, что он, как и автор этих строк, стоит у самого края безумия.

Но прежде чем взяться за книгу, он должен был убедиться в другом — в том, что, словно зуб, вгрызалось ему в душу: в правде о его родителях.

В голове роились события последнего часа. Он услышал столько всего, что уже не понимал,

верить этому или нет. Хотел ли Вайсман дешёвой ложью сломить его сопротивление, заставить наконец заговорить? Или бургомистр и вправду знал, что произошло двадцать семь лет назад?

Родительский дом Кёрнера незадолго до его четырнадцатого дня рождения сгорел дотла. Эти четырнадцать лет — всего лишь случайное совпадение с возрастом убитых детей Крайник?

Вы никогда об этом не задумывались? — снова прозвучали в голове слова Вайсмана.

Нет, чёрт побери, не задумывался!

Он хотел вытеснить это воспоминание, не задерживаться на нём ни секундой дольше необходимого. Он не хотел слышать того, что Вайсман рассказывал о его родителях. Это не могло быть правдой. Его мать ни за что, никогда не была частью этого безумия. Хотя, наверное, и Сабина Крайник думала то же самое о своих родителях.

Слова Вайсмана снова и снова всплывали в памяти. Его мать была смиренной, настоящей местной, глубоко укоренённой в истории деревни. Она хотела, чтобы её сын тоже стал частью космической истины — ребёнком Чёрной Козы с Тысячью Младых.

Чёрная Коза с Тысячью Младых!

От этого проклятого имени по спине пробежал

холод. Впервые он прочёл его в дневнике. Откуда, чёрт возьми, Вайсман знал это наименование? Какое отношение родители Кёрнера имели к этому заговору?

Его мать уж точно не собиралась сделать с ним то же самое, что выпало на долю детей Крайник. Неужели она сознательно принесла бы в жертву собственного сына? Его отец воспротивился — и тогда их убили. Родители стали жертвами пламени.

Невозможно!

Был только один способ узнать правду.

Дверца машины приоткрылась лишь на узкую щель. Кёрнер протиснулся наружу, в темноту, где пахло корнями и влажной землёй. Комковатая глина всё сильнее налипала на подошвы, пока он медленно шёл к тусклому кругу света в конце тоннеля.

Снаружи шёл дождь. Кёрнер стоял у входа в заброшенный шахтный тоннель. Отсюда он смотрел прямо на кладбище и примыкавший к нему траурный зал. Рядом стояли хижины из гофрированного железа и главный вход в ствол «Божье благословение».

Деревенские будут искать Кёрнера где угодно: наверняка прочешут берег реки, обыщут лесные

тропы, ведущие в горы… но уж точно не грайнское кладбище.

Ветер трепал свитер Кёрнера. Он, пошатываясь, шёл между рядами могил — согнувшись, зажав под мышками руки с обожжёнными суставами. Раны горели огнём; волдыри снова и снова наполнялись жидкостью, пока под давлением рук не лопались.

Ножевая рана на плече тоже пульсировала; кровь непрерывно сочилась сквозь давящую повязку. Ему отчаянно нужны были обезболивающее, тёплая одежда и еда. Иначе он не переживёт наступающую ночь.

Кёрнер споткнулся, проходя мимо раскопанной могилы детей Крайник.

Ряд за рядом он продвигался по кладбищу. Дождь стекал по лицу и застилал глаза.

Где-то здесь она должна быть!

Старый Апфлер почти тридцать лет ухаживал за могилой родителей Кёрнера, но сам Кёрнер никогда её не видел. И всё же он знал, что ищет: простой надгробный камень с двумя одинаковыми датами смерти — 27 сентября 1976 года. За три дня до его четырнадцатого дня рождения.

Может, схожу как-нибудь на могилу родителей, — вдруг вспомнились ему собственные слова,

которыми он пообещал Бергер взглянуть в лицо своему прошлому.

Он хотел посетить могилу после завершения расследования, но за такой короткий срок всё изменилось. Его коллег одного за другим убили, даже гибель родителей при несчастном случае теперь виделась в ином свете, а расследование и близко не было завершено.

И вдруг он оказался перед прямоугольной каменной глыбой, по пояс торчавшей из земляного холма: Александр и Элизабет Кёрнер. Огарок свечи в перекошенном стеклянном фонарике стоял на могиле среди густых зарослей колючей травы.

Из сарая Кёрнер принёс кирку и лопату — те самые, которыми старый Апфлер уже эксгумировал детей Крайник. Не раздумывая, он вонзил кирку в удивительно рыхлую землю. Потом снова и снова вдавливал лопату в глинистый грунт, пока ботинки не облепило землёй со всех сторон.

Дождь не облегчал работы. Подошва всё чаще соскальзывала с лопаты. Дыхание паром повисало перед лицом. Вскоре глаза начало щипать от пота. Ладони растрескались; кровь смешивалась с землёй и огнём жгла открытые раны. Он стиснул зубы и без остановки выбрасывал из ямы

один штык земли за другим.

Через два часа он был измотан до предела. Он вырыл яму глубиной в полтора метра, так что над краем торчали только плечи и голова. Из месива, расползавшегося под ногами, показались первые куски дерева.

Яма не имела ничего общего с аккуратным прямоугольником, который старый Апфлер выкопал со своими помощниками; скорее она походила на грязевую воронку, медленно заполнявшуюся грунтовой водой.

Теперь собственный план казался ему безумием. Он не был ни врачом, ни судебным медиком. Как он собирался найти что-то в останках, двадцать семь лет пролежавших в плотной глине?

Он рухнул на колени, по запястья вонзил пальцы в землю и отгребал всё за спину. Чем больше грязи он вытаскивал из могилы, тем быстрее яма наполнялась водой. Вскоре бурой жижи набралось сантиметра на три.

Он мёрз, руки дрожали, и только теперь почувствовал пот, из-за которого свитер лип к телу. Он выуживал из трясины всё более крупные обломки дерева, пока вдруг не оказался с гниющей костью в руке.

Дрожь пробежала от макушки до самых паль-

цев ног.

Это ли он искал?

Он выбрался из могилы за ведром. Ещё через полчаса вычерпал воду и убрал столько глины, что проступили очертания скелета, на котором даже сохранились остатки плоти — спустя все эти годы. Глина сработала как консервирующая масса.

Кёрнер не хотел осознавать, что перед ним останки его отца или матери. Это были всего лишь кости и куски тканей, уже не имевшие ничего общего с живыми людьми. В его памяти родители выглядели такими, как на фотографиях из обувной коробки, которую он хранил в венской квартире.

Казалось, он рассматривал эти снимки давным-давно, хотя с тех пор прошло всего три дня.

Из глины, окружавшей скелет словно литейная форма, он вытянул голую плечевую кость. Кёрнера замутило. С нижней стороны кости свисала целая мышца. Но плоть не была ни обугленной, ни сгоревшей — она была серая, как небо.

Его матери это принадлежать не могло. Он своими глазами видел, как она горела. Значит, перед ним были останки отца.

Кёрнер стал продираться сквозь глину дальше,

вверх, пока не наткнулся на череп. Водой, стоявшей в яме, он смыл грязь с выступавшей из ила кости. Проявилась боковая округлость головы.

Кёрнер, словно загипнотизированный, уставился на трещину в черепной кости. Эта вдавленная силой отметина не могла появиться от падения. Она означала только одно: кто-то размозжил его отцу голову.

Значит, отец Кёрнера не сгорел, как мать. Вайсман и его безумные прихвостни помогли событиям пойти нужным путём — чтобы уладить дела посёлка по-своему.

Ещё одно убийство, которое замяли. Насколько далеко уходила эта традиция? Как в Средние века, люди в Грайне и Хайденхофе после убийства отца Дорна в 1864 году становились жертвами самосуда.

До сих пор этого никто не замечал. Неужели Кёрнер и правда первый, кто начал раскрывать тайну деревенских?

Он отнял дрожащие, окровавленные руки от черепа. Вообще-то он пришёл сюда за другим. Он повернулся в яме и принялся копать в области таза скелета. Осторожно шарил пальцами в грязи.

Сначала наткнулся на грудной позвонок, потом на второй и третий. Межпозвоночные диски

давно распались, и всё же позвонки свободно держались один за другим. Он вытащил из мутной воды пять штук, как гирлянду.

На одном грудном позвонке отчётливо виднелись следы присасывания: отверстие посередине и соскобленные края. Это повреждение было не таким, как на поясничных позвонках детей Крайник, которые Сабриски показывала ему при вскрытии. Оно выглядело куда хуже.

Позвонок словно разъела кислота: почти полностью пористый, истончённый, распадающийся, будто это надругательство продолжалось годами. На мгновение Кёрнер подумал о нечеловеческой ткани в ране на спине Сабины Крайник — ткани, которая самостоятельно восстанавливалась за счёт ускоренного деления клеток.

Дико разрастающаяся плоть, непрерывно меняющая форму.

Его снова затошнило, но наружу вырвалась только горькая желчь. Он уронил часть скелета в воду, согнулся и глубоко выдохнул. Постепенно тело подчинилось ему, успокоилось.

Неужели это никогда не кончится? Как выбраться из этого кошмара?

Поджав ноги, он сидел в земляной яме, прислонившись к стенке, дрожа и коченея. Вода

поднималась всё выше, пока не промочила ему брюки сзади, но он даже не заметил.

Он вздрогнул лишь тогда, когда перед его глазами вниз полетело ведро и грязь брызнула ему в лицо.

— Любопытно, Кёрнер. Вы сами выкопали себе могилу. Уж здесь-то мы меньше всего ожидали вас найти.

Он поднял глаза. За краем ямы стояли три иссохшие фигуры в плащах; дождевые капюшоны были низко надвинуты на лица, словно они уже несколько часов искали его в эту непогоду.

Кёрнер выпрямился. Вайсман, Герер и Герман Гойссер, электрик, стояли вокруг него, как истуканы. Они опирались на лопаты, а лавочник держал на сгибе руки своё ружьё. На этот раз оно наверняка было заряжено.

— Вайсман виноват в смерти вашего брата! — крикнул Кёрнер младшему из мужчин.

Гойссер никак не отреагировал. Только протянул руку к ружью. Старый Герер передал ему оружие. Гойссер взвёл оба курка и направил двустволку Кёрнеру в лоб.

— На колени. Лицом в грязь. И не двигаться. Засыпайте его.

Вайсман и Герер вонзили лопаты в землю.

Комья грязи посыпались Кёрнеру на грудь. Он поднял глаза и медленно обвёл каждого взглядом; дождевая вода текла ему прямо в глаза.

— Вы убили моего отца, — прошептал он.

— На колени! — повторил Гойссер.

— Пристрели его сейчас же! — потребовал Герер.

Вайсман покачал головой.

— Он ещё должен нам один ответ. Верно?

Бургомистр попытался улыбнуться, но лицо исказилось от боли. На переносице, распухшей вдвое, прилепился серый пластырь.

Лопаты снова вошли в землю, комковатая глина посыпалась в могилу.

— На колени, я сказал! — Гойссер дёрнул стволами двустволки.

Кёрнер больше не ждал. Руки рванулись вперёд, схватили Гойссера за штанины и сбили его с ног. Гойссер взмахнул руками, упал и с треском ударился спиной о край могильной обкладки. Ружьё плюхнулось в грязь.

Пока обмякшее тело Гойссера съезжало в яму, Кёрнер одним прыжком выскочил наружу. Ещё выпрямляясь с разворотом, он схватил рукоять своей лопаты и полукругом махнул полотном. Железо врезалось Гереру в лицо, и тот рухнул

на землю.

— Проклятый ублюдок! — взревел Вайсман.

Он бросился вниз, шаря в грязи в поисках ружья.

Кёрнер ударил его лопатой по рёбрам. Пока Вайсман, согнувшись, валился набок, Кёрнер успел удивиться, откуда у него взялись силы на эту схватку. Дрожащими руками он выпустил лопату и побежал к выходу с кладбища.

Казалось, он несётся совершенно голый по ледяной зимней пустоши. Ветер, пронизывая мокрую одежду, впивался в кожу. Ладони снова растрескались, в ногах болела каждая мышца.

И всё же он бежал так, как не бегал никогда в жизни.

— Я тебя достану! — донёсся сзади яростный голос Вайсмана.

Сразу после этого грянули два выстрела. Кёрнер невольно вздрогнул, когда позади взметнулся гравий. Каким-то чудом заряды прошли мимо.

Уши у него словно заложило. Он не слышал ни того, преследуют ли его мужчины, ни того, как хрустит под подошвами щебень. Он чувствовал только собственное хриплое дыхание и кровь, стучавшую в висках.

Как загнанный зверь, он промчался через кова-

ные кладбищенские ворота, пересёк парковку и бросился к шахтному тоннелю.

ГЛАВА 28

Когда Кёрнер услышал приглушённый гул голосов у входа в рудник, он уже успел уйти глубоко в штольню. Он протиснулся мимо своей машины и всё бежал вперёд, пока последние крохи дневного света не растворились в кромешной тьме, где невозможно было разглядеть даже собственную руку перед лицом. Потом он с лязгом задел ногой жестяное ведро — и остановился.

Кёрнер прислонился к стене, задыхаясь, прижался грудью к сырой земляной породе и затылком упёрся в деревянную балку. Он старался дышать как можно тише, едва-едва, чтобы расслышать, что происходит у входа. Ничто не шевелилось. Никто из мужчин не пошёл за ним в штольню. Наверняка они отправились за подмогой, за фонарями и оружием. На этот раз торопиться они не станут. На этот раз будут действовать обдуманно.

Понемногу дыхание и пульс Кёрнера выровнялись. Пот на лбу высох, и холод медленно пополз в кости. Озябшими пальцами он достал из кармана брюк ручной фонарь, найденный в квартире Марии. Слабый луч лёг на штольню перед ним

— и уже через три с небольшим метра его проглотила темнота.

В проходе шириной всего полтора метра валялись вёдра, лопаты, доски и ящики. На потолочных балках висели ржавые лампы с выбитыми стёклами; керосина в них давно уже не было.

Куда ему теперь? Назад, к машине, где лежит дневник алтарника? Попытаться хотя бы достать домкрат — взять его как оружие — и рискнуть попасть прямо в руки людям Вайсмана? Трижды ему удавалось уйти буквально на волосок. На четвёртый побег сил уже не хватит.

Кёрнер тяжело двинулся дальше, отвернулся от выхода и пошёл в глубь штольни. Ход без единого ответвления вёл прямо в гору. Он протиснулся мимо нескольких рудничных вагонеток: они стояли не на рельсах, а, словно списанные музейные экспонаты, были прислонены к стене.

Здесь время застыло — будто закрытие рудника разом остановило все часы. И его бывшая жена тоже теперь принадлежала прошлому. *Какие странные связи всплывают в голове!* Всё происходящее казалось до невозможности нереальным. Он действительно забил Марию газовой плиткой. Действительно сделал свою дочь сиротой.

А если ему особенно не повезло, то на кладби-

ще он, возможно, убил ещё и второго человека — когда дёрнул Германа Гойссера за ноги, и тот ударился спиной о каменное обрамление могилы. *Кто поверит в самооборону?* Найдётся слишком много свидетелей, которые оспорят его версию и назовут его убийцей. Наверняка хватит и деревенских, готовых подтвердить, что бывшую жену он убил намеренно.

Снова и снова перед ним вставала та сцена: Мария бросается на него с хлебным ножом, а он хватает газовую плитку. *Почему она не помогла ему? Всё могло сложиться иначе.* Воспоминание было таким живым, что он даже чувствовал запах свечного воска на кухне и сырого минерального удобрения, которое крестьяне поспешно перетаскивали с поддонов под крышу.

Мысли Кёрнера срывались, сталкивались, налетали одна на другую. Спотыкаясь по штольне, он не мог удержать в голове ни одной ясной. За весь день он ничего не ел; его мучила жажда, он продрог до костей, а теперь ещё и в висках начинала стучать тяжёлая, молотящая боль.

И всё же подсознание пыталось подсказать ему что-то. Что-то важное…

Внезапно он замер посреди штольни. Луч фонаря упёрся в деревянный ящик. Кёрнер уставился

на чёрный череп, выжженный на досках, словно предупреждение.

Что всё это значит? Где-то рядом была мысль, от которой зависело слишком многое.

Вонь перед домом Марии!

При соприкосновении с водой химикаты из минерального удобрения породили едкое аммиачное облако, и этот запах напомнил ему серный смрад на месте убийства Сабины Крайник.

Серный смрад. Химия. Химическая цепная реакция.

Из памяти всплыла фраза, прочитанная в «Грайнерском деревенском вестнике», в статье о двадцатипятилетней годовщине рудничной катастрофы: *Построенные из гофрированного железа мастерские и конторские здания, словно памятник, противостоят непогоде.*

Он заставил себя сосредоточиться.

Даже динамит, предназначенный для так и не произведённого третьего взрыва, по сей день скрыт в складе рядом со стволом «Божье благословение».

Динамит старше шестидесяти лет.

Неужели он всё это время хранился здесь, в этой штольне, со дня самой катастрофы?

Он посмотрел на ящик у своих ног.

Химическая цепная реакция.

И вдруг перед ним возник безумный план. Чем дольше Кёрнер думал о нём, тем яснее проступали очертания. Его дочь была в руках сумасшедших убийц. Они одного за другим уничтожили членов его следственной группы. Его самого загнали в гору, как подранка. Завтра он нанесёт ответный удар. Завтра заставит их заплатить за всё, что они десятилетиями творили с людьми в этом месте.

На крюке у настенной полки Кёрнер нашёл шахтёрскую каску, под ней — ветхий матерчатый плащ. Он надел пропахшую углём и плесенью одежду и опустился на землю рядом с деревянным ящиком. Сейчас ему хотелось только одного: спать. Голова его склонилась к стене.

Прежде чем глаза закрылись, взгляд ещё раз скользнул вслед за лучом фонаря, освещавшим пространство за ящиком. Глубже в штольне стояли лопаты, керосиновые лампы, вентиляторы и нечто похожее на допотопный генератор. За всем этим по полу расползались толстые корни.

Кёрнер прищурился, пытаясь рассмотреть их получше. Сплетение корней слабо проступало из темноты. Сучковатые отростки наползали друг на друга, карабкались по стене к потолку и там сходились в спутанное, уродливое образование

из узлов, наростов и корневищ.

Зрелище было невыносимым. Едва уловимый серный смрад, внезапно разлившийся вокруг, выворачивал желудок. Адская боль грохотала у Кёрнера в висках. Его замутило.

В памяти вспыхнули змеи, высовывавшие языки из кладки в квартире Марии. Он снова увидел то образование, которое выползло из стены гостиной и, как паразит, проникло в тело Сабриски. Обрывки дневника алтарника закружились в голове.

Краем глаза я увидел, как что-то поспешно метнулось по полу назад…

Неужели он уже так же расстроен, как тот молодой ризничий? Кёрнер попытался прогнать это воспоминание, но оно возвращалось, упрямое и липкое.

В сумерках я различил движение — смутное, волнообразное, будто само пространство передо мной корчилось. Мне было трудно смотреть на эту фигуру, потому что она непрерывно меняла форму.

Прошлое и настоящее сливались в его мыслях в одно, и он уже не мог отделить одно от другого.

Я видел конечности, чудовищно вытягивавшиеся; видел, как живые корни меняют очертания,

искажаются, выстреливают из темноты и тут же молниеносно втягиваются назад.

Чтобы понять, как всё связано и с каким существом он здесь столкнулся, ему во что бы то ни стало нужно было прочесть начало дневниковой записи. События всего января всё ещё оставались для него белым пятном. Сейчас пробираться назад к машине было слишком опасно. Когда он выспится, он дочитает недостающий фрагмент дневника.

В тот самый миг, когда Кёрнер погасил фонарь, подбородок его упал на грудь. Он дышал глубоко и ровно, проваливаясь в спутанные сны, а во тьме штольни что-то шевельнулось. Веки Кёрнера дрогнули, тело свело судорогой, и ему почудилось, будто он навзничь падает в глубокую пропасть.

Он не заметил, как отдельные корни с треском поднялись из уродливого сплетения и поползли по полу. Образование меняло форму. Из мрака к Кёрнеру потянулись тёмные, сухие отростки.

Сучья, корни, наросты и плети рвались из стен, пробивались из-под земли, превращая рудник в живой лабиринт. Земля под всей деревней дрожала. Из фундаментов церкви, трактира и бакалейной лавки корни выползали на дневной

свет. В подвалах общинного архива, бара «Газлайт» и жилых домов они проламывали плиты пола.

Словно змеи, отростки этой поросли проникали в стены домов: ползли сквозь кладку, цемент, кирпич и железные решётки, мимо сточных труб, вокруг электропроводки и телефонных кабелей, вдоль труб отопления. Осторожно огибали гвозди и шурупы, вгрызались в утеплитель за штукатуркой, тянулись вдоль силиконовых швов — в пустоты между стенами кладовок, ванных, туалетов и гостиных.

Там они разрастались, ширились, пока им не становилось тесно.

Обои и плитка отставали от стен, картины падали на пол, скамьи сдвигались с места, дощатые перегородки с треском разваливались. Конечности прорывались в гостиные и жадно хлестали по комнатам. Змеями они взмывали вверх, врывались в каждое помещение и алчно рыскали в поисках добычи.

Жители в ужасе просыпались. Но прежде чем они успевали понять, что происходит, их тела ломались, позвонки хрустели, плоть рвалась.

Кёрнер с криком вырвался из сна. Вокруг была тьма.

Что за ад!

Эти кошмары становились всё реальнее — будто он переживал их не во сне, а наяву, всем телом. Он почувствовал вкус крови, текущей из носа, и смахнул её. Потом глаза его снова закрылись.

Ретроспекти́ва IV.
Грайн-ам-Гебирге, 1937 год

Паульсена, Грига и Диттриха завалило в самом конце главной штольни ствола «Божье благословение» — в крошечном замкнутом пространстве. Вода прибывала с бешеной скоростью: подземный источник гнал её вверх по напорной трубе. Паульсену она уже доходила до бёдер, а под сводом над их головами оставалось едва ли пятнадцать кубометров воздуха — и этот запас стремительно таял.

Если повезёт, сжатый воздух остановит подъём воды. Но когда установится равновесие? Через несколько минут они узнают. Дольше ждать не придётся: скоро вода сомкнётся над их головами и поднимется до самого потолка.

Карбидная лампа, закреплённая у потолка, бросала скудный свет на окружавшие их земляные завалы. Втроём они сняли с неё ручку, чтобы подвесить лампу как можно выше: прибывающая вода не должна была погасить пламя.

Поток уже обмывал кончики пальцев Паульсена. Теперь, когда он стоял неподвижно и изнутри

сопротивлялся холоду, он чувствовал, как вода поднимается — секунда за секундой. Сначала закрыла кончики пальцев, потом добралась до вторых фаланг и тыльной стороны ладони. Ещё мгновение — и большой палец ушёл под воду. Холод пополз вверх по запястью.

Они стояли кругом и смотрели друг на друга. Поверхность воды казалась гладкой, но под ней Паульсен чувствовал течение: оно тянуло за брюки, мягко давило на бёдра.

— У нас нет ни единого шанса, что нас откопают, — прошептал он.

В тесноте, которая им оставалась, голос прозвучал глухо. Никто не ответил.

— Главная штольня обрушилась как минимум на десять метров. Мы сами не прокопаемся. На горноспасателей тоже нечего надеяться: им сперва придётся пробиваться от породного подъёмника по главной штольне к первому воздушному карману, а потом ещё разгребать эти десять метров.

— Заткнись! Мы и без тебя знаем! — рявкнул Диттрих. — Мы, чёрт побери, угодили из огня да в полымя. К чёрту эту воду! Надо было оставаться у развилки.

— Так худо мне ещё ни разу не приходилось,

— признал Григ. — Вода поднимается быстро. У нас только один шанс: копать.

— Через десять метров?

— Может, их меньше, — ответил Григ. — Другого выхода нет. Копать. Как можно быстрее.

— И израсходовать весь кислород? — возразил Диттрих.

Григ мучительно рассмеялся.

— До того как задохнёмся, мы всё равно захлебнёмся.

Паульсен вдруг снова подумал об отце. В конце концов его настигла та же участь, что и старика. *Сколько им ещё оставалось? Десять минут? Пятнадцать?* Вода могла подняться ещё на полтора метра — и тогда весь этот закуток окажется под водой.

Но раньше погаснет пламя лампы, висящей на крюке у потолочной балки. Значит, Паульсен умрёт в полной темноте — даже не услышит, как его товарищи будут хватать ртом воздух. Лишь почувствует подводные толчки, когда они начнут отчаянно молотить руками и ногами.

Сколько человек может задерживать дыхание? Две минуты? Три? Четыре? Потеряет ли он сознание? Или в отчаянии рванёт ртом воздух и жадно втянет воду в лёгкие? А может, ледяная

вода раньше остановит ему сердце?

Григ ударил Паульсена ладонью по лицу.

— Копайте!

Поначалу Паульсен даже не почувствовал удара: тело слишком сильно онемело от холода. Вода уже доходила ему до живота.

— Копайте! — глухо повторил Григ.

Диттрих нырнул. Паульсен тоже опустил верхнюю часть тела под воду и стал шарить руками по дну. Наконец он нащупал черенок лопаты. Побрёл к месту обвала, выдернул инструмент из воды и вонзил его в землю чуть выше поверхности.

Сколько метров грунта могут прокопать два человека за десять минут? Это было невозможно. И всё же он снова и снова вгонял лопату в землю, пока не начал намечаться вход в туннель. Холодный пар поднимался перед лицом. Паульсен работал как одержимый, но его жутко трясло.

Диттрих тоже копал. Наверное, он тоже не думал, есть ли у них хоть какой-то шанс; просто копал, потому что Григ приказал. Как автоматы, они били лопатами в осыпь и отгребали землю в сторону.

— А-а!

Диттрих резко обернулся. В бешеном движении он едва не ударил Паульсена инструментом по

голове; тот успел увернуться.

Диттрих вытаращил глаза, отшатнулся и прижался спиной к стене. Вода плеснула ему в грудь.

Григ приблизился.

— Что такое?

— Я что-то почувствовал… под водой. Оно задело мне ногу.

Диттрих был бледен как смерть.

— Просто земля, — сказал Паульсен. — Давай дальше.

— Нет! — взвизгнул Диттрих.

Он вжался в стену и держал черенок как дубину.

— Это было что-то другое!

— Ты рехнулся? — набросился на него Григ.

Он потянулся к лопате Диттриха, но вдруг застыл. В одно мгновение Григ тоже перепугался до смерти. Он не решался пошевелиться и косился на поверхность воды. Но ни волны, ни тени видно не было.

— Да что с вами обоими?..

Паульсен не договорил. Хотя ноги почти онемели от холода, он тоже почувствовал, как нечто длинное и гибкое скользнуло вдоль бедра.

— Дерьмо…

Паульсен провёл ладонями по чёрной, блестящей поверхности, отражавшей свет лампы. Он видел, как на волнах пляшут их белые лица. Словно загипнотизированный, смотрел на них, пока холод вползал в кости.

Дыхание замедлялось, реакции становились вялыми. В ледяной воде было от силы три градуса. Пальцы закоченели; вода колола кожу, будто иглами. Зубы Паульсена стучали, челюсть болела. Когда он сжал кулак и снова разжал, чтобы разогнать кровь, кожа натянулась так, словно вот-вот лопнет.

Диттрих, стоявший напротив, сделал то же самое. Его синие губы дрожали, лицо было мертвенно-бледным.

Григу, самому низкому из них, вода уже доходила выше груди.

— Под нами что-то есть, — прошептал он.

В следующее мгновение он глубоко вдохнул и медленно ушёл под поверхность, не подняв ни единой волны.

Паульсен почувствовал течение от движений Грига под водой. *Старик спятил? Что он задумал?* Из-за взбаламученной земли вода была такой мутной, что разглядеть в ней ничего не удавалось.

Потом Григ снова вынырнул. Редкие длинные волосы липли ко лбу. Он даже не потрудился убрать их с лица. В руках он держал лопату, которую Паульсен выронил. Григ поднял из воды стальную кромку, и свет отразился в железном полотне.

— Не знаю, что именно задело мне ногу, но если оно вернётся, я разрублю его пополам.

В его здоровом глазу полыхал неистовый огонь. Паульсен испугался: старик, похоже, уже отказался от мысли прокопаться через десять метров завала к главной штольне. Теперь он собирался охотиться на эту тварь.

— Вооружайтесь, — прошептал Григ.

Диттрих неподвижно стоял на месте и смотрел в пустоту. Верхняя часть его тела содрогалась в спазмах, зубы клацали как машина.

Григ повернулся к Паульсену.

— Давай. Помоги мне.

Паульсен глубоко вдохнул и нырнул. Вода сомкнулась над головой. Она затекла за воротник, по спине, обвила горло. Холод ужалил в затылок, лоб и уши.

Он открыл глаза. Вода была чёрной как смоль; перед глазами плыли тёмные разводы, лишь слабый свет лампы едва угадывался сверху. Он не

видел даже ног Грига, стоявшего в метре от него.

Присев, Паульсен стал шарить по осыпи, пока в размокшей земле не нащупал черенок лопаты Диттриха. Пальцы так одеревенели, что сперва он не смог обхватить дерево. Наконец получилось. Он быстро вынырнул и жадно хватил воздух. Шахтёрская куртка, тяжёлая, насквозь пропитанная водой, тянула плечи вниз; с каски вода стекала по лицу.

Теперь грязный поток доходил Паульсену до груди. Вода всё прибывала.

— Через несколько минут мы захлебнёмся!

— Сначала прикончим эту гадину.

Григ был одержим мыслью убить существо. *Наткнутся ли они вообще на эту тварь ещё раз? Может, она просто ждёт, пока они утонут и станут лёгкой добычей? А может, сама уже утонула и лежит мёртвая на дне?*

Диттрих закричал. Очнувшись от оцепенения, он замахал руками и оттолкнулся от стены, выбираясь к середине пещеры.

— Что там? — заорал Григ. — Оно снова здесь?

Старик ударил лопатой в воду. Вода вспенилась, брызги долетели до потолка.

— Перестань! — крикнул Паульсен.

Он заслонил пламя лампы ладонью.

— Без паники.

— Оно тянется ко мне.

Диттрих прижался спиной к Паульсену.

Григ вертелся вокруг своей оси и снова и снова бил острой кромкой лопаты по воде.

— Я тебя достану, достану, доста…

— Перестань! — заорал Паульсен. — Это бессмысленно. Мы должны…

Он резко умолк. Мощный отросток, словно рука морской змеи, скользнул вдоль его ноги — длинный, на несколько метров. В этот миг Паульсен понял размеры существа. Сердце, скованное холодом, вдруг бешено заколотилось. Он забил ногами, отшатнулся назад и прижался спиной к стене.

Диттрих не отходил от него ни на шаг.

— Ты тоже почувствовал, да?

Паульсен не ответил. Он пытался представить себе размеры существа: откуда оно взялось, насколько велико и что находится там, у основания этого щупальца.

— Я видел что-то в земляной расщелине, когда посветил туда лампой, — пробормотал Диттрих. — Вы не хотели мне верить. Но эта штука теперь здесь. Она в этой пещере.

Мысли Паульсена заметались. *Несколько щу-*

палец рыщут под водой? Они идут из земляной расщелины? Что бы ни поднялось к ним из глубины горы, добром оно быть не могло — и они сами выпустили его. У легенд о Чёртовой горе должна была быть причина, и сейчас они как раз на неё наткнулись.

Паульсен снова почувствовал движение у ноги, но на этот раз прикосновение длилось лишь долю секунды — будто его задело остриём крючка. Он поднял черенок.

— Убьём эту тварь, пока она не убила нас.

Они с Григом одновременно ударили лопатами по воде. Лупили наугад, пока пена не стала взлетать к потолку. Диттрих стоял посреди пещеры с поднятыми руками, заслоняя пламя лампы.

Что-то снова коснулось Паульсена под водой. Мощная рука на уровне коленей извивалась между его ногами и задевала бёдра.

— Оно у меня!

Паульсен не успел вырваться. Корень обвил его ноги, сжался железной хваткой, пережал мышцы и рывком развернул его. Инстинктивно он набрал полные лёгкие воздуха — и в следующий миг его утянуло под воду.

Невообразимая сила завертела его вокруг собственной оси. Он уже не понимал, где верх, где

низ. Бледное мерцание лампы возникало то с одной стороны, то с другой. Паульсен потерял каску, задел головой дно, почувствовал во рту вкус ила. Его мутило; он тонул.

Глухо, сквозь толщу воды, до него доносились крики Грига. Потом кромка лопаты ударила его под колено. Паульсен раскрыл рот и рефлекторно втянул воду в лёгкие.

Вдруг хватка на его ногах ослабла. Чьи-то руки схватили его, потащили вверх. Когда голова прорвала поверхность, Паульсен выплюнул затхлую воду и закашлялся. Жадно вдохнул.

Теперь ему приходилось стоять на цыпочках, чтобы вообще держать голову над водой. Между поверхностью и потолком пещеры оставалось всего полметра свободного пространства.

Григ подтянулся рядом с Паульсеном к деревянной балке. Диттрих тоже вцепился в потолочную стойку. Вода уже омывала нижний край лампы. Достаточно было крошечного всплеска — и им пришлось бы барахтаться в темноте.

Паульсен подтянулся выше, пока головой не коснулся деревянных планок. Потом поджал ноги: где-то под ним сновало это жуткое существо.

Чавкающий звук в стене заставил их резко обернуться. Комья земли с плеском падали в воду.

В двух местах грунт начал расходиться.

— Ребята! — крикнул Диттрих. — Они нас освобождают!

Огромный кусок земли выпал из стены. В чёрном провале что-то двигалось, ворочалось и извивалось в грязи, прогрызало себе путь наружу — и на долю секунды показалось целиком: чёрный живой корень, вползавший в пещеру.

На конце щупальца была пасть, жадно щёлкавшая по воде. Так же быстро, как морда пробурила стену, она исчезла под поверхностью. Следом, метр за метром, тянулся корень — всё толще, всё дальше, будто без конца.

За спиной Паульсена из стены вывалился ещё один пласт. Второй и третий отростки прорывались сквозь землю. Они поспешно соскользнули в воду и зазмеились к мужчинам.

Первый отросток добрался до Диттриха. Паульсен беспомощно смотрел. Диттрих взревел, когда его резко рвануло в сторону. Он понёсся, словно на подводных санях, гоня перед собой волну. Ударившись головой о лампу, он погасил свет.

В темноте Паульсен всё ещё слышал, как кричит его друг, — теперь ещё громче. Он подтянулся к балке так близко, что коснулся её кончиком носа. Он чувствовал запах дерева и вкус земли-

стой воды.

Потом закричал и Григ. Но его крик внезапно захлебнулся под водой бульканьем. После сухого треска оборвался и рёв Диттриха.

Паульсен дышал мелко. Вода добралась до ушей, омывала рот. Прижав лицо к потолочной балке, он отчаянно ловил воздух.

Истекали последние секунды. Его товарищи были мертвы. Он знал: это и его последние мгновения. Он больше никогда не увидит Марию и детей.

И тут какой-то отросток сбоку осторожно скользнул под куртку. Мягкий кончик пробрался под рубашку и коснулся голой кожи. Паульсен оцепенел. *Откуда, чёрт возьми, взялась эта тварь? Почему она не тонет?*

Паульсен задержал дыхание. Прикосновение было отвратительно мягким; существо прижалось к его спине, как холодная губка. Щупальце медленно поползло под рубашкой вверх, вдоль позвоночника. Паульсен не смел пошевелиться.

Потом он почувствовал укол в позвоночник. Что-то глубоко вонзилось в спинной мозг. Боль была неописуемой.

Паульсен хотел закричать, но вода сомкнулась над его головой.

Часть 5. Расплата
Пятница, 12-е сентября

ГЛАВА 29

Из тёмной бездны туннеля Кёрнер, пошатываясь, шёл к серому пятну, которое означало выход. Он даже приблизительно не мог понять, который час. Свинцовая серость за входом в шахту могла быть чем угодно — предрассветными сумерками или дождливым полуднем. Во всяком случае, ночь миновала. Уже была пятница, его пятый день в Грайне.

Кёрнер не хотел верить, что всё пережитое им с понедельника случилось на самом деле: смерть Марии, убийства Базедова, Бергер, Филиппа и Сабриски, правда о его родителях и заговор деревенских.

Он хотел верить, что это всего лишь бесконечно долгий кошмар, из которого он очнётся, стоит только открыть глаза; хотел снова сидеть в своём венском кабинете, получить от Ютты Корен новое дело и вместе с Бергер и Филиппом отправиться расследовать убийство на почве ревности в каком-нибудь жилом комплексе на окраине Вены…

Но когда он остановился перед своим «Ауди» и положил ладони на холодный металл капо-

та, он понял: этому желанию не сбыться. Всё пошло иначе. Его жизнь развернули рывком на сто восемьдесят градусов — и окончательно разрушили.

Кёрнер уставился на левое переднее колесо «Ауди». Только теперь он заметил, что поставил машину прямо на зубья сломанных граблей. Шина спустила; автомобиль перекосился и осел на диск.

Но для плана, созревшего в нём за ночь в штольне, машина была не нужна. Ему требовалось лишь то, что лежало на пассажирском сиденье.

Холодный порыв ветра ворвался от входа в шахту в туннель. Кёрнер застегнул ветхий плащ до самого горла. Из правого кармана торчал ручной фонарь, из другого — три динамитные шашки.

Пригодной оказалась только взрывчатка из верхнего слоя деревянного ящика. Остальной динамит, особенно шашки на дне, расплылся. Нитроглицерин размягчил оболочки и превратил их в жёлтую, вонючую, маслянистую кашу.

Затаив дыхание, с почти нечеловеческим спокойствием Кёрнер вынул из ящика три шашки, не притронувшись к остальному.

Вчера днём он загнал машину в туннель так

глубоко, что водительская дверь открывалась лишь наполовину. Когда в салоне вспыхнул плафон, Кёрнер на мгновение зажмурился от резкого света.

Он нагнулся внутрь. Цифровые часы на приборной панели показывали 5:03. Сознание Кёрнера медленно возвращалось из мутного, сновидческого состояния в реальность. Он впился взглядом в красные цифры.

5:04! 5:05!

Под дисплеем располагались кнопки автомагнитолы. В проигрывателе стоял диск Alan Parsons Project. Кёрнеру казалось, будто он слушал эту музыку много лет назад, хотя прошло всего несколько дней. Alan Parsons Project — *The Turn of a Friendly Card* — в эту минуту казался ему таким же чужим и нереальным, как всё прочее из прежней жизни.

Этой музыке не было места здесь — в царстве смерти и отчаяния.

Почти машинально Кёрнер включил радио, но туннель отрезал его от мира: из динамиков донеслось одно шипение. Ни новостей, ни дорожных сводок, ни рекламы, ни голоса диктора. Прежде чем магнитола успела автоматически перейти на CD, он выключил её.

Он взял дневник с пассажирского сиденья, достал из бардачка рулон клейкой ленты, сунул и то и другое в карман плаща и потянулся к двум рациям в центральной консоли. Они ещё понадобятся.

Прежде чем с трудом выбраться из салона, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Увиденное не вызвало в нём ничего. Лицо стало почти неузнаваемым. Под глазами залегли серые тени, кожа была бледна, как у покойника.

Запёкшаяся кровь на верхней губе, щеках и шее напоминала потёкший театральный грим и придавала ему призрачный вид.

Закрыв дверцу, он подошёл к багажнику. В слабом свете лампы виднелось конфискованное взрывное снаряжение, которое он с воскресного вечера возил в машине, забыв сдать Дворшаку в отдел криминалистической техники.

В свете поблёскивали медные провода и полимерные оболочки; рядом лежали детонаторы, патроны, капсюльные втулки, механические часовые взрыватели, замедлители и красные бикфордовы шнуры. Захватчик заложников был оснащён как настоящий специалист-подрывник.

Но для Кёрнера вся эта дрянь была бесполезна — за исключением тончайшего запала «Polex». Он

вытащил его из связки и сунул в карман плаща. Крошечного электрического детонатора с двумя проводами хватило бы как инициирующего заряда, чтобы создать необходимое детонационное давление. Больше ему не требовалось.

На этот раз они связались не с тем человеком.

Когда Кёрнер выскользнул из шахты наружу, вдохнул холодный утренний воздух и почувствовал, как морось ложится на лицо, голова у него прояснилась. Жизненные силы возвращались.

Вид на посёлок был мутным; дома тонули в сумерках и дожде. Кёрнер удивился, что деревенские не выставили здесь пост. Ни одна живая душа не охраняла площадку.

Перед ним лежали жестяные сараи, списанные угольные вагонетки, кладбище, сторожка могильщика и пустая стоянка. Земля раскисла; одна бурая лужа смыкалась с другой. Всё казалось вымершим.

Только у подножия дамбы копошились сотни людей.

За полем Трир казался совсем близкой. Там, где река делала изгиб, стояло больше всего машин и бортовых грузовиков. Грязно-бурый поток с необузданной силой валил вниз по течению.

По другую сторону федеральной трассы река

превратила огромные пространства земли в гигантское озёрное царство. Куда ни хватало взгляда, всюду разливалась высокая вода.

Посреди поля всё ещё стоял трактор с ржавым прицепом. Кёрнер прикинул: до дамбы — минут пятнадцать. Никто не заметил его, когда он побежал через поле к трактору.

Несколько минут спустя он бросился на живот у самого подножия земляного вала и пополз под защиту свисающих ивовых ветвей. Лицо и руки, покрытые грязью и листьями, сливались с деревьями и кустами вокруг.

Почва была такой мягкой, что локти уходили в неё на несколько сантиметров. Дамба тоже промокла насквозь. Восемь дней подряд принимая на себя ярость воды, она дрожала всем телом, как желе.

Кёрнер не понимал, как этот вал вообще мог так долго выдерживать натиск Трира, — а подъёму воды конца видно не было. На участке в два километра громоздился, должно быть, миллион мешков с песком. Песчаная преграда у дамбы стала такой же бурой, как мутная вода реки.

Теперь хватило бы одного удара лопатой в правильном месте — и вся дамба уступила бы напору, сдвинулась, пошла километровыми

трещинами и рухнула, как бумажная стена. В считаные секунды поток прорвал бы дамбу и все защитные валы.

Пожарные уже не патрулировали гребень дамбы. Каждый лишний мешок с песком мог обрушить всю конструкцию. Стоило Кёрнеру приподнять голову, и он видел, как вода перехлёстывает через вал.

Рейка, торчавшая из потока, показывала рекордный уровень — восемь метров сорок. За ночь Трир разросся до чудовищных размеров. Похоже, шлюзы Трирахской плотины часами оставались открытыми. Возможно, непогода на Шпойсдорфском химическом заводе уже обернулась катастрофой.

— Трещина в дамбе!

Кёрнер пригнулся. Мимо пробежали двое пожарных в жёлтых касках и синей форме. Они были слишком заняты, чтобы заметить съёжившуюся фигуру в подлеске.

Десятки грузовиков ползли мимо Кёрнера со скоростью пешехода. В нескольких метрах от него они вываливали тонны щебня и строительного мусора, пытаясь закрыть дыры в дамбе, из которых сочилась вода.

— Фильтрация в точке восемьдесят один! Нуж-

но больше противовеса на откосе! — кричал в мегафон мужчина.

Кёрнер помнил его лицо по «Бурому Пятирогу».

Всё прибывали новые грузовики, подвозившие строительный мусор с Хайденхофского гравийного карьера. Жители, словно одержимые, пытались залатать израненную дамбу в безнадёжной гонке со стихией. Там, где заделывали одну дыру, прорывались две новые.

Теперь Кёрнер понял, почему у выхода из шахты его никто не ждал. У деревенских появились другие заботы. Сейчас у дамбы был нужен каждый человек.

Лишь один-единственный человек осмеливался неподвижно стоять на гребне, раскинув руки и устремив взгляд на бурую воду, среди запаха тлена и тухлой рыбы.

— Десять дней первозданной силы, направляемой всемогущей рукой! — возгласил патер Сахмс. — Это месть, наше проклятие, Божья расплата! Но свою судьбу мы определим сами!

По спине Кёрнера пробежал холодок.

Патер Сахмс. Божья расплата.

Внезапно он понял, почему люди оставались в посёлке и не хотели эвакуироваться. Мысль была

безумной, но другой быть не могло: жителям Грайна и Хайденхофа было важно спасти вовсе не дома, не машины, не нажитое добро. Они спасали отродье.

Они хотели защитить существ, живших за их стенами, от хлора и кадмия с химического завода.

Кёрнер вспомнил слова Вайсмана — тот выкрикнул их среди ночи, едва не сбив его на деревенской площади:

— У нас в посёлке новая проблема: возможное химическое заражение! Если яды попадут в реку и шлюзы откроют, будет плохо…

Да. Именно плохо.

Даже разбавленный массами воды хлор мог быть крайне опасен. Кёрнер об этом позаботится. Он сунул руку в карман плаща за динамитом.

— Я и есть потоп, — процедил он сквозь зубы.

Каждая динамитная шашка была почти пять сантиметров в диаметре, больше тридцати сантиметров длиной и весила полтора килограмма. Трёх шашек хватило бы, чтобы вскрыть дамбу как минимум на десять метров. Чем выше, тем лучше.

Остальное сделает напор воды. Наводнение станет чудовищным.

Связав три шашки клейкой лентой, Кёрнер закопал заряд в землю так глубоко, что наружу торчал только конец. Затем он вдавил накальный стержень запала Polex в первую шашку, пока на поверхности не остались лишь два провода.

Теперь начиналась вторая часть плана. Он сорвал чёрную пластиковую крышку с одной из раций. В корпусе находились батарея, динамик, провода, реле, схемы и красная контрольная лампочка, показывавшая приём.

Подключить оба полюса электрического запала прямо к батарее означало бы умереть на месте. Вместо этого Кёрнер собирался сделать простой дистанционный взрыватель.

Он вытер испачканные грязью руки о воротник плаща, потом неловкими пальцами вырвал из устройства крошечную красную лампочку вместе с патроном. Оставалось присоединить провода запала Polex к двум контактам лампы.

Когда Кёрнер замкнул их на плюс и минус, он задержал дыхание. Но ничего не произошло.

Контакт, который обычно включал контрольную лампу, должен был замкнуться лишь тогда, когда он вызовет эту рацию со второй и та перейдёт из режима ожидания на приём. Только вместо лампы электрический импульс уйдёт к

запалу, ток разогреет мостик накала и…

Бах.

В цепной реакции взлетят на воздух четыре с половиной килограмма динамита.

Пока обе рации находились в режиме ожидания. Защёлкивая пластиковую крышку и вдавливая подготовленное устройство в грязь так, чтобы наружу торчала только антенна, Кёрнер снова прокрутил в голове весь план.

Он вовсе не был уверен, что тот сработает. Дальность переносных раций составляла всего полтора километра. Если он отойдёт слишком далеко, если оторвётся провод, сядет батарея или старый динамит окажется негодным, не случится ничего.

Его всё сильнее теснила мысль, которую он носил в себе ещё со вчерашнего вечера:

Зачем оставаться?

Он мог забыть обо всём. Прямо сейчас взобраться на гребень дамбы, броситься в поток и переплыть на другой берег. Покинуть это место. Покончить со всем.

Но он ещё не был готов. Сначала нужно выяснить недостающие связи. Слишком многое оставалось без ответа.

Откуда взялись эти существа? Что они такое?

Что они делают? Кто ими управляет?

Кроме того, он хотел прочитать начало дневника. Ему казалось: именно там скрыт ключ ко всей истории. И была ещё одна причина — главная. Он не мог оставить свою дочь во власти безумных деревенских жителей.

Медленно он выполз из-под свисающих ивовых ветвей. Лёжа на животе, со второй рацией в кармане плаща, он перебирался из одной борозды в другую, пока снова не добрался до трактора с ржавым прицепом.

Скрытый за списанным железным чудовищем, он поднялся во весь рост. Руки почти окоченели. Холод уже несколько часов сидел в костях, и оцепеневшие суставы будто скрипели при каждом движении.

В углублении тракторного сиденья собралась дождевая вода. Кёрнер вытер ладони о брюки, чтобы зачерпнуть глоток.

— Там, наверху!

Дождевая вода показалась свежей, словно из горного родника. Кёрнер зачерпнул из выемки, куда уходила тяга сцепки, ещё одну пригоршню и жадно выпил.

В ту же секунду у него заурчало в животе.

— Там! Быстрее!

Только теперь он поднял глаза. Несколько мужчин отделились от людской толпы у дамбы и побежали через поля.

Кёрнер огляделся. За спиной у него было только поле, дальше — дорога, шахтные штольни, кладбище и пустая стоянка.

— Не дайте ему уйти!

Сердце Кёрнера сорвалось в бешеный бег. Эти люди могли иметь в виду только его. Он тут же бросился к шахтной штольне. Башмаки скользили в раскисших бороздах.

Не оглядываясь, он спотыкался через дорогу, гравийные дорожки и уложенные доски, пока лёгкие не загорелись огнём, а пот не залил глаза.

Остановился он лишь тогда, когда «Ауди» остался позади, а сам он углубился в абсолютную темноту туннеля. В горе они его ни за что не найдут.

ГЛАВА 30

После короткой передышки Кёрнер, освещая себе путь фонариком, двинулся дальше в тоннель. Через несколько сотен метров шум преследователей стих.

Почему они не идут за ним? Неужели он угодил в тупик?

И всё же он шёл дальше.

Чем глубже он проникал в выработку, тем теплее становилось. Холодное облачко дыхания перед лицом исчезло. Из боковых стен свисали толстые корни. Заросли стояли так густо, что за ними почти не различались ни земляные стены, ни деревянная рамная крепь.

При виде корней, плетей и клубневидных наростов к Кёрнеру вернулась чудовищная головная боль. На этот раз кровь пошла не из носа и ушей: он почувствовал её тепло на дёснах, на нёбе, в горле. Он глотал, глотал, пока его не замутило. Пустой желудок взбунтовался. Всё чаще приходилось сплёвывать.

Когда тоннель перед ним раздвоился — один ход уходил вправо, другой спускался влево, — Кёрнер выбрал левый, под уклон. Этот ход вёл

уже не дальше в гору, а в сторону Грайна.

Где-нибудь он да выйдет наружу.

Тоннель сужался. Вскоре Кёрнер заметил, что больше не попадается ни вёдер, ни лопат, ни ламп. Рельсы для шахтных вагонеток давно исчезли. Не стало и меток на деревянной крепи.

Он посветил фонарём вперёд — и дыхание у него перехватило. Деревянных балок больше не было вовсе. Штольня словно держалась сама собой, как природная полость. К тому же в проходе распространилась мерзкая серная вонь, напоминавшая тухлые яйца.

Тоннель был чуть ниже метра семидесяти, шириной в плечи и весь зарос тёмным корневищем. Уже несколько минут Кёрнер шёл согнувшись, переступая через узловатые плети, которые на полу срастались в плотную сеть.

Становилось всё теплее. Шахта уходила вниз круче прежнего. Время от времени у Кёрнера кружилась голова, и он прислонялся к стене, чтобы хотя бы минуту перевести дух. Приступы слабости он объяснял нехваткой воды и еды.

Между тем в голове нарастало странное давление. В ушах гудело, будто шумела его собственная кровь. За висками пульсировали разбухшие сосуды. Кёрнеру казалось, что череп вот-вот треснет.

Ему отчаянно требовался свежий воздух — и хоть немного места, чтобы вытянуть руки и ноги: тело всё чаще сводило судорогами.

Головокружение возвращалось снова и снова, теперь уже вместе с провалами в памяти. Серная вонь подступала к горлу; Кёрнер давился горькой желудочной кислотой. Вскоре он потерял ориентацию и всякое чувство времени.

Сколько он уже бредёт по этому бесконечному тоннелю?

Когда он в очередной раз вынырнул из глубокого помрачения, то обнаружил, что ползёт на животе, опираясь на локти, а фонарик катит перед собой.

Что, чёрт возьми, произошло?

Тоннель стал таким узким, что Кёрнер едва мог протиснуться.

Почему он не остановился?

Машинально он переставлял одну руку за другой, подтягивая себя вперёд. Он не знал ни где находится, ни насколько глубоко забрался в штольню.

А повернуть назад он ещё может?

Для разворота ход был слишком тесен — Кёрнер мог разве что проползти весь путь задом наперёд. Надо было остановиться, передохнуть и спокойно

обдумать, что он делает.

В один из просветов сознания он понял: это лишь вопрос времени — он застрянет и умрёт. Теперь уже не оставалось сомнений: это не обычная шахта. Корни на стенах напоминали рассказ из дневника министранта, только это растение было мощнее; его плети не имели ни начала, ни конца и окружали Кёрнера, словно жёсткая толстая сеть, километрами сплетённая сама с собой.

Если описание в дневнике было правдой, значит, правдой могло оказаться и всё остальное, что он прочёл в книге. Быть может, этот тоннель вёл его прямо к источнику тайны.

Внезапно труба снова пошла под уклон. Кёрнер попытался упереться, но сорвался и заскользил вниз руками вперёд. Удар выбил из лёгких весь воздух. Когда зрение прояснилось, он понял, что лежит в ровной трубе. Он старался дышать неглубоко и не двигаться.

Назад пути уже не было. По этому скату он никогда не сумел бы подняться задом наперёд. В нескольких метрах впереди фонарик освещал следующий участок штольни. Кёрнер пополз к нему. Волосы задевали потолок, плечи с трудом протискивались между зарослями. С каждым метром он всё сильнее сдирал кожу на руках.

И вдруг тоннель перед ним закрутился. Пространство расширилось, в следующий миг снова сузилось; стены перекосились, и вместе с ними, казалось, менялось его собственное тело. Свет и тень непрерывно сменяли друг друга в страшной, невыносимой игре. Вскоре ему почудилось, будто он лежит на спине и смотрит в потолок.

Там. Чёрные корни шевелятся у него перед глазами. Или это всего лишь обман, вызванный дрожащим светом фонаря?

Кёрнер попытался всмотреться, но всё расплылось.

Неужели от зарослей действительно отделяются тени, ползут к его лицу, касаются губ и щёк?

Кровь сочилась из носа и рта, собиралась в горле, но сплюнуть он не мог. Он попытался приподнять голову, выдавить кровь изо рта, однако она пузырилась, текла по щекам, подбородку, попадала в нос. Он невольно глотал её и начинал судорожно кашлять.

Жадно хватая воздух, Кёрнер вцепился пальцами в ветвистое сплетение и, хрипя, потянул себя вперёд.

Он должен был идти дальше — куда бы ни вёл этот путь. Иначе он умрёт.

Ему казалось, что отключения случаются всё чаще, а промежутки бодрствования становятся всё короче. Как только он снова приходил в себя, он тянулся дальше, вцеплялся руками в стены, продвигался коленями. Пот струился по лицу.

В очередной раз он вонзил пальцы в разросшиеся плети — и рука целиком ушла в заросль. Что-то хрустнуло. Кисть провалилась по запястье. В таком положении Кёрнер никак не мог повернуть другую руку с фонарём, чтобы посмотреть, что случилось.

В панике он попытался выдернуть руку, но та застряла слишком глубоко. Тогда он сделал прямо противоположное тому, что подсказывал инстинкт: упёрся плечом в противоположную стену и вдавил руку ещё глубже в корневище.

Словно пробив оболочку, он вдруг смог свободно пошевелить пальцами.

Неужели рука оказалась по ту сторону корней, в открытом пространстве?

Он не чувствовал ни мороси, ни прохладного дуновения. Зажатую руку Кёрнер начал вращать, как бур. Отверстие медленно расширялось. Вскоре он уже ушёл в стену по плечо и смог подтянуть другую руку, чтобы вырывать корни. Казалось, узловатая поросль даже не сопротивлялась.

Перед ним образовалась дыра, в которую можно было просунуть обе руки и голову. Он упёрся ногами в стену и втиснул верхнюю часть тела в отверстие. Края его были покрыты коркой и заросли. Кёрнер проталкивался дальше, давил локтями на корни, и те вдруг с треском подались.

Жидкость, вонявшая тухлыми яйцами, брызнула ему в лицо, в волосы и на пальто. Лопнувшие корни выделяли мерзкий сок; он, словно желе, впитывался в ткань. Давясь, Кёрнер задержал дыхание и пролез в пространство по ту сторону.

Когда верхняя часть тела перевесила, ноги соскользнули следом, и он рухнул с метровой высоты на твёрдый каменный пол. Среагировать Кёрнер не успел и сильно ударился головой. Фонарик, грохоча, покатился по бороздам в полу в нескольких локтях от него и стукнулся о стену.

Кёрнер поднялся на дрожащих коленях. В первое мгновение он едва удерживал равновесие: голова была тяжёлой, как пушечное ядро. Он вытер с лица скользкую жидкость и ошеломлённо огляделся.

Похоже, он оказался в сводчатом подземелье. Воздух был спёртый, но серная вонь ослабла. Кёрнер поднял фонарик и осветил помещение.

Перед ним открылся каменный свод с нишами — величиной с винный погреб, только вместо стеллажей здесь были голые стены и арочные проходы, ведущие дальше.

Корневое переплетение исчезло. Лишь кое-где оно прорывалось через трещины в камне и, как высохший плющ, ползло по стенам. Эти немногочисленные отростки позволяли представить, что скрывается в земле за сводами. Пол тоже местами был разорван. Окаменевшие растения, толщиной с канализационные трубы, выпирали наружу и расползались по камню.

Кёрнер перешагнул через ломкое образование, ветвившееся по всему подземелью.

Посреди самого большого зала стояла странная конструкция. Она ничуть не походила на железный остов в баре «Газлайт». Это устройство было во много раз крупнее и состояло из рукоятей, зубчатых колёс, цепей, педалей, истлевших канатов и жерновов, служивших грузами.

Кёрнер, спотыкаясь, подошёл к машине. Вид её напомнил ему одно место из дневника: «Через узкое отверстие я смог заглянуть в склеп и увидеть части Безмолвной машины».

Не эта ли машина имелась в виду? Не тем ли самым тоннелем прополз Кёрнер, которым уже

проходил министрант с масляной лампой, разыскивая отродье?

Если так, сводчатое подземелье находилось прямо под церковью.

Кёрнер лихорадочно размышлял. Ничто из увиденного до сих пор не противоречило дневниковым записям. Чем глубже он погружался в историю этого места, тем яснее становились строки министранта.

Если допустить, что министрант не был безумцем и всё, что Кёрнер прочёл в книге, соответствовало истине, значит, он находился в том самом подземелье, спуск в которое в июне 1864 года разъярённая толпа жителей деревни забаррикадировала молотками, гвоздями и разбитыми церковными скамьями, а затем перекрыла тяжёлым алтарным камнем.

Если всё это правда, выход заперт с 1864 года. Возможно, в дневнике есть подсказка. Кёрнер поспешно вытащил книгу из кармана пальто и направил луч фонаря на первую запись, с которой всё началось.

4 января 1864 года:

Новый алтарный камень, который два месяца назад мы получили из Санкт-Гидена в деканате

Кемпен, до сих пор приносил нам одни неприятности. Уже в день установки пол сильно просел, а ко всему прочему вчера в хоровой арке появилась трещина, которая вот уже несколько часов продолжает расширяться.

Остальная часть страницы расплылась. Кёрнер сел по-турецки у каркаса машины и при слабеющем свете фонаря занялся дневником; записи продолжались на следующий день.

5 января:

Сегодня утром трещина доходила уже до пола и была такой ширины, что я мог просунуть в неё два пальца. В полдень я услышал, что каменных дел мастер из Хайденхофа придёт в церковь с двумя подмастерьями.

Когда после обеда я, как и каждый вторник, принёс патеру Дорну покупки из деревни, мужчины уже работали. Место перед алтарём выглядело ужасно: повсюду пыль и щебень. Валялись деревянные рейки, корыта с водой, кельмы и лопаты. Рабочие пробили в стене дыру в человеческий рост и как раз вскрывали деревянный пол.

Лежавшие под ним доски сгнили; несло отвратительно, затхлой стоячей водой. Неудивительно, что пол просел. Судя по состоянию стройки, этот

хаос должен был продлиться не меньше недели. В тот момент мы с патером ещё надеялись, что самое главное удастся закончить к воскресной мессе. Но всё вышло иначе.

Вечером вдруг начался сущий ад. Мужчины носились по церкви как всполошённые куры. Патер Дорн, бледный как полотно, поспешил через выбитые куски кладки и уставился в дыру. Во время ремонтных работ под внешней северной стеной церкви рабочие наткнулись на склеп.

Один подмастерье-каменщик торчал в расщелине по шею. Он крикнул, чтобы ему дали масляную лампу. Когда я принёс её, он на заду съехал глубже в подземное сводчатое помещение и исчез. После этого я видел только пляшущий свет лампы под щелью в полу.

— Склеп с костями! — прокричал он наверх.

Я стоял как вкопанный и смотрел на трещину в полу. Патер Дорн повернулся ко мне, приложив указательный палец к губам.

— Ни слова об этом.

В тот же вечер патер Дорн отправил каменщиков обратно в Хайденхоф. Не знаю, что он задумал, но надеюсь завтра это выяснить.

6 января:

Реставрационные работы пока остановлены, поскольку патер Дорн хочет выяснить назначение и размеры склепа. Я должен ему в этом помочь.

После обеда мы приступили. Мы с патером Дорном надели толстые пальто и крепкую обувь, взяли масляные лампы, верёвки и лопаты. Я последовал за патером в склеп. Там стоял страшный холод, пар поднимался перед лицом. Спуск несколько метров шёл по наклонной осыпи, но затем мы наткнулись на грубо вырубленные в камне ступени.

Очень скоро мы поняли, где оказались: просторный склеп, казалось, лабиринтом простирался под всем церковным холмом. Камеры были наполнены человеческими костями. Не освещая лампой подробностей, я шёл за патером. Он спешил из одного помещения в другое, всё глубже уходя по подземному каменному ходу, пока тот не закончился тупиком.

Разочарованный патер поставил лампу на землю. В тот момент я ещё не знал, чего он ждал от этого подземного сооружения.

— Я думал, мы нашли легендарный Турецкий

лаз.

Патер ударил кулаком по камню. Я обратил его внимание на ржавую железную решётку, которая у нас над головами была вделана в каменный потолок на двух петлях.

— Макс, подсади меня, — велел он и тут же полез вверх, чтобы отпереть засов.

Когда решётка упала вниз, мы поднялись по железным крюкам, закреплённым в стенах. В тесной шахте мы вскоре выбрались на узкую площадку. Свет падал сквозь крохотные глазки в мраморном куполе. Прижавшись друг к другу, мы всё-таки сумели выглянуть наружу.

У меня перехватило дыхание. Мы находились посреди грайнской деревенской площади и могли смотреть во все стороны. Я видел трактир, амбары и дорогу к реке. Совсем рядом плескалась вода, и только тогда я понял, где мы: в деревенском колодце. Скульптуры мраморных ангелов внутри были полыми. Железная петля подсказала нам, что должен существовать выход наружу.

Патер Дорн опустился на корточки.

— Мы и вправду нашли Турецкий лаз.

Улыбаясь, он рассказал мне, что представляло собой это сооружение. Прежде подземный тайный ход вёл от церкви прямо на деревенскую

площадь. Обычно им пользовались как путём к бегству во время разбойничьих нападений и войн. Скрытый в деревенском колодце выход должен был прежде всего служить для спасения драгоценных церковных сокровищ.

Во время первой турецкой осады Вены в 1529 году жители деревни прятались в этом тоннеле. Позднее тайный ход расширили несколькими помещениями, и, как говорят, он служил покойницкой для жертв Чёрной смерти. В какой-то момент вход в тоннель в церкви замуровали, после чего шахта продолжила жить лишь в легендах.

В грайнской церковной истории нет ни упоминаний, ни записей о Турецком лазе, и всё же несколько часов назад мы побывали в нём!

7 января:

Сегодня мы с патером Дорном снова осматривали Турецкий лаз. Пока я по приказу патера укладывал кости мёртвых в мешки и перевязывал их, чтобы позднее он смог похоронить останки в общей могиле, сам патер занялся одной нишей, вырубленной в горе; мы назвали её «мастерской».

Оттуда он извлёк зубчатые колёса, тяги, ржавые

металлические пружины и старую конторку. Недолго думая, он расколол ящик ломом, который каменщики оставили на стройке. Я поспешно подбежал с масляной лампой, но был разочарован. Я надеялся на жуткие записи, дневники, письма или таинственное завещание, однако в ящике оказалась лишь ветхая книга, написанная вскоре после начала века.

Автор, некий Йозеф Хутцингер, оставил на бумаге совсем немного текста, зато множество перьевых рисунков. Эти нелепые каракули, должно быть, и около 1801 года выглядели весьма странно, потому что даже сегодня производят причудливое впечатление. Возможно, именно поэтому патер Дорн, казалось, ими заинтересовался: книгу он больше из рук не выпускал.

11 января:

Сегодня снова был понедельник, мой свободный день, но на этот раз мне не хотелось расчищать снег на подъездных дорогах к усадьбе Адальберта Шмаля, хотя хозяин всегда платил мне за это. Не собирался я и вычищать его стойла. Меня занимал другой вопрос: кто такой Йозеф Хутцингер?

Я навестил дочь Эбуса фон Вальбека, и она поз-

волила мне войти в библиотеку отца. О книжном собрании бургомистра я слышал много, но прежде оно меня особенно не интересовало. Теперь всё было иначе. Я хотел выяснить, кем был тот самый Хутцингер, чьи рисунки пером так заворожили патера Дорна.

После двух часов, проведённых над томами в книжной комнате, пропахшей трубочным табаком, я наконец нашёл то, что искал. Розыски я начал слишком мудрёно, тогда как ответ лежал совсем рядом. Трудно было поверить, но Хутцингер оказался местным историком.

В грайнской книге крещений XVIII века я обнаружил примечательную запись. Поскольку Хутцингер родился вне брака в военные годы, около 1740-го, от некой Магды Хутцингер, а отец назван не был, тогдашний священник коротко вписал в книгу: «гусарское дитя».

В грайнских анналах говорилось, что в 1761 году Йозеф Хутцингер отправился в Вену, чтобы пять лет учиться в Восточной академии, учреждённой Марией Терезией. Там, как мне удалось прочесть, так называемых «способных юношей» готовили к делам с Оттоманской Портой. Затем последовали путешествия на Восток, пока в 1798 году Хутцингер, уже стариком, не вернулся в

Грайн, чтобы посвятить себя записи накопленных знаний. К сожалению, о том, что он пережил на Востоке, не было сказано ни слова.

Зато грайнская книга умерших содержала несколько любопытных подробностей. Поскольку время рождения и возраст покойных не всегда были известны, я часто встречал в метриках записи тогдашнего священника вроде: «Ему было около 70 лет» или «Ему, как говорят дети, под 75».

О Йозефе Хутцингере было написано следующее: «Он прожил 60 с лишним лет и не пользовался ни врачом, ни лекарствами». Однако, поскольку до конца жизни Йозеф Хутцингер оставался некрещёным, его похоронили в углу кладбища, в так называемом Домике невинных. Там и сегодня хоронят некрещёных мертворождённых детей и плоды после выкидышей, поскольку их нельзя предавать освящённой земле.

Я знаю этот домик. Он обнесён стеной и укрыт крышей, чтобы, как говорили в те времена, ведьмы и злые духи не могли получить власть над мёртвыми детьми. Пустые сказки!

17 января:

Я потрясён и до сих пор не могу в это поверить. Сегодня патер Дорн отменил воскресную мессу! Он заперся у себя в кабинете и никого не принимал. Мне пришлось успокаивать верующих.

Пока мы стояли под церковным навесом, поднялась страшная метель, но последние из ожидавших разошлись по домам лишь через два часа после того, как должна была начаться месса.

До глубокой ночи в комнате патера горел свет. Он позвал меня к себе только один раз, попросив кувшин воды. Я увидел, что он сидит за пюпитром, склонившись над книгой Хутцингера, и при свете масляной лампы выводит на листе бумаги какие-то странные рисунки. После этого я ушёл в свою комнату и лёг спать.

18 января:

За завтраком патер Дорн встретил меня словами:

— Макс, мы построим машину!

Не объясняя больше ничего, он потёр руки и зашагал в деревню.

Хотя это снова был мой свободный день, я опять отказался от мысли помочь Адальберту Шмалю с чисткой стойл. Вместо этого я прокрался в кабинет патера Дорна. Должно быть, он считал меня простоватым парнем, неспособным самому сложить выводы воедино. Но тут он ошибался.

Теперь я уже знал, кто такой Йозеф Хутцингер, и знал, что большую часть жизни он провёл на Востоке. Его книга лежала передо мной — небольшая, неброская, в переплёте из винно-красной кожи. Заглавие гласило: «Машины Аргуля».

Я открыл её, перелистнул первые хрустнувшие пергаментные страницы и начал читать. Через час я потрясённо захлопнул книгу. Менее чем на ста страницах содержались подробнейшие инструкции по строительству чудовищных машин, назначения которых я так и не смог понять.

Предисловие Хутцингера было посвящено жизнеописанию некоего Ибн бен Аргуля, жившего около 750 года от Рождества Христова в Дамаске. Всю книгу Хутцингер посвятил трудам этого изобретателя, которому, по-видимому, и принадлежали технические чертежи. Невероятно, что подобное могло существовать на Востоке более тысячи лет назад.

О смерти Ибн бен Аргуля Хутцингер лишь крат-

ко упоминал в послесловии. В возрасте тридцати четырёх лет арабский изобретатель лишился рассудка и, желая искупить свои творения, решил сам себя казнить. Он построил свою последнюю машину, которая живьём вырвала у него из тела внутренности.

Я вздрогнул, услышав голос патера Дорна перед церковным двором. Быстро покинув кабинет, я выбежал к нему во двор. Патер держал за ручку тележку.

— Только посмотри! — радостно крикнул он и откинул брезент.

В тележке лежал старый ржавый хлам: цепи, ножные педали, тросовые тяги, ручные кривошипы, зубчатые колёса и металлические пружины. Всё это напомнило мне рухлядь, которую мы обнаружили в Турецком лазе.

24 января:

В это воскресенье патер Дорн позвал меня к себе в кабинет за полчаса до начала мессы. Он вырвал несколько страниц из книги Хутцингера и сложил листы так, что получился огромный чертёж.

— Смотри, Макс!

Он с гордостью показал мне строительный

план, как называл своё творение.

— Это ключ к самой могущественной из всех конструкций.

В верхней части листа было нацарапано: «Безмолвная машина».

— Инструкция по созданию этой машины считалась утраченной со времён смерти Ибн бен Аргуля. Спустя более тысячи лет автор книги отыскал её в Константинополе. Листы были спрятаны в тайной комнате Айя-Софии.

Патер Дорн ухмыльнулся.

— Макс, ты, конечно, не понимаешь всех связей, но мы построим эту машину.

Я всё прекрасно понимал. И знал, что означает постройка машины. Пока патер Дорн, заворожённый собственными словами, говорил и говорил, из церкви до меня доносился ропот верующих: было уже шесть часов вечера, а они всё ещё ждали патера и его мессу.

— Не смотри всё время на дверь! — прикрикнул на меня патер Дорн. — Сюда!

Он постучал по листам.

— Здесь сокрыта истинная вера.

Он схватил меня за воротник.

— Ты ещё научишься понимать истину, Макс. Позже, гораздо позже, когда несколько раз про-

чтёшь эту книгу. Поверь мне. Если то, что здесь написано, правда — а я убеждён, что это правда, — машина вызывает истину космического масштаба. Это окончательное доказательство того, что Бог существует. Макс, ты понимаешь? Бог не находится в пространстве, каким мы его знаем. Он — между. Машина действует как мост: создаёт связь, открывает врата в иные сферы. Она превращает неверующих в зрячих. Через неё мы очистимся!

Безумная болтовня! Я невольно вспомнил, как Ибн бен Аргуль покончил с собой. Патер Дорн, должно быть, почувствовал мои сомнения, потому что внезапно умолк и посмотрел на меня сверкающими глазами.

— Ты ведь не сомневаешься в моих словах?

Я покачал головой.

— Мы выбираем опасный путь, но он того стоит. Мы первопроходцы, а в конце нас ждёт озарение.

Он сжал меня крепче.

— Я могу рассчитывать на твою помощь?

Я хотел покачать головой, но в конце концов выдавил хриплое «да». Какой у меня был выбор? Я мог остаться министрантом — или стать мальчишкой при стойлах. О, как же я ненавижу себя

за эту слабость!

25 января:

Как я только что узнал от дочери бургомистра, вчера патер Дорн попросил грайнского кузнеца изготовить для него ещё несколько деталей. Зубчатые колёса, пластины, болты и пружины якобы предназначались для реставрации хоровой арки и деревянного пола — так патер Дорн уверял кузнеца.

Он раздал свои чертежи нескольким ремесленникам и, разумеется, остался должен им деньги за работу. Невероятно, как ловко патер водит местных жителей за нос!

26 января:

Сегодня зима свирепствовала сильнее прежнего, и всё же мы с патером Дорном отправились на ослиной упряжке Адальберта Шмаля в Санкт-Гиден, в деканат Кемпен.

По дороге я узнал, что на прошлой неделе патер написал несколько писем. Поэтому в Санкт-Гидене нас уже ждал слесарь-механик, который передал нам необходимые части для привода — того самого основного механизма, без которого

машина, как объяснил мне патер, не будет работать. Тяжело нагруженные, мы в бурю пустились в долгий обратный путь в Грайн.

27 января:

На церковном дворе под брезентом уже громоздятся десятки металлических деталей, укрытых от снега и любопытных взглядов. Сегодня патер начал собирать первые части. До самого вечера я слышал, как он стучит молотком, пилит и работает напильником.

28 января:

Патер несколько раз посылал меня в деревню за гвоздями, струбцинами, угольниками и странными на вид инструментами, о существовании которых я даже не подозревал.

29 января:

Патер Дорн велел мне очистить сводчатое подземелье и Турецкий лаз от всякой ненужной рухляди. День истины близок, сказал он. Всё утро я таскал во двор священника десятки мешков с мусором и складывал их вдоль стены. После скуд-

ного обеда мы спустили первые части машины через трещину в полу в подземелье, где патер Дорн принялся собирать детали.

— Дело движется, — сказал патер и потёр руки.

Он работал как одержимый: то и дело снова изучал инструкцию и по нескольку раз проверял каждое движение, пока не оставался доволен. Постепенно я начал осознавать размеры машины. У этого чудовища была ненормальная геометрия. Из какого бы угла подземелья на него ни смотреть, всё время казалось, будто видишь сразу все его стороны и ниши, словно конструкция непрестанно являла себя во всей своей ужасающей сложности.

Я снова и снова таскал детали, пока спустя несколько часов не рухнул на каменную лестницу с окровавленными руками.

— Макс, дальше! — рявкнул патер Дорн.

Я дышал неглубоко и не двигался.

— Послезавтра воскресенье, — прохрипел я. — Нам надо готовиться к святой мессе.

— А что, по-твоему, мы здесь делаем?

Он рывком поставил меня на ноги.

— Мы на верном пути к тому, чтобы совершить святую мессу в её чистейшей форме! Ты ведь не сомневаешься?

Он встряхнул меня.

— Ты хочешь всю жизнь баюкать себя в неведении, никогда не видеть и никогда не понимать по-настоящему? Или всё-таки хочешь познать окончательную истину?

— Ибн бен Аргуль сошёл из-за этого с ума! — вырвалось у меня.

Тогда патер отпустил меня. Лицо его вытянулось, он уставился на меня холодными глазами.

— Ах, вот как, — прошептал он. — Ты шпионил за моей спиной и считаешь себя умным. Думаешь, я не знаю, на что иду. О, ты ошибаешься.

Он улыбнулся.

— Я познаю истину.

— Даже если всё закончится безумием? — бросил я ему.

Он размахнулся и ударил меня по лицу.

— Ибн бен Аргуль был слаб. Его разум пошёл ложным путём. Араб, последователь Магомета, — с презрением выплюнул патер. — У него было божественное видение, ему открылся чертёж неземной машины, но он не сумел им воспользоваться.

Патер Дорн, раскинув руки, прошёл к середине подземелья.

— Йозеф Хутцингер собрал чертежи Аргуля,

записал их в книгу, которая по счастливому промыслу попала сюда, в Грайн… туда, где я её нашёл! Нас избрал Бог. Наше предназначение — довести до конца то, в чём потерпели поражение Ибн бен Аргуль и все, кто шёл за ним. Бог на нашей стороне, ибо мы принадлежим к общине Христовой.

— А если мы ошибаемся?

Слёзы текли у меня по щекам.

Патер Дорн опустился передо мной на колени и взмолился:

— У нас есть миссия, которую мы должны исполнить. Бог защитит нас!

Я уже не знал, во что верить. С тех пор как патер прочёл книгу Хутцингера, эта мысль овладела им целиком. Но он не понимал, во что ввязывается, строя это устройство. Как он мог верить, что сумеет удержать машину под контролем? Он никак не мог предвидеть, чем закончится это безумие.

И тогда наконец это было произнесено — сорвалось с его губ как кощунство.

— С помощью этой машины я научу жителей деревни смирению.

Он дал мне попить, смыл кровь с моих рук и отправил наверх за новыми деталями. После этого мы работали без перерыва до самой ночи.

31 января:

Сегодня было уже третье воскресенье без мессы. Но на этот раз всё было иначе. Мне не пришлось успокаивать верующих, тем более отмахиваться от них короткими словами: теперь уже никто не поднимался на церковный холм.

И всё же был другой повод считать этот день самым страшным в моей жизни. Я стал свидетелем ужасного развития событий. Вечером патер Дорн велел мне явиться к нему в подземелье.

Подземный лабиринт во всей своей уродливости был занят машиной. В немногочисленных свободных углах стояли деревянные ящики, на них — клетки. В своих тюрьмах пищали крысы и мыши, а под стеклянным колпаком я, кажется, даже разглядел мух, которые с жужжанием бились о стекло.

Патер Дорн заметил мой недоверчивый взгляд.

— По ним мы поймём, работает ли она.

Он привёл в движение рычаг. Зубчатые колёса сцепились, катушки начали наматываться, цепи загрохотали, и похожие на крылья ветряной мельницы паруса стали раскрываться. Внезапно вся машина ожила.

Патер бросился к двум ручным кривошипам и

стал вращать рукояти — всё быстрее и быстрее.

— Макс! Насос, живо!

Я подбежал к обтянутым кожей мехам и нажал на педаль. Огромные части машины начали смещаться; жернова тёрлись друг о друга, проносились у меня над головой, на роликах расходились и снова сталкивались, издавая чудовищный звук.

К скрежету примешались новые, отвратительные стоны трущихся металлических пластин и глухие удары молота. Механизм испускал всё более страшные звуки, похожие на взмахи крыльев уродливых насекомых, — звуки, каких не мог бы издать ни один человек. И вдруг я понял коварный замысел: возникал ритм с повторяющимися тонами.

— Быстрее! — потребовал патер Дорн.

Вскоре я уже не мог различать отдельные звуки. Меня окружал сплошной гул, но спустя несколько минут тоны словно по волшебству начали взаимно гасить друг друга, нейтрализовать: грохот становился всё тише, пока наконец не исчез совсем, оставив после себя тревожную тишину.

Машина же работала в полную силу, хотя больше не нуждалась ни в ручном кривошипе, ни в ножной педали. Даже ничего не слыша, я чув-

ствовал: жуткие звуки по-прежнему рождаются вокруг нас. Ткань моих брюк трепетала. В животе нарастало давление, его сводило всё сильнее.

Эти беззвучные тоны, существовавшие вокруг нас, причиняли боль ушам, сушили нёбо и заставляли пульс бешено нестись. Но и это было ещё не всё — происходило нечто более страшное. Мухи одурело ползали по дну деревянного ящика и теряли ноги и крылья.

Крысы издыхали. Их глазные яблоки вращались в орбитах. Они раскрывали пасти, словно задыхались, но не издавали ни единого звука.

Прекратить! — хотел я закричать, но и у меня не вырвалось ни звука, будто я стоял в помещении с глухими стенами, поглощавшем всякий шум.

Внутри у меня забурлило. Моча и кал хлынули в штаны. Я ничего не мог с этим поделать. Я хотел кричать, сжимал кулаки и вдруг понял, что из носа и ушей у меня течёт кровь.

Беспомощный, с трясущимся телом, я смотрел, как камень пола отслаивается волнами и наконец исчезает. Под машиной разверзлась чёрная бездна, над которой, казалось, всё парило. Отверстие непрестанно меняло форму, словно жило и пульсировало.

Какая гигантская полость могла скрываться под ним? Слёзы бросились мне в глаза, но не они мешали ясно видеть открывшееся зрелище. Воздух над провалом начал мерцать, образы наползали друг на друга.

Затем в глубине что-то загрохотало, и оттуда метнулось существо, которое я не мог разглядеть как следует. Неописуемая тварь набросилась на патера Дорна. Хлещущие во все стороны тени сорвали с него одежду и молниеносно проникли во все отверстия его тела.

Лицо патера расплылось в неузнаваемое месиво. Он раскрыл рот и закричал, но я не услышал ни звука. В следующее мгновение мне показалось, будто его эрегированный член чудовищно торчит из тела. Чем глубже тёмные тени вгрызались в его плоть, тем сильнее он начинал дёргаться.

Затем всё произошло стремительно: щупальца из глубины обвились вокруг запястий патера, пальцы его сжались в кулаки, глаза закатились, обнажив страшную белизну, словно он испытывал экстатическое наслаждение, и жидкость из его члена излилась в овальную чёрную пасть, которая вырвалась из глубины и разверзлась под ним.

Внезапно хватательные отростки отпрянули —

и тогда я понял: изнасилование закончилось. Это неописуемое нечто получило то, чего жаждало.

Когда патер Дорн без сил рухнул на пол, из овальной пасти выпучились губы и сложились в исполинское влагалище. По телу нечестивого образования, не принадлежавшего этому миру, прошли судороги. Невообразимые схватки распространились по всему пространству, отняли у меня дыхание и сдавили грудную клетку.

Плоть наваливалась на плоть; из огромной, отвратительной, сочащейся матки выскользнул ещё более страшный на вид сросшийся детёныш. Тварь буквально исторгло наружу; она билась, раскрыла маленькую пасть и издала звуки, от которых треснуло стекло.

К тому времени все мухи и крысы уже были мертвы. Только при этих звуках я снова смог вдохнуть и заметил, что машина остановилась, а отверстие в полу исчезло. Патер Дорн, задыхаясь, ворочался в луже, прижимал к себе скользкое существо и нежно обнимал его. Несомненно, безумие овладело им.

Я же сохранил рассудок, хотя и стал свидетелем этих уродливых родов.

11 февраля:

Это ужасно. Со времени нечестивого соития патер Дорн окончательно обезумел. Его отчаянные поиски Бога закончились безумием…

***

Кёрнер захлопнул книгу: следующую часть он уже читал в квартире Марии. Теперь он знал всю невероятную историю министранта, который после церковного пожара в июне 1864 года выбрался через окно своей комнаты, чтобы бежать в Вену.

Один Бог знал, что с ним стало: пережил ли он ночь 21 июня или деревенская толпа настигла его и линчевала так же, как прежде патера Дорна.

Кёрнер, всё ещё опиравшийся на конструкцию, подтянулся на одной из штанг. Та с треском не выдержала давления, и он споткнулся, едва не рухнув на пол. Несколько мгновений он недоверчиво смотрел на оторванную ржавую распорку в своей руке.

Внезапно его охватила безграничная ненависть к машине — этому изделию тёмных демонов, нашедших способ поработить людей в деревне. Он с огромной силой размахнулся и ударил по

механизму. При каждом ударе железная штанга отдавалась в ладонях.

Вспышка ярости приносила облегчение. Кёрнер колотил по механизму, пока руки не начали кровоточить, а штанга не стала болезненно врезаться в плоть. С каждым новым ударом конструкция деформировалась. Он крушил зубчатые колёса, перерубал тросы, обрушивал грузы, вырывал педали из креплений, гнул рычаги и рвал паруса, которые, словно крылья, торчали в пространство.

Эта конструкция должна была поплатиться за то, что жители деревни сделали с Марией и его родителями. Если бы машины никогда не существовало, Мартин Гойссер, брат и сестра Крайник и, вероятно, множество других деревенских детей до сих пор были бы живы.

Вскоре из механизма торчали только сломанные прутья, похожие на зубочистки, с обрывками кожи на концах. Вся машина напоминала руину, слабо освещённую фонариком и затаившуюся во тьме. Грохот и скрежет ещё отдавались в ушах Кёрнера, когда он, тяжело дыша, опустился на колени и вытер пот с лица.

Если повезло, книга Хутцингера с ужасными чертежами Аргуля погибла во время церковного

пожара. Теперь была уничтожена и машина.

Оставались только твари за стенами, которых тоже предстояло истребить.

Кёрнер уставился на рацию. И этим он тоже займётся.

Вообще-то это отродье должно было погибнуть ещё сто сорок лет назад. Но что-то пошло не так, как описывал министрант в своём дневнике.

Существо не умерло, оно пережило нападения на церковь… или кто-то пробудил его. Кто-то — или какое-то событие. Возможно, пробуждение было связано с аварией в шахте.

Иначе зачем Мартин Гойссер так подробно занимался катастрофой 1937 года?

В этом предположении могло быть немало правды. В конце концов, ходы из этого подземелья тянулись до шахтных выработок.

Пробудила ли существо влага? Или трое погибших шахтёров, чьи тела так и не нашли? Но об этом Кёрнер мог ломать голову позже.

Он поднялся.

Ему нужно было как можно скорее найти выход из подземелья, пока свет фонарика окончательно не погас и он не пропал в темноте.

Несомненно, он находился в Турецком лазе под церковью.

Где-то должен был быть подъём с откидной решёткой, ведущий прямо в деревенский колодец. Если повезёт, он сможет выломать петлю и выбраться наружу.

Услышав за спиной звук, Кёрнер замер.

Похоже на шарканье обуви. По полу заскребли камешки; кто-то приближался. Он резко обернулся и торопливо осветил фонариком все углы подземелья, но ничего не увидел.

Звук волочащихся шагов доносился из одной из ниш за узкой аркой.

Кёрнер пошёл туда, держа фонарик перед собой, как оружие. Когда он понял, чей силуэт проступает из мрака, то не поверил своим глазам.

Перед ним стояла Яна Сабриски.

ГЛАВА 31

Кёрнер в немом изумлении смотрел на свою коллегу. На Сабриски были те же джинсы и тот же свитер, что накануне, когда они прятались от деревенских в квартире Марии в Хайденхофе.

Там Кёрнер собственными глазами видел, как её запястья кожаными ремнями привязали к железной раме. Видел, как троим мужчинам пришлось удерживать её — даже после двенадцати миллиграммов валиума, — когда эта штука вошла ей в позвоночник. Она должна была быть мертва. Так же мертва, как Сабина Крайник и её старшие брат и сестра: с огромной потерей крови и дырой в спине величиной с кулак.

И всё же Яна Сабриски шла к нему. Волосы торчали во все стороны, кожа лица приобрела мертвенный, трупно-бледный оттенок.

Когда Кёрнер посветил ей фонариком в лицо, она на мгновение отпрянула. Её зрачки изменились по-кошачьи. В эту секунду её взгляд напомнил ему взгляд Вальтрауд Штойссер — той ночью она вместе с бургомистром и доктором Вебером ждала его перед баром «Газлайт». Те же неподвижные глаза. То же безжизненное,

холодное выражение, с каким она встретила луч фонаря.

Кёрнер шагнул назад и споткнулся о толстый корявый ствол, лежавший на полу. Он удержался на ногах, но Сабриски оказалась быстрее. В следующее мгновение она уже стояла перед ним. Её губы тронула тонкая улыбка.

— Совсем не рад встрече?

— Я видел, как ты умерла, — прошептал Кёрнер.

— Смотрю, ты уничтожил машину. — Она глянула ему через плечо. — Тихо у тебя не вышло. Мы услышали шум и сразу поняли: это мог быть только ты.

Мы? Кёрнер сжал кулак, готовый ударить. Существо перед ним не могло быть Яной.

— Тебя убили. Ты мертва!

— Мы не умираем. Мы преображаемся.

Если Сабриски смогла найти его здесь, внизу, значит, смогут и те другие, что отправили её в подземелье. Вопрос только во времени: когда он попадёт к ним в ловушку. *Или уже попал?*

Во всяком случае, ход к деревенскому колодцу всё ещё существовал. Сабриски не выглядела так, будто пробиралась за ним по корневому тоннелю, по которому он сам полз несколько часов.

— Сабину Крайник не преобразили — её убили! — Кёрнер вспомнил протокол вскрытия. — Её позвоночник раздробило изнутри. Литр крови хлынул из разорванного спинномозгового канала. Ты сама видела, чем это закончилось: Сабина, Карина и Матиас Крайник. Или ты уже и этого не помнишь?

Сабриски чуть склонила голову набок.

— Это были несчастные случаи, — холодно ответила она. — Дети страдали раком костного мозга. Опухолевые клетки распространились по всему телу. Метастазы — яд для сыворотки.

— Какой ещё сыворотки?

— Существо питается нашим костным мозгом и мозговой жидкостью. Сначала оно забирает всего один-два миллилитра ликвора, позже — и десять. Всё зависит от того, как быстро оно растёт и насколько голодно. После первого контакта у тебя пять часов зверски болит голова. Кажется, череп вот-вот разорвёт. — Сабриски помассировала виски. — Взамен оно впрыскивает в тело галлюциногенную сыворотку: солевой раствор с серосодержащей аминокислотой, чем-то вроде «Флуимуцила».

— Серная вонь, — вспомнил Кёрнер. — Откуда ты всё это знаешь?

— Я врач.

— Чушь! С тобой говорил Вебер!

— Возможно. — Она продолжила невозмутимо, словно не услышала его. — Процесс завораживает. Он стимулирует выработку глутаминовой кислоты в огромных дозах. Это пища для центральной нервной системы. — Она постучала пальцем по лбу. — Но на самом деле сыворотка куда сложнее, чем ты когда-либо сумеешь понять. Она уникальна. Она вызывает фантастические видения городов и ландшафтов под землёй — тех областей, где обитает Существо.

Она протянула к нему руку.

— Разве ты не хочешь их увидеть?

Кёрнер отступил на шаг.

— Я уже знаю эти видения. Больные города и безумные ландшафты. Такие же больные и безумные, как деревенские. Эти убийцы! Что они с тобой сделали?

Сабриски улыбнулась. В слабеющем свете фонаря тени исказили её лицо, превратив его в гримасу.

— Они не убийцы. У них не было выбора. Их избрали. В Грайне это уже однажды началось — в 1864 году. Но потом прекратилось. Люди ещё не созрели для такого дара, не понимали его,

боялись. Никто не знает, почему почти семьдесят лет назад всё началось снова — сильнее, шире, мощнее. И на этот раз Существо уже было не остановить. Оно взяло энергию, которая ему требовалась, и разрослось до чудовищных размеров.

— Как оно может нападать то в Грайне, то в Хайденхофе?

Сабриски посмотрела на него с жалостью.

— Алекс, оно не появляется то здесь, то там. Оно не перемещается. Оно существует повсюду одновременно. Оно ушло глубоко в землю, там разрослось и разветвилось, как гигантский паразит. Оно везде под нами. И все мы видим в этом божественное предопределение.

— Все мы… — с издёвкой повторил Кёрнер. — Яна, за это отвечает всего горстка людей! Вайсман признался: младшую дочь Крайников убили на рассвете в баре, и присутствовали при этом только несколько местных.

Сабриски покачала головой.

— С конца тридцатых щупальца Существа нашли дорогу в каждый дом — щупальца и шипы, как у гигантского морского ежа.

— Не могут все жители быть в этом замешаны. Должны же быть другие, которые…

— С вчерашнего дня я знаю правду. Других

нет, Алекс. Есть просто все. Не только Грайн — Хайденхоф тоже часть этого мира. Вживление проводят в день четырнадцатилетия. Несколько сотен человек связаны с Существом через лавки и угловые сиденья… Все они — его часть.

Кёрнер услышал шорох за спиной, но слова Сабриски потрясли его так, что он не мог отвести от неё взгляд.

— Ты оправдываешь банду убийц!

— Алекс, попробуй увидеть другую сторону. Деревенские отнимают жизни, чтобы сохранить тайну. Чтобы сберечь жизнь куда более великую. Это бескорыстные поступки. Люди убивают не ради себя — ради могущественного создания. Они преданы ему без остатка. Это непостижимая благодарность, и теперь я тоже её знаю. Они верят в Существо. Оно открывает им новый взгляд на мир. Твои родители и твоя бывшая жена знали эту истину. Алекс, это твой последний шанс. Узнай её и ты.

Фонарик замерцал, потом луч на мгновение погас. Кёрнер снова услышал за спиной шорох.

— От такого взгляда на мир я, пожалуй, откажусь.

Он подумал о мёртвых детях и о деревенском священнике из дневника, сошедшем с ума.

Кёрнер встряхнул умирающий фонарик. Батарейки загремели в рукоятке, но они окончательно сели. Его окружила полная чернота. Он выронил ставший бесполезным прибор.

— Я рада за тебя, Алекс, — услышал он голос Сабриски из темноты.

Словно её слова были командой, земля позади Кёрнера пришла в движение. Он хотел шагнуть в сторону, но почувствовал руку Сабриски на воротнике пальто. Она держала крепко.

В то же мгновение что-то липкое поползло вверх по его ноге. Быстро добралось до колена, молниеносно обхватило бедро и стало подниматься выше.

И тогда все кошмары, до сих пор таившиеся лишь у него в голове, начали становиться явью. Шипение и ползучее шуршание вокруг усиливались, будто по полу во тьме метались сразу несколько щупалец. Кёрнер попытался ударить рукой по тому, что обвилось вокруг его ноги, но промахнулся.

— Алекс, не сопротивляйся, — прошептала Сабриски прямо перед его лицом. — Это быстро прой…

Кёрнер ударил её основанием ладони в висок. Она умолкла; в тот же миг её хватка на воротнике

ослабла. Не сделав даже неловкого шага назад, Сабриски осела на пол. Остался только звук ползущих щупалец.

Второе щупальце заскользило вверх по ноге Кёрнера. Он рухнул на пол и на четвереньках пополз туда, где, как ему казалось, лежала Сабриски. Шаря по каменному полу, он нащупал её ботинки и поспешно двинулся по джинсам вверх, к поясу.

Был только один способ спастись от отростков этого отродья. Кёрнер вспомнил фразу из дневника: «Неужели отродье боялось огня?» Возможно, оно и через сто с лишним лет всё ещё ненавидело огонь. Может быть, даже сильнее, чем он сам. Во всяком случае, огонь уже помог ему однажды, когда он освободился от пут на запястьях над свечным пламенем. Если повезёт, спасёт и теперь.

Дрожащими пальцами он принялся обыскивать карманы Сабриски в поисках серебристой бензиновой зажигалки, которую она ещё два дня назад носила с собой. В одном из карманов он нащупал холодный металл.

Пока змеевидные отростки начинали заползать ему в брюки между ремнём и свитером, он повернул зажигалку в пальцах, стараясь не делать резких движений. Ладони были мокрыми

от пота. Он попытался открыть крышку «Зиппо».

Теперь холодный конец щупальца касался его голой кожи. Как огромный червь, эта штука отодвинула свитер и рубашку и раскрыла маленькую, похожую на присоску пасть. Пасть ощупью поползла по его спине.

Инстинктивно Кёрнер так сильно выгнулся, что кожа у поясницы собралась складками. Потом поставил зажигалку как надо, открыл крышку и положил большой палец на колёсико. С первой же попытки вверх взвился язычок пламени.

Существо, будто плеть, выстрелило из-под его свитера и с чмокающим звуком метнулось прочь. В тот же миг хватка на ноге ослабла. Кёрнер поднял горящую «Зиппо».

Смутные щупальца извивались в подземелье — на полу, на стенах, на потолке. Трудно было поверить, что всё это части одного-единственного организма. Где находится центр его тела, Кёрнер разглядеть не мог.

Он обвёл рукой с «Зиппо» вокруг головы. Поток воздуха заставил пламя дрогнуть. В его свете конечности отступали в ниши и тёмные ходы. Тварь испускала отвратительную серную вонь — запах плесени и тухлых яиц. Над полом собирались туманные клубы. Кёрнер не мог различить

ничего определённого; слышал только мерзкое шипение, от которого болью наливалось пространство за лбом.

Затем он посмотрел на Яну Сабриски. Она лежала неподвижно, с закрытыми глазами. На виске, куда пришёлся удар, проступал красный кровоподтёк. Он нащупал у неё сонную артерию. Пульс был слабым.

Кёрнер боялся, что Сабриски в любую секунду распахнёт глаза и схватит его, но ничего не произошло. Она лежала без сознания.

Когда он хотел убрать руку с воротника её свитера, пальцы наткнулись на кожаный шнурок у неё на шее. Кёрнер вытянул его наружу. Талисман.

В дрожащем свете бензиновой зажигалки он рассмотрел деформированную свинцовую пулю, когда-то пробившую грудь человека и застрявшую в позвоночнике. Два дня назад этот амулет игриво скользил у него между пальцами — после того, как они с Сабриски спали вместе.

Женщина, лежавшая сейчас перед ним, не имела ничего общего с той Сабриски, с которой он вчера утром пытался бежать из деревни. Ему придётся оставить её здесь. Одному ему не вынести её из этого подземелья.

Кёрнер смотрел на её бледное лицо. На этот раз талисман не принёс ей удачи.

Он надел кожаный шнурок себе на шею; пуля закачалась у него на груди. Это было единственное, что он мог взять с собой на память о Сабриски.

Кёрнер оставил бесполезный ручной фонарь и дневник алтарника. С рацией в кармане пальто и «Зиппо» в руке он пошёл туда, откуда пришла Сабриски.

Ему нужно было найти путь к деревенскому колодцу.

Прикрывая пламя от сквозняка, Кёрнер прошёл под аркой в нишу. За ней тянулся узкий ход; перспектива в нём странно смещалась, будто изгибалось само пространство.

Для Кёрнера это ощущение уже стало почти привычным, но он больше не верил, что всё дело в галлюцинациях от обезвоживания. Тварь хотела свести его с ума. Играла с его восприятием.

Его шатало. Он брёл по коридору и слышал, как за ним тянутся бесконечно длинные щупальца. Что-то ползло у самых ног, с шумом извивалось на потолке, скользило по стенам. Он не решался поднять голову: боялся, что нечто чужое бросится ему в лицо.

Пламя «Зиппо» дрожало перед глазами. Запах

бензина приглушал серную вонь. Одна мысль вытеснила всё остальное: *сколько ещё продержится зажигалка?*

Кёрнер поспешил к концу прохода, где тоннель внезапно расходился на два идеально круглых отверстия. *Через какое из них Сабриски попала в подземелье?*

За спиной зашипело. Не раздумывая, Кёрнер выбрал левое ответвление, шагнул в дыру и оказался в тоннеле куда просторнее того, по которому полз раньше. Пахло сырой землёй и гнилым деревом. И здесь тоже не было ни проблеска света.

Но если это был тот самый ход, по которому алтарник больше ста лет назад бежал вместе с патером Дорном, он должен был вывести Кёрнера прямо под деревенскую площадь, к мраморному колодцу. Если же нет — он застрянет здесь, внизу, и ему останется только ждать, пока в зажигалке не выгорит последняя капля бензина.

Кёрнер шёл по тоннелю, пригнув голову, и высматривал в стенах углубления, где могли сохраниться факелы или огарки свечей. Но видел лишь осыпавшуюся землю, мох, лишайники и густое корневое плетение. Ни следа горючего материала.

Наоборот: с каждым метром ход становился мрачнее и всё больше походил на что-то живое. Стены шахты влажно поблёскивали; свет искрился на мерцающей поверхности десятков побегов и наростов. От этого зрелища Кёрнеру стало больно. Череп будто готов был расколоться.

Ему всё чаще приходилось зажмуриваться: казалось, какая-то сила выдавливает глаза из орбит. Веки дёргались, по щекам текли слёзы. Краем глаза ему мерещились крошечные пасти и шипы, торчавшие из корневища и шевелившиеся.

Это просто чувства сходят с ума. Ничего больше.

И всё же он не осмеливался повернуть голову. Он смотрел прямо перед собой, в пламя зажигалки, и упрямо шёл за ним. Но вскоре даже этот вид стал невыносим: боковым зрением он видел, как смещаются стены, как в отверстиях что-то ворочается и изгибается.

Он спотыкался и брёл дальше, пока ладонь не упёрлась в земляную стену.

Тупик. Неужели он выбрал не тот ход?

Ни лестницы, ни вбитых в стену скоб видно не было. За его спиной во тьме что-то забурлило. Кёрнер обернулся, но ничего не различил. Уши заложило от давления.

К тому времени огонь сжался до крошечного язычка. Зажигалка в руке медленно нагревалась. И тут слабая струйка воздуха заставила пламя дрогнуть.

Кёрнер поднял глаза. Прямо над головой уходила вверх узкая шахта, пронизанная густыми побегами, — словно пересохший колодезный ствол, проросший десятками древесных корней. Над ним должна была быть деревенская площадь. Он стоял почти у цели. Но как подняться?

Времени оставалось мало. Чем меньше становилось пламя, тем ближе подползало Существо. Кёрнер быстро погасил зажигалку, сунул её в карман пальто и подпрыгнул.

Ничего не видя, он вцепился в растительность и рывком подтянулся в шахту. Мышцы обожгло болью. Он нащупал ботинками опору, задыхаясь, стал протискиваться выше, пока не смог упереться спиной.

Над ним обозначился круг света. Кёрнер разглядел прутья решётчатого люка. В то же мгновение он почувствовал, как растительность подбирается ближе и начинает обвиваться вокруг тела.

Эта проклятая глотка была живая. Она сжималась вокруг жертвы, как хищное растение.

Руки Кёрнера прижало к бокам. Всего в ка-

ком-то метре над ним находилась железная решётка, ведущая в полость колодца. Он попытался освободиться, но сплетение держало железной хваткой.

Эти органические путы были такими же жёсткими, как узловатая поросль в тоннеле, по которому он полз всего несколько часов назад. Глаза уже привыкли к темноте. Луч света, падавший сверху сквозь решётку, позволял различить толстые жгуты корней, связывавшие его.

Тем временем снизу рванулись щупальца. В считаные секунды наверх ударила чудовищная серная вонь — сильнее, чем когда-либо. Испарения жгли глаза и впивались, как кислота, в открытые раны на руках.

Смрад проникал через ноздри в глотку и ложился на нёбо ворсистым налётом. По щекам потекли новые слёзы. Щупальца приближались.

Огонь был его единственным спасением.

Кёрнер сжал пальцы в кулак и просунул правую руку между побегами. Вращая плечом, он сумел выкрутить её из сплетения. Достал из кармана «Зиппо» и щёлкнул.

Пламя погасло через секунду. Но этого мгновения хватило: побеги ослабили давление, и Кёрнер немного просел вниз, пока снова не застрял нога-

ми в густом сплетении — теперь ещё дальше от решётки, чем прежде.

Он снова и снова щёлкал зажигалкой, но добивался лишь нескольких мгновенных искр. Словно почувствовав его безвыходность, растительность опять начала туже стягиваться вокруг тела.

Нужно было подняться как можно выше, прежде чем он окончательно повиснет в корнях, связанный по рукам и ногам. Но в следующее мгновение побеги снова сомкнулись вокруг него. Кёрнер вскинул руки, прежде чем растительность успела обвить их и прижать к бокам.

И тут зажигалка выскользнула из вспотевшей ладони. В слабом свете он увидел, как она отскакивает от побегов и наконец замирает на лопатообразном корне — дальше чем на расстоянии вытянутой руки от его лица.

Корневые путы держали Кёрнера так неумолимо, что «Зиппо» был для него недосягаем. С тем же успехом зажигалка могла лежать за километры отсюда.

Сначала он почувствовал это на щиколотках, потом на икрах, затем на бёдрах. Тонкие гибкие щупальца ползли вверх между толстыми корнями, скользили сквозь сплетение, ощупывали тело.

Они обвивали и ласкали его, как звериная мать — детёныша, но не впивались в позвоночник, как это случилось с Сабриски и детьми Крайников.

Неужели мерзкие конечности чувствовали дыхание сернистого желе, которое, словно кислота, въелось в ткань его пальто? Но раньше это их не останавливало. Или цепкие отростки знали, что он — их беспомощный пленник?

Двадцать семь лет это отродье ждало его, напоминало кошмарами и видениями о предназначенной судьбе. Чутко, медленно щупальца карабкались по нему, будто были уверены: теперь он окончательно в ловушке, теперь они смогут насытиться им в любую минуту.

При малейшей попытке вырваться и пробиться выше плетение сжималось вокруг Кёрнера так туго, что грозило задушить.

Нехватка воздуха… усталость… темнота… бесконечный сон…

Голова дёрнулась. Сердце бешено колотилось. На мгновение он отключился. *Обморок?*

Ледяной холод пополз по лопаткам. Он чувствовал, как щупальца ищут его спину. Казалось, пространство вращается вокруг него. Кровь шумела в голове; всё нарастающее давление закладывало глаза и уши, выдавливало из носа

кровавые нити.

Голова снова упала вперёд — и снова, снова он на несколько секунд выныривал из обморока. В короткий миг ясности Кёрнер увидел блестящий предмет.

Зажигалка.

Его единственный шанс. Как-то надо было дотянуться до неё и заставить вспыхнуть в последний раз.

Осторожно, едва двигаясь, он высвободил из сплетения одну руку и снял с шеи кожаный шнурок Сабриски, на конце которого болталась свинцовая пуля. Сжав шнурок в кулаке, он просунул руку сквозь корни как можно ближе к «Зиппо».

Слабый свет отражался в металле откинутой крышки. Как ни тянулся Кёрнер, ему не хватало примерно пятнадцати сантиметров. Он разжал кулак и взмахнул шнурком от кисти. Свинцовая пуля с металлическим щелчком коснулась зажигалки.

Шнурок обхватил «Зиппо». Кёрнер затаил дыхание. Бесконечно медленно он натянул шнурок, пока зажигалка не сдвинулась. Осторожно потянул её по лопатообразному корню к себе. Когда она оказалась достаточно близко, он схватил её.

Кёрнер снова надел амулет Сабриски на шею и провёл большим пальцем по колёсику.

Искра — и больше ничего.

Он встряхнул «Зиппо» и попробовал снова. Потом ещё и ещё. Но выскакивала только слабая, усталая искра. Пальцы стали скользкими от пота.

Зажигалка должна дать огонь. Всего один раз. Последний.

Мышцы горели. Чем чаще он пытался, тем сильнее сводило пальцы. Он глубоко выдохнул, расслабил кисть, встряхнул руку, собираясь с силами. Снова прикусил губы, чтобы отогнать подступавший обморок. Потом попробовал ещё раз.

На этот раз пламя вспыхнуло — словно где-то внутри собралась последняя капля бензина, ждавшая, когда её пожрёт огонь.

Ослеплённый внезапным светом, Кёрнер дёрнул рукой в сторону. На миг огонь коснулся края другого рукава, и этого хватило: пламя перескочило на ветхую ткань.

Ещё прежде, чем Кёрнер почувствовал запах палёного, языки огня жадно побежали по сернистому желе, глубоко впитавшемуся в сукно.

Кёрнер взревел. В панике он выронил «Зиппо».

Всё пальто вспыхнуло разом. Сначала тонкие щупальца с треском отдёрнулись, как хлысты; за ними отпрянули мощные корни.

Когда последняя лоза выпустила Кёрнера, он едва не рухнул вниз, но успел среагировать: расставив ноги, упёрся в растительность и на мгновение беспомощно завис в шахте, пока не нашёл опору руками.

Жар окутал его. Пламя тянулось к волосам. Пахло кипящими серными испарениями. С трудом Кёрнер вывернул плечи из тяжёлого пальто и начал сбрасывать горящую ткань. В последнюю секунду он выдернул из кармана рацию, и плащ, словно факел, полетел вниз.

Когда пальто ударилось о дно, вверх взметнулась пыль. Щупальца бежали от огня, но гореть ему оставалось недолго. Как только погаснет последний уголёк, они вернутся — наверняка ещё злее прежнего. И на этот раз его не пощадят.

Кёрнер сунул рацию за пояс. Не раздумывая, он стал карабкаться выше по шахте: ботинки застревали в корнях, пальцы впивались в побеги.

Над головой был решётчатый люк. Он схватился за железную решётку и толкнул вверх. Петли заскрипели, ржавчина посыпалась ему в лицо. Кёрнер упёрся плечом в преграду и вырвал её из

креплений.

Пространство над ним походило на дощатую будку, сквозь щели которой пробивались лучи света. *Неужели он действительно оказался внутри мраморного колодца?*

Прямо над головой висела перекошенная деревянная скамья на трёх угловых кронштейнах, а выше с потолка свисали канаты с кожаными ремнями. Кёрнер упёрся ногами в земляную стенку шахты и ухватился за один из ремней.

Цепи звякнули, кожа заскрипела. Он подтянулся и, упершись ногами в решётку, сел на скамью.

Кёрнер глубоко вдохнул. Что бы ни таилось под ним, в глубине, оно в любую секунду могло рвануться наверх и стащить его вниз. Остатки пальто лишь тускло тлели.

Он бросился плечом на дощатую перегородку. Ржавые гвозди заскрежетали в гнилых стойках. Снова и снова Кёрнер всем телом падал на планки, пока те с треском не проломились.

Он вывалился сквозь дощатую стену и, споткнувшись, прорвался через брезент. Колени ударились о холодные мраморные плиты.

Кёрнер перекатился на бок. Лёжа на спине, он перевёл взгляд с потолка в сторону и увидел натянутые на холст олеографии — изображе-

ния крестного пути. Пахло свечным воском и ладаном.

Грайнская церковь.

Святое место патера Сахмса.

Кёрнер приподнялся на локтях. Под брезентом, через который он только что вывалился, виднелся чёрный просмолённый цоколь Ковчега Иуды.

— Ваша коллега вас нашла? Мы ждали вас.

Кёрнер резко обернулся. Над ним склонился патер Сахмс — лоб прорезали тревожные морщины, взгляд был скорбным. Священник стоял в сутане; редкие, белые как снег волосы были зачёсаны назад.

Он протянул Кёрнеру руку, испещрённую старческими пятнами. Кёрнер поднялся, держась за неё, и поморщился при рукопожатии: его изуродованные ожогами, мозолями и кровавыми волдырями ладони были похожи на одну сплошную открытую рану.

— Добро пожаловать в Грайн.

Патер Сахмс улыбнулся. За его спиной стояли Берт и Марга Крайник, Вольфганг Хек, могильщик Ханс Апфлер, доктор Вебер и старый Герер с отвратительно рассечённой губой — там, куда Кёрнер угодил ему лезвием лопаты.

Дальше Кёрнер увидел жандарма Алоиса Фрид-

ля, избитого не меньше, Вальтрауд Штойссер, бургомистра Хайнриха Вайсмана, общинную служащую фрау Лузак и ещё с десяток деревенских жителей, очевидно покинувших пост на гребне дамбы.

Все были в тёмных пальто, будто собрались на заупокойную мессу. Лучшего момента, чтобы вернуться в деревню, Кёрнер выбрать просто не мог.

Вольфганг Хек выступил из толпы.

— На этот раз я лично прослежу, чтобы оно до тебя добралось, — прошипел он и ударил Кёрнера кулаком в лицо.

ГЛАВА 32

Кёрнера отбросило назад; затылок с треском ударился о деревянные балки, которыми было заколочено Иудино святилище. Боль окончательно вырвала его из оцепенения. Дрёма наяву и видения, укутывавшие его рассудок, словно ватная подушка, рассеялись.

Он кое-как поднялся и одним рывком выдрал одну из расколотых досок. Хек уже был рядом — кулак занесён для удара. Кёрнер пригнулся и вогнал гвозди, торчавшие из конца планки, Хеку в коленную чашечку.

В следующее мгновение Кёрнера схватили за руки с обеих сторон и прижали спиной к исповедальне. Перед ним на полу валялся Хек и выл, пытаясь выдернуть из колена ржавые гвозди. Кёрнер ударил его ногой в лицо, и Хек беззвучно осел.

— Берегитесь его ног! — заорал Вайсман.

Кёрнер снова махнул ногой и вонзил носок ботинка человеку справа под дых. Тот согнулся пополам; воздух со свистом вырвался у него из лёгких. Правая рука Кёрнера освободилась.

— Осторожно! Он вырывается! — крикнул

Вайсман.

Кёрнер рубанул ребром ладони здоровяка слева по горлу. Глаза у великана расширились, он попятился. Кёрнер ударил ещё раз — теперь в солнечное сплетение. В этот миг рация выпала у него из-за пояса и заскользила по мраморному полу.

Только бы не сбился переключатель каналов.

На короткий миг руки и ноги Кёрнера были свободны, но тут же подскочили новые люди и грубо вцепились ему в левое плечо. Кёрнер оттолкнулся от исповедальни, пытаясь броситься к рации, однако его удержали железной хваткой. Он рухнул ничком; левую руку ему вывернули вверх так, что что-то хрустнуло. Кёрнер вскрикнул.

Тотчас кто-то уселся ему на спину и прижал лицом к полу. Щека болезненно скребла по шершавому мрамору.

— Лежи смирно, дружок.

Он узнал голос Берта Крайника.

Кёрнер вслепую шарил рукой по полу, пытаясь дотянуться до рации. *Если бы только нажать кнопку передачи… Если установить связь, второе устройство включится автоматически — и взрывчатка сработает.*

Он и впрямь дотянулся до рации, попытался подтянуть её к себе. Но кто-то в тяжёлой обуви

наступил ему на пальцы. Кёрнер стиснул зубы. Подняв глаза, он увидел лишь штанины тёмного костюма. Другой ботинок скользнул по полу и отшвырнул рацию на несколько метров.

Человек, стоявший на руке Кёрнера, с кряхтением опустился на корточки. Это был Вайсман — Кёрнер узнал его по навязчивому запаху лосьона после бритья. Грайнский бургомистр прижимал ладонь к боку, словно унимал боль от надломленного ребра.

Теперь на Кёрнере сидели уже несколько мужчин. Руки и ноги ему растянули в стороны, он не мог пошевелить даже пальцем. Кто-то дважды ударил его ногой по рёбрам. Веки Кёрнера дрогнули.

— Довольно!

Удары прекратились.

— Невероятно, какой вы живучий! — Вайсман провёл пальцами по серебристо-серой бороде. — Но вы настолько же наивны и глупы, насколько сильны. Что, по-вашему, даст вам эта рация? Кого вы собирались вызвать? Пожарных? Жандармерию? Или, может быть, уголовную полицию?

На носу у Вайсмана белел пластырь. Он улыбнулся с жалостью.

— В Шпойсдорфе произошла химическая ка-

тастрофа. Резервуары затопило, миллионы тонн ядовитого хлора и кадмия вытекли и попали в Трир. Все спасательные службы подняты по тревоге. Как вы думаете, кто там станет заниматься вашим радиосигналом?

Кёрнера рывком подняли за волосы. Он увидел, как подошли ещё мужчины и встали перед ним тёмной стеной. За их спинами на миг мелькнула макушка дёргающейся девочки в джинсах и свитере — Верена!

Крестьянин с лицом, красным как варёный рак, и бычьей статью стоял позади дочери Кёрнера и зажимал ей рот мозолистой ладонью. Девочка молотила ногами, пыталась ударить его, но этот колосс даже не изменился в лице и не уступил ни сантиметра.

— Верена, — прошептал Кёрнер. — Отпустите девочку!

Вайсман криво усмехнулся.

— Разумеется. Мы отпустим малышку, она переплывёт реку и побежит к ближайшему посту жандармерии. Очень разумно! — Он посерьёзнел. — Годами мы вели дела в нашем посёлке так, что наружу ничего не просачивалось. И дальше будем поступать так же. Сегодня вы умрёте, а вашей дочери через три дня исполнится четырнадцать.

Вживление — всего лишь небольшое вмешательство. После него девочка станет частью нашего мира. Как ваша бывшая жена, ваши родители и ваша коллега.

— Нет. Только не Верена!

Кёрнер выгнулся, но мужчины удержали его. Мышцы обмякли, силы оставляли его.

Как победить этих дьяволов?

Из толпы вышел доктор Вебер. На этот раз на нём был не врачебный халат, а чёрное пальто, застёгнутое до самого горла. Он поднял рацию с пола и, качая головой, повертел её в руке.

— Вместо того чтобы устраивать этот спектакль, вам следовало переплыть реку и убраться отсюда, пока ещё было время. Но нет — вы явились сюда. Кёрнер, вы безумец. — Он указал на Кёрнера антенной. — Этим вы хотели нас прикончить?

Его палец лежал опасно близко к кнопке передачи.

Мысли Кёрнера заметались. *Как заставить его включить рацию?*

— Так включите её! — попытался спровоцировать доктора Кёрнер и в ту же секунду понял, насколько это грубая уловка. На такое Вебер не клюнет.

Доктор покачал головой.

— Жалкая попытка. Рация вместе с вами, вашей машиной и всеми вашими бумагами окажется в Трире. При попытке пересечь реку вы, к сожалению, утонете.

— Вскрытие докажет обратное.

— Ах да, как я мог забыть: перед нами проницательный сотрудник уголовной полиции.

— Да прикончим его сразу! — крикнул кто-то из толпы; Кёрнер не смог разобрать, кто.

— Мы избавимся от этой проблемы иначе.

Вебер жестом подозвал человека с портфелем. Тот приблизился, и доктор достал из одного из отделений шприц с ампулой.

— Через несколько минут вы уже ничего не будете помнить.

Кёрнер знал: у него остались считаные секунды. Сейчас он почувствует под кожей холодную иглу — а очнётся уже тогда, когда ледяная вода сомкнётся вокруг него в запертой машине.

Беспомощный, он будет смотреть, как вода поднимается в салоне, пока автомобиль тонет в Трире и уходит всё глубже, к илистому дну, на восемь метров вниз. Его кошмар — оказаться под водой и сквозь стекло смотреть на мутный подводный мир — станет явью.

А как ещё всё могло закончиться? Он был единственным чужаком, знавшим правду о Грайне и его жителях. Они должны были как можно скорее убрать его — как убрали всех остальных, кто вставал у них на пути. Так они поступали всегда.

Вебер надавил на поршень шприца, и из иглы выступили первые капли. В этот миг человек с бычьей шеей и багровой головой взвизгнул. Верена освободила рот и укусила колосса за руку. Девочка вырвалась из его хватки и бросилась к доктору Веберу.

— Держите эту дрянь! — в ярости крикнул Вайсман.

Верена неслась прямо на врача, опустив голову и прижав руки к телу. Как на полосе препятствий, она проскальзывала между телами. Чёрная стрижка под грибок подпрыгивала на бегу.

Когда Вебер понял, к чему она мчится, его рука со шприцем рефлекторно взметнулась вверх. Но, добравшись до него, Верена не схватила шприц — она вырвала у доктора из руки рацию.

Продолжая бежать по церкви, она поднесла её ко рту.

— Помогите! Помогите! Меня кто-нибудь слышит?

— Отберите у неё эту чёртову штуку! — рявкнул

Вайсман на стоявших рядом мужчин, и те сразу сорвались с места.

— Кнопка передачи! — заорал Кёрнер. — Нажми кнопку с насечками!

Его голову с силой ударили о пол. Кёрнер выгнулся. Краем глаза он увидел, как Верена жмёт все кнопки сразу.

В глазах у него потемнело.

— Только не сбей канал… — выдавил он.

— Помогите! — донёсся до него прерывистый голос Верены. — Меня и моего папу держат в Грайнской церкви…

Какой-то мужчина перехватил Верену, схватил её за запястье и вывернул рацию из пальцев. В тот самый миг, когда он занёс руку, чтобы разбить её о пол, где-то далеко прогремел мощный взрыв. Церковные окна зазвенели. Грохот детонации прокатился по всей долине, а через несколько секунд вернулся от гор тяжёлым эхом.

Кёрнер перестал сопротивляться. Мышцы обмякли, тело осело на пол. Свершилось.

Да смилуется над ними Бог перед тем, что теперь надвигалось.

Головы жителей деревни резко повернулись. Ещё никто не понял, что произошло. Первым из оцепенения вышел Вайсман. Он бросился

мимо церковных скамей к выходу, распахнул двустворчатую дверь и застыл в проёме тёмным силуэтом.

Снаружи день тонул в молочно-серой мути. Кёрнер видел сплошную хмарь облаков и моросящий дождь. Ледяной воздух ворвался в зал и раскачал кадильницы.

Несколько секунд в церкви стояла мёртвая тишина.

— Дамбы больше нет.

Шёпот Вайсмана едва пробивался сквозь свист ветра.

Потом он обернулся и заорал:

— Идёт паводок!

Люди мгновенно ринулись к двери. Как только вход забился, остальные бросились к окнам — смотреть с церковного холма на посёлок. Берт Крайник и мужчины, прижимавшие Кёрнера к полу, тоже вскочили.

Никто не хотел верить словам бургомистра. Все, как зеваки, теснились у окон, пытаясь занять место.

Кёрнер поднялся. При каждом движении болело всё тело. Он попытался сжать кулак, но пальцы ничего не чувствовали, будто омертвели. Кожа, покрытая запёкшейся кровью, натягивалась;

ожоговые волдыри ныли.

Лишь переждав короткий приступ головокружения и выпрямившись перед исповедальней, он понял, что остался один. Все остальные побежали к дверям. Только Верена стояла в нескольких метрах от него. Она бросилась к отцу и прижалась всем телом.

Он обнял её, провёл рукой по густым волосам, доходившим ей до шеи. В этот миг она уже не была упрямой почти четырнадцатилетней девчонкой с пирсингом, тайком курившей сигареты. Она была просто его маленькой девочкой, которую он любой ценой должен был увезти из этого проклятого места.

Он схватил её за руку, чтобы потащить к выходу, но Верена вырывалась, как зверёк. В её глазах стояли страх и отвращение к жителям, которые плечом к плечу сгрудились перед церковными воротами — глухая стена тёмных пальто.

— Нам надо отсюда выбраться!

Она указала в другую сторону.

— Да. Но через ризницу.

Кёрнер нерешительно огляделся. *Может, это и есть их шанс незаметно выбраться из церкви?*

Вдруг пол под их ногами загудел, будто сквозь толщу земли прошла гигантская ударная волна, и

через Иудино святилище наружу ударил фонтан грязной, тухлой воды. Поток грязи долетел через три ряда скамей до середины церкви. В одно мгновение по полу расползлась зловонная лужа.

Новые струи хлынули через пролом в расколотых досках, словно нутро горы исторгалось через исповедальню. Жители у окон обернулись с перекошенными от ужаса лицами.

Верена побежала первой. Кёрнер последовал за ней — мимо алтаря, мимо фигур святых, через дверь в ризницу. Комнатка оказалась тесной; на письменном столе громоздились фолианты, шкафы были набиты книгами. Пахло свечным воском.

Больше Кёрнер ничего не успел разглядеть: Верена уже выскользнула через дверь наружу. Он бросился за ней, оказался во дворе, помчался по гравийным дорожкам вдоль живых изгородей и добежал до арки, выходившей прямо к склону церковного холма.

Кёрнер остановился. Они оказались в дальнем конце старого кладбища. По ту сторону мраморных плит, холмиков и могильных рядов жители высыпали из церковных ворот и собирались перед каменной лестницей, ведущей на деревенскую площадь.

У Кёрнера и Верены оставалось только два пути: через кладбище — к жителям, или прямо вниз по склону… если только не остаться здесь. Пока их никто не заметил: все потрясённо смотрели через деревенскую площадь и поля на русло Трира.

Кёрнер проследил за их взглядами — и застыл. Дамбу прорвало на протяжении нескольких сотен метров. Трир переливался через гребень насыпи, унося с собой всё больше земли. Дамба рушилась, как цепочка домино. Никакая запруда уже не могла удержать воду, всё быстрее несшуюся через поля.

Неумолимо поток шёл на посёлок и вот-вот должен был его достичь.

И тогда это произошло.

Сначала опрокинуло парковые скамейки, потом садовые изгороди, детские качели, деревья и уличные фонари. Сокрушительная водяная стена покатилась по переулкам, гоня перед собой машины и дорожные знаки.

Бурый поток бил в стены домов и поднимался, поднимался, пока не хлынул внутрь через двери, витрины и окна. Возникали водовороты; на перекрёстках водяные валы сталкивались с двух сторон, и пена взлетала до самых фронтонов.

Весь центр посёлка, ушедший под воду на пол-

тора метра, превратился в бурое грязное озеро. Доски, бочки, автомобильные шины, ветви и корни плясали на воде или неслись впереди паводковой волны.

Заграждения из мешков с песком перед домами и садами смыло за считаные секунды — с такой лёгкостью, будто их никогда не существовало. Кёрнер не мог отвести взгляд от невероятной катастрофы. Только теперь он осознал масштаб бедствия, которое сам вызвал.

Паводок должен был разрастись в гигантскую химическую катастрофу. Волна, поглощавшая Грайн и Хайденхоф, была заражена хлором и кадмием с химической фабрики в Шпойсдорфе. Химикаты были в воде; они проникали в дома, в подвалы, в землю, в шахтные туннели и даже в сводчатое подземелье под церковью.

Кёрнера пробрала дрожь. Он совершил то, что не удалось жителям деревни больше ста лет назад. Его Всемирный потоп окончательно уничтожит существо. Как щупальца гибли от рака костного мозга, так теперь это отродье впитает в себя химикаты и подохнет в мучениях.

Внезапно вода ринулась через деревенскую площадь, словно приливная волна. Ничего подобного Кёрнер прежде не видел. В считаные

мгновения деревенский фонтан наполовину исчез в жёлто-буром озере.

Вокруг мраморных ангелов вверх рванули пузыри воздуха; вода шипела и бурлила, как гейзер. На миг Кёрнер подумал о Сабриски, лежавшей без сознания в подземном своде. Волна с чудовищной силой ударила в церковный холм.

Когда пена взметнулась на несколько метров, люди перед церковью закричали. Вода будто обрела собственную волю: закружилась, завихрилась и стала подниматься всё выше.

— Папа, куда?

Голос Верены вырвал Кёрнера из оцепенения.

В нём звучала паника. Сам он чувствовал то же самое. Кёрнер огляделся. Прямо позади них, неприметно притулившись в нише, стояла маленькая каменная хибарка с облупившейся штукатуркой и провалившейся гонтовой крышей, доходившей Кёрнеру едва до плеча. На деревянной двери висел ржавый навесной замок.

Должно быть, это и был Домик невинных, о котором церковный служка упоминал в своём дневнике: там хоронили некрещёных мертворождённых младенцев и выкидышей, поскольку их нельзя было предавать земле на освящённом кладбище.

Кёрнер ударом ноги разбил навесной замок и распахнул дверь. В лицо ему пахнуло плесенью и гнилью.

Он схватил Верену за свитер и втолкнул в хибарку.

— Жди меня здесь!

Кёрнер прижал дверь. Ему нужно было выиграть время и придумать, как выбраться из посёлка так, чтобы жители не утопили их в паводке. Внезапно он увидел себя на месте церковного служки, который ночью пытался бежать из деревни и как-нибудь добраться до Вены.

Когда Кёрнер выпрямился и посмотрел на трагедию, разыгрывавшуюся внизу, сердце у него едва не остановилось. Десятки — нет, сотни бурых конечностей, чудовищно длинных, похожих на огромные шланги, извивались в воде, высовывались из потока и хлестали вокруг, словно под током.

Их становилось всё больше; они толстели, разрастались, пока вскоре не достигли размеров исполинских морских змей.

ГЛАВА 33

Пронзительный вой сирены донёсся до Кёрнера из пожарной части. Сирена работала либо от аккумулятора, либо от генератора: электричества в Грайне по-прежнему быть не могло. Через несколько секунд к ней присоединилась вторая, далёкая, — она могла звучать только в близком Фихофене.

Если это был сигнал бедствия, мэр обязан был распорядиться об эвакуации Грайна и окрестностей. Если повезёт, через несколько часов над посёлком начнут кружить вертолёты Службы помощи при катастрофах. Кёрнеру оставалось одно — продержаться вместе с Вереной до тех пор.

Вдруг в рёбрах у него взорвалась острая боль. Удар пришёлся сзади; Кёрнера сбили с ног, и он рухнул лицом в землю. Перекатившись, он увидел над собой перекошенные яростью лица доктора Вебера и Берта Крайника. Вдвоём они принялись его пинать. Мясник тяжело нагнулся, собираясь молотить Кёрнера кулаками по лицу.

Кёрнер пополз к бордюру у обрыва. Но не успел подняться, как оба вцепились ему в свитер. Молча, захлёбываясь ненавистью, они боролись с

ним, пока Вебер наконец не понял, что они упускают Кёрнера, и закричал:

— Сюда! Он у нас!

Кёрнер надеялся только на одно: чтобы Верена, испуганная криками Вебера, не вышла из домика. *Она не должна попасть в руки этих безумцев. Ни за что.*

Не дав им опомниться, он схватил обоих мужчин за воротники и рванул вместе с собой через край откоса. Все трое потеряли равновесие на размокшем, пропитанном водой склоне. Они покатились вниз по Кирхбергу и рухнули в ледяную воду.

Волны сомкнулись над головой Кёрнера. Обжигающе холодная вода хлынула в уши, в нос. Он вынырнул, судорожно хватая воздух. Тут же Крайник вцепился ему в шею и попытался утянуть в глубину. В тот же миг Вебер, отплёвываясь, прорвал поверхность воды. Он сразу навалился Кёрнеру на плечи и всем своим весом стал давить его вниз.

Кёрнер едва успел набрать воздуха, как волны снова сомкнулись над ним. Холод сковал мышцы. В мутной воде не было видно ничего. Под ногами он почувствовал булыжники деревенской площади.

Он хотел оттолкнуться — и вдруг уловил змеевидное движение: что-то выплыло из темноты и скользнуло вдоль его ноги. Сердце на мгновение остановилось. В панике Кёрнер резко развернулся. Руки рванулись вверх, пробили водную толщу и ухватились за чью-то голову.

Сквозь воду до него глухо донёсся крик доктора Вебера, но Кёрнер не отпустил. Как одержимый, он вцепился доктору в волосы. *Если уж тонуть — он утащит Вебера за собой на дно.*

Чьи-то ноги били его, Вебер пытался разжать ему пальцы. Когда воздуха стало не хватать, Кёрнер вдруг вспомнил приём тхэквондо — тот самый, который прежде отрабатывал только в додзё и ни разу не применял в жизни.

Он крепче схватил голову Вебера, впился пальцами ему под подбородок и рванул череп в сторону, на девяносто градусов. Даже под водой он услышал хруст шейных позвонков.

Давление с плеч исчезло мгновенно. Кёрнер, как ракета, вылетел на поверхность и жадно вдохнул. Рядом забурлило. Крайник бешено молотил руками и ногами, взбивая пену. Из коричневого потока торчали две длинные, блестящие, гибкие конечности: они обвили грудь мясника.

Через миг Крайник исчез. На воде остался пла-

вать только один ботинок. Рядом покачивался труп Вебера — с распахнутыми глазами и застывшим взглядом, устремлённым в небо.

Кёрнер не стал медлить. Он поплыл кролем, гонимый единственной мыслью: *прочь отсюда, только прочь!* Он пересёк разлившееся озеро, направляясь к крыше «Газлайт». От здания над водой торчали лишь водосточный жёлоб, спутниковая тарелка и труба.

Течение помогало ему: паводок над деревенской площадью начал закручиваться в огромный водоворот и нёс Кёрнера прямо к дискотеке. Он неуклюже попытался закинуть колено на водосточный жёлоб. Потом рывком вытащил себя из воды и пополз вверх по крыше, цепляясь за черепицу. Что бы ни схватило Крайника и ни утащило его в глубину, его самого оно больше не достанет.

Немного отдышавшись, Кёрнер полез дальше. На мокрой черепице он поскользнулся и машинально ухватился за крепление спутниковой тарелки. Железная распорка с хрустом согнулась: она была рассчитана на то, чтобы удерживать антенну при порывах ветра, но не взрослого мужчину.

Он подтянулся на конструкции и добрался до

конька двускатной крыши. Дрожа, прижавшись к трубе, Кёрнер сел на самой высокой точке и огляделся.

Дыхание его парилò. Сквозь это белёсое облачко центр посёлка, ушедший под воду больше чем на два метра, казался призрачным. Более пятисот жителей оказались в ловушке. В Хайденхофе положение наверняка было не лучше.

Вода стояла повсюду, насколько хватало глаз. Уйти в землю она не могла: напитанная влагой почва больше ничего не принимала. Пройдут недели, прежде чем паводок отступит.

Кёрнер подышал в кулак. Его трясло. Нужно было как-то избавиться от мокрой одежды, висевшей на нём словно свинец, но у него не было сил даже подняться. Хотелось только сидеть неподвижно и копить силы.

Как он выберется отсюда вместе с Вереной? Сейчас он не видел ни единой возможности забрать её из домика и незаметно уйти с ней из Грайна.

Окружающее он воспринимал словно сквозь пелену. По воде плыли ветки, рекламные щиты, картонные коробки, вёдра, скатерти, деревянные стулья и пустые мешки из-под песка. Мощные арки между домами, ведущие к сараям и задним

дворам, теперь казались низкими сводами, под которыми текла мутная вода.

В боковых улочках машины застряли между стенами домов и поваленными деревьями. Кёрнер видел, как изнутри по стёклам беззвучно стучат руки. *Никто не помогает этим людям. Да пусть подыхают. Эта сволочь ничего лучшего не заслужила. Годами им всё сходило с рук — но сегодня настал день расплаты.*

Он уставился в воду перед собой. Время от времени на поверхности лопались пузыри, волны морщились рябью, но щупалец больше не было видно. Если они ещё там, значит, движутся по дну. *А может, сдохли.*

Медленно началась морось. Сначала в воду падали мелкие капли, потом всё крупнее. Поднявшийся ветер заставил Кёрнера мёрзнуть ещё сильнее.

Время от времени над посёлком раздавался крик и эхом отражался от стен. Люди выглядывали из окон верхних этажей. Некоторые спаслись на крышах более низких зданий, торчавших из озера острыми красными треугольниками.

Собаки и кошки, обезумевшие от страха, метались между трубами, стояли в водосточных жёлобах и смотрели вниз, будто вот-вот соби-

рались прыгнуть. Мяуканье жутко и одиноко разносилось по долине.

На мгновение бесконечное вздымание и опадание волн утихло. Отражения домов проступили яснее: грязно-жёлтые фасады с белыми оконными рамами, бежевой кладкой, коричневыми карнизами. За ними отражалось ровное серое небо.

Всё это выглядело нереально — как фантастическая картина, которую морось снова и снова рвала на куски.

Вдруг между переулками на главную площадь хлынула новая волна, будто начались запоздалые толчки катастрофы. Возможно, открылись и шлюзы Трирахерской плотины. Металлический скрежет заставил Кёрнера насторожиться.

Из боковой улицы, где находился магазин Герера, на середину деревенской площади вынесло насосную машину. Кёрнер вспомнил: пожарные откачивали печное топливо из частных баков в подвалах. Цистерна должна была быть заполнена топочным маслом до краёв.

Напор воды выдавливал машину из переулка, но задние колёса вместе с бампером зацепились за стену дома. Штукатурка посыпалась в воду. Зазвенело стекло. Упавший уличный фонарь пробил кабину, буквально насадил машину на

себя и целиком исчез внутри.

Кёрнер почувствовал запах раньше, чем увидел пятно. Печное топливо. Вокруг цистерны по воде расползалась синевато-фиолетовая радужная плёнка. Внезапно вода начала кружить. *Они снова здесь.*

Длинные конечности выстрелили сквозь масляную плёнку и хлестнули по поверхности. *До конца катастрофы ещё далеко.*

Кёрнер подтянулся выше, чтобы посмотреть на окраину деревни. Там, где когда-то была заправка, в воде плавали две опрокинутые автоцистерны. И там ему тоже почудилось радужное мерцание вытекающего бензина.

Кадмий и хлор с фабрики, смешавшись с маслом и бензином из цистерн, дадут смертельную смесь. От этой мысли пульс у Кёрнера участился. *Если повезёт, порождение впитает в себя отравленную воду. Пусть жрёт эту химическую дрянь и дохнет в муках от бензина.*

В этот момент выдвинутая стрела пожарного крана накренилась. Стальной рычаг с люлькой рухнул на высоковольтную линию. Мачта надломилась, кабели лопнули; их концы хлестнули по воздуху и упали в воду, покрытую масляной плёнкой.

Но ничего не произошло.

Ни одной искры. Трансформаторные подстанции уже два дня стояли под водой, посёлки оставались без электричества. И всё же сама картина подсказала Кёрнеру идею. *Одной крошечной искры хватило бы, чтобы весь посёлок взлетел на воздух. Тогда эта тварь сгорит окончательно.*

Бульканье заставило его резко обернуться. На миг Кёрнер решил, что из паводка поднимутся щупальца и потянутся к нему. Но по воде плыло что-то другое.

— Верена, какого чёрта ты здесь делаешь?

— Я услышала драку у хижины.

Его дочь лежала животом на деревянном поддоне, ноги волочились в воде, руки гребли из последних сил. От крыши «Газлайт» её отделяло всего несколько метров. Кёрнер съехал по черепице к водосточному жёлобу, наклонился вперёд и подтянул к себе край поддона.

И тут увидел, как под водой к поверхности несётся что-то большое, мощное.

— Быстро!

Верена попыталась перебраться на водосточный жёлоб. Поддон накренился, и девочка сорвалась в воду. Кёрнер поймал её за запястье и грубым рывком выдернул к себе на крышу. Она

ударилась коленями о черепицу.

— Наверх, к трубе! — приказал он.

Он подталкивал её перед собой. В мокрых кроссовках Верена всё время соскальзывала, но упрямо ползла дальше на четвереньках. Кёрнер держался у неё за спиной, почти наступая ей на пятки.

Он вцепился в стальной трос, которым была закреплена спутниковая тарелка. Другой рукой подталкивал Верену к коньку. Её ноги постоянно уезжали вниз; сам он тоже каждую секунду боялся сорваться.

Трос врезался ему в ладонь.

— Быстрее!

Верена барахталась так, будто за ней гнались все черти ада. Она добралась до трубы и рухнула рядом с ней. За спиной у Кёрнера в воде раздалось чавканье, но, обернувшись, он увидел только рябь на волнах.

Лишь теперь он заметил, что крепление спутниковой антенны окончательно погнулось. Один из тросов вырвался из крепежа, и вся конструкция резко подалась вперёд. Проволока, как лезвие, рассекла Кёрнеру ладонь у основания большого пальца. Плоть разошлась, розовая рана тут же наполнилась кровью.

Зажав руку под мышкой, он с трудом поднялся на колени и на дрожащих ногах полез к Верене.

Она сидела на коньке, свернувшись калачиком, как зародыш, с закрытыми глазами. Волосы сбились в колтуны, свитер тяжело облепил тело, с него ручьями стекала вода.

Кёрнер, задыхаясь, опустился рядом с ней на черепицу. Прислонился к трубе, обнял дочь, почувствовал её тихое дыхание и здоровой рукой провёл по мокрым волосам.

— О чём ты только думала? — выдавил он.

Из-за мокрой гривы, прядями прилипшей ко лбу, Верена казалась куда взрослее, чем была на самом деле.

— Я только хотела…

И тут ему пришла в голову мысль.

— Ты всё ещё куришь?

Она изумлённо распахнула глаза.

— Нет. Я никогда не курила.

Но по её глазам он понял: врёт.

— Дай зажигалку.

— У меня нет… Что с твоей рукой?

— Верена. Зажигалку.

Она пошарила в карманах джинсов и вытащила серебристую «Зиппо», похожую на зажигалку Яны Сабриски, только тяжелее и заметно круп-

нее.

— На такую тебе разрешение как на оружие нужно.

«Зиппо» была насквозь мокрой. Кёрнер щёлкнул крышкой, вытряхнул воду и подышал внутрь, пытаясь высушить кремень. Крутанул колёсико. Дважды зажигалка только кашлянула. На третий раз вырвалось пламя. Кёрнер отпрянул.

Верена смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— С каких это пор ты сам зажигаешь огонь?

— За последние дни многое изменилось.

Он сам ещё недавно не поверил бы, что такое возможно, но за это короткое время пламя уже дважды становилось его союзником. Если повезёт, станет и в третий раз. Кёрнер прищурился и поднял лицо к ветру.

— Что ты делаешь?

— Тсс.

На мгновение ветер стих, и дрожащее пламя зажигалки выровнялось. Кёрнер присел и бросил горящую «Зиппо» низко над водой, прямо на масляную плёнку перед насосной машиной.

— Папа! — вскрикнула Верена.

— Ложись!

Он пригнул её голову и сам тоже прижался к

крыше.

Шипение и треск разошлись по воде с взрывной скоростью. Ослеплённый, Кёрнер зажмурился. Жар ударил в лицо. Пламя понеслось по поверхности, жёлтыми и синими языками побежало по волнам и взметнулось на несколько метров вверх.

Огонь вспыхнул по всей затопленной деревенской площади. Морось с шипением испарялась в раскалённом воздухе.

— Это же насосная машина! — выдохнула Верена.

— Знаю. Лежи!

В следующее мгновение машина детонировала. Подводная сила вышвырнула её из воды, подняв волну, которая ударила в стены домов. Гигантский столб пламени взвился к небу и распался чёрным грибовидным облаком дыма.

Осколки стекла градом посыпались вокруг Кёрнера в воду. Как крошечные метеориты, они падали в бушующее огненное море. Вскоре Кёрнер уже не видел ничего, кроме пламени: оно вокруг них лизало серое небо, будто горел весь посёлок — весь, кроме крыши, на которой они стояли.

— Сдохни! — взревел Кёрнер.

Министрант выяснил правду. Существо боялось огня — так же, как и он сам. И тогда ожили воспоминания детства. Проклятые кошмары снова стали явью.

От жара ему пришлось закрыть глаза, и он слишком ясно вспомнил руку матери, торчавшую из огня. Вспомнил, как она сгорала заживо и проклинала его, потому что он не хотел отпускать. Тогда его рука обгорела до самого плеча; боль стала такой невыносимой, что он, пятясь, вывалился из кухни.

Но на этот раз в огне не умрёт никто, кто ему дорог. *Не в этот раз.* Его дочь была в безопасности. Зато сегодня умрёт кое-что другое. Сотни градусов жара должны заставить существо вспыхнуть и превратить его в жалкую груду угля.

Кёрнер стоял посреди огненного моря и впервые в жизни чувствовал себя свободным. Жар высушил его мокрый свитер, и он понял, что больше не мёрзнет. Он развёл руки в стороны, сжал раненую ладонь в кулак и издал торжествующий крик.

В тот же миг из глубины с чавкающим звуком выстрелили в воздух десятки щупалец. Кёрнер отшатнулся, но они не дотянулись до него. Они отчаянно извивались в пламени, будто жадно

ловили кислород.

Верена сидела на корточках у кирпичной трубы, закрыв лицо руками и подглядывая между пальцами.

— Откуда они взялись?

Кёрнер не ответил. Заворожённый, он смотрел на бешено мечущиеся конечности. Они, словно бичи, плясали в огненном море, пока одна за другой не обугливались.

Насколько огромной должна быть эта тварь, если её щупальца дотягиваются так далеко? Ведь в Хайденхофе и Грайне не было угла, куда она не могла бы добраться.

И теперь Кёрнер снова не мог как следует разглядеть части существа: воздух вокруг щупалец дрожал от жара. Но ему казалось, что он видит корку, роговые шипы, какие-то наросты.

— Да сгорите же наконец!

В треске пламени он различил тонкий звенящий звук, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Части порождения торчали из огня, как тающие свечи. Они меняли форму, распадались на капли, а пространство вокруг них искривлялось — будто сворачивалось в воронку, в водоворот, всасывающий всё вокруг.

Кёрнер уже не чувствовал боли в руке. Мука в

голове была во много раз сильнее. Ему казалось, он переживает предсмертную агонию порождения, ощущает последние минуты гигантского существа: его накачанные хлором и кадмием щупальца лопаются, отростки горят в масле, а громадное подземное тело тонет в паводке.

Он обнял Верену, чтобы успокоить её. Поверх её головы Кёрнер неотрывно смотрел в огонь. Чёрные обугленные концы дёргались в пламени, вздымались и бессильно падали в воду, где исчезали.

Осталось только пламя. Оно, словно блуждающие огни, скользило над масляной плёнкой. В этом зрелище было что-то умиротворяющее. Оно больше не напоминало Кёрнеру о смерти матери, о древних страхах детства. Теперь оно означало смерть порождения.

Долго его взгляд блуждал по окрестностям. Лишь в нескольких местах ещё вздымались языки огня. На поверхности плавали только чёрные лоскуты, похожие на разбухшие гигантские велосипедные камеры.

Сначала Кёрнер даже не услышал стрекота. Потом поднял глаза к небу, откуда ветер нёс этот звук над посёлком.

Над затопленной местностью кружили вер-

толёты. В воздух поднялась не только Служба помощи при катастрофах: там были и дорожно-патрульные вертолёты, и машины Красного Креста, и жёлтый «Кристофорус»[6] ОАМТЦ[7].

В эту минуту в небе над Грайном, должно быть, находилось всё, что удалось поднять за такое короткое время.

[6] Примечания: 6

Прим. пер.: «Кристофорус» / Christophorus — название сети санитарно-спасательных вертолётов ÖAMTC в Австрии.

[7] Примечания: 7

Прим. пер.: ОАМТЦ / ÖAMTC — Австрийский автомобильный, мотоциклетный и туристический клуб. Организация также известна своими спасательными вертолётами.

ГЛАВА 34

Когда Кёрнер открыл глаза, перед ним была белая стена. Он попытался пошевелиться. Подушка и одеяло тихо зашелестели. Он лежал в мягкой постели, среди запаха свежего белья.

Ноги болели; каждая мышца будто гнала по нервам огонь. Всё тело казалось чужим, избитым, словно ему переломали каждую кость. Рёбра отзывались болью даже на простой вдох, но он всё же приподнялся и опёрся на локоть.

Он был в отдельной больничной палате. Дверь закрыта. В правом верхнем углу на стене висел маленький телевизор, под ним — умывальник; рядом стояли шкафчик и стул. Одежды Кёрнера нигде не было. На нём была белая хлопчатобумажная рубаха.

Свет потолочной лампы отражался в оконном стекле. За окном стояла кромешная ночь. Время от времени с улицы доносился шум машин, и тогда по стеклу скользил свет фар.

Кёрнер попытался сосредоточиться. Он не имел ни малейшего понятия, как здесь очутился. *Где Верена?*

Последнее, что он помнил, — лодки, дрейфу-

ющие по воде, и вертолёты, высвечивающие каждый угол под крышами домов. Военные машины поднимали из паводка немощных и раненых — на лебёдках, на носилках. Когда лопасти взбили воду вокруг крыши бара «Газлайт», а стрекот разросся до оглушительного грохота, прямо к ногам Кёрнера упала верёвочная лестница.

— Вы ранены?

Металлический голос из мегафона едва пробивался сквозь шум.

Во время полёта дочь сидела напротив него, между врачом и спасательницей. Когда медики заметили глубокий порез у него у основания ладони, ему тут же всадили укол в плечо. Сразу после этого он, должно быть, провалился в сон.

Теперь Кёрнер не мог пошевелить ни одним пальцем повреждённой руки. Он вытащил кисть из-под одеяла, надеясь, что она окажется целой, а всё пережитое за последние дни — лишь дурным сном. Но белая марлевая повязка, полностью скрывавшая ладонь, была настоящей.

Такой же настоящей, как схватка с тварью из грайнской шахты. Кёрнер вновь едва ускользнул от отродья патера Дорна — как когда-то в детстве, незадолго до четырнадцатилетия, когда тётя забрала его в Вену. Если судьба была милостива,

ужас на этом кончился.

С трудом он подтянулся выше. Торс стягивал корсет. Очевидно, несколько рёбер были надломлены. Каждый вдох отзывался острым уколом. Он вспомнил кулаки мясника и то, как доктор Вебер удерживал его на полу, пиная ногами.

О докторе из Грайна можно было больше не беспокоиться. Его труп плавал где-то в воде — вероятно, обугленный.

Кёрнер с усилием спустил ноги с кровати. Когда он, задыхаясь, сел на краю и поставил босые ступни на холодный пол, взгляд его упёрся в окно. Там, на фоне ночной черноты, проступало лишь собственное отражение.

Он осторожно провёл пальцами по подбородку и щекам. Щетина отросла не намного сильнее, чем за время в Грайне. *Наверное, сейчас ночь с пятницы на субботу.*

В этот момент где-то в коридоре послышался далёкий стук обуви. У самой двери звук оборвался. Приглушённый говор. Потом стих и он. Дверь открылась. Вошла медсестра лет сорока — в белом халате, с высоко заколотыми волосами и очками для чтения.

— О, вижу, вы уже очнулись. Выспались?

Сестра говорила с сильным штирийским ак-

центом. Она прошла через палату и задёрнула шторы. Пронзительный скрежет металлических колец больно резанул Кёрнера по голове.

— Где моя дочь?

Голос подвёл его. В горле стоял горький привкус, будто начиналась простуда. При каждой попытке сглотнуть шею сводило судорогой.

— Девочка, которая была с вами?

Сестра встала перед Кёрнером, мягко уложила его обратно и натянула одеяло до подбородка.

Он слабо попытался сопротивляться.

— Лежать спокойно!

Она указала на поднос на приставном столике у кровати.

Кёрнер с отвращением покосился туда. Сейчас у него не было ни малейшего аппетита — ни к апельсиновому соку, ни к безвкусному мясу с лапшой и соусом.

— Вставать вам можно только ради того, чтобы всё это съесть. Мы поняли друг друга?

Лицо у сестры стало строгое.

Кёрнер не понял, говорит она всерьёз или просто пытается подбодрить его неуклюжей шуткой.

— Моя дочь, — напомнил он.

— Девочка в тяжёлом шоке. Её положили в

другую больницу.

— Где я?

— В клинике Кайбахера.

Кёрнер широко раскрыл глаза.

— В Граце?

— А где же ещё!

Она снова кивнула на тарелку.

— Поешьте хоть немного, силы вам понадобятся. Знаю, это не слишком деликатно, но выглядите вы ужасно. Если что-то понадобится — звоните. Кнопка вызова на тумбочке.

Сестра повернулась к двери.

— Который час?

Она демонстративно обернулась к телевизору и взглянула на индикатор.

— Двадцать три тридцать, — прочла она. — Хотите посмотреть телевизор?

Кёрнер молча опустился на подушку и уставился в потолок. Сестра включила телевизор и вышла. Провожая её взглядом, он заметил у двери сотрудника криминальной полиции. Тот стоял спиной к палате. Кёрнер успел увидеть только выбритый затылок под фуражкой, потом дверь закрылась.

Телевизор подождёт.

Он скинул одеяло и снова попытался спустить

ноги с кровати. Ему во что бы то ни стало нужно было поговорить с коллегой из криминальной полиции. Верене требовалась полицейская охрана, а Вайсман, Герер, Апфлер, Штойссер, священник Сахмс и ещё горстка жителей деревни должны были оказаться под стражей до суда — прежде чем успеют договориться между собой.

Ему срочно нужен был телефон. Линия до Ютты Корен. Он должен был объяснить ей всю подоплёку дела. С среды связь с Грайном была прервана, а за это время случилось невероятно много. *Люди были в опасности.*

Когда Кёрнер, шатаясь, стоял на кафельном полу и уже сжимал в руке кнопку вызова, три слова врезались ему в слух: Грайн-ам-Гебирге. Он вздрогнул. По телевизору шли поздние новости. Внизу экрана появилась информационная строка: «Специальный выпуск из зоны бедствия на нижнеавстрийско-бургенландской границе».

Кнопка вызова выскользнула у него из пальцев. Кёрнер недоверчиво уставился на экран. Показывали Грайн и Трир, снятые с вертолёта, а поверх кадров звучал голос диктора.

— …события достигли трагической кульминации. За одну неделю Венское земельное командование жандармерии потеряло в грайнской

зоне бедствия четырёх следователей. Руководил оперативной группой сорокаоднолетний шеф-инспектор Александр Кёрнер. Именно он считается предполагаемым виновником драмы. По словам свидетелей, он не выдержал психологического давления последних расследований…

Пауза.

— Венское земельное командование жандармерии проявило необычную готовность к сотрудничеству с прессой при выяснении обстоятельств трагедии в Грайне. По результатам предварительной проверки ход событий удалось восстановить следующим образом: уже три дня назад Кёрнер зарезал фотографа криминальной полиции Эльмара Кралица, отца двоих детей. Затем из табельного оружия застрелил психолога доктора Соню Бергер.

— При бегстве из Грайна Кёрнер сбил эксперта-криминалиста Рольфа Филиппа; тот скончался на месте. Пока по всему населённому пункту шёл поиск преступника, Кёрнер продолжал оставлять за собой кровавый след. Итог ужасает: Кёрнер убил свою бывшую жену, а также местного жителя Германа Гойссера, пытавшегося помешать ему осквернить грайнское кладбище.

— Что толкнуло Кёрнера на этот акт ванда-

лизма, пока неизвестно. Смерть начальника пожарной команды Вольфганга Хека и грайнского врача доктора Конрада Вебера также числится на счету бывшего сотрудника криминальной полиции. Поводом к трёхдневному кровавому срыву, вероятно, стало отстранение Кёрнера от службы.

Сердце Кёрнера бешено заколотилось. Внутри поднялась жаркая волна. *Идиоты.* Ему срочно нужно было поговорить с Юттой Корен.

Кадры Грайна исчезли. Вместо них на экране появилась архивная фотография женщины лет под сорок — длинные каштановые волосы, лукавая улыбка, будто она вот-вот подмигнёт.

— Яна! — выдохнул Кёрнер.

Обессиленный, он опустился на кровать и не мог оторвать от экрана недоверчивого взгляда.

Диктор зашелестел бумагами. Потом продолжил:

— Судебно-медицинский эксперт доктор Яна Сабриски в настоящее время считается главной свидетельницей обвинения по делу о трагедии в Грайне. Несмотря на тяжёлое состояние, она единственная из следственной группы Кёрнера пережила покушения на убийство, направленные в том числе и против неё.

— Господи, Яна…

Рот Кёрнера приоткрылся. *Как она успела выбраться из затопленного подземелья под церковью?* Она могла спастись только в полости деревенского колодца. И теперь стала свидетельницей обвинения против него.

Но почему? Ради всего святого, почему?

Кёрнер как в трансе смотрел на экран. Фотография Сабриски исчезла; снова пошли кадры Грайна — на этот раз прорванная дамба и глинистый поток, превративший местность в гигантское озеро.

— На данный момент остаётся неясным, каким образом Кёрнер получил доступ к взрывчатым веществам. Согласно свидетельским показаниям, ему удалось с помощью дистанционного детонатора разрушить несколько сотен метров дамбы, что и вызвало чудовищную трагедию в Грайне. К настоящему времени известно, что в паводке утонули двадцать человек. Десятки числятся пропавшими без вести.

— Спасательная операция продолжается уже шесть с половиной часов, работы будут вестись всю ночь… Только что стало известно, что грайнская катастрофа унесла двадцать первую жизнь… Вернёмся к человеку, устроившему бойню. Дочь

Кёрнера пережила катастрофу с лёгкими травмами. Её также удалось освободить из-под его власти, однако она находится в состоянии шока…

— Чушь!

Кёрнер ударом ноги опрокинул приставной столик. Поднос с едой со звоном рухнул на пол.

— …по заявлению Венского земельного командования жандармерии, в ближайшие дни её передадут в Хайденхоф, под опеку бабушки и дедушки.

— Нет!

Кёрнер сжал руку в кулак. Повязка хрустнула. Сквозь марлю проступила кровь. Боль не давала ему провалиться в беспамятство. Он должен был оставаться в сознании, хотя ему казалось, что рассудок вот-вот сорвётся с последней нитки.

Тем временем снова включили студию. Диктор перелистнул бумаги и посмотрел в камеру.

— Через три дня Кёрнер должен был явиться на судебное слушание: из-за его халатности во время последнего дела были ранены двое сотрудников криминальной полиции, а предполагаемый захватчик заложников скончался в больнице от полученных травм. Теперь разбирательство в отношении Кёрнера откладывается. В настоящее

время убийца проходит психиатрическое лечение. Возвращаемся к последним сообщениям из Грайна…

Чувства Кёрнера притупились. Телевизионные кадры он видел словно сквозь серую пелену: паводок, насколько хватало глаз. С вертолёта посёлок походил на грязное озеро, из которого торчали десятки красных черепичных крыш. В мутной воде плавали лодки. Между ними Кёрнеру мерещились змеевидные бурые щупальца.

— Да вот же оно, — сдавленно выговорил он.

Неужели никто этого не видит? Причина, по которой он уничтожил весь посёлок, была очевидна.

— …сходы селевых масс осложняют спасательные работы пожарных. Из лесов грязевой поток лавиной хлынул в долину.

— Это не сели. Это отродье… оно выходит на поверхность!

Кёрнер недоверчиво уставился в экран. *Как такое возможно?* Тварь должна была утонуть в грайнских водах, сгореть в нефтяной плёнке или хотя бы сдохнуть от химикатов. Она не могла всё это пережить.

А если пережила?

Мысль была страшнее всего, что он уже видел.

Может ли эта штука вообще умереть?

Он попытался представить, к чему вели результаты вскрытия дочери Крайника, проведённого Сабриски. Под электронным микроскопом исследованная чужеродная ткань дала странную картину. Обрывки мяса, частицы кожи, хряща и следы крови обладали собственной автономностью. В норме распад уже должен был начаться, но происходило обратное.

Во всех фрагментах наблюдалось усиленное деление клеток; ткань активировалась сама, нервы реагировали на внешние раздражители. Ткань не была мертва. Она продолжала жить — сама по себе.

А что, если существо не погибло?

Эта мысль едва не свела его с ума.

Некоторое время Кёрнер одурело смотрел сквозь экран. Специальный выпуск из Грайна давно закончился, вместо него шла реклама, но глаза уже не воспринимали телевизор.

В какую преисподнюю он попал? Кто эти кукловоды, назначившие его виновным?

Только звук открывающейся двери вернул его в реальность.

Да и была ли это реальность — или он всё ещё блуждал внутри безумного сна? Кёрнер поднял

глаза. На этот раз вошла не сестра, а двое врачей в халатах.

Старший, с густой бородой, нахмуренным лбом и серьёзным лицом, указал на своего молодого коллегу.

— Доктор Пиррер из Кремсской травматологической клиники, — буркнул он. — Я доктор Черни. Как вы себя чувствуете?

Младший врач сперва посмотрел на валявшийся на полу поднос, затем взял медицинскую карту у изножья кровати и бегло просмотрел запись.

— Кремс, — прошептал Кёрнер.

Память словно выворачивалась у него наизнанку.

— Семь лет назад в Кремсе были такие же случаи, как в Грайне…

Он вспомнил материалы дела, к которым прокурор Хаузер отказался дать ему доступ.

— События в Грайне засекретят так же, как и Кремс, верно? Правду скроют. Её ни в коем случае нельзя выпустить наружу. Так?

Кёрнер уставился на врачей. И вдруг понял, что именно сказал. Это было единственное правдоподобное объяснение. Только так всё и могло быть: Кремс, 1996-й; Гмунден, 1999-й. Там тоже находили четырнадцатилетних с разорван-

ным позвоночником — почти как в этом году в Грайне.

Уже тогда Филипп вёл расследование, Базедов делал снимки. Наверняка и в тех местах были железные конструкции с лебёдками и кожаными ремнями — где-нибудь, спрятанные в домах. Наверняка и там под землёй стояли машины.

Конечно, и там жили люди с нарушениями осанки, больным позвоночником и хроническими головными болями. И, без сомнения, там тоже носили пластыри на спине.

Кёрнер вспомнил слова Вайсмана о репортёрше из «Рундшау», которая в психиатрической больнице перерезала себе вены. *Мы немного помогли — у нас тоже есть связи.*

Конечно, у них были связи. Обширные, прочные связи. Сеть лжи тянулась куда дальше, чем Кёрнер когда-либо мог вообразить. От этой мысли всё вокруг пошло кругом. Только теперь он понял, какую бездну вскрыл.

— У тех жертв тоже был рак костного мозга, верно?

Оба врача переглянулись. Кёрнер заметил это: на миг их зрачки изменились, стали кошачьими. При виде этого кровь застыла у него в жилах.

Врачи стояли слишком близко к стене. *Навер-*

няка и здесь оно тоже было — прямо за ними, спрятанное в розетках, за скамьями, обоями, картинами, зеркалами. Не только в Грайне. Оно жило ещё во множестве других мест…

Эпилог
Камера

Было пять часов утра. Уже третью ночь Кёрнер босиком мерил шагами камеру без окон. Пластиковый пол холодил ступни; холодом тянуло и от белых ПВХ-плиток, которыми помещение было облицовано до самого потолка.

По диагонали камера едва достигала трёх метров — большего пространства ему не оставили. И вот уже несколько дней всё повторялось: четыре шага вперёд, поворот вокруг рисунков масляными мелками, лежавших на полу, и четыре шага назад.

Посреди комнаты стояла бутылка с соком, рядом — поднос с мясным бульоном и картофельным пюре. Бульон давно остыл и засох.

Запах еды уже давно смешался с тяжёлым духом судна, стоявшего в углу рядом с туалетной бумагой и мочеприёмником, наполовину полным мочи. Даже вентиляционная решётка, врезанная в потолок, ничего не меняла. Да эти идиоты наверняка прикрутили к стене обычный муляж: в камере становилось всё затхлее.

Зачем всё это? Он знал. *Им ведь надо где-то прятать свои камеры.*

На нём уже несколько дней была одна и та же казённая больничная одежда: хлопчатобумажные штаны и пропотевшая рубашка. Рубашка больше не застёгивалась — пуговицы он оторвал, чтобы жевать их.

Ему нужна была слюна, чтобы не заснуть: он скорее откусит себе язык, чем выпьет сок из пластиковой бутылки. Сначала они слишком уж явно накапали в воду пятьдесят, а скорее даже девяносто капель жидкого валиума, чтобы его сморило. Резкий спиртовой запах он уловил сразу.

Даже в соке, который вчера поставили ему в камеру, он распознал горький, мерзкий привкус. *До чего же они изощрённы!* Но он был умнее.

Язык прилипал к нёбу. Он жевал рубашечную пуговицу, сглатывал и, переставляя ноги, брёл дальше.

На ходу он вслушивался в каждый звук за стенами. Смех. Шёпот. Психиатрическая клиника, должно быть, была многоэтажной, а его камера находилась ровно посередине.

Он слышал тихое хихиканье за стеной, скрежет по плитке, шарканье носков, бормотание других обитателей, когда те разговаривали сами

с собой.

Неужели их постигла та же участь, что и его? Едва ли. Он не мог представить, что пережитое им могло повториться… *А если всё-таки могло?*

Приложить ухо к стене и попытаться узнать больше было бы слишком опасно. Он не дурак. Поэтому он держался середины камеры — оттуда можно было следить за стенами и оставаться настороже.

На шее у него висел потрескавшийся чёрный кожаный шнурок, пахнувший землёй, кровью и потом. Подвешенную к нему пулю он всё время перекатывал между пальцами. Когда-то этот снаряд пробил грудь человека, которого он никогда не знал, и застрял у того в позвоночнике.

Это было единственное, что осталось у него на память о Грайне; всё остальное он оставил в деревне. Снова и снова он брал деформированную свинцовую пулю в ладонь, ощупывал шероховатые края, перекатывал её между пальцами, пока она не становилась тёплой.

Он не выпускал талисман из рук. Прежде он не верил в магию — не верил, что предмет, однажды уже принёсший смерть, потом может от неё защитить. Теперь верил. Талисман спас ему жизнь. И всё же удача была ему нужна снова, отчаянно:

положение его почти не изменилось.

Шаги.

Он резко обернулся. Снаружи по плиточному полу кто-то шёл. Это была женщина: он слышал шорох юбки, лёгкий скрип креповых подошв.

У его двери звуки смолкли. Заслонка смотрового глазка отъехала в сторону, за стеклом появился глаз. На мгновение он различил длинные женские ресницы. Она снова наблюдала за ним.

Он мог угадать её мысли. *Почему он всё ещё не спит?* Да, почему же? Вот уже несколько дней он судорожно заставлял себя бодрствовать.

Те, кто знал причину, понимали: он не сдастся. Ужасы, ожидавшие его во сне, были куда страшнее боли, которую он причинял себе, чтобы не уснуть. А те, кто не знал правды, видели её в выражении его покрасневших, обезумевших от страха глаз.

Что, во имя всего святого, произошло с ним в том месте? Если бы они могли поверить хотя бы в малую часть!

Он боролся с изнеможением. Нельзя садиться на пол. Нельзя отдыхать. Нельзя закрывать глаза — даже на мгновение. И ни при каких обстоятельствах нельзя подходить слишком близко ни к одной из стен.

Стоит ему хотя бы на секунду прислониться к стене — и он проиграл. Единственный шанс — держаться середины комнаты, всё время двигаться и не спать.

Он снова процарапал шершавым краем свинцовой пули зарубку на предплечье. Рана наполнилась свежей кровью. Адреналин хлынул по телу; боль удержала его на поверхности.

Сегодня это был уже пятый порез, хотя день начался всего несколько часов назад. Зарубки, оставшиеся с прошлой ночи, покрылись коркой; свернувшаяся кровь потемнела.

С ужасом он понял, что порезы требуются всё чаще, чтобы не провалиться в сон. На его теле они походили на руны… тридцать две штуки.

Смотровое отверстие снова открылось. На этот раз откинулась и нижняя заслонка; по полу в камеру вдвинули поднос со свежей едой.

Он не притронулся ни к пище, ни к бутылке. Наверняка они подмешали снотворное в картофельное пюре или растворили его в напитке. Чтобы убедиться, он понюхал сок.

На этот раз из бутылки не ударил едкий запах спирта. Они тоже становились умнее. Разумеется, они добавили в сок несколько капель Цисординола — без запаха и вкуса, — чтобы подавить его

сопротивление и ускорить засыпание.

Он снова стал жевать пуговицу, собирая во рту слюну. Пусть губы уже растрескались, он не поддастся. Не сделает ни глотка. Он должен оставаться бодрым. Должен сохранить ясность.

Нижняя заслонка захлопнулась. В глазке опять показался тот самый глаз с длинными ресницами. Зрачок с любопытством изучал его.

Он слишком хорошо угадывал вопросы, отражавшиеся в радужке. Всё те же жадные вопросы: почему он уничтожил машину, как выглядел механизм, видел ли он Иудин реликварий и что в нём скрывалось.

Он не знал. Он больше не мог этого вспомнить. Чистое самосохранение. Разум перекрыл доступ к воспоминаниям, вытеснил пережитое.

К тому же он и не хотел вспоминать, через что прошёл за последние дни. Хотел вытеснить это. Забыть всё… будто это случилось с кем-то другим.

В глазах женщины ясно читался вопрос: *чего он боится?*

Правда заключалась в том, что он боялся всего. Слишком многие были в это втянуты. Почти все, кто сейчас находился вокруг него, знали.

Возможно, грайнская тварь целиком сгорела в

разлитой нефти, но были другие — куда крупнее, куда могущественнее.

Твари были здесь. Они жили, существовали повсюду вокруг него. Чуяли его, ползали вверх и вниз в стенах, таились во мраке и ждали того самого мгновения, когда он закроет глаза.

Он вспомнил смятый рисунок репортёрши, распахнутые глаза девочки, железную раму с блоками. На бумаге, которую ему давали, он рисовал похожие картины — торопливые каракули масляными мелками.

Теперь он знал правду… Даже алтарник не понял всего масштаба трагедии. В Грайне была построена не единственная такая машина. Машин было несколько, и все они приводили в этот мир чужеродных существ.

Существа дремали в земле. Отродье Чёрной Козы было повсюду; её Тысяча Детёнышей расползалась по стране, как зараза, и время от времени случались происшествия, которые потом заминали.

На мгновение его глаза закрылись, но уже в следующий миг он снова встрепенулся. Ноги едва не подкосились. Каждой клеткой тела он знал: конец близок.

Долго он не продержится. Он смертельно устал

и скоро рухнет. Следующая волна накрыла его: руки затряслись, на лбу выступил холодный пот.

Но он знал: если сядет, всё будет кончено. Его заставят замолчать, и правда будет похоронена окончательно.

Пока его держали в этой камере, как животное, его дочь, возможно, уже жила у родственников в Грайне. Сегодня ей исполнилось четырнадцать. Теперь, наверное, было уже шесть утра.

Через несколько часов ей наденут на запястья кожаные ремни и привяжут к железной раме. Через несколько часов ей введут двенадцать миллиграммов валиума — от боли.

Не деревенский врач: тот мёртв. Кто-нибудь другой. Она была ещё так юна — всего четырнадцать, тело такое хрупкое. Она ведь ещё ребёнок. Слишком маленькая, чтобы вынести видения тварей и не лишиться рассудка.

Зачем они с ней так?

Он закричал, забился, заорал так, будто из него вырывали душу. Кулаки колотили в дверь, пока марлевые бинты на перевязанной руке не пропитались кровью и не оставили на поверхности липкие следы.

Он знал: иногда зло побеждает.

Шатаясь от изнеможения, он метнулся через

комнату, рухнул на четвереньки и забился в угол. И вдруг что-то изменилось: эта поза была такой непривычной.

В один короткий миг ясности он ещё успел подумать, что, прежде чем заснуть здесь, в углу, должен острым краем свинцовой пули нанести себе последнюю рану — вскрыть вены вдоль запястья.

Он приставил край к руке, но талисман выскользнул из ослабевших пальцев. Веки задрожали. Глаза закрылись.

Его спина упиралась в стену.

В стене что-то шевельнулось.

КОНЕЦ КНИГИ

ОБ АВТОРЕ

Андреас Грубер — австрийский писатель, работающий в жанрах криминального и психологического триллера, хоррора и фантастики. Его романы строятся вокруг расследований, в которых несколько преступлений постепенно складываются в единую систему. Автор часто использует параллельные сюжетные линии, ограничение по времени, смену городов и героев с разными методами работы.

Самый известный цикл Грубера посвящён нидерландскому профайлеру Маартену С. Снейдеру и сотруднице полиции Сабине Немез. Серия начинается романом «Смерть с уведомлением». Снейдер анализирует поведение преступников, нарушает служебные правила и конфликтует с окружающими; Немез проходит путь от молодой полицейской до самостоятельного следователя. Каждая книга предлагает отдельное дело, но отношения героев и последствия прежних расследований развиваются на протяжении всего цикла.

В серии о Вальтере Пуласки лейпцигский

комиссар сопоставляет преступления, совершённые в разных местах и на первый взгляд не связанные между собой. Романы о страховом детективе Петере Хогарте соединяют частное расследование, семейные тайны и события прошлого. Грубер также пишет хоррор, фантастику и подростковые циклы «Код “Генезис”» и «Последний рубеж обороны», где детективная интрига сочетается с экспедициями, технологиями и шпионским сюжетом.

БИБЛИОГРАФИЯ

2005 — Der Judas-Schrein (Ковчег Иуды)

2007 — Die Schwarze Dame (Чёрная дама) — серия Питер Хогарт #1

2008 — Das Eulentor (Совиные врата)

2008 — Die Engelsmühle (Ангельская мельница) — серия Питер Хогарт #2

2011 — Rachesommer (Лето возмездия) — серия Вальтер Пуласки #1

2012 — Todesfrist (Смерть с уведомлением) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #1

2015 — Racheherbst (Осень возмездия) — серия Вальтер Пуласки #2

2015 — Todesurteil (Смертный приговор) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #2

2016 — Todesmärchen (Сказка о смерти) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #3

2017 — Todesreigen (Смертельный хоровод) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #4

2018 — Rachewinter (Зима возмездия) — серия Вальтер Пуласки #3

2019 — Todesmal (Метка смерти) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #5

2020 — Herzgrab (Сердечная Могила) — серия Сердце #1

2020 — Die Knochennadel (Костяная игла) — серия Питер Хогарт #3

2021 — Todesschmerz (Смертельная боль) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #6

2022 — Todesrache (Смертельная месть) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #7

2023 — Rachefrühling (Весна возмездия) — серия Вальтер Пуласки #4

2025 — Herzfluch (Сердечное проклятие) — серия Сердце #2

2026 — Todesspur (След смерти) — серия Маартен С. Снейдер и Сабина Немез #8